

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ВСЕУКРАИНСКОЙ КОМИС-
СИИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРСКОЙ РЕ-
ВОЛЮЦИИ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

№ 1

ХАРКІВ
ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
1922

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Курнал Комиссии по изучению Истории
Октябрьской Революции и Коммунисти-
ческой Партии (большеви́ков) Украины

№ 1

К ПЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

Харьков—1922

Х А Р Ъ К О В,
Вторая Государственная тип., Гончаровский бульв., 6—2
1922

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр.

ОТДЕЛ I. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ.

1. От Истпарта	5— 6
2. Центральная Рада и Киевский Совет в 1917—18 году. А. Иванов	9— 15
3. Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 г. до декабря 1918 г. Н. Попов.	16— 34
4. Октябрьская революция в Харькове. С. Буздалин.	35— 38
5. Октябрьские дни в Киеве. И. Кулик.	39— 43
6. Организация и борьба Красной Гвардии в Харькове. С. Покко.	44— 48
7. Октябрьская революция в Донбассе. Эд. Медне.	49— 54
8. Из истории борьбы в Донбассе в октябрьские дни. Е. Холмская.	55— 58
9. Очерк из октябрьской революции в Донбассе. Г. Петровский.	59— 62
10. Екатеринославский Совет и октябрьская революция. Э. Квининг.	63— 73
11. Февраль-декабрь 1917 года в Екатеринославе. М. Равич- Черкасский	74— 80
12. Борьба сил в октябрьскую революцию в Николаеве. Я. Ряппо.	81—103
13. Парторганизация и октябрьский переворот в г. Николаеве. И. Каган.	104—106
14. Восстание николаевского пролетариата против немцев. Анфиса Ряппо	107—123
15. Первые бои луганских рабочих (1918 года). И. Межлаук. . .	124—125
16. Октябрьская революция на Полтавщине. Сергей Мазлах. . .	126—142
17. Октябрьская революция в Черниговщине. З. Табаков. . .	143—170
18. Румчерод в подготовке октябрьской революции. Христов.	171—183
19. Парторганизация и октябрьский переворот в Елисаветграде. С. Волкац	184—193
20. Воспоминания о революционной борьбе в Елисаветграде 1917—19 г.г. Коломиец	194—201
21. О революционных событиях в Волынской губ. 1917—19 г. М. Гендлер	202—205

ОТДЕЛ II. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

Стр.

22. Рачковский. Ник. Бух.	208—215
23. «Биография» т. Крыленко Н. В. (По материалам канцелярии харьковского губернатора). М. Иванов.	216—223
24. Провокация «социалистической» юстиции. М. Макотинский.	224—226

ОТДЕЛ III. ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ.

25. Памяти Г. И. Чудновского. Д. Мануильский.	229—233

ОТДЕЛ IV. ВОКРУГ ИСПАРТА.

26. Циркуляры и письма	236—239
27. Хроника бюро Истпарта.	240—241
28. Евгений Эдельштейн. (Воспоминания о его жизни и работе).
Н. Тарногородский	242—246
29. Положение о комиссии при ВУЦИК-е по истории украинской революции и коммунистической партии	247—248

От Истпарта

Комиссия по Истории Октябрьской Революции и Коммунистической Партии на Украине, выпуская первый номер своего журнала, сознает, что недостатки первого номера, безусловно, велики.

Октябрь на Украине в настоящем смысле слова не было. Украина, в отличие от России, представляла собой за время революции такой калейдоскоп властей, такую кровавую арену гражданской войны, такое непрерывное истребление и разрушение архивов и памятников революции и периодических печатных революционных изданий, так часто прерывавшуюся и возобновлявшуюся работу по скоплению, собиранию, извлечению и систематизации материалов, что двух последних лет непрерывной власти Советов на Украине оказалось недостаточно, чтобы создать единый прочный центр для большой, во всеукраинском масштабе, работы по истории революции и нашей партии.

Места работают по собственной инициативе и не без успеха, но едва-ли плоды их работы дадут в результате что-нибудь действительно значительное и исторически важное.

Работа как центральной, так и губернских бюро комиссий по Истпарту заключается не в том только, чтоб раскопать те или иные документы и материалы или нагромождать беллетристику о событиях недавнего и давнего прошлого нашего революционного движения. Ее цель в том, чтобы централизовать работу, чтобы создать тот единый могучий центр, который взял-бы на себя всю тяжесть работы по комбинированию огромного материала, по выделению самого важного из него, по установлению всей исторической правды о событиях.

Враги революции не дремлют. Посмотрите, как велики труды мировой и прежде всего нашей «отечественной» буржуазии по созданию истории нашей революции. Можно сказать, что на одном русском языке за-границей написано и выпущено буржуазными и бело-меньшевистско-эсеровскими писателями по истории нашей партии и нашей революции в сто раз больше, чем это сделали мы, и центр, и места, и Москва, и Петроград, и вся Украина. Сколько лжи и отравленной ядом клеветы сообщают наши враги для «будущего историка революции»! А «литературы» на всех языках и не перечесть!

Вот почему работа на местах важна постольку, поскольку она дает возможность центру этот материал, строго обработанный, противопоставить материалу извращенному, эмигрантско-буржуазного изделия и работе по сообщению материалов должно быть уделено как можно больше внимания.

Но революционная работа пролетариата на Украине имеет обширную историю, разумеется, и до 17 года. Вот почему мы считаем, что в нашем журнале должна освещаться работа украинских организаций и в прошлом, до 1917 года.

Будем надеяться, что товарищи проникнутся всей важностью вопроса и дружно откликнутся на местах, посылая как воспоминания, так и материалы, что наша «Летопись Революции» делается, действительно, центральным органом разрозненных сил по установлению правды, великой правды о нашей великой, истинно великой революции и могучей рабочей партии.

ОТДЕЛ I

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
НА УКРАИНЕ

Центральная Рада и Киевский Совет в 1917—18 году.

Начало февральской Революции застало меня в Киевском арсенале. Первые сведения были получены через меньшевиков, работавших в военно-промышленном Комитете. Телеграммы, полученные из Питера, о начавшемся движении, показывались из-под полы с какой-то боязнью. Как только такая листовка попала к нам в руки, а в арсенале была группочка небольшая большевиков, то мы сейчас же подняли гам, созвали Общее Собрание и начали выборы в Совет Рабочих Депутатов. 29-го марта по всему городу прошла волна, и вечером собрался Совет. В тот же день были выпущены арестованные, и группа наших товарищей большевиков из подпольного Комитета явились прямо в Совет. Состав Совета был меньшевистско-эсеровским, потому что от всех заводов избирали большей частью тех, которые были уполномоченными в военно-промышленном Комитете или работали в Кооперации, где они имели свою базу. С первых же дней началась борьба в Совете. Мы имели в Совете небольшую группочку, человек 40—50, но довольно сплоченную. Меньшевики и эс-эры повели работу под лозунгом: «Война до победного конца», а наш Комитет, который сконструировался из товарищей: Савельева-Петрова, Исаака Крейцберга, Майорова, Доры Идкин, Ластовского и др., выпустил листовку: «Война войне». Поднялась бешеная травля. Заседания Исполкома проходили с утра до вечера, но ничего конкретного не решили. Мы поставили вопрос—разоружить всю старую полицию. М-ки и с-р не решились этого сделать, говоря, что нельзя так резко действовать. С большими усилиями и скандалом удалось добиться убрать некоторых приставов и арестовать генерала Медера, коменданта города. (Комендантом был назначен полковник Оберучев, считавший себя с.-р.) а Начальником Милиции—с.-р. Зарудный, и дальше не пошли. (На солдатскую массу не хотели обращать никакого внимания. Совет Солдатских Депутатов был избран самостоятельный,) в него вошло много офицерства, перекрасившегося в красный цвет. Мы требовали единого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но на это м-ки и с.-р. не пошли, и (в Киеве создалось два Совета.) (Солдатский Совет подпал под влияние офицеров, в Исполкоме было только два солдата, да и то вольноопределяющиеся, а остальные—вся офицерня. Мы часто требовали пойти выступить на Совете Солдатских Депутатов, но это удавалось редко, или не пускали, говоря, что они решают чисто военные дела, или не давали слова. Наш Комитет решил вести борьбу против оборонцев с низов. Все силы были направлены на заводы для работы в заводских Комитетах, а также в Солдатских Комитетах.

Киевский Совет вел работу агитации поддержки Временного Правительства, а наши товарищи указывали, что это Правительство никогда не окончит войны и будет выполнять все царские договоры, заключенные с Англией и Францией. Мы требовали опубликования договоров. После знаменитого выступления Гучкова симпатии рабочих все больше склонялись на сторону нашей партии. Во время празднования 1-го мая появилось уже много знамен на манифестации с лозунгом: «Власть Советам», «Долой войну». Вся работа велась исключительно в городе, в деревне никакой не велось работы из-за отсутствия сил. Деревня была предоставлена Центральной Раде, которая создавалась по национальному принципу и занималась организацией сельских Спилков. Созываются Селянские Съезды, Войсковые Съезды из украинских частей, которые выбирали своих представителей в Раду. Вокруг Рады группируются зажиточные круги села и все украинские культурно-просветительные учреждения и Кооперация. В состав Рады входили все социалистические партии, за исключением большевиков. Рада выпускает в июне месяце «Универсал», который говорит, что украинский центр может устанавливать свои порядки на Украине, не отделяясь от России, исполняя все приказы Временного Правительства, касающиеся всей Республики. Это подняло страшный переполох в рядах правительства Керенского, а также среди меньшевиков и с.-р., боявшихся, что Рада может действовать сепаратно и заключить мир. М-ки, с.-р. считали, что это есть раскол демократии, и Керенский боялся, что сепаратные действия Рады сорвут подготовку к тому знаменитому наступлению, которое он готовил. В Киев приезжал сам Керенский, Церетелли, Некрасов и пошли на некоторые уступки, признав право за Украиной свободного национального развития. Вопрос же об окончательном решении вопроса об автономном управлении решит Всероссийское Учредительное Собрание. На этом они временно успокоились и опять обрушились всеми силами на большевиков, оставив Раду в стороне. Наши силы все увеличивались. В Совете при перевыборах фракция увеличивалась, но основная работа велась на заводах и в Союзах. В Союзах работали т.т. Рафаил Фарбман, Саша Горвиц и ряд других товарищей. Союзы были в наших руках. В Комитете руководящую роль играл т. Юрий Пятаков и Е. Б. Бош. Против Пятакова велась травля, что он сахарозаводчик, но это не помогало. Симпатии рабочих все больше склонялись на нашу сторону. Во время манифестации 17-го июня большинство знамен было с лозунгом: «Долой войну! Долой Временное Правительство! Власть Советам». К этому времени хотя Совет был меньшевистско-эсеровский, на заводах было почти в большинстве обеспечено влияние нашей партии. После июльских событий в Петрограде м-ки и с.-р. выступили со всей грязной клеветой о предательской роли большевиков, как агентов Германии, сфабрикованной правительством Керенского. Рабочие Киева на провокацию не поддались и везде принимали резолюции: «Долой Временное Правительство». Когда в августе было назначено знаменитое Демократическое Собрание в Москве, наш Комитет решил провести однодневную стачку протеста против соглашательства с буржуазией. Киевский Совет выпустил ряд воззваний, призывающих к спокойствию и поддержке Временного Пра-

вительства и всюду разослал своих людей, но это не помогло. Завкомы и профсоюзы были на стороне нашей партии, и стачка была проведена абсолютным большинством киевского пролетариата под лозунгом протеста против соглашателей и требованием власти Советам. Почва из-под ног соглашателей уходила, и мы к началу октября имели уже свое большинство в Совете. К моменту Октябрьских дней Юрий Пятаков был избран Председателем Совета. В Совете же Солдатских Депутатов никакого большинства не было. 25 октября организованный Военно-Революционный Комитет дал приказ подготовиться, и рабочие заводов начали вооружаться, кто чем мог. 26 октября весь Комитет во главе с Пятаковым был арестован во дворце, где помещался наш Ревком. Уцелел только я, случайно, так как после митинга в арсенале, куда меня направили, у меня пошла кровь горлом, и рабочие отправили меня на квартиру. Этой же ночью ко мне прибежали арсенальцы в 4 часа утра и сообщили, что наш Комитет весь арестован. Мы моментально собрались, созвали совещание из представителей заводов и воинских частей и стали решать, как быть. Центром был Киевский арсенал и те части, которые были на Печерске: Авиационный парк, Почтовый батальон, 152 Дружина. На этом совещании были представители и украинских частей. Было решено выступить в тот же день в 5 часов вечера по сигналу аэроплана, который должен появиться. Связались с тяжелым дивизионом, стоявшим за Днепром. В 5 часов вечера сигнал был дан, и выступление началось, но выступил только Печерск и отдельные заводы других районов, которые начали переправлять свои отряды на Печерск. Часть уцелевшей нашей руководящей публики, в том числе и тов. Затонский, организовала Штаб в городе и присылала к нам подкрепление и пищу. Печерск был отрезан со всех сторон юнкерами и чехо-словаками. Украинские части не выступили, Рада вела предательскую политику. Наш Ревком, созданный из меня, т. Карпенко и т. Богданова, от авиационного парка находился в страшно тяжелом положении. Кадр людей увеличивался, пробирались отдельные группы рабочих, стекались больные из госпиталей, и все горело жаждой борьбы, требовали оружия. Оружия не было, не было патронов, на человека выдавали по 5 патронов с предупреждением, зря не стрелять. Достать было неоткуда: все пути были отрезаны юнкерами. Противник открыл убийственный огонь со всех сторон из пулеметов и орудий, а нам приходилось отмалчиваться. 28 октября часть юнкеров по Александровской улице пошла в наступление, мы подпустили их и потом открыли огонь, юнкера в панике отступили, вывели из строя около 80-ти человек юнкеров. Наше положение создавалось пиковое: помощи ниоткуда не было и стрелять нечем. Я пробрался в город, пошел в Генеральный Секретариат Центральной Рады и поставил им вопрос, почему они удерживают свои части. Мне Порш заявил, что они стягивают силы, так как с этими силами боятся выступить, потому что Киевскому Штабу Керенского идут подкрепления. Видно было, что они что-то крутят. Тогда мы послали своих людей прямо в украинские части и кое-что удалось сделать. Отдельные группы начали прибывать в арсенал самостоятельно. Вечером я пробрался в Городскую Думу, там с.-р. читали телеграммы, что Петроград занят Керенским и

мятеж ликвидирован. Я взял слово и заявил, что это ложь, требовал освобождения арестованных, иначе мы откроем артиллерийский огонь по городу. М-ки страшно перетрусили, не подозревая, что у нас нет снарядов и начали уговаривать не проливать крови мирного населения, заявляя, что тов. Пятаков и другие не хотят сами выходить, боясь самосуда. Тогда я потребовал свидания с арестованными. Григорьев, Комиссар Штаба Юго-Западного фронта, сейчас же дал мне разрешение, и я отправился в Штаб. В Штабе увидел хаос и панику. Офицерня и юнкера почти поголовно были пьяны. Начались крики повесить меня на фонарном столбе, но дальше криков не шли. Я им заявил, что если они посмеют меня задержать, то через десять минут от Штаба будут щепки, и это их успокоило. Генерал Трегубов встретил очень вежливо, когда я ему заявил, что я являюсь представителем восставших рабочих и требую свидания с тов. Пятаковым. Немедленно был вызван Юрий, и я, перебросившись тремя фразами, так как присутствовал при разговоре прокурор, понял, что надо действовать. Придя обратно в Думу, где шли дебаты, как уладить дело, я заявил требование освободить арестованных. Была создана Комиссия из представителей Думы, Центральной Рады, Штаба, и в эту Комиссию должен был войти я, для предъявления своих требований. Утром 29-го, в 5 часов, явились в арсенал и Ревком делегаты от юнкеров и чехо-словаков заключить перемирие до решения Комиссии. Мы решили перемирие заключить, в надежде за это время добыть патроны и снаряды. Перемирие было заключено. Блокада была снята, и мы, воспользовавшись этим, сумели подвести полтора миллиона патронов и 750 снарядов. На заседании Комиссии сразу же я поставил вопрос освободить арестованных, но представители м-ков, с.-ров и Рады отодвинули этот вопрос на конец, а начали договариваться о взаимоотношениях Рады с правительством Керенского. Разговоры затянулись до вечера, и мы не могли предпринять решительных действий, так как боялись открыть оружейный огонь по Штабу, потому что там были все наши ответственные товарищи, которые могли погибнуть. Надо было их вырвать. Вечером, видя, что все разговоры ни к чему не приведут, мы пошли на хитрость. Зная трусость меньшевиков, я сговорился с товарищами, чтобы сделать вылазку, пробраться на улицы, расположенные близ Штаба, и открыть пальбу, что и было сделано. Как только послышалась ружейная трескотня, то все совещание переполошилось, крича «кровь, кровь полилась». Я тогда заявил, что если арестованные будут освобождены, то бой сейчас же будет прекращен. Комиссар Григорьев дал слово освободить через 10 минут, если прекратится кровопролитие. Я сообщил своим ребятам, и они быстро отступили на указанные места. Арестованные были приведены во дворец. Посоветовавшись с тов. Пятаковым, вся публика направилась в арсенал, а я остался на Совещании. Придя в комнату, где происходило совещание, я застал м-ков, с.-ров., представителей Штаба за теми же разговорами о взаимоотношениях Рады с правительством Керенского. Я попросил слово для внеочередного заявления и сказал, что по постановлению Революционного Комитета мы даем полчаса сроку на размышления, после чего Штаб должен сдать или будет дан приказ бить по Штабу из всех орудий. Это

заявление произвело действие разрывающейся бомбы. Все повскакали с мест с криками, что это предательство, что мы ждали только освобождения арестованных, что они все объединятся и сотрут нас в порошок, то же самое заявили и представители Ц. Рады. Я им ответил, что угрозы мы не боимся и померяемся силами оружия. Совещание прервали, разошлись по своим фракциям. Поднялась невообразимая кутерьма. Я сообщил в Ревком подготовиться к действиям. Через 15 минут пришло сообщение, что Штаб снялся и выехал из Киева, взять его не удалось, а также и помешать его отступлению, так как в других частях города не было наших сил, а войска Рады не принимали участия, благодаря предательству последней, выявившей себя вполне враждебной к Советам. Власть как будто перешла в Советы, но не было реальной силы, чтобы ее удержать. Был создан Военно-Революционный Комитет для организации и руководства воинскими частями во главе с т. Леонидом Пятаковым, братом Юрия, которого потом зверски убили радовцы. Реальная воинская сила была в руках Рады, так как у них в Киеве было стянуто до 18.000 войск, а у нас была горсточка. Совет Солдатских Депутатов был не наш и высказался против власти Советов, до решения Учредительного Собрания. Рада в первые дни вела себя двойственно и не давала определенных ответов, говоря, что они не против Советов, но только надо выработать вопрос о центральной власти Украины. Мы не могли сразу же перейти в наступление против Рады, так как украинские части были настроены националистически и поддерживали целиком Раду. Надо было начать их разлагать. Ревком издал приказ о создании Комитета солдатских депутатов и выбросить офицеров. Рада всполошилась и перешла в наступление. В первых числах ноября, по приказу Рады, ночью было сделано нападение на Авиационный парк, понтонный батальон и другие части, принимавшие участие в борьбе за советскую власть. Части были застигнуты врасплох, обезоружены и, посаженные в вагоны, насильно были вывезены из Украины. Был сделан налет на арсенал с целью разоружить, но им сделать целиком не удалось. Рабочие отстояли. Когда мы обратились с запросом, то Винниченко ответил, что это недоразумение, что они не думают вести борьбы против рабочих и их Советов, а войска выслали, потому что они российские и на Украине хватит своих войск. Положение все более обострялось. Мы не могли решительно выступить. Не было сил. Угар националистический был слишком силен, даже был и среди некоторой части рабочих. Нужна была подготовка. Комитет решил созвать Всеукраинский С'езд Советов на 3-е декабря. Рада приняла все меры к созыву этого С'езда. Созвали представителей крестьянских Спиллок, кооперации, воинских частей, накаченных ею националистически. Все они требовали мандатов на С'езд. Всего с'ехалось до 3.000 чел. и, конечно, голос наших делегатов был заглушен ревом этой контр-революционной кулацкой стихии. Нашим делегатам не давали говорить, крики «Ганьба!—Геть с Украины! москали!» и прочее заставили наших делегатов, представителей Советов, покинуть с протестом их С'езд и перенести его в Харьков. Вся эта Радовская братия разгулялась во всю. Начали громить профсоюзы, редакции наших газет и избивать коммунистов, арестовывали целые Исполкомы и высылали из Укра-

ины. Я, как председатель Киевского Совета, пошел к Винниченко и поставил ему прямо вопрос, есть ли это открытый вызов. Винниченко сначала отвертывался от прямого ответа, но прижатый к стенке, заявил, что большевики обижают украинцев в Могилеве и других местах, и что мы только защищаемся. Тогда я ему заявил, что мы принимаем вызов и больше никаких с ними переговоров не ведем. В это время была получена нота Совета Народных Комиссаров РСФСР с требованием не пропускать казаков на Дон. Рада, конечно, на это не пошла, и вопрос стал о военных действиях между Советской Властью РСФСР и Радой. События начали разворачиваться со всей быстротой. В Харькове был избран 1-й Всеукраинский Центр Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, представляющий власть трудящихся на Украине, об'явивший борьбу кулацкой Раде. Ц. Рада, имея свою резиденцию в Киеве, начала стягивать свои силы вокруг Киева, началось наступление на киевских рабочих. Киевский Совет существовал полулегально. Началась слежка за ответственными большевиками, и 25 декабря был схвачен на квартире Леонид Пятаков и увезен (Юрий Пятаков был в это время уже в Москве), а также и за другими работниками, приходилось менять квартиры. В 20-х числах декабря Нач. Киевского арсенала получил приказ вывезти все готовые орудия из арсенала, даже и не покрашенные, на военные склады. Рабочие отказались грузить, известив меня об этом в приказе. Я заявил Нач. арсенала, что орудия с завода мы не выпустим, поносили замки и попрятали. Конфликт все больше обострялся. Со стороны Харькова начали наступать наши части, посланные правительством Советской власти. Опоры в Киеве Рада среди рабочих не имела. Когда в конце декабря был получен приказ Петлюры в ж.-д. мастерские оборудовать два бронё-поезда и послать на Бахмач, где Петлюра вел бои против отрядов Красной гвардии, наступавшей от Харькова, рабочие вызвали меня и, несмотря на то, что туда были собраны все силы, агитационные, как Ц. Рады, так м-ков, с-ров. российских, рабочие не дали им говорить, и решили не только не оборудовать поездов, но и снять броню с имеющихся и поддерживать Советское правительство, если оно прикажет оборудовать нужные ему поезда, работать день и ночь для борьбы с Петлюрой. Атмосфера все больше накаливалась, и 18 января невозможно уже было удержать рабочих. Началось выступление. Силы были слишком неравны. Рада имела войск до 20 тысяч, а мы имели каких-либо 2 тысячи необученных рабочих. Начались жаркие бои. Рабочие дрались как львы, из одного района патроны в карманах работницы сквозь цепи петлюровцев подносили товарищам других районов. Несмотря на численное превосходство сил противника, красногвардейцам удавалось захватить большую территорию города. Кучка в 10—15 человек разоружала целые роты петлюровцев. Бои длились шесть дней, и были моменты, когда почти весь город был в наших руках, кроме центра, днем захватывали улицу за улицей, а к ночи усталые красногвардейцы не выдерживали натисков превосходящих сил противника с броневиками, и все занятое за день отбиралось.

На шестой день боя пал арсенал, массу рабочих расстреляли, а часть посадили в тюрьму. Среди погибших пал один из деятельных большевиков—

т. Саша Горвиц, которого расстреляли петлюровцы, когда он пробирался из арсенала в город. В других районах бой продолжался, но сил было очень мало, не доставало патронов, люди гибли зря. Мы собрали Комитет, обсудили и решили, что дальнейшая борьба бесцельна. Сведений о подходящей помощи было не слышно. Было решено продержаться до вечера и вечером разойтись, спрятав оставшееся оружие. Мы перешли в подполье, рабочие не хотели расходиться, но борьба была бессмысленна. Начались облавы по квартирам, приходилось прятаться по разным домам. 26 января, утром, начались рваться снаряды в городе, и мы узнали, что из Харькова подошли наши части, под командой полковника Муравьева, во главе с членами правительства т. Ауесмом, т. Е. Бош, Коцюбинским, и бой загорелся с новой силой. С Дарницы наступали части Муравьева, а в городе опять выступили рабочие. Бой длился четыре дня, после чего Петлюра бежал по Житомирскому шоссе со всем своим Штабом. Удержать и захватить не удалось. В Киеве приступили к организации аппарата Советской власти. Петлюра, сговорившись с немцами, начал совместное наступление, наши слабые красногвардейские отряды не могли устоять, и Киев после двух недель после его занятия, в середине февраля, был сдан. Когда немцы и Петлюровцы были под Киевом, к правительству явились меньшевики из Думы и предложили свои услуги для безболезненной сдачи Киева, дабы не было кровопролития. Тов. Бош их выгнала как предателей. Наши части отступили на Полтаву, а потом на Екатеринослав. Держались наши части до начала марта месяца. В начале марта советские части оставили Украину, занятую немцами. Через два месяца, при помощи немцев, Петлюра, вместе с другими радовцами, был свергнут, и воцарился Павло Скоропадский, гетман Украины.

А. ИВАНОВ.

Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 г. до декабря 18 г.

Летом 1917 г. Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов возглавлялся меньшевиками-интернационалистами и эсерами. В их руках находился исполнительный Комитет. Туда входили от меньшевиков Бер И. Е., Попов, Поляков и друг. Эсеровской организацией руководили Карелин, Нагинский, Алгасов, Живов, Голубовский. Она состояла, главным образом, из солдат и вела линию значительно левее официальной линии своей партии. Большевики имели в то время небольшую, но сплоченную фракцию, почти исключительно состоявшую из рабочих. Фракция насчитывала около сорока человек, в то время, как общее количество членов совета достигало до девятисот. Персонально из членов фракции я припоминаю т.т. Кина, Иванова Ал., Рухимовича, Данилевского, Бретера, Судина, Сурина, Скорохода, Буздалина, начавших играть во фракции совета руководящую роль. (В начале июля в Харьков прибыл из Австрии тов. Артем). Председателем совета был меньшевик И. И. Светлов. Настроение рабочих уже далеко не соответствовало политической физиономии совета. На демонстрации 18 июня большинство рабочих шло под лозунгом «Вся власть советам». Определенно большевистское настроение было на заводе «Всеобщей компании», где работали т.т. Пастер, Киркиш и др. На паровозном, «Гельферих-Саде» и в железнодорожных мастерских еще пользовались некоторым влиянием меньшевики. На крупных заводах происходило широкое экономическое движение чернорабочих. Во главе движения стала конференция фабрично-заводских комитетов. На этой конференции меньшевикам уже не давали говорить, а большевистские резолюции принимались огромным большинством. Конференция становилась определенным противовесом соглашательски настроенному совету...

Приблизительно в это же время в Харьков прибыл из Тулы 30-й Запасный полк, разместившийся в Вашенковских казармах. В отличие от других, расположенных в городе воинских частей, где еще безраздельно царили эсеры, 30-й полк послал в Совет исключительно большевистское представительство. Полковым комитетом руководил т. Руднев, впоследствии погибший под Царицыном. О событиях 3-го июля в Харькове стало известно на другой день. Меньшевики и эсеры обнаружили полную растерянность. Не было, конечно, и речи о том, чтобы они присоединились к движению. Но занять боевую определенно анти-большевистскую политику они раньше не решались. В результате получилось топтание на месте. Пленум Харьковского совета осудил попытку к захвату власти, но одновременно и осудил ту беспощадную травлю большевиков, которую повели в столице меньшевики обо-

ронцы и правые эсеры и призвал к единству революционного демократизма. Практическим выводом тогда было образование т. н. революционного штаба, куда все советские партии делегировали представителей. Штаб ставил своей задачей поддержание порядка, подавление контр-революции, в случае ее возникновения, и недопущение борьбы внутри революционной демократии. Это было время, когда Мартов называл Церетелли версальцем и меньшевики интернационалисты находились в зените своей революционности. Что касается эсеров, то они в Харькове, как и повсюду, тянулись за меньшевиками. Меньшевики были левее, стало быть, и эсеры были левее. Впрочем небольшая часть эсеров: Алгасов, И. М. Алексеев, Живов уже в то время определенно тяготели к большевикам.

9 июля происходили выборы в городскую думу по новому избирательному закону. Буржуазная печать вела бешеную кампанию против большевиков. Некоторые элементы среди меньшевиков и эсеров всецело примкнули к этой кампании, несмотря на персонально приличную позицию своих руководящих центров. Особенно отличалась приехавшая как раз тогда в город бабушка, Брешковская, которую интернационалистская харьковская организация эсеров не постеснялась выпустить в защиту своего списка. Демагогия и политическая невоспитанность массы избирателей, еще не успевшая правильно ориентироваться в революционной обстановке, одержали полную победу. Эсеры получили огромное количество солдатских и рабочих голосов, не считая обывателей и буржуазии, и провели в Думу свыше 50-ти человек, за ними следовали кадеты (15 ч.), за которых голосовали имущие слои; меньшевики провалились, их список, блиставший именами светил журналистики и адвокатуры, старых общественных деятелей, получили около двенадцати тысяч голосов (прошло 13 человек). За большевиков в момент, столь проточенный демагогической травли, могли голосовать только самые революционные и самые сознательные рабочие и солдаты. Количество их было еще сравнительно невелико в Харькове в начале июля 1917 года. Большевики получили около 10 тысяч голосов. В думу прошли Лугановский, Кин, Данилевский, Рухимович, в общем около 10 человек.

Победа эсеров стала их пирровой победой. Полевение солдатских и рабочих масс после выборов пошло необычайно быстрым темпом. Жизнь с каждым днем давала самые поучительные уроки. Пресловутое наступление 18-го июня потерпело жалкий крах и вылилось в грандиозное поражение. Растерявшееся правительство Керенского совершенно капитулировало перед реакционным генералитетом. На фронте была установлена смертная казнь, пошли массовые аресты большевиков. Контр-революция подняла голову.

Среди рабочих и солдат началось сильнейшее возбуждение. Меньшевики и эсеры в Харькове пытались поддаться под их настроение, сыграть на проснувшемся инстинкте самосохранения революционных масс. Они провели в совете резолюцию протеста против преследований большевиков, восстановления смертной казни и наглых поползновений контр-революции. Но массы уже научились ценить по достоинству словесные протесты.

В августе происходили перевыборы совета. Отсталые солдатские массы еще не успели дать в них выражение своим новым настроениям, они по-

слали опять в совет значительное количество эсеров. Но по рабочей курии, где борьба шла между большевиками и меньшевиками, меньшевики потерпели полное поражение. Все крупные заводы и мастерские послали подавляющее большинство большевиков. На паровозном заводе, считавшемся издавна оплотом меньшевизма, еще с конца июня стали приниматься большевистские резолюции. 12 августа открылось московское совещание, на котором прозвучали угрожающие речи Корнилова и Каледина. Контр-революция мобилизовывала свои силы во всероссийском масштабе. Новому Харьковскому совету приходилось занять свою боевую позицию по отношению наступавшей контр-революции.

На первом учредительном заседании вновь избранного Харьковского совета, происходившем в 20 числах августа, имели место декларационные выступления фракций. Идея соглашения с буржуазией была исключительно и бесповоротно скомпрометирована. Ее не решались защищать ни меньшевики, ни эсеры. Они выдвинули лозунги власти революционной демократии. Под этим подразумевалась власть советов, разбавленных думами и земствами. Таким путем мы благополучно приходили к уже отвергнутой коалиции, ибо среди земской и думской демократии, кадеты занимали весьма почетное место. Против контр-революционного похода на большевиков, меньшевики и эсеры продолжали словесно протестовать. Но решительного революционного слова по адресу правительства, прямо направлявшего страну на подводные камни и рифы контр-революции, у них так и не находилось. Зато декларация большевиков, оглашенная т. Артемом, была кристально ясна. Ее выводы следовали из посылок, как дважды два четыре. «Кому мы хотим передать власть», спрашивал т. Артем. «Вам, товарищи рабочие и солдаты, избранным вами советам и никому больше». Такая постановка вопроса была вполне понятна для масс, они ощущали и воспринимали ее всем своим нутром. Жизнь не уставала давать нагляднейшие доказательства правильности большевистской тактики. Через несколько дней после открытия нового совета, разразилась корниловщина. Сообщение о выступлении Корнилова было оглашено на заседании Исполнительного Комитета. Тут же на месте, ИК принял свои меры. Опять был создан «Революционный Штаб». На этот раз он поставил вопрос всерьез о том, чтобы быть действительной властью. Фракция большевиков внесла предложение о вооружении заводских рабочих. Возражать не посмел никто. Комиссар временного правительства был подчинен революционному комитету. Контроль над железнодорожным движением, почтой, телефоном, военная цензура, были взяты в свои руки.

На заседании пленума совета бурными аплодисментами была встречена речь представителя фракции большевиков т. Рухимовича. Т. Рухимович отметил прежде всего, какое блестящее подтверждение нашло предположение большевиков о контр-революционных намерениях высшего командного состава. «Кому должна принадлежать власть при таких условиях. Только народу, только Советам»...! Заключительные слова речи потонули в бурной овации; меньшевики и эсеры утешали себя тем, что к представительству в Революционном комитете они притянули за волосы городскую думу и тем увеличили контрабандой на него свое влияние. С более решительными

претензиями воспрянули петлюровцы, украинские эсеры и эсдеки. Они потребовали себе «половину мест» в революционном комитете от разных фиктивных организаций, в роде «рады войсковой», «рады слобожанской» и т. д. В качестве одного из представителей таких «организаций» выступил тогда впервые на харьковском горизонте будущий палач Петлюровской контр-разведки Чеботарев. Петлюровцы рассуждали очень просто. Монопольными выразителями воли украинских трудящихся масс, они считали только себя, всех же остальных рассматривали, как чуждых пришельцев. Конечно, чуждые пришельцы должны были подчиняться перед истинными хозяевами украинской земли и дать им по меньшей мере половину мест в революционном комитете. Петлюровцам были сделаны слишком большие уступки, под давлением меньшевиков и эсеров, готовых с кем угодно блокироваться—против большевиков. Разбавленный преставительством Городской Думы и всяких «слобожанских рад», Революционный комитет совершенно потерял тот боевой характер, который он имел в первые часы своего существования и превратился в парадокс на парламент, в котором на обсуждение самого мельчайшего вопроса тратились целые часы. При таких условиях меньшевикам не трудно было его взорвать изнутри. Корниловщину тем временем успели давно ликвидировать.

Процесс революционизирования рабочих и солдатских масс быстро подвигался вперед в течение сентября и октября. На заводах всюду шла подготовка и обучение Красной Гвардии. Настроение воинских частей становилось все более и более определенным. 30-й полк перестал быть белым вороном, каким он являлся раньше. По нем постепенно равнялся весь гарнизон. Материальный базис под будущей властью советов выросал не по дням, а по часам....

Об октябрьском перевороте в Питере, так же как и о мятеже Корнилова, Исполнительный комитет получил сообщение на заседании. Члены комитета, большевики, покрыли это сообщение бурными аплодисментами. Все остальные смущенно молчали и не знали, что предлагать. Исполкомское болото не имело убеждения и решимости ни поддержать правительство Керенского, ни солидаризироваться со свергнувшим его Петербургским советом. По своему обыкновению оно выступило с лозунгом «образования комитета, который бы взял власть в свои руки и спас единство революционной демократии». Большевистское меньшинство вынуждено было присоединиться к этому предложению, об'единившему меньшевиков, эсеров и петлюровцев. Впрочем теперь дело обошлось без представителей Городской Думы. Глупая провокация правительственного комиссара Кузнецова, расклеившего прокламации с призывом к борьбе с насильниками, дала возможность большевикам потребовать от комитета формального низложения ставленников Временного Правительства. Это было проделано в два счета.

Сторонники правительства Керенского были настолько бессильны, что не сумели учинить в городе хотя бы малейшей гражданской войны. Но оперетку они все-таки сыграли. Был организован комитет спасения родины и революции, куда вошли и эсеры, группа «Единство», комитет меньшевиков и эсеров—оборонцев, образовавших самостоятельные организации. Во

главе комитета стал застигнутый событиями в городе бывший морской министр Лебедев, правый эсер. Этот господин решил использовать в интересах защиты порядка и восстановления законной власти излюбленную опору реакции вообще, и своей партии в частности, юнкеров. С этой целью он отправился в город Чугуев, чтобы вести тамошних юнкеров на Харьков. Слухи о наступлении юнкеров создали в городе тревожное настроение и вызвали принятие целого ряда предохранительных мер. Но они оказались напрасными. Воинство Лебедева, явившись на вокзал и столкнувшись с категорическим отказом железнодорожников их вести, сочло за благо вернуться обратно в Чугуев, провокация гражданской войны потерпела жалкое фиаско.

Но власти советов по питерскому примеру в городе все-таки не установилось. Совет незначительным большинством голосов высказался за создание объединенной демократической власти от большевиков до н.-сов включительно. Это было глупейшее из благих пожеланий. Нс-ы, правые эсеры, меньшевики, оборонцы и слышать не хотели о каком бы то ни было соглашении с большевиками и видели единственный исход в возвращении власти «законному» правительству Керенского...

Получилось неопределенное положение. Харьков становился в стороне от борьбы между революционными и контр-революционными силами в ожидании того блаженного часа, когда в Петербурге образуется коалиционное социалистическое правительство. Конференция фабрично-заводских комитетов, на которой была оглашена, покрытая восторженными аплодисментами, телеграмма о победе петербургского пролетариата над Красновым и Керенским, выразила решительный протест против постановления совета и призвала харьковский пролетариат к перевыборам, чтобы изгнать оттуда соглашателей, искажавших волю рабочего класса. Однако, до выяснения результатов перевыборов, положение продолжало оставаться неопределенным.

Этим поспешили воспользоваться украинские эсеры и эсдеки, имевшие довольно солидное представительство в военно-революционном, как он стал себя называть, комитете. Зачем ждать образования коалиционного социалистического правительства в Петербурге, если такое правительство уже имеется в Киеве, в лице Центральной Рады? Нужно признать власть Ц. Р. и все будет хорошо. Большевикам и эсерам давался великолепный выход из положения. Они, которые два-три месяца тому назад никак не могли решить, входит ли Харьковская губерния в Украину, теперь готовы были превратиться в самостийников, лишь бы не принимать Советской власти. Что касается до большевиков, то для них контр-революционная физиономия ЦР еще не вскрылась достаточно. В октябрьские дни в Киеве, Рада делала вид, что выступает против Керенского. Теперь она вела какие-то переговоры с Петербургским Совнаркомом. Харьковские петлюровцы стремились убедить рабочих и солдат в том, что Рада, в сущности говоря, тот же совет рабочих и солдатских депутатов, который, может быть, нуждается в некотором обновлении состава, и после этого будет вполне хорош. Кроме того, всюду и в частности в армии и деревне нарастала грозная националистическая война, роль и значение которой приходилось учитывать...

Так или иначе, тогда ЦР издала 3-й Универсал, провозгласивший Украинскую народную республику на территории девяти губерний, в том числе и Харьковской, этот универсал был признан Харьковским советом при активной инициативе украинских эсеров и эсдеков, при поддержке меньшевиков и эсеров, только что превратившихся в «левых» и при сдержанном нейтральном отношении большевиков. У последних была еще уверенность, что перевыборы Ц.Р. сделают ее советским органом, об этом особенно настойчиво твердили левые эсеры, ставшие правительственной партией, после включения своих представителей в Петербургский Совнарком...

14 ноября в г. Харькове происходили выборы в Учредительное собрание. Результаты их наглядно показали, какой огромный шаг сделали рабочие и солдатские массы на пути к политическому самоопределению. Во всех окраинных участках большевистский список (№ 3) прошел на первом плане. Большевики получили около 30-ти тысяч голосов, в 5 раз больше, чем на выборах в Городскую Думу. За эсеров (левых) в блоке с укр. эсерами, голосовало около 15 тысяч. За них голосовала значительная часть солдат. С треском провалился с-р-ский оборонческий список, возглавлявшийся Лебедевым и Брешковской. Немного больше получили народные социалисты. Меньшевики выступали с двумя отдельными списками, оборонческим и интернационалистическим. Первый получил около 4-х тысяч, второй 5. Буржуазия голосовала целиком за кадетов, собравших по всему городу около двадцати тысяч голосов. По губернии картина получилась немного иная. Там впереди прошел список левых и украинских эсеров, за которым следовал большевистский. По отдельным уездам число голосовавших за большевиков достигло довольно солидной цифры. В результате прошло в учредительное собрание двенадцать эсеров и два большевика. Все остальные списки не получили ни одного депутата. Так или иначе Харьковская губерния дала Учредительному собранию только депутатов, стоявших на советской платформе. Но в самом городе чисто советской власти еще не было. Настроение Петлюровцев день ото дня становилось все более агрессивным. Они возлагали все свои надежды на 28-й полк, подвергшийся украинизации и переименованный во второй украинский. Делались все усилия, чтобы вооружить этот полк против большевиков. Кроме того, в городе стоял броневой дивизион, возглавлявшийся эсеровским и меньшевистским командным составом. После октября этот дивизион, специально передвинутый Керенским в Харьков, за несколько дней до переворота признал военно-революционный комитет, но не органы Советской власти. Когда дело начало клониться к образованию чисто Советской власти, от него можно было ждать самых непредвиденных сюрпризов... В начале декабря Ц.Р. заняла явно враждебную линию к большевикам в Киеве, разоруживши настроенные в пользу Советской власти части. Собравшийся в Киеве первый Всеукраинский Съезд советов, был самым наглым образом фальсифицирован. Туда наехало до 1500 специально вызванных Ц.Р. представителей кулацких спилок. Явившиеся на съезд представители рабочих и солдатских советов, в огромной своей части большевики, вынуждены были уйти со съезда и уехать в Харьков. Оставшиеся кулаки продолжали заседать под именем съезда, Совет Народных

Комиссаров предъявил известный ультиматум Ц.Р. и получил в ответ наглый отказ в выполнении своих требований. Главное из них было недопущение возвращения с фронта казачьих частей на Дон, и пропуск через украинскую территорию Советских войск, двинутых на борьбу с Калединым. Отказываясь выполнить это требование, Ц.Р. фактически становилась союзницей Каледина и Алексева. Донская же контр-революция, чувствуя себя обеспеченной со стороны Украины, перешла в решительное наступление и захватила Ростов. В Харькове, под влиянием известий, получившихся из Ростова и Киева, петлюровцы обнаглели настолько, что попытались овладеть телеграфом.

Медлить было нельзя. В Харькове начали собираться матросские и красногвардейские части, двинутые с севера против Каледина. В самом городе Красная гвардия уже представляла солидную силу. Огромное большинство воинских частей было на стороне Советской власти. Партия приступила к решительным действиям. Броневой дивизион был разоружен без капли крови. Это произошло без ведома военно-революционного комитета, где сидели еще петлюровцы и меньшевики. Образовался новый военно-революционный комитет, из одних большевиков и левых эсеров. Он мог уже твердо опираться на частично переизбранный совет. Поскольку левые эсеры, раньше плетшиеся в хвосте меньшевиков, теперь превратились в колеблющихся союзников большевиков, новый военно-революционный комитет имел за собой подавляющее большинство членов совета. В прочем теперь одни большевики составляли более половины депутатов...

В ближайшее время власть в городе фактически перешла к исполнительному комитету, одновременно с этим в Харькове концентрировалась власть во всеукраинском масштабе. Приехавшие из Киева делегаты первого Всеукраинского съезда советов, соединившись с происходившим в Харькове съездом советов Донбасса и Криворожья, избрали первый Всеукраинский Центральный Исполнительный комитет, выделивший из себя Народный Секретариат.

Всеукраинское правительство пробыло в Харькове всего месяц с небольшим. В конце декабря советские войска перешли в наступление в киевском направлении. Заняли Сумы и Полтаву, а уже в конце января был занят и Киев. В Харькове народилось не только первое всеукраинское правительство, но и ядро будущей Украинской Красной Армии. Часть разоруженного второго Украинского (бывшего 28-го) полка, сочувствовавшая советской власти, после расформирования этого полка, явилась основным кадром вновь организованного полка «Червоного Казачества».

Разгон Учредительного собрания 5 января 1918 г. прошел в Харькове совершенно безболезненно, если не считать лево-эсеровской партии. Поскольку она теперь, казалось, вынуждена была целиком стать на платформу принятия Советской власти, правые элементы (Агабеков, Иваницкий и вместе с ними большинство думской фракции) откололись, присоединившись к ранее отколовшейся еще перед выборами в Учр. Собр. группе (Черновича и др.). Вместе с эсерами, меньшевиками и кадетами они вынесли в Городской думе по поводу разгона Учр. Собр. негодующую резолюцию. Воспользовавшись этой резолюцией, советская власть распустила городскую думу, последний центр кадетско-меньшевистско-эсеровской общественности.

Во второй половине января состоялся опять (кажется, по счету четвертый) съезд советов Донбасса и Криворожья. Этому съезду областной комитет, возглавлявшийся т. Артемом, предложил план организации самостоятельной Донецко-криворожской республики) в составе тогдашней Харьковской, Екатеринославской губернии и части Донецкой Области с гор. Ростовым). Эту идею усиленно поддерживали эмигрировавшие из Ростова, после занятия его Калединым, т.т. Васильченко, Шанов, Филов. Между прочим, к ней сочувственно относились входившие в областной комитет меньшевики (в частности председатель Харьковской Городской Думы Рубинштейн). Они усиленно развивали ту мысль, что Донбасс никакого отношения к Украине не имеет и гораздо теснее связан с Центральной Россией...

Характерно, что столь важный принципиальный вопрос, как вопрос об образовании самостоятельной донецко-криворожской республики не получил предварительного разрешения в партийном порядке, а был прямо вынесен на съезд, где перед лицом беспартийных и злорадствующих меньшевиков разыгралась чрезвычайно резкая полемика между большевиками. Решительным противником выделения Харькова, Донбасса и Екатеринослава выступал т. Скрипник. Выступление его, однако, успехом не увенчалось, и громадная часть делегатов съезда голосовала за образование Донецко-криворожской республики с самостоятельным Совнаркомом. В состав Совнаркома вошли т. т. Артем, Рухимович, Васильченко, Семен Шварц, Магидов, Жаков, Филов и др. Всеукраинскому Центральному Исполнительному комитету (Цикуке) и совету народных секретарей не оставалось ничего другого сделать, как выехать в Киев, который тогда как раз был занят Советскими войсками.

Революция никогда не движется по гладкой укатанной дорожке. Она знает крутые подъемы и спуски. С января 1918 г. мы видим в Харькове известную реакцию в настроении солдат и рабочих. Становится ясным, что Советская власть не может дать всего сразу, что Советская власть означает упорную тяжелую борьбу, стоющую жертв. Отсюда некоторое разочарование в Советской власти. Его стремятся всячески усилить и раздуть меньшевики. В их руках все средства идейного воздействия на массы, начиная с печати. Во время войны с Ц. Р. меньшевики оказывали полную политическую поддержку петлюровцам. Они провозглашали за Ц. Р. вполне законное право на самооборону, всячески дискредитировали Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет, как бутафорное учреждение, заявляли, что большевики навязывают Украине свою волю, ибо сама Украина никакой Советской власти не желает. Когда в Харькове была закрыта Петлюровская газета «Новая Громада» меньшевики пред'явили запрос в совете. Привлеченного к суду редактора этой газеты защищал ответственный член меньшевистского комитета Рубинштейн (кстати сказать, ярый украинофоб). 4-й универсал, провозгласивший в начале января полную независимость Украины, явно взятый Ц. Р. путь на союз с Германией и Австро-Венгрией, несколько умерили пыл меньшевистским защитникам Ц. Р. Но теперь в их руках имелся новый козырь, разгон учредительного собра-

ния. Отныне всякую неурядицу, дороговизну, безработицу, гражданскую войну, можно было об'яснить трафаретным образом. Большевики разогнали учредительное собрание и в этом корень всего зла.

В то время лозунг учредительного собрания еще не был так скомпрометирован, как теперь. Его окружал ореол 1905—6 года и первых месяцев февральской революции. Учредительному собранию «не дали работать». А может быть, если бы оно осталось, было бы гораздо лучше.

Первый лозунг мобилизации масс против Советской власти меньшевики произвели под лозунгом возвращения к власти учредительного собрания. К ним присоединились окончательно консолидировавшиеся правые эсеры и еврейские социалисты. Четыре комитета (меньшевиков, бунда, эсеров и евр. социалист) выпустили прокламацию, призывающую рабочих добиться возвращения к власти учредительного собрания. Была сделана попытка созвать специальную конференцию; попытка кончилась жалким крахом.

На время меньшевики успокоились, но судьба им благоприятствовала. В середине февраля выявился кризис переговоров в Бресте. Уполномоченные РСФСР отказались подписать грабительский мирный договор, об'явив, однако, о выходе России из империалистической войны. Несколько дней австро-германские войска стояли на своих позициях, затем они сразу перешли в наступление и на северо-западном и украинском фронтах заняли Двинск, Минск, а вслед за тем и Киев. Советское правительство согласилось подписать Брестские условия. Один из их пунктов говорил о положении Украины и об обязательстве РСФСР заключить мир с Украинской Народной Республикой. Было ясно до очевидности, что союз Ц. Р. с Германским империализмом стал совершившимся фактом...

Меньшевики открыли бешеную агитацию против брестского мира. Теперь они имели союзников не только справа, но и слева, в лице левых эсеров. Брестский мир изображался, как прямое предательство и доказательство полной неспособности большевистской власти защищать страну и управлять ею. Большевистская власть должна была немедленно уйти и уступить место учредительному собранию. Работу меньшевиков чрезвычайно облегчала царившая среди части большевиков растерянность и несогласие значительного числа их с подписанием брестского мира. Пришлось оттягивать постанову вопроса о мире даже в совете.

Как раз в это время начались всеобщие перевыборы Харьковского Совета. Брестский мир был уже подписан и подлежал ратификации 4-го съезда советов. Немцы, занявшие Киев, медленно, но безостановочно, распространялись и город за городом занимали Украину. Советская власть России дала как бы обязательство очистить Украину. В то же время Советская власть Украины и Донбасса призывалась к отпору немецкому нашествию. Это давало повод меньшевикам говорить, что российское советское правительство предало украинских рабочих, отказалось от них, а местная Советская власть посылает их на убой. Не было предела самой беспардонной демагогии, и результаты не замедлили сказаться. В новый совет меньшевистская фракция вошла, усилившись на половину. Теперь она достигала до 90 человек. Большевики имели неустойчивое большинство. После Киева Ц. И. К.

Укр. переехал в Полтаву, потом в Екатеринослав. Здесь, на территории Донецко-Криворожской республики, он решил созвать всеукраинский советский съезд для организации отпора немецкому нашествию. На съезд были приглашены и советы Донбасса и Криворожья. Из комиссаров Донецко-Криворожской республики туда поехал т. Артем. На съезде удалось достигнуть соглашения об образовании единого Всеукраинского правительства, но оставшиеся в Харькове комиссары Донецко-Криворожской республики не соглашались с этим компромиссом и на страницах своего печатного органа «Известия Юга» продолжали вести агитацию против. В частности, например, комиссар Юстиции т. Филлов писал, что на Украине, в виду мелко-буржуазного состава ее населения, Советская власть не имеет под собой прочных корней. И поэтому Донбасс не должен сливаться с Украиной. Такого рода заявления охотно подхватывались меньшевиками. Приблизительно в это же время правительство Донецко-Криворожской республики обратилось с нотой к Германии, в которой заявлялось, что Донецко-Криворожская республика существует отдельно от Украины и предлагалось немецко-австрийским частям не переходить границу республики.

Само собой разумеется, нота эта не оказала никакого действия. Немцы заняли Одессу, Николаев, Екатеринослав и в последних числах марта подошли к Полтаве. Пришлось позаботиться об охране непосредственного доступа к Харькову.

Совет народных комиссаров Донецкой Республики об'явил всеобщую мобилизацию рабочих в Красную Армию. Несознательные и шкурнические элементы рабочих, поддерживаемые агитацией меньшевиков о том, что война с Германией безнадежна, не шли на мобилизацию. Среди рабочих заводов, подлежавших частичной или полной эвакуации, началось движение против эвакуации. Наскоро сформированные воинские части не были достаточно дисциплинированы и боеспособны. В городе подняли голову бандитские и хулиганские элементы. Они надевали солдатские мундиры и грабили среди бела дня, не говоря уже о ночи... Назначенный Комендантом города тов. Кин принял беспощадные меры против бандитов и грабителей. Интересно, что поскольку дело коснулось охраны труда и собственности, он нашел полную поддержку в меньшевиках и организованных ими социалистических дружинах, категорически отказавшихся однако сопротивляться против наступавших германцев. Расстрел нескольких бандитов, проникших в воинские части, вызвал возмущение одного из полков темными личностями. Полк потребовал для об'яснения в свои казармы народных комиссаров и Исполнительный Комитет Харьковского Совета в полном составе. Явившимся в казармы комиссарам и членам Исполнительного Комитета заявили, что их не выпустят до удовлетворения требования полка о выдаче тов. Кина. С большим трудом удалось усмирить полк и отправить его на фронт. Этот пример доказывает, как слабо и мало организована была в то время Советская власть. Распропагандированная меньшевиками часть рабочих проявляла к ее судьбам полное равнодушие и чуть ли не с радостью ждала прихода немцев...

Предоставление полной свободы и агитации меньшевикам давало свои плоды. Эти плоды шли всецело на пользу наступавшему германскому империализму, как бы отрицательно субъективно ни относились к нему меньшевики. На деле объективно они превращались в пособников германского империализма. Их агитация о безнадежности борьбы отнимала веру в свои силы, деморализовывала бойцов, расчищала свободный путь немецкой армии.

С утра 9-го апреля снаряды германских пушек начали падать на Холодногорское предместье города. Около двух часов немцами был уже занят вокзал. Его комендант тов. Руднев оставался на своем посту до последней минуты. Пулеметная трескотня слышалась в центре города. Последние советские эшелоны отходили с Основы и Балашевского вокзала.

Власть над городом еще ночью была передана обезжавшим комендантом тов. Кином городской думе. Утром дума выпустила приказ по социалистическим дружинам, в котором призвала их охранять порядок в переходный момент. Меньшевикам выпадала «почетная» обязанность передать власть из рук меньшевиков в руки немецкого командования. Эту обязанность они выполнили с честью и, как служители буржуазного порядка, они были вне себя от радости, что имущество граждан не пострадало в переходный момент от каких бы то ни было эксцессов. Правда, некоторым членам социалистических дружин это удовольствие стоило жизни. Немцы их расстреляли, спутав с отступавшими большевиками. А буржуазия отплатила меньшевикам черной неблагодарностью за самоотверженную охрану ее жизни и имущества. Она объявила социалистические дружины участниками грабежей советской власти. Впрочем буржуазия так платит всегда своим бескорыстным «социалистическим слугам»...

Началась эпидемия зверской расправы, убийств и безудержных разгулов. Так много сделавшие для облегчения падения советской власти меньшевики, очутились в положении лягушек, просивших царя, которым Юпитер прислал журавля. Вот характеристика положения, в котором очутился город, занятый немецко-гайдамацкими войсками, в изложении передовика меньшевистской газеты «Наш Юг» от 12 апреля:

«В разных местах на улицах валяются трупы расстрелянных. Их число насчитывается десятками. Вчера на Вознесенской улице было расстреляно 9 человек, и трупы их лежали необрунными на глазах у населения. Кто и за что расстреливает. «Они» зовут себя украинцами (речь, стало быть, идет не о немцах, а о сторонниках демократической Ц. Р., в защиту которой меньшевики пролили столько чернил. Н. П.), они убивают и арестуют, арестуют и убивают «за большевизм». Кому нужны эти убийства. Вооруженные большевики далеко. Советской армии больше не существует (здесь меньшевики перебарщивают Н. П.). С кем же ведут борьбу эти люди, которые так легко и просто выпускают патроны по живым, кому нужна смерть безоружных. Расправа коротка. Выводят и ставят к стенке, выводят по указанию первого встречного. Слово «большевик» решает все. Ходят по квартирам и розыскивают красноармейцев. Их указывают все, кому не лень. Может быть, при этом сводятся личные счеты. Может быть, указывающие ошибаются или лгут. Эти соображения не приходят в голову расстреливающим. Они ведут войну с большевиками. Но ведь им прекрасно

известно, что все сколько нибудь видные большевики выехали из города. На кого же направлены пули, из которых многие уже попали по адресу? На простых рабочих и солдат. Но тогда не слишком ли много нужно пуль, чтобы не осталось в живых ни одного большевика?».

Так задолго до Деникина демократическая армия Ц. Р., шедшая под лозунгом Учредительного Собрания, давала харьковским рабочим уроки права и гражданской свободы:

На собрании городской думы меньшевики высказали покорность новой власти, проливши для приличия несколько слез по поводу того, что ей пришлось прибегнуть к штыкам немецкого империализма. Лидер меньшевистской думской фракции Сан, счел своим долгом указать сидевшим в думе самостийникам на блестящий пример грузинских меньшевиков, не пожелавших признавать брестского мира и сохранивших верность единой России. Эти слова Сана кадеты покрыли аплодисментами. Увы, ни кадеты, ни Сан не знали, что героические грузинские меньшевики успели трижды отречься от единой демократической России и от непризнания брестского мира...

Затем дума вынесла платоническую резолюцию о недопустимости бессудных расстрелов. Никто не обратил на эту резолюцию никакого внимания...

Через несколько дней состоялось заседание оставшейся в городе части членов совета. На это заседание кроме меньшевиков пришли некоторые оставшиеся в городе левые эсеры. Господствующие партии, украинские эсеры и эсдеки не сочли своим долгом явиться. Было сказано несколько теплых слов о том, что теперь совет, освобожденный от навязанной ему власти, должен стать центром борьбы масс за демократию. Какие массы мог объединить этот совет теперь, когда лучшая часть рабочих ушла с винтовками за советской армией, а другая часть, безоружная и деморализованная лежала у ног победителя?..

Один из делегатов совета меньшевик оборонец, правда, без санкции меньшевистской фракции, воспользовался случаем произнести громовую речь против ушедших большевиков. Кончилось дело принятием словесного постановления против расстрелов, после которого меньшевики разошлись с облегчением, считая свой гражданский долг исполненным. Впрочем коменданту города полковнику Шаповалову не понравилась даже и такая пародия на совет. Он прикрикнул в печати на меньшевистских ораторов и запретил им повторять свои собрания. Конечно, противиться и перечить «грубой силе» меньшевики не решились.

В городе затихла всякая политическая жизнь. Накануне первого мая комендант издал распоряжение, чтобы на знаменах не были допущены лозунги Всероссийского Учредительного Собрания, разумеется, о советской власти и речи быть не могло. Соглашателям было разрешено демонстрировать с самыми лояльными лозунгами.

Несколько слов об украинских соглашателях. Партия укр. с.-р. вместе с левыми с.-р. перешла на советскую платформу... Когда советская власть сконструировалась, они послали своих представителей на различные ответственные посты. Но когда к городу стали приближаться немцы, у. с.-р.

заявили, что украинская советская власть является и своих представителей из различных органов отозвали... Они сочли нужным заблаговременно освободить свои руки, чтобы заключить в объятия, целуясь при первом появлении. Так они и сделали, но при этом ухитрились соединять верноподданнические чувства к немецкому командованию с защитой советской системы. Это был верх беспринципности и политической проституции...

В выпускавшейся украинскими эсерами (Лымарем и др.) газете «Рух» доказывалось, что советская система имеет некоторые преимущества перед демократией, и что поведение Германии, защищающей Украину от москальского варварства, является образцом рыцарства в международных отношениях...

Первомайское шествие, благосклонно разрешенное в конце концов немецкими и украинскими властями (правда, немецким солдатам было в этот день запрещено выходить из казармы) прошло чрезвычайно бледно. Значительная часть рабочих осталась дома в этот день, не желая идти под соглашательскими лозунгами. Но даже теми, кто пошел, были с живейшей симпатией встречены речи отдельных сторонников Советской власти (в частности левого эсера Александрова, впоследствии коммуниста, умершего от туберкулеза в начале 1919 г.), произнесенными на ипподроме.

Между тем перед окончанием первомайского митинга на ипподроме была оглашена только что полученная свежая новость о гетманском перевороте. Слушатели разошлись, приняв ее к сведению.

Германский империализм сверг демократическую Центральную Раду и посадил вместо него монархического гетмана. Настал момент для объединенной демократии отстаивать свои интересы, постоять верой и правдой за Учредительное собрание и демократическую республику.

Объединенная демократия не шевельнула пальцем. В частности украинские социалистические партии, члены которых занимали правительственные должности, командные места в гайдамацких воинских частях, даже не подумали о сопротивлении. Они беспрекословно исполнили приказ германского лейтенанта и признали власть гетмана. Правда, газета «Рух», только что изливавшая перед читателями свои чувства о рыцарстве и благородстве немецкого командования, теперь, не могла удержаться от нескольких горьких упреков по адресу своих господ. Ее закрыли, и на этом дело кончилось.

Гетманская власть пришла незаметно, бесшумно. В один прекрасный день газеты вышли с длинными белыми полосами. Это обозначало установление военной цензуры. Малейший намек на критику распоряжений власти или немецкого командования, вычеркивался беспощадно. Одно газетам разрешалось безусловно, печатать какие угодно небывицы о Советской власти и ругать большевиков. Этой свободой пользовались в одинаковой мере и монархическая газета «Русская Жизнь» и купленная немцами «Возрождение», и либерально-демократический «Южный Край», и меньшевистский «Наш Юг».

Выпустив несколько весьма либеральных деклараций и пообещав в самом недалеком будущем созвать сейм, гетманское правительство приступило к установлению на местах твердой власти. Во все стороны были разосланы

карательные экспедиции, приступившие к беспощадному взысканию с крестьян контрибуций в пользу помещиков. В городе мало-по-малу была сведена к нулю даже деятельность социал-соглашительских партий. Комитет правых эсеров был арестован на заседании в полном составе и отправлен в концентрационный лагерь, ставший местом водворения всех политических преступников с Украины. Газета меньшевиков несколько раз подвергалась закрытию. Но уничтожить окончательно ее власть не решались, считая, что газета выполняет известную положительную роль, отвлекая рабочих от большевизма. Участвовавшие признаки возрождения подпольной деятельности коммунистической партии в середине лета, вызвал настоящий пароксизм бешенства со стороны гетманской власти. Началась целая эпидемия набегов на профсоюзы, арестов, высылки и ссылки. Появились на свет божий специальные органы борьбы с подпольным движением, под именем осведомительных отделов.

Железнодорожная забастовка, вспыхнувшая в июле по всей Украине и продиктованная отчасти острой экономической нуждой, отчасти растущим революционным настроением масс, вызвала новые репрессии. Между прочим меньшевистский комитет в Харькове сделал все зависящее, чтобы удержать рабочих от забастовки, но это ему не удалось.

В начале августа министр внутренних дел Иг. Кистяковский, произнес на съезде «губернияльных старост» свою знаменитую речь об «эволюционном и революционном» социализме. Он призывал руководителей местной власти отнестись с полной терпимостью к первому и принять самые беспощадные меры по отношению ко второму. Сейчас же после речи Кистяковского власти приступили к форменному разгрому профессиональных союзов...

В Харькове дело ограничилось арестами отдельных профессиональных работников и обысками в тех союзах, которые считались связанными с большевиками. Однако, попутно с этим были задержаны некоторые эсеры и меньшевики, работавшие в совете даже до октябрьского переворота. Ликвидационные стремления гетманской власти шли очень далеко, упираясь в реставрацию царского самодержавия. Не избежала своей участи и «демократическая» городская дума, несмотря на то, что после гетманского переворота она не сделала ни одной попытки заниматься политическими вопросами. Гетманское правительство осчастливило Украину новым законом о выборах в городские и земские учреждения, вводившим куриальную систему и имущественный ценз. В связи с этим состоялось назначение временных управ городской и земской. И туда и сюда вошли самые махровые черносотенцы. Приблизительно одновременно с земско-городской реформой, правительство опубликовало закон о казенной продаже водки...

Реакционная политика гетманской власти оказалась хорошей политической школой для харьковских рабочих. Всякий теперь мог видеть, к какому естественному результату приводит падение советской власти. Столь шумно проявлявшие свое возмущение большевистскими насилиями, меньшевики буквально попрятались по подворотням. Можно было ясно видеть, что стоит меньшевистская борьба с реакцией...

Правда, на своей Всеукраинской конференции, состоявшейся еще в июне в Киеве, меньшевики вынесли резолюцию о необходимости свержения гетманской власти. Но для осуществления этой резолюции они не ударили пальцем о палец, нигде, в том числе и в Харькове. Зато они усиленно на каждом шагу в своей газете предостерегали рабочих от большевистских авантюр.

Однако, к осени, когда все более и более стал определяться близкий конец германского империализма и близкий уход с Украины германской армии, а волна крестьянских восстаний продолжала грозно расти, пришлось поставить вопрос о конкретных мерах борьбы с гетманской властью и даже меньшевиками...

Инициативу поднятия вопроса перед Харьковским комитетом меньшевиков взяли на себя профессионалисты, на которых прямое и непосредственное давление оказывали рабочие. В Харькове помещалось большинство наиболее сильных краевых бюро профсоюзов (металлистов, горняков и т. д.). Еще неокончательно разгромленный аппарат профсоюзов можно было использовать для организации всеобщей забастовки.

Половина меньшевистского комитета высказывалась за необходимость организации в ближайшее время общепролетарского выступления, руководимого профсоюзами против гетманской власти. Другая половина стала на ту точку зрения, что такое выступление пойдет на пользу большевикам, а потому лучше его не делать. Большевистская власть хуже всякой иностранной оккупации. И гораздо более выгодно для пролетариата устроить так, чтобы смена оккупационных германских войск англо-французскими прошла безболезненно. Вследствии равенства голосов за и против подготовки к выступлению, вопрос остался нерешенным.

В первых числах ноября в Харькове разразился ряд экономических стачек: забастовали печатники, рабочие городских предприятий (в том числе электрической станции), еще раньше забастовали рабочие паровозного завода. В ответ на забастовки, власть произвела ряд набегов на профсоюзы металлистов и печатников, арестовав членов их правления. Тогда стал вопрос об объявлении забастовки всех рабочих города с выставлением политических требований.

7 ноября для обсуждения вопроса об объявлении забастовки и выборов стачечного комитета, собрались представители профсоюзов и политических партий. Внесенное представителем большевиков т. Мальмом (?) предложение об объявлении забастовки в честь годовщины октябрьской революции, состоявшее в громадном числе из меньшевиков, собрание отвергло. Постановлено было объявить забастовку протеста против преследований, требуя от власти свободы рабочих организаций.

Выбрав стачечный комитет, собрание разошлось. Сейчас же вслед за этим в помещение явилась полиция и арестовала стачечный комитет. Тем не менее забастовка началась с вечера под руководством нового стачечного комитета. Все высшие учебные заведения присоединились к рабочим.

Стачка продолжалась два дня. У меньшевистских руководителей не хватало мужества даже протянуть ее до тех пор, пока будут освобождены

их же арестованные товарищи. Освобождение произошло под давлением германского командования, опасавшегося усиления волнений, после того, как стачечный комитет постановил прекратить забастовку. Не одни правые меньшевики были убеждены, что на Украине в ближайшее время произойдет смена германских оккупационных войск англо-французскими. Приблизительно такого же мнения держался гетман Скоропадский. 14-го ноября он опубликовал правительственное сообщение, смысл которого сводился к следующему: «До сих пор на территории Украины господствовала Германия, которая хотела самостоятельного существования украинского государства; теперь Германию готовится сменить Антанта, победившая в мировой войне. Антанта стоит на позиции «Единой России». Угадывая желание своего нового господина, гетман Скоропадский становится на ту же позицию и провозглашает союз с Кубанским и Донским казачеством, для восстановления «Всероссийской державы»...

На следующий день началось восстание сичевых стрельцов в Белой Церкви, и, образованная Украинским национальным союзом, директория выпустила указ о низложении гетмана.

Уже вся деревня охватывалась стихийным возманием. В поселках и местечках Донбасса рабочие, по собственной инициативе, разоружали варту и прогоняли гетманских чиновников. Украина была покрыта сетью подпольных организаций коммунистической партии, и становилось ясным, кто станет во главе движения...

Выступление директории было попыткой шовинистических украинских кругов вырвать руководство поднимавшимся движением из рук коммунистической партии. Пока украинские эсдеки и другие участники Национального союза надеялись на то, что движение можно будет остановить, они обивали пороги гетмана и искали компромисса с ним. Убедившись, что с движением нельзя справиться, они попытались взять его в свои руки. Это могло удасться лишь на очень короткое время.

В Харькове стоял т. н. Запорожский пехотный полк, под начальством полковника Балабачана. По соглашению с представителями местного отделения Украинского Национального союза, Балабачан в ночь с 17 на 18 ноября занял частями своего полка все правительственные учреждения города. Утром проснувшиеся граждане читали указы родившейся в ночной темноте новой власти. Полковник Балабачан, между прочим, сообщал:

«Все чиновники и официальные учреждения должны остаться на своих местах...

Офицерам и солдатам добровольческой армии гарантируется неприкосновенность при условии сдачи оружия и невмешательства во внутренние дела Украинской республики.

Добровольческой армии будет дана возможность выехать за пределы Украины.

Державная варта остается и продолжает выполнять свои обязанности».

Новая власть сохраняла весь аппарат своей предшественницы, и прежде всего стремилась установить дружеское отношение с добровольческой армией, а через нее с Антантой. В наследство от гетмана она получила

переполненные тюрьмы, где сидели сотни политических, главным образом, по обвинению или по подозрению в большевизме. Новая власть ни за что не хотела расставаться даже и с этим наследством, боясь как бы освобождение арестованных не усилило влияния большевиков. Только после угрозы забастовкой со стороны рабочих, она освободила часть арестованных. Другая часть продолжала сидеть до самого прихода советских войск.

Но так или иначе налицо была несомненно демократическая власть со всеми атрибутами, в виде обещаний созвать Учредительное собрание, дать гражданские свободы и даже с реальным восстановлением демократической думы. Для меньшевиков и эсеров этого было вполне достаточно. На утро после переворота меньшевистский комитет принял постановление о поддержке шагов украинского национального союза, направленных к осуществлению гражданских свобод, восстановлению демократических местных самоуправлений и созыву учредительного собрания. В тот же день из представителей верхушек профессиональных объединений образовался Краевой рабочий комитет, призвавший всех рабочих Украины к выступлению против гетманской власти в контакте с украинским национальным союзом. На 24 ноября Краевой комитет назначил общеукраинский рабочий съезд для обсуждения вопроса об организации власти.

Но Краевой комитет считал без хозяина, без тех самых рабочих, от имени которых он так развязно выступил. Уже на митингах, собранных по всем крупным заводам, в ближайшие дни после переворота выяснилось, что харьковский пролетариат извлек надлежащие уроки из 8-ми месячного хозяйничанья контр-революции. Предложения представителей краевого комитета не встретили никакой поддержки. Всюду громадным большинством прошли коммунистические резолюции, призывавшие рабочих к борьбе за советскую власть и немедленному избранию в целях организации этой борьбы совета рабочих депутатов.

Меньшевитский комитет сначала высказался большинством голосов против организации совета. Вместо совета правые меньшевики выдвинули идею рабочей конференции, как представительства пролетарских организаций в отличие от «несознательных масс». Так предполагалось произвести подделку мнения рабочих, пользуясь тем, что в союзах сидели меньшевики.

22 ноября состоялось первое заседание рабочей конференции. После доклада по текущему моменту лидера правых меньшевиков, Сана, выступил в качестве содокладчика от большевиков т. Яковлев. За его резолюцию голосовало 17 человек (около трети) даже на этом профильтрованном меньшевиками собрании. 23—24 ноября состоялись выборы в совет. Всюду почти единогласно проходили коммунисты. Ничтожная кучка меньшевиков представляла в Совете сотрудников Продовольственной управы, торговых служащих и т.п. 30 ноября открылся краевой рабочий съезд. С мест съехалась главным образом меньшевистская профессиональная бюрократия. Все-таки до трети делегатов голосовало за коммунистическую резолюцию по текущему моменту. Съезд признал нужным поддерживать Петлюровскую директорию против гетманской власти, действия большевиков, направленные к завоеванию власти советов, признал дезорганизаторскими, категорически выска-

зался за демократическую конструкцию государства, как на Украине, так и во всей России и признал необходимым созыв Всеукраинского Учредительного собрания. Такие идеи пытались навязать, со стороны, рабочему классу люди, пытавшиеся сделать его орудием в руках буржуазии. Это им, конечно, не удалось. Рабочий класс прошел мимо.

Рабочий класс шел своими собственными путями. 1 декабря открылся совет. Его разумеется пытались разогнать служители демократической власти полковника Балабачана, пользовавшейся поддержкой меньшевиков. На эту наглость харьковский пролетариат ответил на другой день всеобщей забастовкой...

Пролетариат оказался против демократической власти. Меньшевики были за нее. И они приложили все усилия, чтобы сорвать забастовку. Но безуспешно. Волнения среди рабочих, вызванные провокаторскими действиями Балабачана, грабежи и бесчинства гайдамаков над мирным населением, заставили Германский солдатский совет потребовать от Балабачана ухода из города и передачи власти немцам. Балабачан вынужден был согласиться на это условие. Германский совет солдатских депутатов выпустил воззвание, в котором объявил, что в Харькове восстанавливается свобода собраний, слова и стачек, что рабочим разрешается вооружаться. Германский совет солдатских депутатов образовался в Харькове еще за несколько дней до петлюровского переворота. Главной задачей, которую он себе ставил, была эвакуация. Совет руководился довольно беспринципными политиканами, одни из которых себя называли социалистами большинства, другие независимыми (Вольрабе, Фишер и др.). Они вели переговоры и пытались установить контакт и с штабом Балабачана, и с городской думой, и с краевым рабочим комитетом, и с Харьковским большевистским советом. Они все время пытались нащупать, где находится реальная сила, союз с которой скорее всего облегчил бы им эвакуацию. Блестящий успех объявленной советом рабочих депутатов всеобщей забастовки, дал немецкому солдатскому совету доказательство того, что пожалуй большевики являются реальной силой, самой действительной. Позиция советов уже потому имела колоссальное значение, что, главным образом, германскими войсками охранялись границы Украины. Они могли во всякий момент открыть ее перед советскими войсками.

Между прочим, когда в Харькове еще в последних числах ноября, появились сведения, что в Донецкий бассейн вторгнулись Красновские и добровольческие банды и приступили к разгрому рабочих организаций и массовому истреблению рабочих, меньшевистский краевой комитет бросился в немецкий солдатский совет, просить помощи. Немецкий совет предложил официально пропустить на Украину и в частности на Донбасс Советские войска. Это был момент, когда немцы еще высоко ценили авторитет краевого комитета, считая его представителем всех украинских рабочих. Если бы краевой комитет в конце ноября дал свое согласие на пропуск советских войск, борьба с украинской контр-революцией была бы в колоссальной степени облегчена. Но для лидеров краевого комитета было еще не вполне ясно, что лучше советская власть, чем контр-революция. И они предпочли оставить донецких рабочих без всякой защиты.

Переход власти к немецкому совету, теперь уже раскусившему меньшевиков с точки зрения их реальной силы и все более внимательно прислушивавшемуся к большевикам, значительно облегчил деятельность совета рабочих депутатов, дав ему возможность собираться и даже издавать газету. В первом же номере ее было напечатано воззвание временного рабоче-крестьянского правительства Украины, образовавшегося в Курске в составе т. т. Пятакова, Артема, Квиринга, Аверина и др.

Власть немцев в городе оказалась однако весьма недолговечной. Сведения о переходе в руки директории целого ряда городов Украины, а также о предстоящем взятии Киева, заставили германское командование и совет согласиться на возвращение в город Балабачана и его войск. Это было 15 декабря. Опять начались насилия над рабочим классом. 18 декабря балабачанцы разогнали интернациональный митинг, созданный советом. Через несколько дней совет вынужден был вернуться в подполье.

Но теперь демократической власти оставалось уже недолго хозяйничать. В 20-х числах декабря обозначилось наступление советских войск на Украину сразу в нескольких направлениях. Немцы в виду заключенного с ними соглашения почти нигде не оказывали сопротивления и отходили к Харькову. Штаб республиканских войск во главе с Балабачаном не имел достаточно сил для отпора. Он мог только ознаменовать последние дни своего пребывания в городе рядом зверских расправ над попавшими к нему в руки коммунистами (т. Эдуардом Зонансом и др.), но больше всего над простыми рабочими.

Меньшевики не в состоянии были помочь полковнику Балабачану и его друзьям из меньшевистского лагеря. Правда, изо дня в день они писали о предательском ударе большевиков в спину украинской демократии, о новом насильственном навязывании Украине Советской власти. Меньшевистский комитет постановил даже отозвать свою фракцию из совета, признав, что путь вооруженного восстания, на который стал совет, является для меньшевиков совершенно недопустимым. Находившийся в то время в Харькове Либер предлагал комитету меньшевиков поставить точку над и, и призвать харьковских рабочих к вооруженному сопротивлению наступавшим советским войскам. Так далеко, однако, они не решались идти.

3 января 1919 г. в г. Харькове была восстановлена Советская власть. Открылась новая страница революционной борьбы...

Н. ПОПОВ.

Октябрьская революция в Харькове.

Если говорить об октябрьской революции, как таковой в широком смысле слова, в смысле непосредственной борьбы, то таковой не было в Харькове.

Судьба революции и ее победа решались в Питере и Москве, как в феврале, так и в октябрьскую революцию, которые и представляли непосредственную арену классовой борьбы.

Август, сентябрь и октябрь прошли для нас под знаком организационного строительства, постановки собственной партийной типографии. Были разсланы делегаты в Донбасс по сбору денег и агитации, с разъяснением рабочим о сущности июльского восстания в Питере. Мне пришлось, как одному из участников этих кампаний, быть на Петровских заводах и проводить агитационную кампанию и сборы среди членов Енакиевской организации и ряда рудников, прилегающих к заводу. Настроение в этом районе было революционное, рабочие были за нами, в результате чего я вернулся с хорошим сбором на оборудование и приобретение типографии газеты «Пролетарий». К тому времени, к нам, в Харьков, прибыл из ЦК тов. Семен Шварц, который был заведующим партийной типографией и повседневным ее организатором с редактором т. Сурик. В сентябре нами была куплена типография на собранные деньги за сорок тысяч рублей.

Параллельно с этим шла другая большая, организационная работа по добыванию оружия. Были посланы три товарища в Тульский оружейный завод, и у тогдашнего меньшевистского заводского комитета удалось получить для объединенной организации, так как выступление иначе грозило провалом, двадцать штук наганов, а в сентябре при посредстве коммунистов-железнодорожников, получили транспорт винтовок, патроны и пулеметы, которые были отвезены и охранялись на заводе «ВЭК»—Всеобщей Кампании Электричества. Этот завод считался нашей базой вооружения, а также и нашей крепостью, как по вооружению, так и по количеству коммунистов и их готовности защищать дело Революции и Рабочего класса. Коллективом завода и боевым отрядом на ВЭК'е, руководил т. Пастер, который являлся незаурядным организатором.

В апреле и мае велась дискуссия в комитете за дальнейшее объединение с меньшевиками. Странниками такого объединения были т.т. Тиняков Федя, Иванов Алексей, Лугановский и Кин. В это время на юге существовало еще много объединенных организаций со времени подполья. Харьковскому комитету (в состав которого с февральской революции до апреля 1918 года, момента революции, входили т.т. Сурик, Судик, Иванов Алексей, Буздалин, Тиняков Федя, Покко, Данилевский Николай, Ярослав, Пастер, по приезде из Австралии т. Артем и с сентября т. Рухимович) пришлось много

работать, чтобы расторгнуть этот незаконный брак, что нам и удалось достигнуть, а также определить линию поведения, чтобы об'единение произошло у самих то нас.

Вслед за этим, нам пришлось перенести другой уклон товарищей, выступавших с идеей блока на выборах в харьковскую городскую думу, совместно с меньшевиками, на что меньшевики охотно шли. Особенно блокирование защищали т.т. Иванов Алексей, Лугановский и Кин. В июне на общем собрании по этому вопросу собрание раскололось, резолюция против блока получила большинство в три—пять голосов. При выборе комитета т.т. Кин, Иванов и Лугановский отказались итти в комитет, мотивируя тем, что антиблоковскую политику они считают ошибочной и не могут ее проводить. Собрание не стало настаивать на вхождении. Только при следующих выборах Иванов вошел в Комитет.

Уроки революции не заставили себя долго ждать. Наступившие события 3-го июля и связанная с ними травля нашей партии убедили т.т. в их ошибочности и недооценке текущего момента, что, блокируясь с меньшевиками, они тем самым дискредитировали организацию перед рабочими массами и агитационную борьбу невольно притупляли и приковывали себя к меньшевистской точке зрения.

Наше влияние простиралось на рабочих, казармы и Донбасс, так как к тому времени в Харькове был областной комитет нашей партии. В уездах Харьковской губернии работа и связь была, были ячейки в Чугуеве и Белгороде, куда Харьковский Губком до октября меня посылал проводить кампании, дальше наша работа замыкалась городом.

События третьего июля, расправа с питерскими рабочими, окончательно убедили рабочих, что меньшевики не могут что-либо дать рабочему классу и что они прокладывают дорогу контр-революции, и будут тем мостом, через который она придет. Наша организация росла количественно за счет уходящих рабочих от меньшевиков и эсеров, их наиболее революционной части. На выборах в Совет от железнодорожных мастерских Основа, Южные, Южно-французский завод, ВЭК, исключительно проходили почти большевики. На заводе паровозном мы имели половину, а союз Игла стоял поголовно за нами, и большевики составляли все правление. Руководил этим союзом Федя Тиняков. В своем подавляющем большинстве стоял за нас и союз металлистов, где в Правлении большинство было наше. Руководили ими т.т. Судик и Плохотников: меньшевики и эсеры имели влияние в непролетарских, непроизводственных союзах и мелких мастерских, а также мелких воинских частях специальных, и в последние выборы перед октябрьской революцией, они получили незначительный перевес в совете против нас. Среди солдат вел работу военный отдел нашей организации. Руководили этой работой т.т. Артем, Рухимович, Руднев. Имелось также несколько офицеров, членов нашей партии. Наше влияние на солдат было огромное. Все пехотные части, за исключением специальных частей, в подавляющем большинстве сочувствовали нам и нашим лозунгам, и о выступлении против нас не могло быть и речи, хотя командный состав ждал и во сне видел расправу с нами при первом удобном случае.

За октябрьским переворотом харьковские кадеты попытались дать нам бой, конечно, не без участия правого крыла меньшевиков, вроде Подубного, Рубинштейна и правого крыла эсеровской организации. В обоих этих партиях сожительствоваали интернационалисты, оборонцы и архиправые радикалы. При наличии единой воли и отсутствия у них растерянности они могли выставить достаточную силу против нас, но в то время они послали походом на Харьков только чугуевских юнкеров, выступление которых было ликвидировано отрядами Красной Гвардии. Это было в последних числах октября или первых числах ноября. После этой, попыток «усмирить» Харьков не делалось.

28 и 29 октября состоялся пленум Харьковского Совета. На повестке дня стояли вопросы о событиях в Питере и передаче всей власти Советам. Зал городской думы, где происходило заседание, был битком набит. Подавляющее количество присутствующих составляли рабочие, буржуазная и мещанская публика составляла ничтожное меньшинство: будучи напугана призраком революции, она уже не надеялась на своих защитников, меньшевиков и эсеров. По второму вопросу была принята наша резолюция о передаче власти Советам. С нами голосовали беспартийные, анархисты (их было несколько депутатов в совете рабочих—исключительно) и несколько эсеров, левая часть рабочих. На этом пленуме не было сделано окончательного вывода, т. е. не был переизбран исполнительный комитет: наша публика спасовала и оставила этот вопрос открытым. На другой день было собрание активных работников в партийном клубе, б. театре «Буфф», по вопросу о событиях в Питере и причине выхода некоторых товарищей в тот момент, когда нужно было больше, чем когда-либо мужества и стойкости. Собрание осудило поступок товарищей, но мы чувствовали, как в нашей среде несколько ответственных товарищей повесили нос на квинту, малодушно заявляя, что мы не справимся с задачей овладения аппаратом государственного управления. Они получили достойную отповедь, им заявили, что факт отказа является трусостью и отсутствием веры в себя и партию. Аргументом рабочих было: отступить—равносильно гибели и провалу, и мы находимся в таком состоянии, когда отступления нет.

Через несколько дней состоялся пленум Совета и был избран новый Исполнительный Комитет. Председателем его был избран т. Артем. Спустя несколько дней была разогнана и городская дума, эсеровско-меньшевистская, взамен ее был образован коммунальный совет из семи или двенадцати человек, под председательством т. Кина. Надо отметить, как один из видов борьбы буржуазии после октябрьской революции, это—массовое желание закрыть предприятия и неплатеж рабочим. Этот метод борьбы со стороны буржуазии вызвал преждевременную национализацию предприятий. Буржуазия хотела выкинуть за ворота рабочих, поставить их перед лицом массового закрытия заводов и безработицы. В ответ на это советом были назначены на заводы комиссары, была выплачена заработная плата, деньги были изысканы наложением контрибуций на буржуазию, и заводы работали.

В городе было тревожное настроение. Наша организация лихорадочно организовывала на заводах Красную гвардию и организовала милицию.

Украинские эсдеки часто угрожали нам броневым отрядом, который, мол, с нами расправится, но вскоре он был разоружен, и так бесславно, без сопротивления, пала последняя надежда в Харькове Киевской Рады.

С этого момента организация перестроила свои ряды, агитаторы выехали по деревням и уездным городам. Ряд товарищей работали по организации Красной гвардии, другие работали в Ревкоме и Совете. Тов. Артем сидел, дежуря у телефона, в тревожные дни, в Революционном комитете и тут же писал в газету, спал урывками, сидя за столом около телефона. Ноябрь и половина декабря прошли в организации постановки обороны Харькова, сколачивания Красной гвардии и отправке отрядов в Донбасс против карательных казачьих частей и объединенной контр-революции до ухода из Харькова. Первыми уехали с отрядами т. т. Рухимович, Тиняков Федя, Сапельников.

Федя Тиняков был убит в январе 1918 г. Это был преданнейший революционер, коммунист, старый большевик, рабочий портной, пользовавшийся колоссальной популярностью среди нашей организации и союза портных, где он состоял одним из активных членов правления союза, и активнейших работников среди портных до революции. Т. Тиняков бессменно был членом Харьковского комитета организации все время и до революции. Живой, вечно жизнерадостный, несмотря на свои физические недостатки (он был хромым, без помощи костыля ходить не мог) он был не из заурядных ораторов рабочих; он является одним из старых активных работников харьковской организации.

Я прибыл из Питера в 1916 г., он работал здесь и вел активную работу в организации, насчитывавшей тогда сто двадцать человек. Посылка отрядов происходила также и на Киевский участок. Операциями руководил Муравьев. Тогда только что разыгрывалась эпопея гражданской войны, и она уже приняла упорный и настойчивый характер классово-борьбы, и видно было, что буржуазия сорганизовалась, оправилась и даст бой нам.

9 апреля 1922 г.

С. БУЗДАЛИН.

Октябрьские дни в Киеве.

В Петрограде и Москве шла уже горячая борьба, уже брал в свои руки власть Съезд Советов, а Киев еще молчал, и глухо волновались в нем рабочие и солдатские массы, еще не решаясь на открытое восстание.

Штаб Киевского Военного Округа (армии Керенского) чувствовал все же неизбежность восстания и начал готовиться, укрепляя тайно дворы в районе своего расположения—по Банковской, Левашевской, Ольгиевской, Круглой-Университетской. Военные школы были призваны под ружье, Казачий съезд объявил себя полком, так же, как и 3-й Всеукр. Войсковой Съезд, созванный Центральной Радой.

Всюду шныряли меньшевистские и эсеровские «дипломаты», вынюхивали, подглядывали, подслушивали и создавали свои «комитеты безопасности».

Не дремали и наши. Наспех создавалась Красная Гвардия, раздавалось рабочим оружие, организовался большевистский Военно-Революционный Комитет.

Но отношения Украинской Центральной Рады к надвигавшимся событиям никто не знал доподлинно. Она хитрила, лавировала, виляла, обманывая всех. Был момент—23 октября,—когда она создала объединенный Революционный Комитет, в который пригласила представителей всех партий, не исключая большевиков. Одновременно она заключила с нами тайный контакт для совместного выступления против керенщины, обещая, что предоставит в наше распоряжение свои вооруженные силы—украинские воинские силы.

Однако, уже 25 октября вечером, накануне заседания Киевского Совета, которое должно было решить вопрос о власти в Киеве, Центральная Рада издала приказ по своим воинским частям, заявляя, что здесь, дескать, происходит «хатня справа москалів», и призывая украинских солдат к невмешательству в события и к сохранению строгого нейтралитета.

Это уже было явной изменой, и Киевский Партийный Комитет ответил на это отозванием своих представителей из самой Центр. Рады и ее Рев. Комитета, а также изданием 26-го октября прокламации¹⁾, в которой Центр. Рада называлась изменницей, а рабочие и солдаты-украинцы призывались не слушать Центр. Рады, не подчиняться ей.

Наконец, 26 октября, к вечеру, открылось это историческое заседание Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, на котором был конкретно поставлен вопрос: в чьих руках отныне будет власть в Киеве.

Зал театра б. Бергонье (теперь, кажется, имени Т. Шевченко) был весь переполнен. Настроение было крайне напряженное. Страсти разгорались. Украинские шовинисты, возмущенные нашей прокламацией (шутка-ли «против

¹⁾ Это была, между прочим, первая большевистская прокламация на украинском языке; писал ее по поручению Киевского Паркома автор этих строк.

украинцев—и по украински»!), надрывались от злости. Помнится, особенно рьяно выступал Григорьев, если память не изменяет, председатель «Украинской Рады Військових Депутатів». Выступали и наши—т.т. Юрий Пятаков, Сергей Бакинский и друг.; некоторые из большевиков выступали и по-украински. Долго тянулись дебаты и долго неизвестно было, на чьей стороне будет победа.

Но вот выступает представитель Винницкого гарнизона, за ним Полтавского, и заявляют, что они—за Советскую власть; вот появляется на сцене т. Бакинский с представителями 3-го Сибирского корпуса, которые предлагают свою поддержку Совету; выступает левый с.-р. Кутузов—все в том же духе. Настроение начинает склоняться в нашу пользу.

Наконец, дошло до голосования. Решительный момент!

Победа за нами, большинство голосовало за резолюцию большевиков, Киев объявлен Советским! Новый Военно-Революционный Комитет избран был почти целиком из большевиков, с небольшим представительством левых эсеров. На второй день этот В.-Ревком с т. Юрием Пятаковым во главе занял б. царский дворец на Александровской ул., избранный опорной военной базой. Надо сказать, что выбор был неудачен, т. к. открытый со всех сторон дворец очень мало годился для такой роли,—в этом мы убедились очень скоро.

Военно-Рев. Комитет приступил к работе. Важно было выяснить настроение укр. воинских частей,—и меня (как говорящего по-украински) с сочувствовавшим нам украинским эсдеком (не помню его фамилии) отправили на заседание Всеукраинского Войскового Съезда «для приветствия». Помню, цирк переполнен был серыми шинелями, но в президиуме блестели золотые погоны. На мой вопрос, с кем украинские солдаты—с Керенским или с Лениным,—раздался единодушный крик:—С Лениным, с Лениным ¹⁾! Но президиум сумел вопросами об отношении большевиков к Центральной Раде и т. п. восстановить Съезд против нас, и закончить речь мне не удалось, а моему спутнику и вовсе не дали говорить (между прочим, председательствовал на Съезде тов. Микола Лебединец, был в президиуме и тов. Дудник—тогда украинские эсеры, а теперь члены нашей партии). Однако, когда мы вышли в фойе, нас окружила внушительная толпа солдат и матросов, обещая поддержку большевикам в случае вооруженного восстания. Действительно, весь день во дворец являлись представители различных украинских воинских частей с заявлениями, что признают В.-Ревком и, несмотря на запрещение со стороны Ц. Рады, выступают под его руководством. Впрочем, большой поддержки эти части нам не оказали; да и неспособны были к активному участию в гражданской войне части, выделенные из разваливавшейся царской армии и составленные почти сплошь из укр. крестьян, пассивных в начале революции.

Работа В.-Ревкома велась не только в военной области. Помню, как отправили меня с покойным тов. Ник. Ник. Лебедевым к печатникам, чтобы при их помощи подчинить прессу контролю В.-Ревкома. Меньшевики мобили-

¹⁾ Этот факт отмечен В. Шахраем (Скоровстанский) в его брошюре о революции на Украине.

лизовали свои лучшие силы и закатывали форменные истерики, однако, печатники почти единогласно приняли нашу резолюцию. Особенно горячо защищали эту резолюцию из печатников т.т. Ваня Перепечко и Клименко.

Правда, долго вести эту работу В.-Ревкому не пришлось. Уже 28 октября с утра начались события. По городу шла отрывочная стрельба, иногда взрывались гранаты, но никто толком не знал, в чем дело. После обеда подступы к дворцу стали заниматься юнкерами, казаками, офицерами. Красная Гвардия, которую тогда руководили «нейтральные» и «аполитичные» элементы, стала понемногу оставлять дворец. Во дворце остался лишь В.-Рев. Комитет, Парком и человек 200 солдат 148 пехотной Воронежской дружины и, кажется, 3-го Сиб. корпуса при 2-х пулеметах. ¹⁾ Странным казалось то, что и комитет с-р. (не левых) остался в своей комнате во дворце.

Вечером, когда дворец был уже окружен со всех сторон врагами, прибыла туда делегация, составленная из представителей Укр. Центр. Рады, Генер. Секретариата, Городской Думы и «миролюбивых партий»—меньшевиков, эсэров, бундовцев и т. п. Тут стало понятным, почему комитет эсэров остался во дворце: «Видите, мы избавим вас от кровопролития!»—заявляли, торжествуя, эти «избавители» ²⁾. Делегация обратилась к нам с предложением сдать оружие и дворец, после чего всем нам будут гарантированы («под честное слово») свободный выход из дворца и полная неприкосновенность, причем, от нас даже не требуется обязательства прекратить свою борьбу против керенщины.

Тов. Ю. Пятаков, при обсуждении этого вопроса в комитете высказал такие соображения: фактически, принимая эти условия, мы ничего не теряем, кроме 200 винтовок и дворца, который, все равно, ведь не годится, как опорная база; защищать дворец при таких ничтожных силах, какими мы тогда располагали—бессмысленно. А приняв поставленные нам условия, мы сможем изменить свою базу, избрать ею, предположим, Арсенал (оружейный завод) на Печерске (окраина Киева) и продолжать борьбу.

Скрепя сердце, мы выразили согласие на условия комиссии. Караул из 12 юнкеров (согласно условию) вошел во дворец, чтобы забрать сдаваемое нами оружие. Помню, как тяжело было расставаться с винтовками, на которые возлагалось столько надежд, как больно было признаваться самим себе в первой неудаче...

— Да, неудачную вы базу избрали,—говорил мне покойный уэздэк Ткаченко, присутствовавший при этом, как представитель Центр. Рады:—вам бы обосноваться на Печерске, еще Петром Великим избранном, как место «командующих высот». Поздние советы—думалось...

Между тем, юнкера вели себя все более провокационно, совали в карманы вещи, которые отнюдь не относились к вооружению, бросали оскорбительные остроты и т. п.

¹⁾ К тому же без оперативного руководителя, т. к. назначенный таковым тов. Пунке (тогда прапорщик) был во дороге во дворец арестован казаками.

²⁾ Между прочим, был среди них и покойный тов. А. Александров (Алаханицкий), впоследствии—преданный и ответственный коммунист.

Вдруг ворвалась во дворец огромная пьяная толпа вооруженных казаков, офицеров, юнкеров и с угрожающим воем стала уничтожать все, что попадалось под руку.

— Бей большевиков, убить Пятакова!—слышались выкрики.

Юрия Пятакова захватили на верхнем этаже и, заперши в какой-то комнате, стали голосовать: повесить ли его «на этом самом» ремне или убить другим способом.

Мы бросились наверх...

— Отдайте нам товарища Юрия!—требовали мы.

Но пьяная разъяренная толпа загнала нас, обезоруженных (среди нас были и женщины), в другую комнату и там стали издеваться над нами, целясь из револьверов, приставляя к груди штыки, замахиваясь бомбами. Особенно старались офицеры, и гораздо спокойнее и человечнее держались рядовые казаки. Впрочем, один из казачих офицеров заявлял, что «как с.-д. меньшевик»—не допустит насилий над нами; говорят, что это был Богаевский.

Наконец, прибыло «начальство»: помощник комиссара Ю.-З. фронта д-р Григорьев, которого с Чехо-словацкой дивизией и с ударными батальонами прислал «сам» Керенский, и знаменитый в свое время «Иван Иванович»—Кириенко.

Успокоивши несколько толпу, Григорьев обратился к нам:

— Поскольку вам обещали свободный выход из дворца—мы это обещание выполним; мы вас отсюда выпустим, но переарестуем вас всех на ваших квартирах,—таков приказ Керенского. Кроме того, имейте в виду, что за воротами вас ждет возмущенная вами толпа, и самосуда вам не избежать. Если же вы добровольно объявите себя арестованными, то мы вас препроводим в штаб под надежным караулом.

Мы прервали эту хитроумную холуйскую дипломатию:

К чему ломать глупую комедию—мы ведь и так уже фактически арестованы!

И нас повел караул под предводительством генерала Трегубова в помещение штаба Киевского Округа, где мы, под постоянной угрозой самосуда, провели трое суток. Вместе с нами, из солидарности, пошли и находившиеся во дворце не-большевики. Из них помню анархистку Зуеву и эсерку Лидию Соркину; однако, мы настояли на том, чтобы их немедленно освободили, и под арестом осталось 14 членов и эмиссаров В.-Рев. Комитета: братья Пятаковы—Юрий и покойный Леонид, М. Зарницын, покойный Н. Н. Лебедев, Ян Гамарник, покойный И. Крейсберг (Исааков), Вера Бухарцева, В. Введенский, покойный Качуринер, Ида и Дора Иткинд, С. Бакинский, Рувим Ицковский ¹⁾ и автор этих строк.

Но дело, понятно, не в нас. Захвативши дворец, пьяная толпа юнкеров и казаков учинила в нем форменный погром. Уничтожено было все, что попало под руку не только в комнате № 9, где помещался В.-Ревком но и в помещениях всех партий, не исключая мелко-буржуазных, и в помещении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Когда одному ино-

¹⁾ Р. Ицковского захватили на улице и доставили в нашу камеру позже, причем, по своему обыкновению, он так отчаянно ругался при аресте, что конвоиры были рады, когда от него избавились

странному журналисту показали фотографические снимки разгромленного изнутри дворца и спросили, что это, по его мнению, изображает, он, не задумываясь, ответил:

— Последствия землетрясения в Сицилии...

И произошла удивительная вещь. Такая, какие могут наблюдаться только у нас, в условиях напряженной гражданской войны.

Когда киевские рабочие и солдаты узнали об аресте их вождей и о разгроме Совета, они, без колебаний, восстали. Не надо было больше ни митингов, ни прокламаций. Даже те, которых трудно было раньше расшевелить, поднялись и взялись за оружие. Массы выдвинули новый Военно-Революционный Комитет, которому удалось установить связь с пленными.

— Чувствуется работа Саши Горвица,—говорил т. Ю. Пятаков, когда в нашу камеру проникли первые вести о восстании.

Из воинских частей восстали в первую очередь те, в которых было много рабочих: 3-й Авиопарк, Понтонный батальон, Телеграфная рота, 146-я и 147-я Пешие Воронежские дружины. Скоро до нас дошли сведения ¹⁾, что на нашей стороне 40.000 штыков, а на стороне керенщины—меньше 20.000.

На улицах Киева разгорались жестокие бои, копались окопы, проводились проволочные заграждения, рвались гранаты, трещали пулеметы.

Восставшие рабочие и солдаты избежали нашей прежней ошибки и избрали своей опорной базой Арсенал на Печерске. Юнкера и казаки неоднократно шли приступом на Арсенал, но повстанцы три дня выдерживали осаду, отражая все приступы и производя безумно-смелые вылазки.

Керенщина мобилизовала георгиевских кавалеров, белогвардейцев—студентов, с фронта на помощь ей шла ударная дивизия под командой Юрия Мазуренко ²⁾.

Все было напрасно.

Ураганный огонь нашей артиллерии со Слободки разрушил часть здания Константиновского военного училища (причем сразу было убито 70 юнкеров) и навел панику на керенцев. Совершенно сбило их с толку известие о том, что многие украинские части примкнули к нам. Впрочем, повторяю, участие украинских частей в восстании было весьма пассивным; это видно и по цифрам убитых: керенцев—свыше 400 человек, наших—19, а в украинских частях—всего один. Не меньше влияла на поражение керенцев всеобщая стачка, оставившая город без света, воды, трамвая и хлеба, причем арсенальцам продукты доставлялись рабочими (особенно Союзом Пекарей) в достаточном количестве.

К вечеру 31 октября победа окончательно оказалась на стороне Совета. Нас, арестованных, обменяли на пленных юнкеров и офицеров.

Так закончилось Октябрьское Восстание в Киеве. Но долгую еще борьбу, тяжелую и упорную, пришлось выдержать пролетариату Киева и всей Украины, покуда здесь была создана власть Советов.

И. КУЛИК.

¹⁾ За точность их ручаться не берусь.

²⁾ Впоследствии—один из лидеров укапистов.

Организация и борьба Красной Гвардии в Харькове.

К моменту Корниловской авантюры, выползавшей из-за обшлага любимца «революционной» демократии—Керенского, не только рабочие массы в Харькове, но и огромное количество членов партии не имели оружия. Между тем, положение грозно требовало организации вооруженной силы для отпора обнаглевшей реакции, любовно похлопываемой по плечу «социалистической» рукой. При наличии же тогда у нас эсеров-меньшевистского совета, конечно, нельзя было рассчитывать, чтобы он нас, рабочих, вооружил против «первого солдата революции» (по выражению Керенского) Корнилова, несмотря на то, что рабочие к этому самому солдату относились совершенно определенно, разгадав в нем начало контр-революционного движения. Приходилось надеяться самим на себя. Харьковский комитет большевиков бросил рабочим клич: «к оружию!» и началось поспешное формирование красной гвардии. Через 30-й полк, которым руководил тов. Руднев, нам удалось достать всякими правдами и неправдами, преодолевая массу трудностей, обходя эсеров-меньшевистскую бдительность, с помощью тов. Сербиченко, Пастера, Коваленко и Поленова (тогда еще меньшевика) около 7 вагонов винтовок, 40 пулеметов, бомбы, гранаты, ноганы,—полученные полком нелегальным путем из Тулы. Все это оружие было роздано рабочим, а оставшееся на излишке перенесено на завод В. Э. К. Самая процедура разбирания оружия и таскание остатков на завод создали в головах обывателей представление, что у большевиков страшно большая сила и, что завод В. Э. К. весь обставлен пушками и пулеметами и является неприступной крепостью. Мы при случае, разумеется, ни в какой мере не старались уменьшать этого представления. На самом-же деле силой мы тогда не были еще. Нам нужно было еще преодолеть трудности военного обучения, и мы за это взялись с лихорадочной поспешностью. Как сейчас помню эти занятия. Сразу-же после окончания работы, рабочие, не переодеваясь, в засаленных блузах собирались около завода и до ночи, вместе с членами партии (мужчинами и женщинами) проходили военный строй, тут-же из своей среды выделяя инструкторов из числа демобилизованных солдат старой армии. Позднее в этом отношении нам пришел на помощь 30-й полк, послав несколько своих инструкторов. С помощью их, при большом революционном энтузиазме у нас сравнительно через короткое время уже создано несколько отрядов красной гвардии.

Пока мы учились и организовались, Петлюровцы так-же создали несколько полков, так называемых «жупанников», из которых особенно твердой их опорой были пехотный полк на Москалевке и кавалерийский на Балаклее.

Перед подходом Корнилова к Белгороду, выступили Чугуевские юнкера. И хотя у нас уже была «сильная», умеющая стрелять красная гвардия, однако, перед первым экзаменом мы оказались охваченными небольшой тревогой, потому что испытания предстояли довольно большие: на нас нависла угроза сразу с трех сторон: Корнилов из Белгорода, Чугуевские юнкера и украинские «жупанники». На нашей стороне был 30 полк и бронеполк.

При получении первых известий о восстании юнкеров, была создана семерка, в которую от большевиков вошли тов. Кин, Руднев и Рухимович. Начались спешные приготовления к борьбе. Рабочие сразу-же бросили работу и, вооружившись, отправились цепью по обе стороны ж. д. На заводе В. Э. К., несмотря на известное сопротивление и саботаж администрации и спецов, рабочие сами своими силами по заданиям семерки установили в течение самого короткого времени прожектор, которым освещалась линия ж. д.. Ночь прошла спокойно, неприятель не показывался. На утро к юнкерам была отправлена делегация, которую они арестовали. Начались переговоры, в результате которых делегация была освобождена, а юнкера уклонились от боя и, таким образом, опасность с одной стороны оказалась рассеянной без выстрела. Руководителями юнкеров, как потом выяснилось, были: Кузнецов, Поддубный и Плакса-Зданович (расстрелянный в 19 году Ч. К.), примыкавшие к партии меньшевиков.

Гораздо хуже обстояло дело с Корниловым. Бои шли под Белгородом, где помимо красной гвардии принимали участие матросы, на которых и падала главная тяжесть боя. Руководителем всех отрядов был (покойный) тов. Сиверс. Харьковским штабом, который помещался в нижнем этаже Присутственных мест, руководил тов. Рухимович. Связь с Белгородом была непрерывная. Отряд красногвардейцев был все время наготове. Приходилось дежурить по двое-трое суток не выходя. Тут-же в штаб приводили задержанных офицеров, производивших стрельбу. По обезоружении их направляли в милицию, но т. к. она была далеко не наша, то их там после опроса сразу-же выпускали. Затем стали пачками поступать пленные корниловцы, состоявшие, главным образом, из крестьян, которые пошли против нас по заблуждению. После маленькой агитации, о том, кто такие большевики и что из себя представляет корниловщина, мы этих «корниловцев» направляли все в тот-же 30-й полк.

Бои длились около недели, пока, наконец, мы не одержали победы, после чего тов. Сиверс со своими отрядами занял Правление Южных ж. д., Центральный телеграф и—власть оказалась в наших руках. Однако, у нас оставалась еще угроза со стороны «жупанников»—пехотного полка на Москалевке, кавалерийского на Балакее и бронеполка на Мироносицкой ул. Этот последний нас больше всего беспокоил, т. к. он не имел определенной политической линии. Командир отряда (не помню его фамилии) говорил, что они не идут ни против большевиков, ни против меньшевиков и эсеров, а стоят за власть советов. Но странное их поведение и нежелание идти вместе с нами заставляло к ним относиться подозрительно. Было предложено несколько проектов забрать этот отряд, но ни один из них не был, пока, приведен в исполнение.

Между тем, в городе поднялась бешеная травля против большевиков, которым, прежде всего, ставился в вину «анархический» захват города.

Особенно неистовствовали украинские меньшевики и эсеры. Наконец, по инициативе меньшевиков и бундовцев было создано в Городской Думе совместное заседание всех партийных комитетов, где от Киевской Рады, насколько помнится, был сам Петлюра, Харьковский руководитель Петренко и Чеботарев (последний являлся начальником Харьковского гарнизона), от нас тов. Артем, Рухимович, Руднев и я. От имени инициаторов заседания выступил Рубинштейн. Он заявил, что целью заседания является выяснение наших требований и улаживание всех вопросов мирным путем. Мы выставили следующие требования: 1) пропуск сырья в Россию, 2) посылка в Россию продовольствия, 3) свободное проживание на Украине русских солдат, демобилизованных из старой армии, 4) свободный пропуск Красной Гвардии на Дон, где Каледин организовал казаков на помощь Корнилову. Требования эти нами были выставлены потому, что Петлюрой был запрещен вывоз хлеба, в котором крайне нуждалась Москва. Кроме того, все демобилизованные солдаты великороссы и их семьи, несмотря на то, что они много лет прожили на Украине, выселялись из пределов ее самым беспощадным образом: солдат раздевали и насильно отправляли обратно в Россию. Демобилизованные-же казаки, ехавшие на Дон к Каледину, пропускались беспрепятственно. Что-же касается Красной Гвардии, то ее приходилось пропускать тайком, ночью, чтобы она не могла подвергнуться опасности со стороны «жупанников». На эти четыре наши требования Петлюра ответил, что он не будет препятствовать вывозу в Россию сырья и продовольствия. но в то-же время не станет этому и способствовать. Выселять русских он тоже не будет и предоставит им свободный выезд, а также не будет препятствовать пропуску красногвардейцев на Дон, но только чтобы это производилось с его ведома. За эти «уступки» он потребовал от нас вывода из города отряда тов. Сиверса, на что мы ответили отказом. С двух часов и до вечера продолжались эти переговоры, но ни к каким результатам не привели, т. к. мы упорно стояли на своем. Тогда решили сделать перерыв.

После перерыва наше совещание продолжалось до 1 ч. ночи. От украинцев был Чеботарев, Н. Петренко, остальные меньшевики и эсеры. Главным дипломатом от противных нам партий был Рубинштейн. На этом совещании присутствовал и наш Сиверс. Пока шли переговоры, мы решили подготовиться и, если удастся, забрать на Мироносицкой ул. авто-бронепарк. Был выработан план. Везде по углам улицы были расставлены конные пикеты уланов на белых конях с пиками по семь человек. Уланы эти прибыли вместе с т. Сиверсом из Петербурга. Резерв красногвардейцев из завода ВЭК и завода Шиманского был размещен по разным учреждениям. На Мироносицкой улице стояло оружие на случай, если бы была попытка из парка выдвинуть авто-броневики. Была разбросана также пулеметная цепь. Резерв надежный. Тыл обеспечен на случай нападения украинского полка из Москалевской казармы. Все готово. Заседаем, торгуемся, заявляя, что мы отряд Сиверса из Харькова не отправим. Эсеры и меньшевики тоже настаивали на выселении Сиверса, ибо он не желательный гость—захватчик власти

в городе. Вдруг раздается три орудийных выстрела, вбегает Н. Петренко, бледный и заявляет, что большевики нам заговаривают зубы, а сами делают свое дело, и предлагает нам прекратить ночную стрельбу и кровопролитие. Рухимович, Артем, Евгения Бош, Сиверс и я удаляемся на совещание. Т. Артем вносит предложение прекратить выступление, так как не уверен в своих силах и, что Украинский полк может ударить в тыл. Но т. Рухимович заявляет, что тыл обеспечен, показал через окошко Екатеринославскую ул., освещенную электрическими фонарями, где стояли уланы наготове на случай нападения украинцев. Затем т. Сиверс заявляет, что если бы даже было сделано распоряжение Харьковского Губкома об отступлении, он ему не подчиняется, так как считает отступление невозможным. На том и порешили. Возвращаемся с совещания и объявляем нашим противникам о решении. Гр. Рубинштейн страшно забеспокоился, что ночная стрельба перепугает граждан города, ибо он был председателем городской думы. Отправились мы вторично на совещание и решили отправить делегацию на место боя. Делегация состояла из товарищей: Сиверса, Тинякова и меня. От эсеров Миронов. Сели в автомобиль и тихо, тихо, чтобы можно было слышать оклик расставленных пикетов, отправились на место боя. Автомобиль остановился вдалеке, и мы пешком пошли к месту боя. Чувствуем, как снег и стекла, выбитые орудийным выстрелом из рам, хрустят под ногами. Какой-то лавочник вышел прикрыть дыры в своих окошках. Я как будто бы ничего не зная, спрашиваю его, в чем дело, он отвечает, что какие-то солдаты забрали броневики из парка и увезли. Прибыв на место мы узнали, что все обошлось благополучно, без человеческих жертв, что солдаты бронепарка были застигнуты врасплох и растерявшись не оказали никакого сопротивления. Орудийные же выстрелы были случайны по своему же броневнику, который оказался из-за угла. Повреждение ему было сделано незначительное, и он не выбыл из строя. Узнав, что все в порядке, мы отправились в Петлюровский штаб, но боясь, чтобы они не оказали сопротивления, т.т. матросы тот-час же разбросили цепь по скверику и поставили пулемет-максимку. Неприятель заволновался, но выстрела не последовало ни одного.

Вся охрана штаба в пять минут была разоружена. Н. Петренко и Начальник Гарнизона Чеботарев были арестованы, но на завтра были освобождены.

Очередь была за полком, стоявшим на Москалевке. Но и его постигла та же участь. В одну ночь его тихонько окружили со всех сторон, открыли стрельбу,—и он сдался. Что же касается Балаклеевской кавалерии, то она себя ничем не проявила. И таким образом с Петлюровщиной было покончено в Харькове, хотя они еще и вступали с нами в бой в Полтавской и Екатеринославской губ., но гайдамаки (как мы их называли—гайдамацкие курдюки с кистями с желтыми верхами фуражек) были разбиты.

Борьба с Калединым в Дебальцовском и Юзовском районах была уже труднее. Его казацкие полки были хорошо обучены, рабочие же и Красная Гвардия, едва умела стрелять. Но сама жизнь уже рабочих учила побеждать, и при поддержке частей 30-го полка Калединцы были разбиты.

Наконец наступил самый трудный период борьбы с немцами. К этому времени мы уже перешли на казарменное положение вместе с 30-м полком,

из которого осталась только небольшая часть. При обсуждении создавшегося положения на паровозном заводе была вынесена резолюция, что если итти, так итти всем на борьбу. И действительно почти полностью рабочие паровозного завода с музыкой прибыли в 30-й полк под командой т. Нахименко. Во дворе был устроен митинг, который не обошелся без провокации: кто-то решил разоружить стоявших во дворе красногвардейцев, те приготовились к бою. Ворота закрыли. Раздался выстрел, который внес изрядную панику: некоторые кинулись бежать через забор. Но скоро все успокоилось. Через некоторое время было организовано два крупных отряда и отправлены на фронт—паровозники под командой т. Нахименко, городская публика и зав. ВЭК под командой т. Данилевского. Из оставшихся формировался коммунистический отряд. Формировались отряды и на других заводах. После эвакуации ценного имущества, отправлялись на фронт и остальные отряды. Помню, как на станции уже шла погрузка лошадей, орудий, мы человек 15 с т. Скороходом и Рухимовичем забирали деньги из Правления Южных ж. д. Затем двинулись по направлению к Основе. Дорога была забита эшелонами. Кононада слышалась со всех сторон. По направлению деревни Жихарево немцы в трех местах взорвали путь и цепью пошли на нас. Мы приняли бой и немцы отступили, оставив нам одно орудие. Бои шли по всем направлениям с переменным успехом: где мы бежали, где немцы отступали до Луганска. У нас была задача задержать немцев, чтобы иметь возможность вывести с Луганского патронного завода патронную латунь. Последний сильный бой был под Родаковым в нескольких верстах от Луганска. Здесь я получил огнестрельную рану в живот и был отправлен в Саратов. Дня через четыре Саратов был захвачен восставшими белыми, но, благодаря прибывшим на помощь Ртищевским рабочим, снова отбит. Здесь я узнал, что наши отряды отступали на Царицын, где пришлось уже воевать с казаками. Немцы дальше не пошли. Из всех наших руководителей, многие погибли. Тов. Тиняков Федя погиб на ст. Каменской, т. Руднев Коля в Царицыне от предательской руки своего полка, в который затесался какой-то контр-революционер, т. Нахименко погиб, когда брали Украину, гнали Скоропадского и Петлюровцев, т. Данилевский погиб на польском фронте...

Такова история Харьковской Красной Гвардии...

С. ПОККО.

Октябрьская революция в Донбассе.

Мои воспоминания о революционной работе в Донбассе начались с апреля месяца после Февральской революции 17 года. Гришинский уезд, куда нас, вернувшихся из ссылки, пригласили работать шахтеры,—представлял из себя не лучший в революционном и пролетарском отношении район, он представлял из себя крестьянскую массу и только тысяч двенадцать рабочих всех отраслей. Это количество рабочих представлял Исполнительный комитет, состоящий в большинстве из эсеров—несколько меньшевиков и интернационалистов и ни одного большевика. Настроение во всем районе было против большевиков, как на рудниках, так и на седе. До половины июля месяца большевику нельзя было открыто выступать, его подвергали суду Линча. Даже и без всяких выступлений большевиков ловила толпа, наэлектризованная представителями власти меньшевистско-эсеровской коалиции.

Пишущего эти строки окружила толпа на ст. Гришино, бросая обвинение в агитации против войны, против Временного Правительства и за раздел земель, выкрикивая «Це большевик», и окружая меня тесным кольцом. Присутствие на месте происшествия меньшевиков, с некоторыми из коих нас связала общая царская каторга, спасло положение. Некоторые из них активно вмешались и предложили толпе отправить меня в милицию, где составить протокол и предать суду. Эта картина характерна для значительной части Донбасса, например в Юзовке толпа убила не одного товарища.

Агенты Временного Правительства натравливали на нас толпу, которая учиняла самосуд.

Но к описываемому со мной инциденту на ст. Гришино, который имел место во второй половине июля, положение вещей в нашем районе уже значительно изменилось; узнав о моем аресте, рабочие Западно-Донецкого и Новоэкономического рудников пришли освобождать. К этому времени наше влияние уже заметным образом сказалось на шахтерские массы рудников, и кое-где мы уже начали вытеснять эсеровско-меньшевистский блок и добились того, что в Районный Исполнительный Комитет провели одного большевика тов. Андрея Беленького.

Западно-Донецкий Рудник явился тем местом, откуда мы распространяли свое влияние на весь район—он считался большевистским. Но большевиков там было всего двое: Андрей Беленький, избранный после в 1-й Всеукраинский ЦИК, и пишущий эти строки. Вместе с нами работал еще тов. Таранов—анархист-коммунист, который, нужно отдать ему справедливость, выбрал нашу позицию. Правда, тов. Таранов иногда стремился

проводить свои взгляды—особенно в вопросах профдвижения, но в мелких стычках с нами он убеждался на опыте, что останется один или, разрывая с нами, усилится эсеровщина и меньшевизм, которых он, как искренний революционер, ненавидел—таким образом была возможна совместная работа.

Завоевав рабочие массы рудника—мы быстро переизбрали Совет и исполком, выкинули кого нужно и совершенно ослабили эс-р., оставили их ради формальности.

Приближалось 1-е мая 17 г., мы решили использовать майский праздник для усиления нашего влияния. Вообще в мае месяце мы чувствовали себя не совсем еще прочно. Мы сговорились с соседним рудником Анонимного общества в поле встретиться и вместе двигаться на город Гришино, где соберутся все рудники района. В день 1-го Мая мы решили полностью развернуть наш взгляд на войну, на Временное Правительство и разяснить нашу земельную программу, закончить необходимостью добиться победы пролетариата—учредить Советскую власть. Когда же мы в поле встретились с шахтерами Анонимного общества и в приветственной речи развернули свою платформу, то руководители рабочих масс этого рудника, «эс-р. и меньшевики» выступили против нас.

Чтобы выяснить настроение рабочих, мы предложили тем, кто за войну, за Временное Правительство—отойти вправо, кто с нами,— пусть отойдет налево. Нужно заметить, что большая часть рабочих Анонимного общества ушла направо, налево же ушла незначительная, но более революционная часть шахтеров, которой мы разяснили смысл переживаемого момента и вместе двинулись дальше.

В этой стычке с меньшевиками и эсерами на первый взгляд показалось, что как будто бы мы потерпели поражение среди рабочих Анонимного рудника, что сказалося в том, что большинство из них ушло обратно несогласное с нами, но на самом деле это была наша полная победа. Вечером того же дня, наши товарищи из Западно-Донецкого рудника посетили рудник Анонимного общества, и оказалось, что среди рабочих происходили сильные брожения против эс-эров и меньшевиков, недовольство советом, вопрос уже поставлен о переизбрании. Скоро к нам явилась делегация во главе с тов. Кушвидом (впоследствии он стал большевиком) выслать к ним докладчика по вопросу о текущем моменте; товарищи решили, чтобы туда выехал я.

В Июле месяце явилась к нам делегация из Ново-экономического рудника, во главе с товарищем Гусаровым, устроить у них ряд докладов (впоследствии на этом руднике образовался кружок большевиков, и мы особенное внимание начали обращать на этот рудник потому, что он был самым крупным в районе). Но сил у нас было очень мало, тов. Боровой на ст. машинист на паровозе, я и товарищ А. Беленький на Западно-Донецком руднике и примкнувший к нам тов. Таранов на том же руднике. Правда, на том же руднике служил завхозом тов. Яковенко, заявивший, что он большевик с 1902 года, но рабочие не любили его и провалили в Совет. Работать с нами вместе за Советский переворот он отказался, но впоследствии, кажется, в 19 году примкнул к партии.

А работы было много. Узкая группа членов Совета решила освободить меня совершенно от работы на руднике, назначив через управляющего рудником мне заместителя. И меня предназначили по преимуществу для революционной работы. Это было тем более нужно, что нужно было агитировать среди крестьян—начались выборы в земство и в учредительное собрание.

На почве земельных отношений, несмотря на то, что против нас было восстановлено крестьянство, мы среди них начали пользоваться определенным успехом.

Как мы выбирали в волостное земство.

Весь Западно-Донецкий рудник рано утром, развернув красный флаг, двинулся в село Гришино. Не остались на руднике даже женщины с грудными детьми, для которых мы запрягли все подводы, находящиеся на руднике. Пройдя двенадцать верст до села, граждане рудника выстроились среди крестьянской массы, пред которой наши товарищи выступили со своей выборной платформой. Проведя 5 товарищей в волостное земство, мы его, конечно, не завоевали, но безземельные и малоземельные массы мы должным образом революционизировали, пробивались вперед. О большевиках начала говорить крестьянская масса, она начала о ней думать и по своему оценивать.

Таким порядком мы работали, распространяя свои идеи в массе и укрепляя свое влияние. Приближался Октябрь—2-й Съезд Советов. Ясно было, что вопрос о власти станет во весь рост. Соотношение сил в районном Исполкоме перед выборами было таково, что половина членов склонялась в сторону эсеро-меньшевистского блока, половина за большевиков—при таком соотношении сил приходилось производить выборы на второй Съезд. Однако видно было, что правого эсера посылать никто не желает,—многие члены Исполкома перекарасились в левые эсеры, но по вопросу о выборах они блокировались. Несколько раз производили голосование записками, и половина голосов была подана за большевиков,—половина за эсеров. В конечном счете одним голосом больше, решили послать меня, как большевика, а это произошло потому, что один рабочий, тогда эсер тов. Казанков, давно уже ставший коммунистом, весьма искренний революционер, при последнем голосовании подал свой голос за нас. Наш Гришинский угольный район ко II-му Съезду Советов этим же стал большевистским. Наше влияние в массах стало прочным, и передовые части рабочих начали премыкать к нашей партии, имевшей до этого времени всего три—четыре работника в этом районе. Характерно отметить, что после II-го Съезда Советов, когда образовался Совет Народных Комиссаров, правые эсеры отказались работать с нами.—Давидов старый эсер—теперь обыватель,—бывший долгое время председателем Исполкома Гришинского угольного района, называл наш переворот авантюрой,—заявил, что он с этим смехотворным министерством работать не желает,—и во главе советской работы стали большевики, поддержанные левым эсером Бротским.

После октября.

Тут уместно отметить, как восторженно и искренно примкнул к нам тов. Таранов. Высмеивая эсеров, он весь горел желанием немедленно же ввязаться в социальную схватку—ликвал на заседании Исполкома после переворота и все понукал на счет оружия. Скоро мы получили винтовки, и из шахтерского пролетариата образовалась красная гвардия в нашем районе. Начались обучения, прохождение строя и прочее. На Западно-Донецком руднике винтовки были выданы почти каждому рабочему. Во главе отряда был поставлен старый солдат империалистической войны (не припомню его фамилии, но хорошо помню с каким достоинством он приступил к командованию гвардией). Получивший ранение на фронтах, бывший не один раз под огнем—этот невольный защитник буржуазии,—превратился в ярого ее врага, готовил против нее вооруженные силы. Во главе же гвардии всего Гришинского угольного района стал тов. Таранов. Рудники стали боевыми единицами.

Перенесемся теперь в Бахмут, в уездный город, Центр Донбасса (теперь губернский город). В Бахмуте положение было гораздо хуже. Находясь в центре ряда угольных районов, в этом городе, однако, было очень мало рабочих,—город мещанский по преимуществу, несмотря на то, что в прилегающих к Бахмуту районах эсеро-меньшевистский блок был побежден—шахтерская масса от них отвернулась, в городе же Бахмуте некоторое время он продолжал господствовать. Бахмутское уездное земство тоже находилось в руках эсеровщины. Наша фракция в земстве была по количеству второй после эсеровской. На первом земском собрании я впервые встретился с тов. Харечко, потом и с тов. Литвиным, с которыми впоследствии продолжали совместную работу. Наша фракция на I-м земском собрании провела меня в Управу, Харечко—председателем земского собрания. Но в Управе почти ничего делать не пришлось—на наше предложение передать в мое ведение Отдел Земельный, эсеры отказали, пользуясь большинством. После этого наш уездный комитет решил оставить меня формально. Влияние же Екатеринослава на Донецкий угольный район было чрезвычайно слабо. Весь период, начиная со второго Всероссийского Съезда Советов вплоть до третьего Всероссийского Съезда Советов, проходит в неустанной борьбе для создания уездной власти. В самом Бахмуте, без особого труда, нам удалось установить наш городской Исполком, который немедленно заменил эсеровско-меньшевистскую городскую управу, но что касается уездной власти, то вопрос оказался более сложным. Городской Исполком взял на себя инициативу созыва уездного Съезда уже на основании постановления II-го Всероссийского Съезда Советов. Президиум 1-го Уездного Съезда удалось составить нашей фракции, но эсеры вели срыв съезда, опираясь на спилку и просвит. Порядок дня Съезда был принят наш и состоял из следующих пунктов: 1) о земле, 2) о войне, 3) о власти. Крестьяне инстинктивно чувствовали, в особенности беднота, заинтересованная в получении земли,—что данный порядок дня вполне отвечает времени, но активное противодействие эсеров привело к тому, что Съезд сорвали, делегаты разошлись.

Уездный наш комитет после этого решил усилить работу на селе. Через месяц был созван второй уездный Съезд. На нем председательствовал наш т. Литвин, порядок дня был намечен тот же, что принят первым уездным Съездом. Но второй Съезд оказался еще более бурным, чем первый; на нем та же спилка и просвир шумели во всю, резко выступали против большевиков, украинские социалисты, поддержанные социалистами-революционерами Руси Великодержавной, образовали блок на Съезде, к ним примкнули и меньшевики. Характерно, однако, отметить, что председателя Съезда избрали большевика.

Бесперывно гудел... председательский звонок тов. Литвина, это было самое бурное собрание, из виденных когда-либо мною. Тов. Литвин просил фракцию освободить его от председательствования Съездом, который его окончательно измучил. Нужно отметить, что великодержавные эсеры и украинские самостийники ставили перед крестьянской частью Съезда вопрос таким порядком—большевики хотят провести в Уездный Исполком рабочих, а мы, мол, хотим провести в Исполком крестьян, и этой демагогией внесли замешательство в одной части крестьянских делегатов.

Пользуясь своим большинством в земстве, они предлагали земельный вопрос перенести на разрешение этого земства. Интернационалисты же горячо нас поддерживали, но их было очень мало. Выступавший от фракции С. Д. Интернационалистов тов. Генак не совсем умело подошел к вопросу о состоянии революции на окраинах, вызывая бурю негодований со стороны украинских националистов. Самостийники были оскорблены тем, что т. Генак назвал Украину Окраиной—зашумели по адресу «Державных», неуважающих принципы национальностей, даже непонимающих, что они живут на Украине, которую должны уважать. Следует отметить, что многие из украинских социалистов, представители воинских частей, носили погоны и на Съезде были представлены рядами отдельных войсковых единиц.

Выступление тов. Генака довершило столкновение, и наша фракция, возлагая всю ответственность за срыв Съезда на эсеров и украинских шовинистов, покинула зал заседания. Впоследствии мы выяснили, что идейно этим срывом Съезда руководила Земская Управа во главе с эсером Тавшавадзе, которая опасалась, что уездный Исполком станет большевистским, и тогда впервые в нашей организации поднялся вопрос о разгоне этой Управы. Тут уместно вспомнить, что этот самый Тавшавадзе после полной нашей победы, стал заведующим нашим Губздравотделом, но при нашем отступлении не эвакуировался с нами, а, надев погоны, поступил врачом в одну из белогвардейских частей в Белгороде. Белые его опознали и привезли обратно в Бахмут, где и расстреляли. После нашего ухода со Съезда, оставшаяся часть Съезда разбрелась, отчасти потому что уже оформился и действовал городской Совет, имевший уже твердую опору в прилегающих к городу рабочих массах соляных рудников, которые участвовали в выборах этого Совета. И второй Съезд уездной власти не создал; перед партийной организацией, весьма малочисленной, стоял вопрос о подготовке третьего Съезда, о распространении своего влияния на крестьянские массы. Наша организационная связь с крестьянами была чрезвычайно слаба, и этот недостаток мы решили пополнить, усилив агитацию главным образом по вопросу о земле.

При всеильной власти на местах, разрешая правильно земельный вопрос, можно было разбить местную контр-революцию—для этого нужна была уездная власть.

Накануне III-го Всероссийского Съезда Советов в нашем уездном комитете мы имели определенные сведения, что наша агитация в уезде по земельному вопросу начинает пользоваться большим успехом, что в крестьянстве происходит определенный перелом. Городской Исполком распорядился созвать Съезд, третий по счету. Он собрался накануне третьего Всероссийского Съезда Советов; украинские шовинисты на Съезд не приехали—места их больше не посылали—спилка и просвит потеряли свое влияние на крестьян, их место заняла наша партия.

Третий Съезд прошел с большим подъемом, наша фракция оказалась в большинстве. Председательствовать Съездом наша фракция поручила мне, и все беспартийное крестьянство—присоединилось к предложению нашей фракции, как по вопросу о Президиуме, так и о председателе Съезда.

Установилась уездная власть со всеми вытекающими отсюда последствиями в самом центре угольного бассейна—под председательством тов. Казимирчука—первого председателя Бахмутского Уисполкома.

ЭД. МЕДНЕ.

Из истории борьбы в Донбассе в октябрьские дни.

Октябрьский переворот завершился, и власть переходила к трудящимся. В половине декабря 1917 года на Дону уже накопилось солидное гнездо контр-революции. Сбежавшаяся со всей России свора генералов, полковников, офицеров-белогвардейцев и крупная буржуазия, трусливая, ошалелая от грандиозной картины Великой Революции, действовала на рядовое казачество самым разлагающим образом.

Пошла бешенная агитация против рабочих, и немедленно были организованы нападения на Донецкий Бассейн—ближащий рабочий очаг и большевистское гнездо. Восставший Донбасс был безоружен, и его участие в октябрьском перевороте выражалось пока еще только в ликующей радости и полном сочувствии товарищам, борющимся там, где можно было бороться и где власть целиком перешла к трудящимся. Казаки, подстрекаемые набегавшими отовсюду белогвардейцами и при их участии, совершали налеты на рудники, убивали рабочих, их жен и детей, не щадили ни стариков, ни старух.

Донецкий Бассейн в это тяжелое переходное время истекал кровью. Хотя на Дон для борьбы с контр-революцией были посланы из Петербурга отряды Сиверса и из Москвы отряды Саблина, но те начали вести войну по военному, и Донбасс был еще беззащитен. Донецкие рабочие послали своих депутатов в Харьков, прося помощи. Харьковский Военный Революционный Комитет быстро выделил отряд красногвардейцев из рабочих завода ВЭК и двинул на помощь Донецким рабочим. Во главе отряда стали т.т. Рухимович, покойный Сапельник, был с нами покойный Федя Тиняков и еще много видных Харьковских большевиков.

В 20-х, кажется, числа декабря мы поехали. Стройными рядами проходили красногвардейцы с пением революционных песен по улицам Харькова, и зрелище рядов рабочих, одетых кто в чем мог и вооруженных, было для обывателей еще ново. Еще в Харькове, стоя на Южном вокзале, мы приняли первое боевое крещение. Разоружали какой-то Украинский полк, зараженный Украинско-шовинистическими тенденциями, идущими из Киева от Петлюры. Всю ночь слышалась пулеметная трескотня. К утру приходит усталый Рухимович и заявляет: «Ни одного убитого и раненого нет! Ни с их стороны, ни с нашей».

Тут же стали подезжать подводы с оружием, взятым у гайдамаков. Через три дня мы были на ст. Дебальцево. Там стоял штаб Саблина. Получив инструкции, двинулись дальше. Еще на Дебальцево мы слышали, что на одной из станций, не помню теперь хорошо, какой, кажется Енакиево, был накануне налет казаков и перебито много рабочих.

Под'езжаем к этой станции. Мертвая пустыня. Все попряталось, кто не успел убежать. Здание станции все изрешетенное пулями, а забор, тянувшийся от здания, весь обрызган кровью, так как у этого забора расстреливали рабочих. Этот кровавый забор стоит и сейчас перед моими глазами. С трудом нам удалось кого-нибудь найти из станционных служащих. Со страхом стали выползать из своих убежищ перепуганные женщины и дети. Узнав, что приехали большевики, все население поселка нас окружило с радостью. Стали рассказывать. Накануне налетал отряд казаков с двумя офицерами, переловили всех рабочих, кто не успел убежать, или спрятаться, и тут же все рабочие на станции у забора были расстреляны, и казаки умчались. Нас повели смотреть убитых. На пути стояли два товарных вагона, набитых трупами. Трупы успели за ночь замерзнуть. Стали вынимать трупы. Как сейчас стоит перед моими глазами спокойное, прекрасное лицо молодого рабочего в синей блузе. Блуза растегнута, на груди у самого сердца зияет рана, а рука сложена и замерзла на груди. Около него плачет старая женщина и молодая девушка. Говорят: «Был вожакom местных большевиков» и его выдал начальник станции, бежавший с казаками. Родные окружили вагоны и стали с плачем разбирать убитых по домам. Через два дня состоялись грандиозные похороны. На другой день грандиознейший митинг, масса рабочих с окрестных рудников, горячие речи т.т. нашего эшелона, и наш отряд сильно увеличивается за счет местных рабочих. Собираемся ехать дальше. На ст. остается местный отряд, вооруженный из наших запасов. Все население жметя около наших вагонов, не хочет нас отпустить, но мы двигаемся. Следующая ст. кажется Колпаково. Там застаем самооборону из нескольких шахтеров с поломанными винтовками. Нас сначала принимают за казаков, и происходит страшная паника. Но все выясняется к общей радости и рабочие, получив оружие и устроив митинг, воспрянули духом, и все население изъявляет желание ехать с нами. Едва удается отговорить от этого и мы едем дальше. Таким образом, проехали мы целый ряд станций и рудников Донецкого бассейна, вооружая рабочих, обмундирывая их, и на наших глазах вырастали стройные отряды, грозные для казаков.

Между тем казаки пронюхали о нашей работе и на нас повели наступление. Первое нападение произошло, если память мне не изменяет, на ст. Гуково. Эшелон стоял на этой станции, а наши части пошли пешком на ст. Зверево, чтобы выбить засевших там офицеров, или как тогда рабочие называли «кадетов». От ст. Гуково идет куда-то ветка на станицу, кажется Каменскую, и вот по этой ветке подошли в тыл к нашему эшелону несколько вагонов с офицерами и казаками, стали нас обстреливать из пулеметов. Нас был всего один взвод с несколькими пулеметами, но начальником был распорядительный товарищ Юзик Саксаковский, рабочий ВЭК'а, старый солдат. Быстро разбросил Юзик цепь вокруг вагонов, выставил пулеметы и завязался бой. И вот с нашей стороны упало несколько раненых, между ними работающий сейчас в Нарковнуделе тов. Менайленко. Положение довольно неопределенное. Послали на Зверево за подкреплением, офицеры осмелели и придвинули свои вагоны ближе и стали осыпать нас

из пулеметов. Вдруг со стороны Зверева раздался залп из орудий, один... другой, то стреляли товарищи по офицерам. Видно было, как офицеры спешно стали собираться и удрали, оставив нам двух раненых, одного казака и одного юнкера. Раненых, наших и вражеских, мы на другой день отвезли на рудник в больницу. На встречу нам вышло все население рудника, и каждый рабочий считал за счастье помочь вынести раненого товарища. Впоследствии мне не раз приходилось привозить раненых товарищей на рудники и каждый раз отношение шахтеров к раненым трогало своим участием. Они отдавали буквально последний кусок для раненых, при чем никогда не надо было просить, сами приносили. Получив известие, что на одном из рудников, нами еще не вооруженном, побывали казаки, мы двинулись туда. С громадным трудом протащили наш эшелон на гору по узенькой ветке на рудник. На этом руднике казаки «кур и тех не пощадили», как помню, говорили шахтеры. Мне пришлось перевязывать раненую ногу 70-летнему шахтеру. Он смотрел мне в глаза и дрожащим голосом спрашивал: «Вы им отплатите, за нашу кровь!».

Организована была погоня за казаками, скрывшимися поблизости, но они успели скрыться. На этом руднике был сформирован и обучен боевой отряд, который потом отличался на фронтах в борьбе с белогвардейцами, и товарищи с боевыми отличиями, которых я потом встречала в Москве. Между тем борьба с контр-революцией приняла уже планомерный характер. Весь почти Донбасс был вооружен. Октябрьская революция расширялась и углублялась, и власть в Донбассе была уже целиком в руках рабочих. Пополнялся и кадр контр-революции бежавшей буржуазией из Донбасса. Ростов, Новочеркасск и окружающие станции стали очагом контр-революции, но круг их все сужался и сужался. Отряды на борьбу с белой гвардией все прибывали со всех концов России и Украины. Помню, на ст. Должанской, где мы стояли, прибыл новый эшелон б—ов, Откуда—спрашиваем? «Из Костромы»—отвечают. Эти Костромичи были через несколько дней сильно потрепаны офицерским отрядом и оставили, при отступлении, свои вагоны с продовольствием. Вернувшись на Должанскую, они голодали, пока получили из Дебальцево продовольствие, но ни одной жалобы я не слышала: все были веселы и рвались в бой. Каждый из борющихся был незаметный герой, и имя каждого из этих борцов, достойно быть отмеченным в истории великой борьбы. Наш отряд пошел в наступление на Новочеркасск. На одной из станции нам доносят, что нам на встречу двигается эшелон казаков. Высылается разведка. Разведка, это—вагон, паровоз, человек 20—30 красногвардейцев, при двух—трех пулеметах. Приезжаем на станцию. Окружаем ее. Телеграф берется под наш надзор. Расставляются пулеметы и караул, и мы ждем на телеграфе. Начальник нашей разведки, вышеупомянутый Юзик, исчезает куда-то. Между тем телеграф отстукивает, что казаки приближаются, нам значит нужно сняться и убраться во свояси, хватаемся начальника—его нет, доносят мне в вагон, где я нахожусь, о положении вещей, бегу сама искать Юзика. Вбегаю в зал 3-го класса и вижу такую картинку: по случаю какого то праздника в зале танцуют. Танцуют девицы, дочери железнодорожных служащих. Юзик поставил в угол винтовку, с увлечением

кружится с барышней, не помню только под какую музыку. Это просто-душная беспечность, это перевоплощение, меня до того поразило, что слова упрека не шли с языка. Мы еще не успели от'ехать от станции, как казаки налетели на станцию. Нам вслед полетели пули, но мы ушли. При наступлении на ст. Звереве, мы были встречены пулеметным огнем со всех окон, куда засели офицеры, и нам пришлось отодвинуть эшелон из линии огня. При отходе ночью мы потерпели крушение. Было разбито много вагонов, много было раненых бойцов и служащих поезда. Крушение ночью во время стрельбы должно было бы вызвать панику, а между тем ее совершенно не было, слышно было только стон раненых да тихий разговор работавших вокруг раненых. Когда рассвело, нам прислали пустой состав со ст. Должанской, и мы, перебравшись в новые вагоны, опять повели наступление на Звереве. Так воевали рабочие. Много было геройских подвигов в борьбе за власть трудящихся, но я остановилась только на тех, которые запечатлелись в памяти. Пал Новочеркасск под напором рабочих. Пал Ростов. Контр-революция была придушена, но не задушена. Многострадальному Донбассу пришлось видеть и временное торжество контр-революции. Пришлось видеть и владычество немцев и гайдамаков, но удалось видеть и поражение и гибель контр-революции.

Оканчивая свои воспоминания, не могу не отметить большую заслугу тов. Рухимовича, взявшего на себя инициативу вооружения Донецких шахтеров. Если бы эта мера была бы проведена в 1919 г., когда Донбасс был обезоружен окончательно немцами и гайдамаками, мера, на которой так настаивал покойный т. Артем, то Деникину не удалось бы так бытсро захватить Донбасс, Харьков и докатиться до Тулы.

Е. ХОЛМСКАЯ.

Очерк из Октябрьской революции в Донбассе.

Октябрьская революция застала меня в Донецком бассейне, куда был послан я Центральным Комитетом нашей партии с заданием об'ехать все места и найти старые связи, делая попутно везде доклады о положении дел в Петербурге и вообще привести в порядок нашу организацию в Донбассе.

Первое известие об октябрьской революции мною было получено на станции Никитовка. Сюда приехал один питерский товарищ, фамилии не помню, с образцом потребляемого Питерскими рабочими хлеба пополам с соломой, с тем чтобы побудить здесь к заготовке и отправке на помощь авангарду революции, петербургскому пролетариату продовольствия.

Никитовка была средоточием наших большевистских организаций шербиновского и горловского районов. Сюда же были доставлены первые декреты Совета Народных Комиссаров о земле и здесь же нами было решено срочно созвать конференцию этого района. Что касается товарища, приехавшего за хлебом, то сейчас было сообщено всем узловым станциям о проталкивании грузов, а также по всем волостям дали знать о том, что в Петербурге власть перешла к Рабоче-Крестьянскому Правительству, которым издан закон о переходе земли к крестьянам. В посланной нами тогда телеграмме был призыв ко всему крестьянству как можно скорее прийти на помощь Совету Народных Комиссаров продовольствием. Вскоре после этого приблизительно через сутки было созвано небольшое совещание района, на котором после небольшого доклада о положении в Петербурге, под председательством т. Смолякова, было признано необходимым издать специальную прокламацию и организовать кадр агитаторов для посылки их с листовками на села. Надо сказать, что вместе с большевистской организацией, которая всего больше и была крепка в Донецком бассейне, во многих местах его мы наблюдали и гнезда меньшевиков. Я помню, тогда мне пришлось выдерживать очень большой напор со стороны их на Петровском заводе, Горловских рудниках, Константиновских заводах, Краматоровке и целом ряде других мест. Любопытно отметить позицию, занимаемую тогда провинциальными меньшевиками: они делились на два сорта, если можно так выразиться, одни из них интеллигенты, которые просто и ясно ставили перед собою задачу о том, что никакой социалистической партии политической власти в руки брать нельзя, что таковую нужно отдать Учредительному собранию, и за это нужно активно бороться; другая часть меньшевиков—рабочие, которые недостаточно ориентировались в создавшемся октябрьском перевороте и в то же время не решались примкнуть к нему, в этом отношении

особенно любопытно выступление меньшевика Гената на петровском заводе, который всю свою речь свел к тому, что надо, мол, немножко выждать и вообще не торопиться и услышать, что скажет центральный орган сих интернационалистов «Новая Жизнь». Мы неоднократно указывали меньшевикам на многочисленных собраниях в Донецком бассейне, чтобы они присмотрелись к себе, и оглянулись назад, дабы увидеть, кто за ними идет, главным образом, вся мелкобуржуазная братия, начиная от инженеров и кончая десятниками, т. е. кнутогоны и лакеи капиталистов. Эти письма мы пишем сейчас для истории; многие персонажи, о которых я упоминаю сейчас живут и работают в Донецком бассейне, они могут сказать, что 9/10 рабочих тогдашнего времени, наиболее решительных, самых что называется революционных, с энтузиазмом шли за нами, большевиками, и, как истинные пролетарии в первоначальном своем состоянии, по инстинкту революционеров, сразу и быстро ориентировались в обстановке, брали на себя все функции управления и администрирования. Я помню этот здоровый шахтерский рабочий инстинкт, когда продвигались казачьи эшелоны через Никитовку: без всяких директив откуда бы то ни было, рабочие смекнули, что казаки идут на харьковских, московских или питерских рабочих, что их нужно задержать и разоружить. Тогда никто из меньшевиков не стал во главе огромных шахтерских масс, которые рвались произвести разоружение казачьих эшелонов. Дело, к сожалению, кончилось тем, что казаки, замаскировав оружие, в числе двух эшелонов пробрались дальше.

А вот и другой факт, в высшей степени знаменательный; дело происходит в Горловке, где после устроенной дискуссии, несколько меньшевиков подходят ко мне и жалуются, что тов. Козимирчук, будучи комиссаром горловского района, конфискует все кадетские газеты—«Южный Край» и «Речь» и не допускает их распространения. Так вот эти самые господа вместо того, чтобы действительно занять революционную позицию, занятую т. Козимирчуком, и пресечь распространение контр-революционных кадетских и нововременских изданий, обратились ко мне с противоположной просьбой. Надо сказать, что тогда в Донецком бассейне было еще далеко до принятия декрета о закрытии реакционных и кадетских газет, в подавляющем большинстве мест они уже не имели своего распространения. Я помню также отчаянную борьбу меньшевиков в Константиновке за обладание настроением рабочих и поддержку временного правительства. Разумеется, по всем кардинальным вопросам, как например, по вопросу об отдаче всей земли крестьянам, организации земельных комитетов, борьбы с помещичьим засильем на селах, по всем этим вопросам меньшевики не хотели проронить ни одного слова, а больше и хуже того, они всюду решительно выступали против нас, называя наш призыв к крестьянам авантюрой. Когда нам приходилось голосовать подобную резолюцию, меньшевики ни что же сумнящиеся голосовали против нее. Когда же им на собрании ставился вопрос, что они против того, чтобы вся земля стала крестьянской, они, конфузливо отступая, рисовали перспективу, что это дело отдаленного будущего и т. д. Первые моменты революции на ряду с тем энтузиазмом, который проявлялся тогда в Донецком бассейне шахтерами и крестьянами, пробудили и первую реакцию

со стороны служащих капиталу. Почти что с первого рудника, с Петровских заводов рабочие начинают жаловаться на то, что начальство проявляет уже саботаж, что ни штейгера, ни инженеры, не обращают внимания на ремонт шахт, сволов, клетей, машин и вообще всего технического производства и что этот злостный саботаж проявляется лишь для того, чтобы поставить рабочих перед фактом разрушения, которые должны смириться и просить господ инженеров, директоров, начальников, мастеров и десятников взять власть и полномочие над рабочими в свои руки. Это так было ясно каждому из рабочих, что после многократных обсуждений мы вынуждены были прийти к заключению о необходимости национализации Донецкого бассейна и как можно скорее, чтобы разрушающие тенденции саботажников не причинили непоправимого вреда. Так как поступление сведений из Петербурга все сокращалось и сокращалось, а между тем, дело рудников требовало непрерывного их функционирования и работы, несколько организаций предложили мне поехать в Петербург и переговорить с Советом Народных Комиссаров на предмет национализации рудников. С чистым, голым принципом мне пришлось ехать в Петербург, где и проводить национализацию рудников. Не помню сейчас, в каких числах ноября я был в Харькове, здесь все клочкотало, заваривалось украинская авантюра. Помню как на Городском Совете меньшевиков, трудно было уловить куда они льнут не то за Советскую власть, не то к украинцам, а скорее всего ни туда, ни сюда, но, однако, в воздухе пахло боем. В Горсовете украинским фронтом руководил Северо-Одоевский, а меньшевиками Сан. Во главе большевиков стояли т. т. Артем, Рухимович и Межлаук. Власти прочной не было. Образовавшаяся здесь девятка из украинцев, большевиков и меньшевиков должна была зорко следить за контр-революцией и не допускать ее. В то же время эта же девятка, по тройкам каждая, организовала свои штабы, и на всех собраниях и на улице говорили, что сегодня арестован Артем, завтра, что Артемом арестованы Северо-Одоевский и т. п. Что касается меньшевиков, то о них ничего не говорилось, ибо уже тогда они были живым трупом. На заседании Совета был поставлен национальный вопрос, и любопытно то, что как везде, так и здесь украинцы в своих выступлениях за все похождения прежних правительств царских и иных требовали расплаты от Советской власти и организации самостоятельной и независимой Украины. В таком городе, как Харьков, эти претензии встречали смех, тогда вероятно, никто не подозревал, что из под этого смеха родится Центральная Рада, а потом с различными перипетиями та красочная картина вероломства своему народу, которая заканчивается у петлюровцев нашими днями. Накануне моего отъезда в Москву, в одном из кабинетов Харьковского Совета, знаменитом здании бывших присутственных мест, я, Рухимович и Артем устроили совещание, на котором выясняли положение власти в Харькове. И Рухимович тогда прямо сказал, что т. Артем, прекрасный оратор и агитатор, совершенно не может взяться за хозяйственное дело и что у нас почти нет работников, поэтому, нужно передать в Центральный Комитет о присылке таковых в Харьков для организации Советской власти, иначе, сказал т. Рухимович, наше положение станет критическим. Это подтвердил и т. Артем. И вот на одном из заседаний с

углепромышленниками, также любопытном тем, что к этому моменту как раз Совнаркомом уже был издан закон о 8-ми часовом рабочем дне, вопрос был поставлен ребром—проводить этот закон, или нет. Конечно, углепромышленники, тогда еще преисполненные полной пренебрежительности к Советской власти, решительно отказались проводить его и с надменностью и усмешкой говорили, что это еще не правительство и что этот закон не закон. В этом гнусном деле капиталистов поддерживали на этом собрании меньшевики. Но здесь же я сказал, что закон правительством издан, что он должен быть неукоснительно проведен в жизнь и всякое его непроведение внесет лишь только больше антагонизма между капиталистами и рабочими, а быть может и худшее, капиталисты могут попасть в тюрьму. Это привело в негодование и, главное, не столько капиталистов, сколько меньшевиков, которые потом на отдельном совещании укоряли большевиков в бестактности и грубости. Вскоре мне пришлось выехать из Харькова и уже в Петербурге и Москве принимать участие в дальнейшем ходе революции.

Г. ПЕТРОВСКИЙ.

Екатеринославский Совет и октябрьская революция.

Екатеринослав сыграл немаловажную роль в истории пролетарской революции на Украине и осветить эту роль следует.

Екатеринослав—крупный рабочий центр Юга России, и социал-демократическая подпольная работа пустила там значительные корни. Правда, в Екатеринославе почти всегда имели преимущество меньшевики.

В 1914—15 г. в начале войны, мы, правда, начали забивать меньшевиков. Брянский завод уже тогда был в большинстве большевистский, но зато Трубный, Шадуар и др., были меньшевистскими. Меньшевики имели группу сильных работников рабочих. Аресты и высылки (со мной и тов. Авериним было выслано в 15 году 10 большевиков, за нами последовали т. Власенко и друг.) помогли в течение 16 года меньшевикам укрепиться, захватить почти все легальные рабочие организации (страхов. кассы, профсоюзы). Это и сказалось на темпе движения после февральской революции.

Меньшевики составили свой совет, когда революция пришла в Екатеринослав по телеграфу, как образно выразилась т. Гопнер, составлявшая, вместе с десятком рабочих—большевиков, нашу жиденскую фракцию в первом Екатеринославском совете рабочих депутатов. Первые месяцы рабочий и солдатские советы существовали отдельно. Офицеры, составлявшие большинство «Солдатского» совета, ревниво оберегали свою самостоятельность от рабочего хотя бы к архи-умеренно меньшевистского совета.

Для характеристики верхушки этого меньшевистского совета первых дней революции я приведу отрывок из воспоминаний т. С. И. Гопнер, напечатанных в Екатеринославской «Звезде», № 29 к 4-ой годовщине октябрьской революции:

«Первый бой наша фракция дала накануне праздника революции, 12 марта. В агитационной секции совета возник спор о лозунгах на знаменах в этот день. Мы предлагали, кроме лозунга «Демократическая Республика», еще лозунги: «8-ми часовый рабочий день» и «Конфискация всех земель в пользу крестьян». Меньшевики пришли в священный ужас и перенесли вопрос на пленум. На пленуме они уверяли, что этими лозунгами «мы оттолкнем всех». Тщетно мы им возражали, что лозунгом «Земля—крестьянам» мы можем привлечь армию, а за лозунгом 8-ми часового рабочего дня пойдут все рабочие, и что именно рабочих и крестьян нам только и нужно привлечь. На пленуме против меня одной выступила вся тяжелая артиллерия—целых шесть видных меньшевиков. Мы победили на половине. Представитель армии заявил, что лозунг «Земля» необходимо выставить, иначе армия за нами не пойдет.

Большинство голосовало за «Землю», но против «8-ми часового рабочего дня». А через несколько дней пришло по телеграфу известие, что Питерский Совет отвоевал 8-ми часовой рабочий день.

Тов. Гопнер была одним из секретарей этого совета и нашим большевистским заложником в президиуме совета. Членами первого совета были также тов. Лебедь, Муркин и др.

Но, вообще говоря, наша организация и губернский партийный комитет (т.т. Аверин, Бек, Гопнер, Копылов, Бондарев, Ройзман, Экштейн, (Яковлев) и я, др. не помню), не обращали большого внимания на работу в совете, и иногда даже поднимался вопрос о том, чтобы отозвать из президиума т. Гопнер.

К моменту выборов в совет второго созыва (Май) организация повела широкую выборную компанию. К этому времени наша работа дала уже значительные результаты.

Мы получили большинство на Брянском заводе, в некоторых союзах (кажется, Игла, кожевники). В общем во 2-м совете у нас создалась уже значительная фракция около $\frac{1}{3}$ состава объединенного совета Р. и С. депутатов.

Органической работой в совете мы попрежнему занимались мало. Нашими представителями в Исполкоме совета были т.т. Гопнер, Муркин, Берестов и др.

Кое в какие отделы мы начали давать людей, но основная работа попрежнему была в массах.

Все это время шла жестокая агитационная борьба между нами и меньшевиками и эс-эрами. Массы с каждым днем все больше склонялись на нашу сторону. Июньские дни не ослабили, а укрепили нас. Впервые в июньские дни мы организовали в 271 полку громадный 5 тысячный митинг, который окончился нашей блестящей победой. Эс-эровский полковой комитет, после принятия предложенной мною резолюции, заявил о своей отставке и перевыборах. Революционизированию солдат гарнизона также чрезвычайно способствовали вечерние митинги в городском саду, которые затягивались до глубокой ночи и на которых ежедневно бывало несколько тысяч солдат. Эти митинги очень обеспокоили меньшевистско-эс-эровский совет, и исполком даже собирался запретить их под флагом охранения общественной безопасности, но после нашего протеста побоялся это сделать.

Выборы в Городскую думу в июне месяце показали громадный рост нашего влияния. В рабочих районах мы получили абсолютное большинство голосов, но буржуазия в центре дала перевес цензовикам, эс-эрам и меньшевикам. Мы получили 22 места из 100. Получилась такая комбинация, что большинства у эс-эров и меньшевиков не было, и мы приняли участие в практической работе. Это отняло у нас много работников и внимания. Мы дали 3-х членов Управы т.т. Бек М. (продовольствия), Хавский (торгово-земельный), Квириг (жилищный), Г. И. Петровский, в те месяцы работавший в Екатеринославе, был выбран тов. председателем Гор. Думы, а т. Гопнер секретарем. Таким образом в городской думе на органическую работу мы дали 4 члена Губпаркома. Все это отразилось на ослаблении нашей

работы в самом Совете, который под руководством меньшевиков стал хиреть, так как ему нечего стало делать. Это была собственно сознательная политика меньшевиков. Мы же имели одинаковое влияние и в совете и в думе, поскольку же в думе ряд агитационных моментов можно было ставить практически (напр. в продовольственном комитете учет и карточную систему, в жилищном отделе—проведение уплотнения буржуазии, борьба против жилищного закона временного правительства) она представляла для нас также громадное агитационное значение. В частности по указанным вопросам путем давления через рабочие массы, мы провели в Думе ряд для того времени революционных постановлений.

Но главной по прежнему оставалась агитационная работа, и я должен сказать, что ряд кампаний, напр. выборы в учредительн. собрание или последние третьи перевыборы в советы, мы проводили, развив большую печатную и устную агитацию, чем это мы делаем теперь, при проведении самых ударных заданий. Не нужно упускать при этом одно маленькое — но... Мы тогда почти целиком были агитпропом партии и работали почти исключительно в городе.

Массы все больше накалялись, но, как это всегда бывает, совет не успевал отражать эти настроения и на второй октябрьский Всероссийский съезд советов от Екатеринославского совета было послано 1 меньшевик, 1 бунд., 1 прав. эс-эр, 1 укр. эс-эр и 2 большевика, т.е. соглашатели еще имели большинство, и мы с большим скандалом получили 2 места «пропорционально»,—таков был совет к моменту октябрьской революции.

На Всероссийский съезд поехали т.т. Явовлев, второго не помню. Мы понимали, что власть должна перейти к советам, но в какие конкретно формы должен вылиться этот переход, мы себе слабо представляли. По крайней мере я не помню, чтобы губернский комитет обсуждал этот вопрос во всем объеме. Отсюда вытекал, конечно, ряд наших ошибок, которые теперь кажутся такими очевидными. Когда получилось известие о восстании в Питере, мы не сразу нашли законченную программу действий. Для нас было совершенно ясно, что первым делом надо поставить на ноги всех рабочих и солдат, и это было сделано. Митинги показали, что массы целиком за власть советов и что в Екатеринославе буржуазная контр-революция не имеет никакой опоры. Если бы совет был нашим, переход власти к совету совершился бы немедленно. Едва ли гайдамаки тогда выступили бы против нас.

В начале ноября приехали делегаты съезда, и, на многотысячном заседании горсовета с заводскими и полковыми комитетами и правлениями профсоюзов, громадным большинством была принята резолюция поддержки восставших Питерцев.

Докладчиком тогда, кажется, был т. Яковлев и поддержка восстания предлагалась в форме создания отрядов на калединский фронт. Взять на себя власть, имея меньшинство в Совете, мы себе не представляли. Советская революция против Совета, хотя бы и меньшевистского, это слишком не вязалось со всей работой того времени; и мы ограничились требованием немедленных перевыборов Совета, вооружения рабочих и организации такой временной власти, которая не проявляла бы враждебности к Советской власти.

Для меньшевистского Совета резолюция собрания Совета с заводскими и прочими комитетами была напоминанием о его близкой смерти, но Исполком продолжал существовать.

Начался короткий период революционных комитетов, формируемых и переформируемых. Я сейчас точно не помню, как они были сформированы. Мы во всяком случае во всех имели меньшинство. Но ревкомы в сущности ничего и не делали, они заседали, народу было всегда много, бестолочи также, каждый тянул в свою сторону и, что самое важное: никто с революционным комитетом не считался, каждая партия или группировка вела отчаянную подготовку и к выборам в Совет и, главное, исключая меньшевиков, все вооружались. Большое значение в это время получил революционный комитет, или как то в этом роде, во главе с т. Гринбаумом-Кржеменецким. О последнем следует сказать несколько слов. Тов. Гринбаум вольноопределяющийся, член солдатского Исполкома с первого же дня. Он всегда был самым приличным левым представителем солдатского Совета. Тов. Гринбаум, когда мы с ним ближе сработались, заявился анархистом, но никогда он не имел никакого отношения к анархо-бандитским кружкам того времени. Он был целиком предан идее власти Советов и как беспартийный пользовался значительным влиянием в Совете. В последнее время меньшевики и эс-эры даже выбрали его председателем Совета. Под его председательством и состоял революционный комитет, который занимался военными вопросами.

В ближайшие дни после октября в Екатеринославе стало совершенно ясным, что борьба будет разворачиваться между главными силами: нами, большевиками, и украинцами-радовцами. Пытались еще играть некоторую роль правые соц.-рев., главным образом в лице городского головы Осипова, но эти попытки были явно беспочвенны. Зато позиции большевиков и украинцев выявлялись с каждым днем все ярче.

Я не могу здесь остановиться на развитии национальной борьбы во всей Украине.

К тому же у нас не было Всеукраинского партийного центра, который мог бы взять на себя руководство борьбой в украинском масштабе. Киевский Головной Комитет по существу не имел почти никаких связей с местными организациями, особенно с организациями левобережья (Харьков, Екатеринослав). Каждой местной организации пришлось вести свою самостоятельную политику. Вела самостоятельную политику и наша екатеринославская организация. Это приводило нередко к несогласованным действиям и было результатом многих ошибок.

До октябрьской революции (в Петрограде) национальная борьба в Екатеринославской губернии не принимала широких размеров и являлась предметом теоретических дискуссий.

Украинские социал-демократы и социал-революционеры имели довольно слабые организации и не имели почти никакого влияния на рабочих и армию. В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов их незначительная фракция выступала от времени до времени с программными декларациями. В августе при выборах в Городскую Думу оба украинских списка (буржуазный

с Трубой во главе и У. С. Д. с Воробьевым, Мазепой и др.) получили 6 мест из 100, тогда как наша фракция получила 22. В этот период, когда в Киеве Рада от одного универсала к другому, все более левела,² и у нас украинские с.-д. все больше приближались по фразеологии к большевикам. По целому ряду вопросов в Совете и в Думе У. С. Д. поддерживали наши предложения. Не раз выступали с заявлениями, что они по существу большевики, но только украинские. В частности, в вопросе о вооружении Красной гвардии они поддержали нас, требуя одновременно оружия для своего вольного казачества. Не раз они признавали лозунг «вся власть Советам» и вплоть до Октябрьского переворота в Петрограде украинские с.-д. стояли близко к нам. С этого момента борьба начинает принимать острый характер.

Вслед за Радой, которая объявила себя всеукраинской властью, и местные националистические партии начали ставить остро вопрос о признании власти Рады и местных национально-украинских рад.

И здесь наша, Екатеринославская, организация в самом начале допустила ошибку, приняв поправку украинских с.-д. к резолюции объединенного заседания Горсовета с завкомами и полковыми комитетами, о признании высшей краевой властью, выделенный Радой, Киевский Революционный Комитет.

Но, принимая поправку У. С. Д., мы заявили, что Киевский Революционный комитет должен быть переизбран первым съездом советов Украины.

27-го октября, когда укр. соц.-дем. присоединились к нашей резолюции о немедленном установлении Советской власти, а мы признали высшей краевой властью Комитет Рады, ни мы, ни укр. с.-д. не знали, что Центральная Рада начала враждебные действия против Совета Народных Комиссаров.

Через несколько дней, когда стала известна позиция Центральной Рады и выход из нее наших представителей, т.т. Пятакова и Затонского,— Екатеринославская организация отказалась от признания краевой властью комитета Центральной Рады и с этого времени взяла правильный курс национальной политики. Национальный вопрос обсуждался неоднократно и на пленуме Совета, засед. Городской Думы и на губернском съезде Советов. На всех этих заседаниях наша фракция, признавая право нации на полное самоопределение вплоть до отделения, признавая образование украинской республики, в то же самое время отказывалась признавать власть Центральной Рады. В частности, интересно отметить нашу позицию в вопросе о признании Екатеринославской губернии составной частью Украинской республики. В этом вопросе наша организация тоже не сразу нашла правильный язык. При обсуждении вопроса в Городской Думе и Пленуме Совета, наша фракция признавала необходимым передачу этого вопроса на разрешение плебисцита.

Ошибка наша заключается не в том, что мы признавали необходимым плебисцит. Нужно помнить, что в то время еще происходили выборы во Всероссийское и Всеукраинское Учредительное собрание, санкционированные нашей партией в целом, и потому принципиально предложение о плебисците не представляло собою ничего неправильного, но по существу, сама

постановка вопроса о необходимости плебисцита по этому вопросу показывает, что сама организация еще не имела по нему твердого решения. Все эти ошибки в свое время использовались укр. соц. в своих целях. Через указанные ошибки мы пришли все же к правильному решению, выраженному в резолюции Губернского съезда Советов, состоявшегося в первых числах декабря. Приводим эту резолюцию полностью.

«Центральная Украинская Рада, провозгласившая вполне демократическую программу в 3-м Универсале, на деле объявила войну рабочим и солдатским массам, разоружая эти массы, разжигая национальную вражду между отдельными частями ее, сея этим гражданскую войну. Свою буржуазную природу, она особенно проявила в том, что в борьбе пролетариата против контр-революционного калединского очага, консолидирующего вокруг себя все реакционные элементы русской и иностранной буржуазии, сохраняла нейтралитет и тем самым вольно или невольно помогала ему в борьбе с русской рабочей и крест. революцией.

«Разоблачение классового характера этого похода, облакаемого правящими украинскими партиями, при поддержке всех остальных мелко-буржуазных партий, в форму национальной борьбы украинцев против засилья великороссов, разоблачение этой лжи является одной из неотложнейших задач.

«Задачей пролетариата на Украине является дальнейшее укрепление и усиление Советов и мобилизация всех пролетарских и полупролетарских элементов вокруг лозунга: «Вся власть рабочим и беднейшим крестьянам».

«Революционное движение на Украине для завершения успешно начатой пролетарской революции может быть обеспечено только властью краевого центра Советов Р. С. и Селянских Депутатов.

«Съезд призывает всех рабочих, солдат и крестьян принять самое энергичное участие в выборах в украинское Учредительное Собрание, агитируя и голосуя за списки революционного интернационалистского социализма».

Такова была наша национальная политика. После того как радовцы выявили себя определенной контр-революционной силой, стала задача уничтожения вооруженных сил радовцев. Подготовка своих сил и стала нашей главной работой. Фактическое состояние вооруженных сил было в начале ноября таковым: с одной стороны тысячи невооруженных революционных рабочих, готовых выступить за Советскую власть, а с другой стороны, хорошо вооруженный гайдамацкий курень в 1000 штыков и, сверх того, меньшевистско-эсэровский совет.

Были в городе и большевистские войска. Я уже упоминал 271 пех. полк. С июля—августа он стал большевистским, но вместе с тем он окончательно разложился. Среди комсостава у нас не было ни одного человека, и последний сознательно содействовал разложению. Солдаты расходились. С большим трудом удавалось набирать самые нужные караулы. В то же время в 271 пех. полку единственной сохранившейся частью явилась учебная команда в несколько сот человек, под командой кап. Орлова. Эта команда получала содержание дополнительно от Городской Управы, поэтому кап. Орлов ориентировался на эсэров. То же было с уланским кавалерийским эскадром. Он оказался наиболее контр-революционным.

Была на нашей стороне еще значительная сила: Сердюцкий полк имени атамана Орлика. Этот полк был выделен из питерских гвардейских полков. В Екатеринослав полк прибыл как большевистский. Он сохранил организованность и боеспособность, но в этом и заключалась трудность прямого его использования. Комсостав был петлюровский и только подделывался под солдатские настроения. Это стало для нас ясным очень скоро. Солдатские же руководители были слабы. Наиболее видным был тов. Ермак, но это был слабый организатор. Полк довольно дружно выносил резолюции, но комсостав собирал вокруг себя активную публику и не терял авторитет. Это делало полк сомнительной вооруженной силой. Мы во всяком случае и, как оказалось правильно, рассчитывали на его благожелательный нейтралитет. Во всяком случае, благодаря полку Орлика, нас боялись тронуть, пока у нас не было еще сильной красной гвардии.

Таково было состояние вооруженных сил, т. е. «реальное соотношение сил»—и вся наша надежда была на вооружение рабочих.

Красную гвардию, если я не ошибаюсь, мы начали создавать в августе. Первым организатором был старик—рабочий Тихон Бондарев. Теперь он, кажется, окончательно стал крестьянским коммунистом на своей родине.

Собралось до ста партийных и беспартийных рабочих, вооруженных частично револьверами. Началось обучение. Все проводилось полуполюгально, но скоро мы поставили перед советом вопрос о легализации красной гвардии, как беспартийной организации рабочих для создания вооруженной рабочей милиции.

Мы встретили упорную оппозицию со стороны меньшевиков и эсэров. Тем не менее организация шла, и в сентябре—октябре, исполкомом Совета был утвержден устав. Тогда же начались поиски оружия, и нами был командирован в Москву, когда уже там произошел Октябрьский переворот, за оружием тов. Ройзман. Он был послан от имени Совета, при чем, было поставлено условие, что часть оружия будет дана дружинам еврейских социалистов и украинских с.-д. Я не участвовал в выработке этого соглашения и не помню сейчас его деталей, но помню, что мы поставили себе задачей это оружие захватить, воспользовавшись фирмой Совета для проезда по железным дорогам. Миссия тов. Ройзмана удалась. Он получил от тов. Муралова Комвойск Московского округа 10.000 винтовок, 10 миллионов патронов, несколько сот наганов и десять пулеметов.

Привезено было оружие в начале декабря и из-за него и началось вооруженное столкновение с гайдамаками. От своих железнодорожных агентов узнали петлюровцы о прибытии состава с оружием и немедленно поставили свой караул. Начались переговоры, которые в первый день ни к чему не привели, и гайдамаки начали растаскивать оружие. В первую очередь они забрали пулеметы и часть наганов. На следующий день весть о захвате гайдамаками оружия разнеслась по заводам и удачным маневром отряда красногвардейцев Брянского завода, гайдамаки были захвачены врасплох, и паровоз Брянского завода быстро увез драгоценный груз под защиту 10.000 рабочих завода. С этого дня Брянский завод стал настоящим упрощенным. Здесь формировалась Красная гвардия, шло вооружение, обучение. Одновременно это была и крепость и арсенал.

Наши силы быстро нарастали. Мы укрепляли военные связи с ближайшими рабочими районами, в особенности с Харьковским, куда начала стекаться Красная гвардия с севера.

К середине декабря закончились пере выборы Совета. Большинство оказалось нашим. Президиум был избран целиком большевистский, в него был введен только беспартийный т. Гринбаум. Членов президиума было, кажется, 5 чел. Т. Аверин, Ройзман, Гринбаум, я и А. Новиков. Здесь следует еще отметить, как в то время город превалировал над губернией. Губернский съезд советов, происходивший в начале декабря, оказался большевистским при поддержке беспартийных. В числе этих беспартийных, между прочим, был знаменитый потом батько Махно, тогда скромный гуляйпольский учитель. Никому из нас и в голову не приходило, что этот Губернский совет и его президиум есть высшая губернская власть. Мы тогда относились к нему как к организационно-агитационному крестьянскому центру. Центром внимания был городской пролетариат и его городской совет—именно там и только там решалась судьба революции.

И после фактического захвата власти до отступления, т. е. до апреля 18 г. высшим органом власти был не Губернский Совет, а городской.

Это сводилось к тому, что в губернский совет давались второстепенные работники и напр. такие учреждения, как Государств. Банк, казенная палата, казначейство и т. п. находились в непосредственном подчинении президиума Горсовета, и Губернский совет получал деньги по ассигновкам подтвержденным Горсоветом.

Это было юридическое выражение фактического положения вещей, и никто не пытался протестовать.

Этому способствовало еще то, что на Губернский Совет отчего-то смотрели, как на приемника губернской земской управы.

В середине декабря наша подготовка и схватка в значительной степени была закончена.

Городской и Губернский Советы были наши, рабочие получили оружие. Оставалось только выбрать момент для выступления.

В непосредственной организационной работе по созданию наших вооруженных сил я не участвовал. Организацией Красной Гвардии ведал штаб, во главе которого вначале стоял т. Бондарев, а в декабре т. Гринбаум.

Тов. Луговой в своих воспоминаниях о декабрьском перевороте говорит, что временный революционный комитет, который руководил вооруженной борьбой, был выбран 26 декабря на Брянском заводе в составе т.т. Аверина, Ховского, Валявки, Бека, Амосова и Лугового. Это был комитет или, вернее, Рев. штаб Брянского завода.

Насколько мне представляется, ревком был выделен президиумом Горсовета еще раньше, и руководителями его были т.т. Аверин и Гринбаум.

Последние дни перед началом вооруженной схватки довольно точно изображены т. Луговым в статье «Эпоха бури и натиска» журн. «Звезда» № 29—21 г., поэтому я привожу это описание.

«К этому моменту, примерно числу 22 декабря, гайдамаки начинают проявлять активность в Екатеринославе. Стягиваются части, выставляются караулы на вокзале, почте и т. д.

На Брянском, Трубном, Амуре и Нижнеднепровском рабочие вооружены. В противовес гайдамакам, в городе организуется революц. комитет. Нашими войсками со стороны Харькова, с боем занимается Синельниково. Губернский продовольственный комитет не дает хлеба Питеру и Москве. Почта не передает никаких сведений. Екатеринослав оказывается оторванным от всей России. От Синельникова до Харькова властвуют Советы, а у нас сотни офицеров, десятки всяких начальников, гайдамацких частей, разные начальники почт и телеграфов, назначенные радой, г-да Каратеевы, вот кто властвует в Екатеринославе, вот кто командует рабочими и солдатами Екатеринослава.

«Екатеринославский Совет должен действовать. Советская власть должна стать фактом», так писала «Звезда», наш партийный орган от 23 декабря в передовице. Аншлагом после заголовка крупными буквами писалось: «Рабочие и солдаты г. Екатеринослава! Пробил час, когда вы больше не можете оставаться в бездействии. Победа революции шествует из города в город. Вместе с нашими товарищами питерцами, москвичами и харьковцами пойдем на бой за революцию, за социализм. Мы разделим с ними трудности борьбы и честь победы; революция непобедима! Да погибнут все враги ее! Среди нас нет колебания. Среди нас не будет малодушных».

Да, малодушных среди рабочих не было, никто не колебался. Нужно было иметь громадную волю и уметь сдерживать рабочих, чтобы они без руководства не ринулись против Рады.

События ускорил следующий факт. Как раз 24 декабря, гайдамаки привезли из Александровска бронированный автомобиль и часа в 4 дня, в сопровождении десятка конных, с пулеметами, направленными против Совета несколько раз проехали взад и вперед по проспекту. Ясно было, что час пробил. Нужно начать действовать.

Группа т.т., во главе с т. Ильченко, решаются этой же ночью забрать броневик у гайдамаков. Броневик был поставлен в пожарную команду около тюрьмы. Ночью делается налет на пожарную команду, небольшая перестрелка с тюремной охраной, и броневик в наших руках. К утру он уже стоял во дворе Брянского завода. Для всех было ясно, что кража броневика послужит последним сигналом к схватке.

Первый день Рождества. По городу разнеслась весть, что брянцы украли у гайдамаков броневик, что сегодня ночью неминуемо выступление гайдамаков. Город, обычно праздничный в этот день, опустел. В воздухе пахло грозой. На Брянском шла лихорадочная работа вооружения рабочих. Разбивались на сотни, и завод со всех сторон был оцеплен охраной. С минуты на минуту можно было ждать гайдамаков. В морозном зимнем воздухе суетятся рабочие. Никому не до праздника. На другой день, 26-го утром, в Брянский завод приехал гайдамак и вручил ультиматум, в котором говорилось, что если к 12 часам сегодня броневик не будет сдан, то артиллерия начнет обстреливать завод. К этому часу на Брянском заводе все.

Часов в 11 был дан гудок и в мостовом цехе собралось общее собрание. Громадная машина мостового цеха, в своих стенах, не раз закалявшая волю брянцев, сделала их стойкими, верными сынами революции и идеи Советов, сегодня еле вмещала в себе всех собравшихся. Я видел до и после массу рабочих, солдатских собраний, но той картины, которую представлял из себя этот исторический митинг 26 декабря, никогда не изгладится из памяти всех присутствовавших там. На лицах была написана сосредоточенность. Все ждали с нетерпением появления любимого вождя брянцев Василия Кузьмича Аверина. Слышно было только дыхание да поскрипывание железа. Изложив вкратце сущность дела, огласив ультиматум, он спросил рабочих, сдать ли броневик или принять неминуемый бой.. «Не сдадим. Смерть гайдамакам! Да здравствует власть Советов!»

При голосовании все, как один, поднимают вверх мозолистые рабочие руки.

Это была клятва умереть или победить».

В это описание я должен внести поправку. Похищение броневика не было делом группы рабочих, проведших его на свой страх. Это дело было решено президиумом Горсовета, по инициативе зав. гаражем, где стоял броневик, тов., фамилию которого я забыл, все его звали дедушкой, хотя это был здоровый 30 лет мужчина. Тов. Ильченко командовал отрядом.

В тот же вечер я был на другом митинге в Брянском заводе, в штамповочной мастерской. Было более 1000 вооруженных рабочих. Это был собственно не митинг—а последнее слово перед боем. Все были готовы. Рабочие кварталы охранялись. Между патрулями уже происходили столкновения.

Ночью гайдамаки с почты напали на совет. Начался жестокий бой, продолжавшийся два дня и кончившийся полной нашей победой, при помощи подоспевшего красного бронепоезда. Я не буду останавливаться на подробностях этих боев и на переговорах, которые велись в первую же ночь между петлюровцами и нашим штабом в лице т.т. Аверина и Гринбаума. С нашей стороны, это была оттяжка времени, в ожидании подкрепления. Я лично эту ночь провел в казармах полка Орлика, пытаюсь вызвать его на выступление.

Вместо выступления полковой комитет решил вступить в переговоры с гайдамаками, поставив требование немедленно прекратить военные действия и выдать захваченные у рабочих 10 пулеметов.

28 декабря мы были уже полными господами в городе. Немедленно были заняты все государственные учреждения; Государственный Банк, если я не ошибаюсь, уже до этого охранялся караулом полка Орлика. Везде были назначены свои комиссары. Началась государственная работа.

Советская власть просуществовала в Екатеринославе недолго, как и во всех местах Украины 1-го периода.

В апреле мы вынуждены были отступить перед германским натиском. Об этих первых месяцах советской власти в Екатеринославе можно было бы многое сказать, но это относится уже к другой теме.

Здесь я считаю нужным все же указать, что за этот период Екатеринослав выделил десятки рабочих партизанских отрядов и был одной

из важнейших революционных баз на Украине. Возле самого Екатеринослава большого сопротивления немцам оказано не было. Командарм Гусарский (впоследствии расстрелянный военным судом в 18—19 г., как мне сообщали) на бумаге построил целый ряд укрепленных позиций и обещал защищать Екатеринослав. Фактически же этого не было, и наши отряды, разбитые около Знаменки, катились прямо за Днепр. Мы это видели и понимали, что придется уходить. Госбанк был эвакуирован дней за 5 до занятия города. Остальные учреждения почти не эвакуировались. Забиралось только военное и продовольственное снабжение. Горсовет и все ответственные работники, также Исполком желдороги во главе с т. Власенко выехали из Екатеринослава за несколько часов до занятия города, когда почти все отряды уже были за Днепром. Когда президиум Горсовета последним выехал из здания Горсовета, происходил обстрел окрестностей Екатеринослава передовыми частями наступающих германцев. Это необходимо отметить, так как т. Е. Бош в одной своей брошюрке по истории Советской власти на Украине, говорит между прочим о том, что Екатеринославский совет эвакуировался чуть ли не за две недели до занятия города.

Екатеринославский Совет победил в открытой борьбе в декабре 17 г., руководя вооруженной борьбой рабочих, и вынужден был уйти также после открытой борьбы, продолжавшейся до последней минуты. И это не могло быть иначе. Революционный рабочий Екатеринослава не потерпел бы другой Совет.

Э. КВИРИНГ.

Февраль - декабрь 1917 г. в Екатеринославе.

(Очерки).

Февральско-мартовская революция в Екатеринославе выразилась только в том, что город, находящийся в стороне от большой дороги, начал нервничать в ожидании известий. Ближайшим к Екатеринославу крупным центром был Харьков и отсюда ждали на вокзале, на почте, у газетных киосков харьковского «Южного Края», но ничего путного нельзя было добиться из сообщений газеты, так как телеграммы из Петрограда были короткие, отрывочные, местами пестрели белые лысины, занимавшие большую часть места для телеграмм.

В городе словно по щучьему велению начались митинги. Кой-где появились воззвания. И, наконец, одно воззвание, подписанное Екатеринославским губернатором. Последнее, ни слова не говоря о революции в Петрограде, о перевороте в столице, просто сообщило населению, что «благодаря усилиям членов Государственной Думы с Родзянкой во главе в Петрограде удалось приостановить начавшиеся рабочие беспорядки».

Странные были митинги, странные воззвания. Все, положительно все, начиная от губернатора и кончая Р. С. Д. Р. П. (меньш.) и С.-Р., все призывали к спокойствию. Трудно было понять, что это за революция такая, которая для своей полной победы требует абсолютного спокойствия.

Я помню, кажется, первый митинг в городе. Происходил он в театре «Палас» в центре города. Народу сбилось видимо—невидимо. Все ждут. Оказывается, должны пожаловать представители Совета Рабочих Депутатов и открыть митинг. Явились с-ры: Пастернак и Шаляхин и меньшевик Лейканд (последние два ныне коммунисты). Полилась вода. Все ругали Николая, ругали самодержавие, говорили о борцах за свободу и т. д. Стоило только одному из ораторов задеть самым невинным образом честь Родзянко, упомянуть о том, что он имеет в Екатеринославской губ. 15—20 тысяч десятин земли, как он был остановлен председателем и лишен слова. Этого требовало необходимое спокойствие.

Другой пример. Все листовки представляли собой стереотип, заканчивавшийся обыкновенно возгласами «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»

По знакомству с одним управляющим типографией мы группой в несколько человек ночью отпечатали воззвание с возгласами «Долой империалистическую войну», «Да здравствует гражданская война!»

Трудно было предвидеть, что это воззвание вызовет такое возмущение в благородном семействе меньшевиков, с-ров и обывателей. Всюду ругались, хотя в большинстве случаев не знали по чьему адресу. В городе о большевиках знали очень мало, да и то только представители других партий, а обыватели и слухом не слыхали и видом не видали.

Совет Рабочих Депутатов организовался в рабочей части города, на окраине Чечелевке, прилегающей к Брянскому и Трубному заводам. Там Совет занял помещение Научного Общества, где всегда был народный дом, читались лекции. В городе Совет не чувствовался. В качественном и количественном отношении в первом Совете преобладали меньшевики. Председателем был старый партиец рабочий Орлов, перманентным докладчиком по боевым принципиальным вопросам был Вейнгер. Группа эсеров была бледной во всех отношениях. Была группа «Единства», почти не работавшая в Совете, но за то бесконечно ругавшая большевиков. Из них выделялись: Ив. Ив. Фирсов, Беспалов (старый большевик) и Сальников, примыкал к ним Журавский. Большевиков была маленькая кучка, из которых помню Серафиму Ильинишну Гопнер— она была одним из секретарей Совета и душой фракции, Мирона Трубного (Жуковского) и Мирона Брянского. Несмотря на малочисленность большевиков в Совете постороннему человеку всегда казалось, что здесь больше занимаются большевиками, чем чем-нибудь другим. Тут ругались по фракционно, группами и в одиночку. Если б нужно было дать приз за ругательства, я бы не задумываясь отдал бы его Сальникову, плехановцу, представителю администрации Брянского завода.

Городская интеллигенция делила свои симпатии приблизительно так: врачи, профессора и учителя—с-рам, адвокаты, люди с коммерческим образованием—меньшевикам. Я говорю только об интеллигенции, стоявшей левее к. д.

Городской район с большевиками не сталкивался и знал о них только по наслышке. К концу марта большевики в городском районе не обнаруживали еще признаков жизни, находились в какой-то чуть-ли не подпольной дыре. Секретарем был Наум (фамилии не помню) и Люся.

По инициативе группы недавно прибывших в Екатеринослав большевиков, из которых помню только Шалыта и Наума (сапожника), в театре «Рекорд», в Яковлевском сквере, было устроено первое открытое собрание большевиков и сочувствующих. Народу собралось довольно много. Пишущий эти строки выступил с докладом и призывал к организации Городского Комитета большевиков. В это время на сцену с дубинкой в руке вышел солидного возраста пролетарского вида человек—это был рабочий Брянского завода Тихон Бондарев—и замогильным голосом об'явил, что Городской Комитет существует. Вслед за ним появилась Серафима Ильинишна Гопнер, поддержала Бондарева и дополнила мой доклад.

На этом все дело и кончилось. Собравшаяся посторонняя публика никакой вражды не проявляла. Как я уже говорил, Совет находился на окраине города и власти его никто не чувствовал. На членов Совета смотрели больше как на людей с почетным званием, чем на носителей власти. Но стоило только Совету перебраться с окраины в город, как обстоятельства резко изменились. Совет занял помещение в центре города, в доме Губер-

натора, откуда исходила самая высшая власть по губернии. Уж одно это создало Совету атмосферу власти. Помимо того хотели-ли или не хотели меньшевики и эсеры власти Совета, властвовать приходилось поневоле. Некому было это сделать. Вот почему меньшевики и эсеры, отрешиваясь от власти, погоняемые ходом вещей и большевистским кнутом, держали власть, хотя держали ее так, как могут держать власть дряблые душеньки лавочников.

Вокруг Совета с раннего утра до поздней ночи жужжали тысячи людей, начинали с мирного разговора, переходили к спорам, ссорам и угрозам и кончали часто или дракой, или взаимным арестом.

Так как в огромном большинстве в толпе находились спекулянты, интеллигенты, студенты, гимназисты, маменькины сыновья и буржуазные дочки, то естественно большевикам в этих толпах приходилось плохо. Но нужно сознаться, что к тому времени и солдатские массы были настроены против большевиков.

Возле Совета были расположены в ряд книжно-газетные киоски эсеров, анархистов, большевиков и меньшевиков. Первое время киоск б-ков торговал очень мало, а у киоска м-ков всегда с утра была довольно большая очередь. Но по мере того, как возрастала ненависть и раздражение буржуазии против б-ков, киоск оживлялся и сбывал массу литературы и газет. Одни покупали из преданности коммунизму, другие из любопытства, третьи с проклятиями.

Одновременно в городе, в саду, как только начинались сумерки, начинались митинги, которые затягивались до поздней ночи. Подавляющее большинство аудитории составляли солдаты. Первое время перед слушателями выступали в большинстве люди без определенных политических убеждений. Говорили для процесса говорения. Нередко выступали темные личности, произносили весьма подозрительные загадочные речи, пропитанные ненавистью к революции и к евреям. Потом ораторы стали появляться более самоопределившиеся в партийном отношении, в большинстве эсеры. Здесь я должен оговориться, что среди мартовских эсеров из офицера было немало отъявленных монархистов. Большевики первое время выступали мало и редко. Их встречали недружелюбно, в лучшем случае терпели. Понемногу, однако, настроение солдат стало изменяться и большевики постепенно овладевали аудиторией. Вот в это то время эсеры и меньшевики хотели запретить митинги в городском саду, но вследствие протеста большевиков не посмели.

Чем больше симпатий приобретал большевизм среди солдатских и рабочих масс, тем раздражительнее и активнее становилось офицере и буржуазия.

На улицах вырывали у разносчиков большевистские газеты, уничтожали их и нередко мальчишек избивали. Офицеры подходили к большевистскому киоску, где на витрине висели карикатуры на Керенского, и, угрожая тов. Михаилу Геншафту, выхватывали газеты и открытки и рвали. Вечером на Проспекте, в садах, за большевизм буржуйчики, черносотенцы и офицеры били за оскорбление Керенского.

Положение, однако, было такое, что в Совете большинство было эсеро-меньшевистское и трудно было сказать определенно, за кем же идет большинство рабочих и солдат. Если еще принять во внимание, что в городе, куда приходили вести о невероятных победах с-ров на выборах в Московскую городскую думу, в реакционных кругах бывших офицеров, чиновников и др. создалось настроение в пользу эсеров, то трудно было распутать эту политическую неразбериху.

Однако, в скором времени все стало ясно. Приближалось 1-е мая. Агитация в казармах среди солдат, на заводах достигла большого напряжения. Были мобилизованы лучшие силы всех партий.

1-е мая. Тянутся десятки тысяч рабочих и работниц из городского и, главное, из заводских районов, из Заднепровья, чуть-ли не десяток верст, чтобы не только отпраздновать праздник международной солидарности, но также продемонстрировать свои политические симпатии. Идут пешие, тянутся конные колонны войск с музыкой, с пением революционных песен. Идут на сборный пункт—лагерную площадь. Но это 1-е мая превратилось в траурный день для эсеро-меньшевиков. Если не считать нескольких знамен, предусмотрительно подsunутих с-рами группам бессознательных рабочих с специфическими лозунгами,—сотни знамен, громко заявляющих право рабочих на власть. На площади, залитой светом и людьми с затаенным вниманием слушают официальных и случайных большевистских ораторов. Социал-оборонцев никто не хочет слушать, и во многих случаях большевикам приходилось сделаться оборонцами в отношении эсерствующих интеллигентов, которым угрожала расправа со стороны возмущенных солдат. Тов. Квиринг, Сер. Гопнер, Яковлев, Аверин и десятки других переходили с трибуны на трибуну, привлекая тысячи слушателей. Не причисляя себя к перворазрядным ораторским силам, могу сказать, что в этот день мною только на площади было произнесено шесть речей, не считая вечерних выступлений в театре и городском саду. Что же говорить об Аверине, Гопнер? Это были триумфаторы. Битва для правых была потеряна, но надежды они не потеряли. Отступая, терпя поражения, они цеплялись за все, хватались, как утопающий, за соломинку. Потеряв позиции на заводах и среди солдат, они избрали своими опорными пунктами георгиевских кавалеров с одной стороны, инвалидов с другой. Во главе тех и других, конечно, стояли молодые офицеры; монархисты по воспитанию, эсеры по «убеждению». Это были резервы эсеров.

Что касается меньшевиков, то можно сказать определенно, что это была небольшая кучка лиц, среди которых было много старых рабочих с солидным революционным стажем и богатым профессиональным опытом. Но эта рабочая аристократия смотрела свысока на рабочие массы, вышедшие из повиновения.

В этот период острой борьбы за влияние на рабочие и солдатские массы меньшевики в роли аристократов радовались успехами эсеров. Это было их единственным утешением.

Однажды в погоне за эффектом и массами эсеровские офицеры устроили грандиознейшее шествие инвалидов, растянувшееся на несколько

кварталов. Тысячи пешеходов стройно выступали на костылях, многие верхом, в автомобилях, на грузовиках, на подводах, впереди музыка. Во главе шествия молодые офицеры, целый ряд знамен с эсеровскими лозунгами, на некоторых из них «Да здравствует временное правительство!» «Долой Ленина и его приверженцев!» На улице остановка. Произносятся лаконические речи, заканчивающиеся восклицаниями «Долой двоевластие!» Все речи пропитаны погромными призывами.

Толпа направляется в Городской сад мимо Совета Рабочих Депутатов. Здесь не останавливаются.

Председателем Совета был меньшевик-интернационалист Орлов. На мое предложение выслать в Городской сад членов агитаторской секции Совета для умиротворения разошедшихся офицеров, Орлов дает уклончивый ответ.

Направляюсь в сад на свой страх и риск. Там льются погромные речи до того чудовищно перепутанные с эсеровскими, что не знаешь, где кончается монархист и где начинается эсер. Я определенно помню, что один офицер после получасовой речи, направленной против большевиков и Советов и полной двусмысленностей, закончил восклицанием: «В борьбе обрешь ты право свое!».

На мою десятикратную просьбу предоставить мне слово, меня спрашивали о моей партийной принадлежности и отказывали. Но в конце-концов по настоянию солдата тов. Хлевногo (Степанова) офицер-председатель объявил, что «будет говорить большевик!» Крики «вон!» «долой!» перемешались с криками «просим!» Я пренебрег криками и приступил. Меня прерывали, но я настойчиво продолжал. Протестанты затихли. Я требовал снятия знамени с надписью «Долой Ленина!». Находившийся тут же меньшевик Фушман сострил, что я развил демагогию в сто лошадиных сил, но цель была достигнута. Знамя было свернуто и группой инвалидов по собственной инициативе доставлено в помещение Комитета гор. района большевиков. Были предложены резолюции, но офицеры, почуяв резко изменившееся настроение аудитории замяли вопрос и поспешили распустить митинг.

Так не по дням, а буквально по часам росло и ширилось влияние большевиков на рабочие и солдатские массы в самом городе.

Несколько медленнее и туже шли успехи большевиков в провинции, в уездах, на станциях, по линии Екатерининской ж. д.

Помню, меня в качестве агитатора Совет командировал на ст. Авдеевку для организации там митинга-протеста против смертной казни Фридриха Адлера. На большевистских знаменах этот нынешний герой. 2¹/₂ Интернационала стоял рядом с Карлом Либкнехтом. Австрийская юстиция готовила ему смертный приговор за убийство министра-президента Штюрка. Когда я приехал в Авдеевку, оказалось, что там есть 5—6 большевиков, но их большевистские убеждения остаются тайной, так как компания инженеров-путейцев выбрасывает из мастерских, натравливает рабочих и т. д. Когда я в воскресенье хотел устроить митинг, то об этом нужно было поговорить с предс. Совета (фамилии не помню). Мне говорили, что он тайный большевик. Дома мне говорили, что он в церкви. Направился туда, передал

через товарища, но наш тайный большевик и предс. Совета так усердно молился, что нам пришлось прождать на площади 1½ часа. Поговорив о делах мы решили митинг устроить через час. Оповестили кого нужно и возле театра на открытом воздухе собралось тысячи две—три народу. Меня предупредили, что инженеры находятся в толпе и «мутят», но я не обратил внимания. Пока я говорил о войне, о ее виновниках, об Австрии, о Фридрихе Адлере, меня слушали внимательно, не перебивая. Но стоило только перейти к вопросу о нашей российской действительности, о Ленине, как в нескольких местах заревели. Мне задавали «пьяные» вопросы, спрашивали сколько мне лет, какой я национальности, был ли я на войне, авдеевский я или приезжий. Я на минуту прерывал речь и каждый раз возобновлял. Характерно, что как только начался крик, мои телохранители, эти тайные большевики, исчезли, и я остался один во власти толпы не знающих меня людей. Крики «вон» «немецкий шпион!», «снять его!» стали повторяться все чаще.

Я решил выяснить численность своих врагов и поставил вопрос: «кто за то, чтоб я продолжал свою речь?» В ответ море рук. «Кто против?». Два—три десятка, из которых 5—6 пьяных, что-то бормочущих. Я требую от толпы удаления пьяных, мешающих мне говорить, а ей слушать. Толпа колеблется, а среди противников ропот. Они требуют моего ареста, выяснения личности и начинают на меня наступать. Я заявляю, что я уполномоченный Екатеринославского Совета и против угроз потребую по телефону из Екатеринослава вооруженный отряд.

Выступил из толпы инженер Егович, народный социалист, и заявил толпе, что я честный человек, что он преклоняется перед моей смелостью и требует, чтоб мне дали окончить. Он обещает выступить оппонентом.

Митинг кончился. Я уехал и даже на вокзале за мной следили какие-то лица, указывая пальцами. (На следующий день в Авдеевку приехал тов. Лебедь).

За время от августа, к примеру, до октября—ноября шла непрерывная борьба за преобладание в Совете. Было несколько выборов, из которых большевики неизменно выходили победителями в рабочей массе. Но к этому времени в городе появилась новая сила, с которой волей-неволей нужно было считаться. Это гайдамачина. Имея в Совете человек 30 из общего числа членов 400 с лишним, украинская фракция (здесь были и с. д. и с.-ры и матерые шовинисты), не имея в рабочей среде почти никакого влияния, они все же сумели прибрать к рукам некоторые воинские части. Лидерами фракции были Воробьев и Романченко (или Романовский). Пока в Екат-ве шли споры о том, кому должна принадлежать власть: Вр. Правительству Керенского или Советам, на сцену выступили сторонники Центральной Рады.

Гайдамацкие полковники и офицеры устроили парад войск верных Центр. Раде. Тут были все роды оружия. Когда они прошли мимо Совета войска остановились. Во главе парада был какой-то полковник с ярко выраженной гайдамацкой физиономией, в широких шароварах. Он произнес речь, которую окончил чрезвычайно внушительно: «Кто не подчиняется Центр. Раде, тому голова долой!» В Совете в то время был т. Яковлев-Эпштейн. Внизу требовали представителей Совета на балкон. Большой

охотник на всякие торжественные выступления, т. Эпштейн выбежал на балкон растерянный, что-то важно ораторствовал, беспомощно что-то доказывал и кончил: «Да здравствует Центральная Рада!».

Меньшевики, потеряв надежду на эсеров, повернулись лицом к украинцам. Союз с кем угодно, только бы во вред большевикам.

В сто раз больше, чем их «глубокопринципиальные» резолюции, говорили их живые симпатии, их нескрываемая радость по поводу всякой возможности создать новую угрозу большевикам.

Весь ноябрь и декабрь шла борьба в воинских частях за влияние, главным образом, между большевиками и украинцами. Помню один митинг в артиллерийских казармах. Направились мы туда группой. Был с нами т. Гринбаум (Кржеминский). Мы застали там украинцев и эсеров. За этой батареей была слава, как о страшно преданной Центральной Раде. Когда мы прибыли, офицеры-гайдамаки отказались созвать солдат. Но по нашему настоянию они были собраны. Сперва встретили нас враждебно, но к концу «наша взяла». Через неделю на следующем митинге нас уже тепло приняли, учинили скандал с каким-то ретивым и резким в выражениях гайдамаком и приняли даже нашу резолюцию.

Отношения обострились. Или Рада или Совет—так стоял вопрос и стоял остро. События ускорили его решения. Похищенный у гайдамаков ночью броневик вызвал с их стороны ультиматум Брянскому заводу, где стоял броневик под надежной охраной. Отказ вызвал вооруженное столкновение. Бой велся в городе, в центре и на заводе. После 2½ дней непрерывного треска ружей и пулеметов, большевики атаковали почту, где засела гайдамацкая банда.

Большевики торжествовали. Революция победила.

М. РАВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ.

Борьба сил в октябрьскую революцию в Николаеве.

1. Введение.

Автору настоящей статьи неоднократно приходила заманчивая мысль, собирая материалы, заняться подробным изложением хода революционных событий в городе Николаеве, свидетелем и участником которых был сам в течение 1917—1919 года. Но набегавшие волны революционной стихии разбрасывали собранное; события, одни грандиознее других, захватывали и неудержимо несли вперед к новым, еще более грандиозным событиям. Многие запечатлевалось в памяти навсегда, многое стиралось быстро несущейся революционной жизнью.

По более ярким этапам воспоминаний, автор надеется дать краткий обзор событий в одном из виднейших очагов революционной энергии на Украине—в городе Николаеве.

Гор. Николаев в течение 3-х лет Революции на Украине (1917—1920 г.) выделялся, как один из мощных форпостов пролетарской революции на южном плацдарме борьбы Советской Власти с напирющей на него со всех сторон стихией кулацкой и атаманской контр-революции, деникинской и казачьей белогвардейщины и международной интервенции.

Это был узел, вокруг которого сходились и чередовались силы Григорьева, Петлюры и Махно, белогвардейских генералов и Антанты, город, подвергавшийся обстрелу решительно всех борющихся сил.

Редко где борьба между силами прошлого и творцами будущего принимала такие сложные запутанные и упорные формы и в то же время выдерживала последовательную пролетарскую линию до конца. Революция Николаева—это путь непрерывной борьбы, восставшего пролетариата с отечественными и мировыми хищниками, путь терний и побед увенчавшийся созданием Социалистической Советской Республики.

Задача автора обозначить главные этапы этой борьбы, как на территории города и его окрестностей, так и в ближайших к нему местах—на Херсонщине и в Одессе.

Являясь не только очевидцем, но одним из главных действующих лиц (Председателем Совета и Революционного Комитета) и не будучи вполне свободен от субъективного описания, автор все же полагает, что он в общем и целом передал события со значительной достоверностью. Автор считает также необходимым подчеркнуть, что будучи в описываемые годы членом Николаевской организации С.-Д. Объединенных, позже слившейся с Коммунистической Партией, ему ближе знакома жизнь этой организации, почему он и уделял

сравнительно много места деятельности объединенных С.-Д. Поправки и дополнительные подробности вносят как оставшиеся материалы и документы, так и товарищи участники и очевидцы.

Хроника революции в Николаеве распадается на три периода: первый период—1917 и 1918 годы, начиная от февральской революции, этап постепенного нарастания революционного под'ема до установления Первой Советской Власти и кончая оккупацией немцев и гетманщиной, т.е. первый период Революции и Реакции; второй период—1919 год, от петлюровского выступления и крестьянского восстания, этап восстановления Второй Советской Власти, кончая отступлением Советских войск из Украины и денкинской реакцией—период второй Революции и Реакции. Третий под'ем революционной волны—1920 год, восстановления Третьей Советской Власти, застал автора уже в Одессе, а поэтому, события этого года остаются вне рамок моего обзора.

В настоящей статье я останавлиюсь только на первом периоде 1917 и 1918 годах.

2. Февральская революция 1917 года.

Город Николаев расположен на Херсонщине, в изгибе широкого и глубокого Южного Буга, при впадении в него извилистого Ингула, в 60 верстах от моря и Днепровского лимана, вход в который в былые времена охранялся Очаковской крепостью.

Во время войны, составляя самостоятельную административную единицу—градоначалство, с мощными судостроительными заводами «Наваль», «Руссуд», «Балтвод» и «Темвод», до 140.000 населения города представляли 40% пролетариата, не более 30% торгово-промышленного мещанства и интеллигенции и около 30% гарнизона.

Настроение населения до революции уже взвинчивалось и бесконечными мобилизациями, и военными повинностями, и вздорожанием предметов потребления и всеохватывающей милитаризацией.

Еще резче чувствовалось пессимистическое настроение в войсках гарнизона, где уже с 1915 года все время солдаты толковали о наших поражениях на фронтах и о предательстве генералов и придворных.

Мне пришлось по мобилизации служить рядовым в местной дружине, а затем, по прохождении курсов Военного училища, в местном 45 запасном батальоне в качестве прапорщика, инструктора учебной команды, и поэтому настроение гарнизона было великолепно известно.

Ряд бесед и рефератов в батальоне еще больше сблизил меня с солдатской массой и давали возможность довольно основательно ознакомить пропускаемых через команду учеников с истинным положением вещей на фронте и с придворной свистопляской.

Первые же слухи о петербургских событиях 23 февраля подняли настроение солдат учебной команды.

Известия о событиях 26 и 27 февраля подняли на ноги весь батальон до 16.000 человек.

5 марта состоялась уже грандиозная демонстрация батальона—шествие по городу с оркестром музыки под красными знаменами и братание на Думской площади с рабочим митингом в здании Городской Думы.

От рабочих нас приветствовал тов. В. Каушан, я выступил с ответной речью.

В этот же вечер было решено избрать, аналогично Совету Рабочих Депутатов, Совет Военных Депутатов.

6 марта шли выборы на заводах и по гарнизону.

7 марта состоялось общее собрание делегатов всего гарнизона и делегатов от рабочих. Были сконструированы два Совета.

Председателем Совета Рабочих Депутатов и Исполнительн. Комитета был избран Вл. Каушан, Председателем Совета Военных Депутатов и Исполнительн. Комитета—Я. Ряппо, оба Соц.-Демократы.

Исполнительный Комитет Совета Военных Депутатов состоял из 30 человек в пропорции $\frac{1}{3}$ солдат, $\frac{1}{3}$ матросов и $\frac{1}{3}$ офицеров.

Началась параллельная работа двух Советов: одного среди рабочих, другого—среди гарнизона.

Первые дни проходили в конструировании различных Комиссий, установлении связи с соседними городами—Херсоном и Одессой. В Херсоне Совет не был еще организован. Поэтому пришлось направить туда целую делегацию, которая и провела выборы. Вместе с тем шла ликвидация жандармерии, полиции, освобождение заключенных, упразднение старых порядков в казарме.

Наряду с Советами оставалась формально существовать и Городская Дума, но ее функции были переданы образовавшемуся из представителей Совета Рабочих Депутатов (40 чел.), Совета Военных Депутатов (15 чел.) и от Гор. Думы (30 чел.)—Общественному Комитету под председательством бывшего Гор. Головы Леонтовича, который был назначен и градоначальником города от Временного Правительства.

Таким образом с первых же дней революции образовались три центральных органа власти: Общественный Комитет, Совет Рабоч. Депут. и Совет Военных Депутатов.

10 марта состоялся всеобщий праздник Революции: смотр гарнизону и пролетариату, в котором участвовала большая часть населения города.

В этот же день вечером приехал комиссар Вр. Правительства Туляков, выступления которого, как С.-Д., свидетеля петербургских событий, оставили у Советов большую неудовлетворенность и вполне окрылили надежды Общественного Комитета в лице бывших гласных Думы.

С этого времени начались трения между Советом Раб. Депут. и Общественным Комитетом. События в Петербурге становились у нас все яснее и яснее; но далеко не ясна была позиция Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и его взаимоотношения с Временным Правительством.

Оба Исполнительные Комитета приняли у нас формулу доверия Временному Правительству и позицию обороны революции от германского империализма, но в то же самое время не могли ни представить, ни допустить, чтобы у нас, в Николаеве, власть осуществляла Общественный Комитет с г. Леонтовичем во главе.

Не лучше обстояло дело в казарме. Солдатские массы не могли примириться с требованиями ряда офицеров и начальников прежнего режима. Возник целый ряд инцидентов и эксцессов, в которых Совет Военных Депутатов, в частности я, должен был вести политику улаживания этих конфликтов.

Для выяснения фактического положения вещей на первое Всероссийское Собрание в Петербург к 1 апреля были командированы от Совета Рабочих Депутатов надежные товарищи: Н. Мандельштам (с-д.), Овчинников (с-д.) и А. Соколов (с-р.).

А пока Советы занимались внутренней работой, укреплением Комиссий, установлением связи с деревней, проведением посевной кампании и агитацией. Массовая агитация на заводах и в воинских частях только развертывалась. Настроение было благоприятное, ораторов слушали с величайшим вниманием. Все воспринималось без особенной критики.

Первые сомнения в этот *Burgfrieden* внесли апрельские события в Петербурге с удалением г. Милюкова из состава Вр. Правительства.

Возвратившийся с Всероссийского Собрания Советов тов. Н. Мандельштам (с-д.) в своем отчете категорически заявлял, что о доверии к Временному Правительству речи быть не может.

После дебатов о доверии и недоверии, Советом Рабочих Депутатов была принята по отношению ко Вр. Правительству формула полудоверия—«постольку», «поскольку».

Эта же формула была воспринята также Советом Военных Депутатов. По другому кардинальному вопросу о войне оставалось в силе прежнее неопределенное положение об обороне революции от германского империализма. Особенно на этой позиции стоял Совет Военных Депутатов, продолжая по прежней инерции посылать на фронт маршевые роты.

Доминирующую роль в этот первый период—март и апрель месяцы—как в деле организации Совета Рабочих Депутатов, так и на заводах, а также в организации профсоюзов играла бесспорно Николаевская С.-Д. организация, объединявшая и меньшевиков и с.-д. большевиков. Во главе организации стояли А. Исаев, Н. Мандельштам, С. Мандельштам, Даргольцы, Фролов, Зимак, Скляр и друг.

В общем и целом, Николаевская организация стояла левее ОК меньшевиков и организационно с ним связана не была.

Если в теории она присоединялась к формулам Петербургского Совета, то на практике она равнялась влево на тактику С.-Д. интернационалистов, а позже на С.-Д. большевиков.

Организация С-ров, руководимая опытным лидером В. Костенко и прилегающим к ней С. Юрицыным, была в этот период слаба и численно и качественно. Рост С.-р. организаций начался лишь с мая месяца среди солдатских масс гарнизона да городского мещанства.

Качественного улучшения организации С-ров не было и позже во дни всемогущества С-ров—в дни выборов в Городскую Демократическую Думу.

Единственными фигурами оставались у них: В. Костенко, С. Юрицын, Рахманович.

Единственными фигурами правого меньшевизма во всем Николаеве были плехановец доктор Плотицын, да молодой В. Канторович.

3. Период коалиционного Врем. Правительства.

В апреле месяце решено было объединить оба Совета.

23 апреля в городском театре состоялось торжественное объединенное заседание, где произошло слияние обоих Советов в единый Николаевский Совет Рабочих и Военных Депутатов.

Председателем объединенного Совета и Исполнительн. Комитета был избран Я. Ряппо (С.-Д.), товарищами председателя: В. Каушан (С.-Д.), Асмолов (С.-Р.), секретарями: Тищенко (С.-Р.) и Калининский (С.-Д.).

Исполнительный Комитет из 120 чел. был составлен из рабочих и военных на паритетных началах; Исполнительное Бюро из 30 чел.—так же.

Совет вырос в мощный орган, объединявший около 70% населения города. Значение наспех сколоченного Общественного Комитета постепенно сходило на нет.

Решено было избрать Общественный Комитет на новых демократических началах по принципу группового представительства. Большинство в создавшемся Общественном Комитете было за членами Совета. Председателем Обществ. Комитета был избран т. Овчинников (С.-Д.), член Совета а позже т. Филярский (С.-Д.).

В то время, как Общественный Комитет стал будничным официальным учреждением города, где без дебатов и прений обсуждались вопросы о городской милиции, о водопроводе, скотобойнях, ассенизационных обозах и т. п., Совет становился открытой трибуной революционных масс города, представительным органом рабочих и солдат, революционная энергия которых только начала развертываться. В то время, как в Обществен. Комитет шли, чтобы скучать, собрания Совета стали политическим революционным центром, в котором развертывалась борьба мнений и дискуссий около основных вопросов войны и мира, доверия или недоверия к Временному Правительству, партийной тактике и т. д.

К первому мая Совет перешел в огромное здание бывшего Городского Собрания. Громадный зал его стал ареной дискуссий многообразных политических течений и направлений. Собрания пленума Совета, происходившие еженедельно, посещались тысячами массами рабочих и солдат, для которых заседания пленума стали школой революционной стратегии и тактики. Собрания пленума, захватывавшие в свой круг решительно всех, начинаясь с вечера, обыкновенно длились до утра. На рассвете расходились участники собрания, переживая и пережевывая жгучие вопросы революции до основания, до малейших подробностей.

В зале Совета отражалось через призму николаевских работников все то, что происходило в крупных центрах—Петербурге и Москве, и отчеканивалось с величайшей точностью биение пульса сердца России.

Одновременно с этой массовой политической работой пошла работа житейская, будничная: Совет, его Исполнительное Бюро и многочисленные

Комиссии, в которых принимали участие решительно все 120 членов Исполнительного Комитета, стали местом паломничества всех трудящихся, где рассматривались, обсуждались и решались их дела. Аппарат Совета стал фильтром, через который проходил бесконечный поток всех униженных и оскорбленных. И решения Исполнительн. Бюро, которое заседало 3—4 раза в неделю, становились все обстоятельнее и авторитетнее. Их не оспаривал никто ни в Николаеве, ни на селе.

Железная энергия, двадцатичасовой рабочий день членов Президиума и руководителей Советских Комиссий давали возможность выслушать и выдержать весь поток желаний, требований и недоразумений и развернуть мощно и стройно в пленумах идеологию и чаяния масс.

1 мая в Николаеве развернулось в невиданную демонстрацию—смотр сил пролетариата. Город и главные площади превратились в море красных знамен, лозунгов и вдохновенных речей. Все 400 членов Совета были втянуты в пролетарский праздник.

Работа и влияние Николаевского Совета не ограничивались только пределами города Николаева. Совет решил с первых же дней порвать традиционную обособленность Николаевского Градоначальства от села тем, что принялся за организацию крестьянства. Была создана мощная крестьянская Комиссия, которая приступила к организации уездных и крестьянских Советов по Херсонскому, Александровскому, Елизаветградскому и Одесскому уездам. Депутаты Николаева расширили свою работу до Голты и Ананьева включительно. Активными работниками Крестьянской Комиссии были т.т. Щучев, Чинчис, Кузьменко, Руденко и др.

В результате этой работы в Николаеве состоялся первый Губернский Крестьянский Съезд (от 30 апреля по 3 мая).

Съезд оказался весьма многолюдным. Представлены были все уезды, в составе 332 делегатов. К концу Съезда прибыло еще до 85 делегатов от Херсонского Уездного Съезда. На Съезде обсуждались те же основные вопросы момента, которые занимали Совет Рабочих и Военных Депутатов:

- 1) О войне и мире,
- 2) о Временном Правительстве,
- 3) о земельном вопросе,
- 4) об организации Совета Крестьянских Депутатов и
- 5) об Учредительном Собрании.

Подробности напечатаны в брошюре А. Соколова «Губернский Съезд крестьян в Николаеве».

Создание Губернского Совета Кр. Депутатов в пролетарском центре было определенной задачей Николаевского Совета. И такой Совет был организован. Но вскоре началась самая усиленная борьба за место для Совета со стороны Херсона и Одессы. Все три города претендовали на местопребывание в них Совета Крестьян. Депутатов. Дело затянулось; происходили расколы; созывались и в Херсоне, и в Одессе малочисленные, далеко не полномочные Съезды, а Губернский Совет прозябал и утвердился, наконец, в Херсоне.

В первых числах мая в Николаеве в порядке дня стал вопрос о коалиционном правительстве, о тактике меньшевиков и с-ров, вошедших в правительство.

На этот раз уже и в Совете и в С.-Д. Организации усилились предо-стерегающие голоса и в основу ближайшей тактики выдвигались «Тезисы т. Ленина».

Во главе этого большевистского течения стали тов. Скляр и Зимах. Много шуму наделали приезжавшие т.т. Ровинский и Вольпе.

Руководящая часть С.-Д. Организации и Совета сохраняла все же status quo прежнего положения, возлагая большие надежды на созываемый к первому июня Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

На первый С'езд Советов от Николаева были делегированы Я. Ряппо (председатель Совета, С.-Д.) и матрос Кондратенко (С.-Р.). Какова была моя позиция, принятая перед нашей поездкой большинством Николаевского Совета?

Всероссийский С'езд Советов должен стать источником законодательной власти и перед ним и его Исполнительным Комитетом должно отчитываться коалиционно-Врем. Правительство, впредь до созыва Учредительного Собрания.

С'езд должен был решить вопрос и о заключении мира.

В Петербурге во фракции меньшевиков и интернационалистов С'езда с первых же дней для нас, провинциалов, обнаружилась картина, что большинство фракции идет за Либером и Даном, что Церетели находится в плену у буржуазного правительства, а группа Мартова столь незначительна, что не в состоянии провести даже своих ораторов. Выяснилось, что «высшую политику» призваны делать Керенский и Либер-Дан при благосклонном согласии Чхеидзе и премьера князя Львова.

Вопрос о законодательных функциях С'езда и об официальном положении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был решен отрицательно, замаскированный многословными фразами. Вместо мира на С'езде проведено постановление о наступлении в угоду истерике Керенского в то время, как в С'ездовских низах инстинктивно чувствовался провал этого предприятия.

Серьезное впечатление на рядовых членов С'езда оставили выступления т. Ленина и Троцкого и в особенности демонстрация петербургского пролетариата 18 июня с лозунгами: «Долой войну», «Долой 10 министерво-капиталистов», «Да здравствует Власть Советов».

Будучи избран от южных центров членом Первого Всероссийского Исполнительного Комитета, я видел, что эта роль оказалась пустым звуком, ролью статиста в плохой игре.

Результатом постановлений I С'езда Советов явилось в Николаеве разочарование. Формула доверия к коалиционному правительству была заменена формулой «постольку, поскольку»; принятые решения С'езда о наступлении и разгром нашей армии в Галиции усугубляли настроение

масс и пессимизм Николаевской С.-Д. Организации. Антагонизм между большинством и меньшинством (большевистской частью) организации усилился и перешел в массы, на заводскую трибуну.

Еженедельно на заводе «Наваль» и «Руссуд» происходили митинги, главной темой которых стала критика действий Коалиции.

Период «коалиционного настроения» в Николаеве завершился июльскими событиями в Петербурге.

В об'единенной организации С.-Д. наметился окончательно раскол, происшедший формально в начале августа месяца. Последними об'единенными партийными действиями были еще выборы в Городскую Демократическую Думу по единому кандидатскому списку.

Из связей с соседними городами, в частности с Одессой, надо отметить самое активное участие Николаевского Совета в Организации Областного Совета Румчерода, куда было делегировано несколько десятков товарищей. Из них в Президиум Румчерода вошел т. Н. Мандельштам, который и работал в Одессе.

4. Керенщина.

После июльских дней наступил кризис Коалиционного Правительства. Усердие с-ров и меньшевиков в разгроме большевистской организации и репрессиях не удовлетворило к.-д., которые вышли из Правительства.

Как член 1-го Всероссийск. Центральн. Исполнительного Комитета, я был вызван на экстренную сессию в Петроград, по вопросу о формировании Правительства.

В заседании фракции Церетели и Скобелев раскрывали всю механику и тактику коалиции, где ярко проходил весь саботаж буржуазных министров и соглашательство министров-социалистов, приведшее к полному краху.

Целую ночь шли дебаты и споры о коалиции, о вхождении Церетели в кабинет Керенского.

Правым большинством принято положение, что революция в опасности, поэтому, необходимо «Правительствѳ спасения революции», а левым меньшинством принята отставка Церетели и отказ с.-д. от коалиции.

Во главе власти стали с-ры—Керенский, Авксентьев, Чернов и К-о Началась Керенщина.

Период Керенщины, начиная от июля до октябрьского переворота, обозначался в Николаеве, с одной стороны, большим ростом с-ровской организации, избирательных сил, а с другой стороны—широкой и энергичной агитацией большевиков среди рабочих и солдатских масс и переходом их в сторону провозглашения Советской власти.

Борьба развернулась особенно ярко в дни выступления Корнилова. Рабочие на заводах «Наваль» требовали укрепления Советов и немедленной организации Красной гвардии.

Большевики т.т. Скляр, Зимак, Ровинский, Вольпе использовали корниловское выступление и на заводах, а в особенности в воинских частях гарнизона, как яркий пример буржуазно-генеральской опасности и основание к перемене с-ровской ориентации.

Воинские части стали отзываться из Совета представителей своих с-ров и посылать вместо них большевиков. Мобилизацию сил в воинских частях проводили т.т. Ровинский и Вольпе. Шла сильная критика тактики с-ров и с.-д., шла дискуссия. Московское Сoвещание, устроенное Керенским и Чхеидзе, показало воочию, что буржуазия объединяется, вооружается, а с-ры и меньшевики продолжают по прежнему якшаться с ними и искать путей соглашения.

Выступление Корнилова четко доказало все банкротство Керенщины и подлинные намерения к.-д. и генералов.

Малосознательные массы по инерции и широкие мещанские круги города в месяцы атаки справа и слева—в июле и в августе месяцах—держались в большинстве еще линии с-ров.

Выборы в Городскую Демократическую Думу, проведенные, главным образом, по трем спискам: с.-д. объединенных, с-ров и к.-д., дали с-рам подавляющее большинство. Из 101 гласных с-ров—было 65, с.-д. объединенных 17, к.-д. и прочих 19.

Городским головой был избран с.-р.—В. Костенко, председателем Думы правый с.-р.—Терентьев, оба инженеры завода «Наваль». При формировании Городской Управы, фракция объединенных с.-д. ставила с-рам категорическим условием—не допустить в нее представителей от к.-д. и прочих. После отказа с.-д. при иных условиях войти в Управу, с-ры должны были согласиться.

Совершенно естественно, что Дума являлась проводником политики правительства Керенского и стремилась повести линию чисто экономической политики города. Фракция с.-д. объединенных, ставшая не только в оппозицию Керенскому, но и поставившая в порядок дня формирование однородного социалистического министерства и немедленного созыва Учредительного Собрания, решила сделать Городскую Думу и ее трибуну органом политической борьбы, согласующим свою линию с линией Совета.

Фракция немногочисленная, но качественно сильная, состоявшая из Н. Мандельштама, С. Мандельштама, Я. Ряппо, М. Макотинского, Овчинникова, Фролова и др., стала систематически приковывать внимание Думы к определенным политическим вопросам.

В Думе постепенно развертывалась борьба двух сил: с-ров справа и с.-д. объединенных слева.

Интерес широких масс к этой борьбе возрос. Дума стала не только мертвым городским учреждением, а переходила уже за рамки положения о городском самоуправлении.

«Внеочередные заявления» фракции с.-д. объединенных стали постоянным явлением заседаний Думы, вызывая бешенство эсеров и в частности председателя Думы инж. Терентьева, заставив неоднократно слагать полномочия председателя.

Наша цель была—стянуть думу с ее традиционных высот, втянуть в водоворот жизни, и это в конце концов удалось.

Уже в августе, при посылке делегатов на Демократическое Сoвещание в Петроград, Дума приняла наказ, предложенный фракцией с.-д., об

однородном социалистическом министерстве, против коалиции, против Керенского. Это любопытный документ Думы с с-ровским большинством. В делегацию вошли Ряппо с.-д., Макотинский с.-д. и Брацлавский с.-р.

Иное соотношение сил и задачи развертывались в Совете Рабочих и Военных Депутатов.

С-ры занимали и здесь правое крыло Совета, в составе около 35% во главе с матросом Шабилковым и правым с-ром Усиковым; с.-д. объединенные занимали центр тоже около 35%, во главе с председателем Совета т. Ряппо; сюда примыкали и беспартийные; на левом крыле росла группа с.-д. большевиков и находилась отколовшаяся от с-ровской фракции группа левых с-ров и анархистов. Лево́й группой руководили т.т. Факторов и Зима́к.

Кроме этих основных групп, после I и II Универсалов Украинской Центральной Рады, в августе месяце в Совете стала образовываться от воинских частей небольшая украинская группа, с которыми в нужные моменты блокировали с.-д. большевики по тактическим соображениям, а левые с-ры по своей природе.

В августе Гор. Дума и Совет решили участвовать в Демократическом Совещании с определенными мандатами: против Коалиции, против Керенского.

В третий раз мне пришлось отправиться в Питер.

Демократическое Совещание представляло печальное зрелище. Оно раскололось на две равные части: одна часть за коалицию, другая—против. Получился огромный нуль, сплошной конфуз.

Защитником Коалиции выступил Церетели, а его противником т. Троцкий.

С.-д. раскололись на два лагеря; от большинства меньшевиков—докладчиком выступил Мартов.

Это был момент, когда силы Врем. Правительства Керенского и его противников были равны.

Демократическое Совещание стало символом момента, того тупика, куда зашла Керенщина.

Бутафорский предпарламент, беспомощная истерика Керенского и бодрое настроение т. Троцкого, в выступлении которого чувствовались раскаты грома и огненные молнии, предвещали катастрофу власти.

В Питере пахло порохом.

В Николаеве, в сентябре месяце, агитация против Керенского—стала массовым явлением.

Шла предвыборная кампания в Учредительное Собрание.

С-ры, которые в июле, даже в августе, были господами положения, чувствовали, как у них из под ног ускользает почва. Шансы меньшевиков в Учредительное Собрание были совершенно ничтожны. За с-рами шла еще деревня. Но раскол левых с-ров грозил и здесь увлечь избирателей влево.

Выборы в Учредилку по Херсонской губернии дали с-рам 12 мест., с.-д. большевикам—4 места, а меньшевикам—ни одного. Будь выборы еще месяцем позже, большинство стало бы за большевиками и левыми с-рами.

В сентябре месяце, в виду предстоящего в октябре Всероссийского Съезда Советов, большевики повели агитацию за пере выборы Совета.

Были установлены пере выборы по воинским частям.

Перевыборы значительно усилили фракцию большевиков.

В виду изменившегося соотношения сил в Совете, поставлен был в порядок дня перевыбор Президиума и Исполнительного Комитета.

Председателем Совета и Исполнительного Комитета был переизбран я. В Президиуме из 8-ми мест—большевики получили 2 места: первого товарища председателя (т. Зимак) и секретаря (т. Ветров).

В Исполнительном Комитете из 120 мест—большевики получили 42 места пропорционально составу Совета.

В дни октябрьского переворота формула: вся власть Совету—несобрала еще большинства голосов. Правда, силы были почти равные в особенности в массах.

Переход власти к Совету формально совершился позже, а именно—15 января 1918 года.

5. Период равновесия сил в Николаеве.

Весь ноябрь, декабрь и половина января месяца могут быть названы «периодом равновесия различных сил» в Николаеве, когда город в целом не признавал никакой центральной власти, а центры были просто недостижимы.

В то время, как в России утвердилась власть Советов, на Украине Центральная Рада 7 ноября опубликовала «III Универсал» об Украинской Народной Республике, став определенно на стороне казацкой контр-революции и начавши борьбу с Советской Властью.

Украинские группы населения в Николаеве, во главе с гласными Думы Бряковским, Шатохой и др.—организовали бутафорское чтение Универсала в церкви и на площади с попами и желто-блакитными знаменами. Но силы украинцев, как в Совете, так и в Думе были столь незначительны, что поддержать киевские предначертания было немислимо.

В то же самое время не было никакой связи и с Петроградом. Для правительственных учреждений необходим был центральный орган власти, каковым Дума быть не могла.

Тогда Гор. Думой было принято предложенное Советом предложение: считать город Николаев временно самостоятельным и образовать в нем орган верховной власти—Революционный Штаб (Комитет), составленный на паритетных началах из 2-х представителей Совета и двух представителей Гор. Думы под председательством Председателя Совета.

Таким образом, большинство в Революционном Штабе было за Советом. Эта Власть, осуществляющая единовластие Совета и Думы, и опираясь на то и другое, продержалась целых два с половиною месяца. Как председателю Революционного Штаба, мне пришлось фактически переносить невероятные затруднения в урегулировании жизни города.

Начался острый финансовый кризис. Из-за отсутствия денег пришлось прибегнуть к принудительному изъятию денежных знаков из банков при содействии военной силы, затем, принять участие в выпуске городских дензнаков, совместно с гор. Одессой, дабы выплачивать громадные суммы заработной платы рабочим судостроительных заводов, так-как от Правления заводов из Петрограда уже нечего было ждать, а с Советским Правительством связи еще не было.

Для усиления средств города пришлось провести через Думу постановление о налоге на буржуазию в размере пяти миллионов рублей, который и был реализован.

Много шума и забастовку союза педагогов вызвало отстранение и арест черносотенского директора училища Вирена, где Революционный Штаб проявил настойчивость, вопреки воле большинства Думы, что вызвало в Думе дебаты по поводу того, должен-ли Революц. Штаб отчитываться перед Думой или нет. Принято пожелание, чтобы Штаб ориентировался и на Совет и на Думу.

Еще сложнее обстояло дело в связи с широкой агитацией в воинских частях большевиков и украинцев.

Образовались боевые группы, ставшие друг к другу во враждебные отношения. Шла целая кампания против Совета, а в некоторых группах и против меня. Дабы разредить склоку, я решил сложить полномочия председателя Совета, что и сделал 30 ноября.

С 1 декабря новым председателем Совета стал левый с.-р. прапорщик Руденко. Это был мало деятельный человек. Началось разложение работы Совета. За весь декабрь было лишь одно собрание пленума, и то не оказалось кворума. Сам Руденко куда-то на две недели отлучился, события пошли помимо Совета.

Образовались подпольные военные организации украинцев и большевиков, организовавшие столкновение.

Это столкновение не разрослось в большое сражение. Убито было лишь 4 человека. На стороне украинцев были артиллерийские части, а на стороне большевиков часть флотского полуэкипажа, части из 45 зап. полка и красногвардейцы из рабочих завода «Наваль». К ним примыкал и отряд анархиста тов. Романова.

Благодаря с.-д. фракции Гор. Думы и Революц. Штаба, удалось сговориться и ликвидировать столкновение.

Дело окончилось тем, что в состав Революционного Штаба был введен и представитель от украинцев.

Большая часть войск гарнизона держалась пока нейтрально и предлагала даже посредничество.

Совет в это время бездействовал.

Горячего материала в городе накопилось много. Задача Революц. Штаба—было устранить прения и предупреждать столкновения, держать враждующие элементы вместе и заставлять их сговариваться. Не было сомнения, что украинцам придется уступить.

Такая тактика удержала от кровопролития и разрушения город и привела вскоре к естественной безболезненной передаче власти Совету в тот момент, когда перевес сил вполне оказался на стороне большевиков.

1918-й год.

Первым делом в 1918 году было произвести полные пере выборы Совета. Не было сомнения, что старый состав его не соответствовал моменту. События на севере подготавливали настроение по переходу к Советской Власти. События уже в декабре переросли Совет.

Избирательный Комитет разработал положение и порядок выборов. Выборы были назначены на 7 января и произведены в 3-х дневный срок. Новый Совет составляли: большевики 45%, левые с-ры 15%, а оппозиция (объединенные с.-д. и с-ры)—около 40%.

Таким образом, большинство сторонников Советской Власти составляло более 60%.

Что касается объединенных с.-д., то они заявили только о праведной критике, но не активной борьбы.

15 января была объявлена власть Советов в Николаеве.

К этому времени изменилось реальное соотношение сил в пользу Советской Власти не только в Николаеве, но и на всей Украине.

Значительную роль в установлении Советской Власти в Николаеве сыграл 45-й Запасн. Полк, начиная уже с самого начала февральской революции.

В полку было вначале до 16.000 солдат. В значительной части это был элемент текучий, либо отправляющийся на фронт, либо идущий с фронта. Первые на фронт идти не желали: отправка в июле месяце была последняя, а вторые, эвакуированные с фронта, были люди потрепанные, больные, нервные, настроенные анархически, не желающие подчиняться никому и ничему.

Происходили бесконечные трения из-за помещений, из-за пищи и обмундирования.

Неоднократно выступали отдельные роты, арестовывали и гнали некоторых командиров.

Мне, как Председателю Совета, приходилось еженедельно, подчас и ежедневно выступать на собраниях и митингах, дабы улаживать конфликты.

Приказ Керенского об отправке всего полка на фронт, конечно, не мог быть исполнен, ибо полк категорически отказался выступить.

Совет стоял на этой же точке зрения и решил отпустить большинство солдат по домам.

Был организован «легальный» отпуск, для чего образованы Комиссии по освидетельствованию; всех, кто заявлял себя больным, отпускали.

Из 16.000 человек в полку осталось не более 3-х тысяч. То же самое было сделано в дружинах, где вместо 4-х тысяч—осталось полторы тысячи человек, преимущественно городских. Город был разгружен, а государство освобождалось от лишних едоков. При Совете была организована специальная Советская рота для борьбы с бандитизмом в городе и в окрестностях.

45-й Запасн. полк продержался до января 1918 года, когда в связи со столкновением с украинцами, началось разложение. Одновременно с объявлением Советской Власти, полк был расформирован совершенно, а во флотском полуэкипаже организован другой полк из красных армейцев—добровольцев; остальные же все разошлись по домам. К числу вооруженных сил Советской Власти относится и Красная Гвардия, которая была организована уже после июльских дней.

Главным организатором Красной Гвардии были рабочие «Наваля» тов. Артамонов, Золотухин и др. Последний был убит при столкновении с украинцами.

Переход Власти к Совету проходил не только безболезненно, но организованно.

Гор. Дума сама постановила передать все свои дела и отделы исправно, в порядке.

Переход Власти к Совету мог бы совершиться уже в конце декабря, если бы сам Совет в это время не был бы в состоянии прозябания, если бы более активные члены его, как от объединенных с.-д., так и от большевиков не перенесли центра тяжести в Революционный Штаб, да на боевые столкновения.

На ход работы Совета повлияло несомненно и декабрьское постановление о перевыборе Совета: почти все члены Совета и Исполнительного Комитета распозались, уходили в массы на предвыборную кампанию.

Стало-быть «октябрьские дни» в городе Николаеве оттянулись на декабрь и начало января месяца.

Борьба происходила в сущности уже не с теми, в чьих руках формально была власть, т. е. не с Гор. Думой и не с фракцией объединенных с.-д. и, конечно, не с Революционным Штабом, а с украинцами, которые очутились, благодаря некоторым воинским частям (Черноморскому Артиллерийскому Дивизиону и др.), Универсалу Центральной Рады и попыткам десятков двух украинцев, на арене борьбы в течение декабря месяца.

Военной организации большевиков при упомянутых выше стычках удалось к январю месяцу переместить равновесие в сторону большевиков. В этом деле бесспорно главную идеологическую роль играли тов. Закс, а военно-организационную—т.т. Зимак, Вольпе и Шафранский.

Николаевская Гор. Дума, сведенная с «легальных» путей, санкционировавшая принудительный налог на буржуазию, да изъятие сумм из банков для уплаты рабочим, Гор. Дума, признавшая власть Революционного Штаба и постановившая в январе передать власть Совету и свои дела в полной исправности, стала своего рода переходной ступенью к Советской Власти.

Это происходило, конечно, от изменившегося соотношения сил в городе и, в значительной мере, от тактики думской фракции объединенных с.-д.; оно происходило также и от настроения масс, бывших в курсе дела и зорко следивших за событиями как в России, так и на Украине.

Почва для Советской Власти была уже достаточна, как среди рабочих масс, так и в частях гарнизона. Переворот по существу уже совершился. Надо было его лишь оформить. Это и произошло 15-го января.

6. Первая Советская власть в Николаеве.

(От 15-го января до 17 марта нового стиля).

С самого начала января все круги и группировки были подготовлены к мысли о переходе власти к Совету. Единственные группы, которые оставались на прежних позициях полного отрицания Советской Власти, были

группы к-д, с-ры и украинцы. Об'единенные с-д, оспаривая скорее академически свои принципиальные положения, эволюционируя в революционном процессе, решили в своей тактике держаться контакта с большевиками, стать по одну сторону баррикад.

15 января (по старому стилю) пленум Совета объявил Советскую Власть.

При составлении Исполкома большевики разошлись с левыми эс-рами, после чего решено было сформировать Исполком из большевиков и фракции С.-Д. Об'единенцев персонально. Первый Исполком Советской Власти был составлен следующим образом: от большевиков—7: Председатель Исполкома—т. Зимак, Военком—т. Федоров, Финансов и торговли—т. Каган, Продком—т. Возняк, Юстиций—т. Прокофьев, Труда—т. Немченко. От Об'единенных с.-д.—3: Зампред Исполкома, Завнаробраза—т. Я. Ряппо, Здравоохранения—Макотинский и Национальностей—Рожанский; персонально: Шабалов—Морских дел, Усиков—государственных имуществ.

Первый Исполком не имел еще никакой связи с центром и строился несколько своеобразно.

Совет избрал свой Президиум с председателем Совета т. Григорьевым во главе. Исполком был избран независимо от Президиума Совета, самостоятельно.

Отличительной особенностью было то, что пленум Гор. Думы был распущен, а аппарат Управы продолжал функционировать под руководством уже не гласных, а членов Исполкома.

Суды функционировали в составе избранных Думою членов. Самым решительным образом проведена национализация банков и крупных зданий (гостинниц, кафе и т. п.).

Целый месяц ушел на организацию Советского административного аппарата.

Но эта работа вскоре отошла на задний план, в связи с начинавшейся оккупацией германцами Украины. Советы вступили с оккупантами в отчаянную борьбу, каждый на свой страх и риск. Все внимание было отвлечено борьбой.

Регулярных войск в Николаеве не было, если не считать оставшихся во флотском полуэкипаже матросов и солдат в небольшом числе. Численно значительной вооруженной силой была Красная Гвардия из рабочих, но она была слабо вооружена и не приспособлена к большим операциям. Главный недостаток был в артиллеристах (Украинский Черноморский дивизион ушел уже в январе). Единственным руководителем по артиллерии был тов. Флоренсов, которому и удалось наладить пару орудий.

Из Одессы приезжали представители полк. Муравьева (т. Гершанский) с требованием мобилизовать николаевских рабочих для обороны Одессы и отпустить десять миллионов деньгами.

Совет и рабочие на митинге отказались, считая это предприятие нецелесообразным. Инстинктивно чувствовали, что спасти Одессу от немцев невозможно.

Мне, как военному, пришлось быстро набросить план захвата и закрепления за собой, в случае отступления, главных жел. дор. узлов и мостов (Гурьевки, Долинской, Знаменки-Хировки).

Однако, всеми этими планами пользоваться не пришлось.

Весьма тяжелое было и финансовое положение города. Расходы, в особенности по заводам, были огромные, а доходов никаких. Обложение буржуазии давало незначительные результаты. Дело в том, что Дума уже реализовала пятимиллионное обложение. Кроме того, в 1917 году было произведено изъятие из банков для оплаты труда. Совет объявил вторичный пятимиллионный налог на буржуазию, но реализовать удалось только полтора миллиона. Буржуазия упорствовала, саботировала, питаясь надеждами на приход украинцев и немцев.

Саботаж буржуазии беспощадно вскрывала газета «Власть труда», преобразованная из «Известий», под редакцией т. Закса-Гладнева.

Закс-Гладнев был, начиная уже с ноября, идеологическим руководителем Николаевской большевистской организации, лучшим ее полемистом и в Совете и на страницах прессы. Он же был и неофициальным руководителем членов Исполкома, которые весьма туго справлялись со своими задачами.

В связи с оккупацией Киева немцами и с дальнейшим их распространением по Украине, настроение в Одессе и Николаеве становилось более нервными. Буржуазный саботаж, их затаенное злорадство, отсутствие денежных средств—все вызывало и подогревало настроение красногвардейцев и рабочих масс.

2 марта состоялось экстренное заседание Военной Комиссии, на котором решено было объявить в городе осадное положение с устранением ненадежной милиции и с введением охраны из моряков и красногвардейцев. Вместе с этим намечен был арест около 130 лиц из виднейшей буржуазии.

Я возражал против этого, доказывая, что это не укрепит Советской Власти, а предложил ввести военное положение с оставлением милиции и с ночным патрулированием моряков и красногвардейцев. После долгих дебатов это предложение было принято. Вслед за этим возник настойчивый вопрос о введении в городе власти (диктатуры) тройки (под моим председательством).

И против этого предложения я возражал самым решительным образом, доказывая необходимость всей полноты власти Исполкома.

И эти возражения были приняты.

Только в 6 часов утра Военное Совещание разошлось.

Объявленный на военном положении Николаев вступил снова в полосу военной борьбы.

Образовались различные вооруженные, анархически настроенные группы. Особенно заметно выросла группа анархистов, во главе с т.т. Романовым и Гисей. Группа эта заняла дом богача Абрамова, конфисковала все его имущество и щеголяла своей «левизной», вела пропаганду действия против буржуазии и против власти Совета, призывая широкие массы к конфискации имущества, к террору и т. п. Такая стихийная конфискация и поголовные обыски, поддерживаемые группами матросов флотского полуэкипажа, где весьма сильно чувствовался лево-с-ровский и анархический элемент, готовились и кое-где уже шли.

Исполком решил это движение обезвредить, введя его в более организованное русло.

Изъятие золота, серебра и прочих ценностей решено было произвести при посредстве финансового отдела с концентрацией всех ценностей из ювелирных магазинов и от богатой буржуазии в Государственном Банке и с выдачей всем владельцам расписок.

Работа эта производилась под руководством Предисполкома т. Зимака.

Организация большевиков строго следила, чтобы это изъятие не превращалось в грабеж и дело прошло вполне организовано.

Умеренные действия Исполкома вызывали враждебное настроение анархических групп против Членов Исполкома—объединенных с.-д. и даже против т. Зимака, анархиста Соколова и др. Получались предупреждения о решении расправиться с нами. Попытка расправиться с т. Соколовым, который решил выйти из группы анархистов, была произведена, но неудачно.

Расправа с остальными была намечена на 6 марта вечером, после пленума Совета.

Пленум совета затянулся до утра. Массы расходились еще раньше. На пленуме были избраны депутаты на IV Всероссийский Съезд Советов: Вольпе (с.-д. большевик), Ряппо (с.-д. объединен.) и Риле (левый с.-р.).

7 марта утром мы уже выехали из Николаева в Москву. Николаев входил в полосу тяжелых и сложных испытаний. Совет постановил ликвидировать явно разлагающие действия группы Гиси и Романова, выселить из дома Абрамова и при необходимости разоружить. Группа не подчинялась этому постановлению.

Предисполкома т. Зимак выдвинул для выполнения этого задания отряды красногвардейцев, матросов и милиции. Произошел уличный бой. Анархисты отступили. В числе раненых был и т. Зимак.

Такого рода столкновения, отдельные эксцессы, налеты и обыски и напряженное состояние умов во всем городе перед надвигающейся германско-украинской оккупацией не развились, не развернулись во всеобщую анархию, благодаря правильно взятой линии и тактике организации большевиков, удерживавших матросов и красногвардейцев под своим влиянием.

14 марта состоялось заседание Совета, на котором выступал отступивший из Одессы полк. Муравьев и клялся отстоять Николаев от немцев.

15 марта—выжидательное положение. Шла опись и сдача ценностей в Нарбанк.

16 марта немцы подошли к Николаеву со стороны Варваровки. Начался бой, в котором участвовали только два орудия тов. Флоренцова.

Немцы пошли в обход, что заставило Совет приступить к самой спешной эвакуации.

Советские фракции большевиков и левых с.-р. постановили эвакуироваться полностью, за исключением лиц, оставляемых в подполье.

С большою поспешностью, при содействии милиции и красногвардейцев, удалось вывести из Государствен. банка сконцентрированные там ценности, денежные знаки.

17 марта на рассвете со стороны вокзала вошли, обошедшие город, немцы и мад'яры.

Начались дни германской оккупации.

7. Германская оккупация.

После занятия города немцами Гор. Голова В. Костенко повел переговоры с германским командованием относительно положения Гор. Думы.

Командующий немецкими войсками потребовал от Костенко гарантий за спокойствие в городе, и со своей стороны обещал не вмешиваться в дела городского самоуправления.

После этого Гор. Дума обратилась к населению с воззванием, оговаривая за собою права городского самоуправления.

Население города резко разбилось на два лагеря: меньшинство—радовавшееся уходу большевиков и вступлению немцев, и бесспорное большинство—рабочие массы, полные настроениями Совета и относящиеся с ненавистью к оккупации и политике Центр. Рады.

Против здания Совета, в Лондонской гостиннице, где был Исполком, расквартировался теперь главный штаб германцев.

Командование вызвало представителей Думы на совещание, где представители их на дипломатическом языке заверяли, что население миролюбиво настроено.

Но тов. Каушан, в дипломатии не искушенный, стукнул кулаком по столу и бросил генералу угрожающую фразу, что потом было истолковано, как намек на восстание.

Не прошло и трех дней, как Николаев горячо возненавидел оккупантов. Слободка глухо волновалась, досадуя, что нет Совета, который нашел бы средства к выдворению немцев.

А оккупанты хозяйничали во всю: реквизировали и забирали все оставленное Советскою властью, занимали типографии своими бюллетенями и приказами, забирали всюду продовольствие и продукты за квитанции, производили непрерывные обыски и т. д.

Николаевское восстание.

Восстание в Николаеве, разразившееся 22 марта—в пятницу и продолжавшееся четыре дня, представляет яркий пример стихийного выступления, когда схватившийся за оружие пролетарий вызвал на смертный бой закованных в латы и закаленных оккупантов. Уже за два дня до восстания стали носиться слухи, что большевики возвращаются и Советские силы находятся в 18-ти верстах от города. Рабочие районы быстро реагировали на это. Год свободы прожит был слишком интенсивно, чтобы после него сносить опять гнет. Казалось, стоит восстать, и все вожди чудом появятся, что они так близко.

Это вдохновило более энергичных и активных рабочих на смертельный подвиг.

Выступление разразилось в два часа дня.

Германцы, занимавшие главную буржуазную часть города, быстро заняли бульвар набережной, участок Херсонской улицы от Глазенаповской до Наваринской, у Семеновской церкви. Очагами восстания были: Слободка,

Кузнечная ул., Привокзальный район, большевистский клуб с прилегающими пустым зданием бывшей мельницы Оберемченко и со складом Эльворти, и базар.

Заседавшие в клубе объединенных с.-д. представители заводских Комитетов немедленно разошлись и частью направились к главной милиции, где повстанцы разобрали все имевшееся оружие, чему милиция не препятствовала.

Обстрелу подвергся германский штаб и все одиночные немецкие солдаты, группы и отряды во всем городе.

К вечеру 22 марта бой разгорелся во всем городе. В числе восставших были гонимые стихийной отвагой солдаты—фронтовики, матросы и рабочие—красногвардейцы, рабочие заводов и учащиеся технических училищ.

Немцы и венгры, застигнутые врасплох, сконцентрировав свои силы, установивши пулеметы, батареи гаубиц и минометы, к вечеру открыли беглый огонь из орудий по городу. Обстреливалась Слободка, базар и Клуб большевиков. Обстрелу подверглось также здание Гор. Думы, в которой дежурили члены Гор. Управы. Один снаряд влетел в кабинет Гор. Головы и застрял в стене.

Из здания Гор. Думы обстрелены были группой восставших в свою очередь немцы.

Все восстание носило неорганизованный характер и протекало хаотически в различных частях города, в то время, как немцы стали теснить повстанцев медленно, но методически. Главное их преимущество состояло в артиллерии и в обилии пулеметов, а преимущество восставших было в том, что они палили из каждого дома из каждой подворотни.

В 3 часа ночи 23 марта от снарядов загорелись большевистский Клуб и мельница Оберемченко.

К утру орудийная канонада ослабела. Немцы с пулеметами продвинулись по направлению к базару. Начался обстрел и разгром базара. Все превращалось постепенно в развалины. Сожгли базар и дома по Глазенаповской улице.

Борьба шла целый день.

24 марта началось интенсивное разрушение Слободки и рабочих районов. Слободку обстреливали и ракетами, от которых загорались дома.

25 марта немцы и мад'яры вступили в Слободку. По порядку врывались в дома, расстреливая мужчин, выгоняя женщин и детей, зажигая дома.

Всех теснили в сторону кладбища, где шла оборона засевших там повстанцев.

26 марта весь город был уже в руках разъяренных оккупантов, понесших в бою значительные потери.

Шла жестокая расправа: расстрелы, обыски, грабеж и сжигание домов.

Объявлены были приказы о сдаче оружия под страхом расстрела хозяина дома и жильцов мужчин, в чьем доме будет обнаружено оружие. А обыски шли поголовные.

Жертвы восстания точно неизвестны.

По точным сведениям, немцев вышло из строя 629 человек. У восставших в большевистском Клубе погибло (сгорело) не менее 40 чел., в мельнице—около 70 человек, на базаре—сотни, а в Слободке—еще больше. Выбывших из строя у восставших насчитывают более 2000 человек.

Подсчет легко раненых был невозможен. Начавшийся жестокий террор немцев заставлял скрывать свои ренения.

Уж на второй день восстания начались аресты сперва одиночками, затем массами. Арестован был Гор. Голова Костенко, которого обвинили в обмане германского командования относительно настроения населения города.

Шли поиски большевиков, красногвардейцев, матросов. Беспощадно расстреливали всякого, среди вещей которого нашли вооружение, или матросскую куртку, либо фуражку.

Из Одессы были вызваны подкрепления в несколько тысяч солдат. Объявлено было осадное положение. С приближением сумерек прекращалось всякое движение в городе. За нарушение—расстрел на месте.

Гор. Николаев превращен в укрепленный лагерь с проволочными заграждениями, с пулеметными окопами на углах улиц, с установленными орудиями на площадях.

Вход и выход из города разрешен лишь по ордерам.

Во главе города генерал Гильгаузен.

Гор. Думе был пред'явлено ряд требований: распустить выборную Управу, назначить новую Управу из трех лиц по утверждению немцев; заседания Думы разрешено производить закрытые, в присутствии немецкого лейтенанта и солдат.

Представители с.-д. опротестовали эти требования. Большинство их приняло. В гор. Управу были назначены: Гор. Головой Мичман Гиль (с-р), доктор Плотицын (пехановец) и Минчин (с-р). Весьма жалкую роль во время этой эпопеи и всей германской оккупации играли при немцах украинские представители вроде коменданта города Евтушевского, которые были буквально в лакеях у немцев и приносили много вреда своими указаниями.

После восстания режим в Николаеве отличался от всех других городов Украины своею жестокостью, особенно в первые недели, а затем при гетмане.

Об оккупации Одессы и Юга Украины немцами нам стало известно еще в Москве на IV Всероссийском Съезде Советов.

Посоветовавшись в Москве, все украинские делегаты решили все таки пробраться на Украину, чтобы повести, хотя-бы подпольную работу. Нужно было поторопиться пробраться раньше, чем немцы успеют занять всю территорию Украины.

18 марта мы были уже в Харькове.

Здесь я встретил на вокзале членов Николаевского Исполкома: тов. Федорова, Когана, также Скляра и многих членов Совета из большевиков и левых с-ров.

Здесь были и вывезенные из Николаева ценности, которые распоряжением Харьковск. Исполкома направлены были в Москву.

Было много и красногвардейцев, которые требовали настойчиво оплаты их труда по эвакуации, из-за чего происходили споры и трения.

Здесь же образована была ликвидационная Комиссия в составе т.т. Склера, Лысенко, Ряппо, А. Соколова, Кагана и Федорова, производившая расчет с эвакуировавшимися.

Из Харькова я с тов. Риле перебрался в Екатеринослав. И здесь мы встретили отступавших из Николаева товарищей, между прочим т. Григорьева, председателя Совета.

Немецкое наступление застигло нас в Екатеринославе и шло дальше; мы очутились в их тылу.

Только в Екатеринославе нам стало известно о восстании в городе Николаеве.

Я с тов. Риле решил пробраться, если не в Николаев, то в его окрестности.

Мы пробрались в Знаменку; т. Риле поехал вперед, в качестве разведчика. Стало известно, что в Николаеве наступило уже некоторое успокоение, что существует военное положение, что отношения назначенного Гор. Головы Гиля с немцами «сердечные» и т. д.

Мы решили поехать в Николаев.

По приезде в Николаев, было решено провести меня в Председатели Думы и поставить ультиматум немцам об открытых заседаниях.

На следующий день состоялось заседание организации объединенных с-д, где был мой доклад о IV-м Съезде Советов. Во время заседания нас окружила рота германцев и отправила в каторжную тюрьму. На следующий день около 50 человек освободили, а в тюрьме оставили четверых: Ряппо, Каушана, Исаева и Рожанского.

В городе поднялась сильная агитация за освобождение арестованных, пошли ходатайства от Гор. Думы. Вскоре мы были освобождены. В тюрьме сидел еще тов. Ф. Соколов (бывш. анархист). Он обвинялся в соучастии в захвате анархистами дома купца Абрамова. Его продержали вплоть до времен свержения гетманщины. Всякого рода освобождения возможны были лишь в начале германской оккупации. Далее дела принимали дурной оборот. Со всех углов стала подниматься настоящая черная контр-революция. Съезжались и выползали на свет божий уже не только к.-д., а самые заядлые монархисты всех видов: прежние члены союза русского народа, полиция и жандармерия, устанавливавшие свои связи постепенно с германским командованием.

Что касается роли представителей Центральной Рады, то в начале германцы делали вид, что считаются с ними, но с усилением влияния черной реакции роль их свелась к нулю. Даже лакейство не давало уже никаких выгод.

Хозяйничанье оккупантов углублялось, затрагивая интересы решительно всех городских и общественных учреждений, налагая гнет на разные предприятия—типографии, заводы.

Общее настроение в Николаеве было угнетенное, подавленное. Лишь крупные буржуа, торговцы-спекулянты веселились и радовались, всячески ухаживали за господами немецкими генералами и офицерами.

Убедились теперь воочию с-д, объединенные, что завоеваний революции никакими словами и соглашениями не укрепишь, что лишь с оружием в руках можно кое-что удержать.

С-ры в большинстве были довольны тем, что освободились от большевиков, надеясь сговориться с Центр. Радой и оккупантами.

Но и им пришлось скоро разочароваться и начинать свое приспособление к белогвардейцам.

Их идеал—Демократическая Дума «при закрытых дверях», с назначенной Управой, при ограниченности заседаний, перестала существовать.

29-го апреля в Киеве произошел уже разгон Центр. Рады и провозглашение Скоропадского гетманом Украины.

Власть перешла в руки германских генералов и российских помещиков. Наступила черная реакция.

8. Гетманщина.

Как только до Николаева дошли сведения о гетманско-монархическом перевороте в Киеве, было всем ясно, что дни с-ровской Думы сочтены, а активным работникам об'единенных с.-д. придется немедленно уйти в подполье. Партия большевиков была вне закона уже с первого дня германской оккупации.

Было решено перетасовать активных работников по другим городам, а некоторых перевести на село.

3 мая я уехал в Одессу на нелегальное положение. На первое время сюда переехали также т.т. Исаев, Даргольцы, Рожанский.

Спустя неделю была распущена Демократическая Дума и восстановлена прежняя цензовая Гор. Дума во главе с Гор. Головой Грачевым. Восстановление Думы происходило со всей торжественностью при молебне и богослужении с окроплением здания святой водой, дабы изгнать и дух революции.

Буржуазия Николаева возвращалась к своему дореволюционному бытию, даже не заикалась о каком-то демократизме. На улицах города появилась вновь прежняя полиция и жандармерия под немецко-украинским названием «Варта». Во всех городских участках водворились прежние жандармы, пристава и полицейские.

Рестаuration завершилась назначением градоначальником Де-Бонди.

Все это совершалось под охраной и бдительным надзором германских штыков и под страхом драконовских обязательных постановлений начальника германского гарнизона генерала фон-Гильгаузена.

Военный режим после дней мартовского восстания в Николаеве оставался и во времена гетманщины. Орудия на позициях, окопы с проводочными заграждениями на углах улиц и площадей и караулы повсюду свидетельствовали о том, что власть держится только на штыках. В то время, как все другие города на юге перешли австрийцам, Николаев оставался исключительно в распоряжении германцев, ибо «здесь пролилась немецкая кровь», как гордо заявил немецкий лейтенант при нашем аресте.

По всему городу и окрестностям шли обыски и розыски участников революции. Каторжная тюрьма быстро переполнилась. Военно-полевой суд одних приговаривал к расстрелу—обвиняемых в большевизме,—других отправлял в концентрационный лагерь, третьих держал в тюрьме.

В начале немцы не были еще в курсе всех дел, при гетманшине же работали уже прежние отечественные охранники—царские слуги, правда под украинской вывеской, и дела выяснились.

На Николаевских заводах шла самая тщательная чистка, сокращение числа рабочих, заработной платы.

Из окрестных волостей немцы привозили в Николаевскую тюрьму, крестьян. Шло систематическое обирательство деревни, реставрация имений и власти помещиков, производились расстрелы и экзекуции. Неистовства гетманских «хлеборобов» постепенно взбудоражали деревню. Восставали отдельные села. Восстал богато насыщенный оружием Елизаветградский уезд. Борьба углублялась и ширилась.

«Хлеборобы-помещики» опирались на германцев и австрийцев, а будирующим элементом деревни были солдаты-фронтовики, годы просидевшие в окопах и ныне не признающие ни помещика, ни немцев.

Эта часть деревни была вооружена не только винтовками, а иногда даже пулеметами.

Крестьянство стало действовать по партизански: портило мосты, срывало жел. дор. рельсы, телеграф, спускало под откос поезда.

Выступавшие партизаны фронтовики называли себя преимущественно большевиками. Слово «большевик» склонялось и немцами и мад'ярами в Николаеве и в Одессе постоянно на разные лады. За голову активного большевика в официальных объявлениях австрийских властей в Одессе называлась солидная плата.

В то время, как в деревне началось активное сопротивление немцам и австрийцам, в городах свою деятельность развертывала «варта». Между Николаевым и Одессой устанавливалась связь и информация. Николаевских «большевиков» стали розыскивать в Одессе.

Пришлось переселиться за город и проводить ночи в лесу, а затем, переехать на север, в Киев.

В июле началось жел. дор. забастовка на Украине. В Одессе шли аресты железно-дорожников, требовавших не только повышения заработной платы, но и отправки хлеба в Россию, а не в Германию.

В Киеве произошло убийство фельдмаршала Эйхгорна. Последовали грандиозные пожары и взрывы пороховых и снарядных складов в Одессе и Киеве.

Репрессии усиливались, но с ними усиливалась и волна активного сопротивления по всей стране, чреватая гибельными последствиями для гетманской власти.

Пролетарский Николаев, насыщенный сильным германским гарнизоном, охваченный железом и сталью оккупантов, не в состоянии был расправить свои силы вплоть до низложения гетмана. Но зато ему пришлось выдержать изумительную борьбу за короткое время—конец 1918 и 1919 год—с окружающими его со всех сторон враждебными силами. Это второй самый напряженный период революции в Николаеве.

Я. РЯППО.

Парторганизация и октябрьский переворот в г. Николаеве.

Несмотря на то, что г. Николаев по своему революционному значению занимал одно из первых мест среди городов Украины, во время Февральской Революции он не имел самостоятельной большевистской организации. Рабочим движением Николаева руководила т. н. «Об'единенка» и немногочисленной группе большевиков, имевшей в «Об'единенке» всего двух своих представителей, приходилось с невероятной трудностью и энергией осуществлять лозунги нашей партии. Для борьбы с оборонческо-патриотическим влиянием «Об'единенки», для экономии сил и по требованию момента, часть наших товарищей вошла в соглашение с т. н. группой «Интернационал», идейным руководителем которой был т. Марк Факторов. С первых же шагов нашей работы, как только потребовалось выявить идейное лицо группы «Интернационал», наметились разногласия, в конце концов приведшие тов. Марка к составлению политической декларации, которая в виду ее оппортунистичности вызвала жестокую критику с нашей стороны. Группа «Интернационал» распалась. Мы приступили к организации партии большевиков г. Николаева. Объективные условия были на нашей стороне, февральская весна прошла—проходили бурные Корниловские дни. «Об'единенка» с каждым днем теряла почву под ногами; среди рядовых ее членов царила полная растеренность. Созванная Губпартконференция, с первого же момента выявила, что «Об'единенка» превратилась в идейный труп. Нашей сплоченной инициативной группе, активнейшим участником которой был тов. Скляр, осталось только взять на себя политическое руководство революционно-настроенными рабочими массами Николаева. Долгожданный нами раскол «Об'единенки» наступил. С этого момента мы, послав в Исполком представителя нашей партии, организовали в Совете большевистскую фракцию. Мы начали завоевывать влияние в Совете. Вскоре приехала к нам Евгения Богдановна Бош, и мы устроили первый большевистский митинг на заводе «Руссуд». Она же обещала прислать в Николаев из центра идейного руководителя.

Начали выпускать газету «Пролетарское Знамя»—орган большевиков и интернационалистов. Авторитет и влияние нашей фракции в Совете сильно возросли. Когда Временное Правительство решило послать Скобелева во Францию, как представителя Революционной России, и Николаевским Советом была получена телеграмма от ВЦИК, в которой запрашивалось мнение Исполкома посылать или не посылать Скобелева во Францию—нашей весьма немногочисленной группе удалось разделить голоса так, что утвердительный отчет не был послан. Вскоре приехал к нам из центра т. Закс-Гладнев, благодаря которому нам удалось еще более оживить партработу: пошли

дискуссии с эсерами, меньшевиками и анархистами—частые митинги, укрепились районные комитеты под руководством Губкомпарта и стали выпускать газету «Звезда»,—уже орган большевиков.

Но мелкобуржуазные идеологи не хотели признавать своего идейного поражения и, опираясь, с одной стороны, на Думу, с другой—на шовинистически настроенных гайдамаков, готовились к ожесточенной борьбе с нами. Мелкая буржуазия накапливала силы. Мы, опираясь на Совет, привлекли на свою сторону Красную Гвардию; нужно отметить энергичных и самоотверженных организаторов ее т.т. Романова и Шмелева.

Пролетариат накапливал силы.

Гайдамаки бросили нам вызов. Они убили красногвардейца. Надвигался кровавый конфликт. Мы выделили боевых, энергичных товарищей, сорганизовали Ревштаб и переехали во флотский полуэкипаж. «Демократическая» Дума, надев на себя маску нейтралитета, заняла позицию примирения двух враждебных сил. Так как ни мы, ни они не были уверены в победе, то пришлось, пойдя им на уступки, составить новый Ревштаб на паритетных началах. Но мы не упустили нашего основного русла, по которому должна была идти революционная работа, и перебросили наши силы из Ревштаба в Совет. Наше влияние в Совете еще более возросло и; когда были назначены переборы, Николаевские пролетарии значительно увеличили число наших представителей в Совете. По мере роста нашего влияния в Совете, росло политическое значение последнего за счет «демократической» Думы.

Мелкобуржуазные идеологи еще более ожесточились и готовились к новой схватке. Власть Думы шаталась; в качестве аргумента на право своего политического существования петлюровцы выдвигали гайдамацкие штыки. Нашим аргументом являлся вооруженный пролетариат, который должен был доказать право на политическое существование пролетарского Совета. Надвигался второй кровавый конфликт. И на этот раз фарисеи из «демократической» Думы, вооружившись фиговым листком нейтралитета, решили примирить враждующие стороны. Непримиимое примирить нельзя. Возмущение Николаевских рабочих, нерешительность и мелкобуржуазная трусость петлюровцев—все говорило за то, что скоро наступит кровавая развязка, в результате которой мы победим. Второе столкновение скоро произошло. На улицах города Николаева произошел решительный бой между пролетариатом и мелкой буржуазией. Примиренческая позиция Думы окончилась крахом. Единственное условие, на которое мы согласились прекратить бой—это капитуляция гайдамаков: сдача оружия и полное подчинение Николаевскому Совету. В Думе происходили усиленные заседания меньшевиков, эсеров и петлюровцев. Мы послали к ним своего представителя для оглашения наших требований, одновременно ведя работу по разложению гайдамацкой вооруженной силы. Наконец, гайдамаки не выдержали натиска рабочих, дрогнули, стали бросать оружие и, при поддержке флотского полуэкипажа, мы захватили вокзал, радио-станцию, Госбанк и прочее. Победу одержал пролетариат. Наша организация, выбросив лозунг «Вся власть Совету», собрала под свое большевистское знамя большинство Николаевских пролетариев.

С этого момента история нашей николаевской партийной организации начинает переплетаться с историей Советской власти. Мы, организовав Совет Комиссаров, приступили к управлению городом, стремясь создать губернский аппарат. В это время анархистская группа решила выступить против новой власти и во время ее разоружения был ранен в грудь гражданский комиссар г. Николаева наш т. Зимак.

Самая тяжелая работа выпала на организацию и укрепление Красной Армии. Первый ее доброволец в Николаеве т. Закс-Гладнев только предвещал, что наша партийная организация должна будет военной работе уделить первое место. События это подтвердили: петлюровцы несли свою политическую месть на штыках немецкого Кайзера. В марте месяце 1918 года мы принуждены были эвакуировать Николаев.

И. КАГАН.

Восстание николаевского пролетариата против немцев.

В дни, когда наступала первая годовщина политического переворота, к Николаеву подкатывалась волна немцев, занимавших город за городом, село за селом Украины.

Двенадцать месяцев в этом городе—полуострове, опоясанном реками, замкнутом в кольце заводов, мастерских, казарм—шла самая интенсивная работа нового строительства. Ни в одном городе на юге Украины пролетариат не проявил себя в такой максимальной мере активности, работоспособности, организованности; и ни в каком городе оккупация немцев не осознавалась так глубоко, как здесь.

Настроение в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов стало напряженно серьезным. Уже не раз приходилось вступать в борьбу за власть на своей территории. Два раза против Совета выступали украинцы, а февраль и март породил столкновение с анархистами. В то же время приходилось рассчитывать только на свои силы, так как судьба Одессы была уже предreshена, а больше помощи ждать было не откуда. 14-го марта 1918 г. (н. ст.) полковник Муравьев в Совете Раб. и Солд. Деп.—ов заверял, что он Николаева не отдаст, но слова его звучали как-то неуверенно.

Правда, у рабочих было горячее желание отстоять город, стратегическое положение которого было слишком для этого заманчиво. Но и риск был слишком велик: остаться в мешке и в конце-концов погибнуть.

Мог ли один город сопротивляться, когда вокруг занята вся страна? Красная гвардия, набранная тогда большей частью из рабочих, не была еще достаточно организована, чтобы противостоять регулярным силам немцев. При всем напряжении сил большевики должны были учитывать возможность восстания внутри города, так как украинцы, сторонники Киевской Рады, отступившие только частью, вели агитацию среди командного состава воинских частей, а группа анархистов с Гисей и Романовым во главе, вторую неделю вели открытую борьбу с Советом, схватки которой происходили не только на трибуне Совета, но и на улице с винтовками, ручными гранатами, пулеметами.

Председатель Исполкома, тов. Зимак, лично руководивший отрядом в одной из таких схваток с анархистами, 8-го марта будучи тяжело ранен, лежал в больнице, что влияло на настроение Совета так же удручающим образом. Правда, т. Закс-Гладнев, очень энергично работавший тогда в партии и Совете, был вездесущим и вносил стройность в деятельность Совета этих последних, как потом оказалось, дней.

Такое положение явно было неблагоприятным, но все как-то не верилось в приход немцев. Даже буржуазия, ждавшая их, притаилась молча, так как тоже была неуверена.

Купцы скулили по поводу изъятия только что из магазинов золота и серебра, помещенного пока в хранилища Государственного Банка.

15-го марта настроение в Совете стало колебаться. Хотя об эвакуации еще не было речи, но симптоматичен был отъезд многих матросов анархистов в Херсон.

Немцы все продвигались вперед, но все казались еще далекими.

Я, состоя референтом органа Совета «Власть труда», 14-го и 15-го непрерывно реферировала заседания пленума и Исполкома, записывая строки, которым уже не суждено было попасть на страницы газеты. Разбирались даже текущие самые будничные дела. Из больницы, куда мы часто телефонировали, приходили неутешительные сведения о состоянии здоровья тов. Зимака. Погода, как бы сочувствуя, тоже была мрачная с воющим ветром, холодным дождем. Небо свинцовыми глазами впиливалось в окна Совета, по большим залам которого вне заседаний собирались группы, обсуждая возможности завтрашнего дня. Красногвардейцы досадливо шелкали затворами, точно желая сорвать зло на неповинной винтовке.

В редакции и типографии «Власть труда», где почти весь персонал руководящий и технический состоял из большевиков и сочувствующих, пылал огонь глубокого возмущения. Мы, столько месяцев нанизывавшие ожерелья вдохновенных мыслей, огненных слов, творческих дел, созданных пролетариатом и для него зафиксированных, тысячи раз повторенных машинами для всех, всех, всех—мы должны были завтра умолкнуть, как и те, кто говорил и творил. Казалось, даже машины негодуют с нами.

16-го рано утром в редакции я узнала, что идет эвакуация. Тов. Закс отдал последние распоряжения. Эвакуация проходила так спокойно-деловито, что обыватели о ней даже не знали.

Буржуазия была уверена, что успеет грудью отстоять сокровища, сосредоточенные в Государственном Банке, но она была плохо информирована. Совет давно уже приучил все учреждения повиноваться ему; бетонные казнохранилища безмолвно открылись и тов. Каган (комиссар финансов) беспрепятственно получил деньги и драгоценности, которые были затем перевезены в Москву. Для прикрытия отступления на берегу Буга, влево от Варваровского моста—немцев ожидали со стороны Одессы—была оставлена батарея под командой тов. Флоренсова.

Тов. Флоренсов был молод и смотрел на свою задачу оптимистически. Мне казалось очень наивным для артиллериста, участника мировой войны, «пугать» немцев несчастной батареей, которую им ничего не стоило открыть. Но Флоренсов рассчитывал на осторожность немцев и хотел только выиграть время, пока из Николаева вывезут кого и что нужно. Он благодушно постреливал из своих орудий, мобилизовав для этого учеников политехнического училища. Мы два раза носили в Спасское урочище ему буттерброды, и он как ни в чем не бывало пил чай. Эвакуация проходила сказочно удачно под самым носом у немцев.

К концу дня город был как могила.

Небо давило тучами; пролеты улиц свистели зловещим ветром, в'едались в глаза песком.

Рабочие были мрачны от неведомого грядущего; буржуазия от ушедших в прошлое драгоценностей. Считали себя ограбленными, обманутыми; набросились на начальника милиции, что он силою не воспрепятствовал вывозу драгоценностей.

Бессильную злобу чуть не вылили на больного тов. Зимака, задерживая его в больнице, но и это сорвалось. Оставалась слабая надежда, что когда-нибудь немцы их догонят и восстановят поправленные права добрых граждан центра города Николаева. Сумерки падали жутью неизвестного.

Большевиков в городе уже не было, кроме оставленных в подпольи (т.т. Соколовский, Белявская, Ветров, Щеглов и др.)

Здание Совета опустело.

У берега ухали наши орудия.

Буря разбушевалась на всю ночь и под ее аккомпанимент разыгрывалась симфония отступления и наступления. Немцы стали отвечать; было на нашей батарее несколько убитых. После полночи прекратились выстрелы.

Утомленный предвечерними переживаниями город спал, не представляя себе следующего утра. Организованные добровольные дружины охраняли город, от поднявшего было голову хулиганско-погромного элемента. В здании Городского Самоуправления сидели некоторые члены его, они же депутаты Совета, оставшиеся эс-эры и эс-дэки об'единенные. Обсуждали частным образом всякие возможности взаимоотношений с оккупантами.

С рассветом, переправившись в лодках через Буг, у вокзала появились немцы. Сейчас же вслед за ними отряды вошли по Варваровскому мосту в город, встретивший их сонным молчанием.

Показавшееся наконец солнце приветливо залило широчайшие Николаевские улицы, по которым уверенно разлился серый поток оккупантов.

Представители Городского Самоуправления и тов. Рожанский, руководивший ночной охраной у Варваровского моста, имели разговор с немецким командованием, поставив его в известность, что большевики отступили, что власть в городе за отсутствием Совета принадлежит Городскому Самоуправлению. Делегация просила не предпринимать никаких репрессий против мирного населения.

Когда я поздним утром вышла на улицу, то тотчас же ощутила, кому принадлежит власть в городе.

По тротуарам шагали самодовольные серо-зеленые фигуры, бряцающие вооружением, и за ними сытые, угодливо улыбающиеся толпы зевак, потирающих в восторге руки.

Можно было ослепнуть от блеска колец и серег, которые в один момент, даже на улице, понадевали дамы, еще вчера лицемерно оплакивавшие «полное ограбление». Пошлость цветочных подношений немецким офицерам была, конечно, проделана и в Николаеве. Я ушла на Слободку, в рабочие кварталы, где была тишина затаенности.

В домах, куда я заходила, звучала досада и обида. Хотели невозможного; верили, что немцев можно было не пустить. Чем-то роковым казалось ранение т. Зимака и отъезд на съезд Советов в Москву тов. Ряппо, к энергичному руководству которого и умению находить выход при самых запутанных обстоятельствах слишком привыкли. Нельзя было разуверить многих, что ни тов. Зимак, ни кто другой не могли бы предотвратить этого хода событий.

В Слободке на нелегальном положении жили некоторые матросы-анархисты. Они претерпевали агитацию и пропаганду своих жен, уговаривавших их терпеливо всему покориться и бросить революционные бредни.

И, действительно, в первый день у всех было настроение какое-то подавленное.

Свою систематичностью, уверенностью немцы лезли в глаза.

В нашей типографии (мы по привычке все там собирались) их возненавидели. Появилась поганенькая фигура одного нашего прежнего редактора, преправейшего Якушкина. Он радовался, как ребенок, обмозговывая уже какую-то желтенькую газетку.

Но на фоне солнечного окна вырисовался немецкий лейтенант и дал указания издавать только бюллетени Городского Самоуправления.

Нам больше делать там было нечего. Но я продолжала собирать материалы, уже для будущего, пользуясь тем, что меня всюду знали и во все учреждения впускали. Так, я в тот же день присутствовала на экстренном заседании Городского Самоуправления.

Городской Голова В. П. Костенко сделал в этом заседании доклад о положении дел.

Обывательская публика, всегда присутствовавшая на заседаниях Гор. Самоуправления, была несколько разочарована, что по адресу ушедшего Совета не только не было никаких замечаний, но, наоборот все чувствовали ответственность, которая легла на Гор. Самоуправление с отсутствием высшего руководящего органа.

Представители домовладельцев пробовали было запеть Лазаря, что ухнули денежки, вывезены мол большевиками, но их остановили.

С.-д. объединенные на заседании не были, так как их организация постановила ни в какие дипломатические разговоры с немцами не входить и Гор. Самоуправления не посещать.

Эс-эры, составлявшие в Гор. Самоуправлении большинство, санкционировали данную Городским Головой Костенко немцам гарантию полного спокойствия среди населения. Было выработано обращение к жителям гор. Николаева. Всякое выступление в тот момент казалось таким безумием, что Гор. Самоуправление легкомысленно верило в возможность руководить настроениями масс, забывая, что массы вел и сдерживал Совет, а Гор. Самоуправление имело авторитет только на фоне такой мощной организации, да и связь с населением (не считая центра города) оно сейчас же потеряло, так как с.-д. «ушли в себя», а эс-эры мало были связаны с окрестинами и солдатами.

Вечером того же дня городск. голова Костенко и бывший тов. председателя Сов. Р. и С. Д. 1917 г. Каушан были в Лондонской гостинице

у германского командования для дальнейших переговоров относительно взаимоотношений. Немцы требовали, чтобы Гор. Самоуправление разоружило население и отдало им помещение Совета Р. и С. Д., мотивируя тем, что там сидели большевики, и раз они ушли—здание больше не нужно. Их убеждали, что Совет является установлением не только большевиков, но всех рабочих. Они не понимали и настаивали на своем. Тогда т. Каушан, всегда очень горячий, потерял терпение и заявил, что если немцы там водворятся, то рабочие их все равно «выкинут» оттуда. (В свое время эти слова были учтены, как свидетельство заранее обдуманного и подготовленного восстания).

Солнечность марта, приветливый вид широких улиц, отведенные командному составу удобные гостиницы, заверения украинцев, что в Николаеве чистейшая Украина, и население только ждало момента ухода «кучки угнетателей», чтоб расцвести благодушием—все это психологически успокоило немцев. Они расквартировались в лучшей части города, где их принимали, угощали, баловали, говорили с ними на чистейшем немецком диалекте, так что они даже недоумевали: где же украинцы?

В понедельник 18 марта они были еще осторожно четки, но во вторник, на 3-й день своего пребывания, стали слишком уверены в себе, купаясь в лучах признательности населения, избавленного от «тяжелого плена».

Настроения Слободки они не знали, так как там не говорили по-немецки и вообще глухо молчали. Но присматривались.

19 марта устроили на «Навале» под каким-то предлогом собрание и излили друг другу душу в далеко не лестных для немцев выражениях.

В типографии «Власть труда» метранпаж и наборщики злобно швыряли из угла в угол воззвание, призывавшее к спокойствию.

Главная улица, Соборная, полная фланирующей публикой, любовалась сквозь витрины своими «избавителями», которые набрасывались с жадностью голодных на окорока, колбасы, консервы, масло, платя ничего незначущими расписками, которые кассирши с кислыми улыбками даже не прятали в ящик, а откладывали в сторону.

Пасти складов круп, муки, рису, наглухо закрытые перед продовольственной комиссией Совета, раскрывались для немцев, так как по заявлению командного состава на Украину присланы те части, которые надо особенно подкормить после окопов.

20 и 21 марта к немцам уже привыкли. Казалось, что они толкутся уже давно, давно....

И совсем они не страшны. Караулы по окраинам города довольно небрежны. Ребята на Слободке уже успели стащить у немцев 2 пулемета. Изданный же ими приказ о сдаче оружия никем не был выполнен.

Рабочие начали поговаривать, что немцев в общем мало и не может быть, чтоб они тут держались долго. Стали упорно говорить, что Исполком отошел недалеко и вернется с подкреплением. Эс-эры боялись даже тени сопротивления. Они устроили успокоительный митинг на заводе «Руссуд», где призывали рабочих к благоразумию. С.-д. объединенные были

сдержаны, подчиняясь обстоятельствам. С немцами в контакт не входили. Украинцы (сторонники Рады) были довольно игнорируемы немецким командованием.

В квартиру нашу, по привычке, заходили многие рабочие и солдаты, справляться, нет ли вестей о товарище Ряппо. Калейдоскоп минувшего года проходил ежедневно перед нашими глазами, и боль об утраченном становилась все глубже. Мы жили как-то странно, будто не по настоящему, будто во сне. Не было никаких репрессий, буржуазия держала себя осторожно, но на всем чувствовался гнет, и город был, как тело, из которого на время вынули и унесли сердце.

Мы проходили мимо здания Совета, молча блестящего своими многочисленными окнами, и, казалось, что это тяжелый сон. Умолк Совет, зато ожило опять закрытое им в I этаже фешенебельное кафе. Кафе полно нарядной публикой и немецкими офицерами. Солдаты, привыкшие с немцами на фронте драться, никак не могли помириться с положением, когда не их, вчерашних хозяев города, воля диктуется населению, а им предписывают повиноваться.

А винтовки были у всех.

И стоило только кликнуть клич, как вся серая масса двинется: на немцев.

Не прошло 5-ти дней оккупации, как средний обыватель тоже не взлюбил пришельцев. Не любили и Совет, но это было свое; чуть что не нравилось, возмущались, галдели, просили, обставляли где можно, а тут вдруг пришло что-то размеренно-дисциплинированное, строгое, как машина, без малейшего желания разговаривать.

Сугубое внимание к запасам продуктов тоже не нравилось николаевцам.

Так постепенно нарастало недовольство внутри города, а внешний мир был недостижим, так как командование скупое делилось своими сведениями, да им и не особенно верили: ведь все проходило через призму Киевской рады.

Знали только, что в Херсоне их здорово поколотили. Посланный занять Херсон небольшой отряд австрийцев был разбит; в Николаев возвратились раненые. Это взбудоражило население.

21-го Городской Голова Костенко был поставлен в известность украинцами, что накануне в здании цирка был закрытый митинг, на котором присутствовало до 2000 фронтовиков, на митинге призывали к выступлению против немцев.

Гор. Голова не считал возможным и нужным сообщить об этом немцам, надеясь, что все это уладится. С немцами у него и так было много неприятных разговоров. Так, под влиянием нашептывания буржуазии, требовавшей возвращения реквизированного у нее советской властью имущества, немцы настаивали, чтобы Гор. Самоуправление своим авторитетом добилось восстановления status quo именитых граждан, выкачав неизвестно каким путем деньги на покрытие взысканной с буржуазии контрибуции, изъятых ценностей и всяких понесенных в связи с советской властью убытков.

Гор. Самоуправление твердо стояло на своей позиции и категорически в этом отказало, что вызвало большое неудовольствие командования.

Тогда командование решило само защищать интересы буржуазии, нарушая таким образом свое обещание не вмешиваться во внутреннюю жизнь города.

По делу о восстановлении в правах владельца какого-то реквизированного парохода был арестован председ. проф. союза водников тов. Яворский, отказавшийся влиять на свой союз в смысле удовлетворения требований почувствовавших под ногами почву собственников.

Гор. Голова настаивал на освобождении тов. Яворского, серьезно предупреждая, что подобные меры могут повести к осложнениям.

Нельзя не отметить еще один факт, тоже отрицательно повлиявший на взаимоотношения. Рабочие хотели похоронить убитых во время наступления на батарею Флоренсова. Немцы категорически запретили присутствие на похоронах большого количества людей и предписали похоронить убитых незаметно. Это вызвало взрыв негодования. На похоронах собрались в очень большом количестве. Немцы требовали разойтись и дело окончилось небольшим столкновением.

Все это ставилось на вид Городскому Самоуправлению, которое должно настаивать на невмешательстве во внутренние дела, думая, что путем взаимных компромиссов можно будет достичь сносных результатов и спасти город от разгрома и репрессий.

22 марта, в пятницу, на Соборной улице чисто по-обывательски вылилось настроение: побили какого-то немца, и, пока ликвидировался инцидент, какой-то фронтовик выстрелил в немецкого лейтенанта.

Собралась случайная толпа, и это событие стало сигналом кровавейшего столкновения.

Как молния разнеслось по городу, что немцев уже бьют.

Рабочие мелких предприятий центра города, завода бр. Донских, болтавшиеся без дела на базаре солдаты, солдаты из штаба фронтовиков по Католической ул.,—все это хлынуло в клуб эс—эров «Земля и Воля», где были винтовки дружины, в Главную Милицию, в Московский участок. Оружие было разобрано в два счета, и немцы не успели опомниться, как на них стали наступать в главных пунктах: дом Аркаса, угол Соборной и Адмиральской ул. и Лондонская гостиница, угол Соборной и Спасской, где был их штаб. Отдельные немецкие посты, застигнутые врасплох, были сняты.

К 2-часам дня пламя восстания охватило город стихийно, неорганизованно, опьяняюще-успешно, благодаря минутной растерянности немцев.

В то же время, приблизительно около часу дня, на Слободке, в районе кладбища, послышалась орудийная стрельба. Легло от 5 до 6 снарядов.

Стрельба была со стороны Водопоя.

Рабочие сделали очень поспешный вывод, что это свои подходят выбивать немцев.

Кто-то пустил слух, что последний председатель Совета, тов. Григорьев (не атаман Григорьев) возвращается с подкреплением в Николаев.

Это всех окрылило, и многие бросились в центр города, где как раз поспели на инцидент с лейтенантом. Так тов. Щ—ов, коммунист, оставленный в подполье, был свидетелем обстрела снарядами со стороны Водопоя, и, когда он поспешил в центр, на его глазах фронтовик, бросив несколько вызывающих фраз, выстрелил в упор в офицера. На его же глазах взломали пакгаузы с оружием в Главной Милиции и завладели бывшим там броневиком.

В 1 час дня я была в помещении клуба с.-д. объединенных, реферируя заседание заводских комитетов. Участники заседания не были в курсе дела, и весть, что в городе что-то творится, ударила всех, как обухом.

В минуту зала опустела.—

Пока я собрала бумаги и вышла, все исчезли, направившись, как потом выяснилось, частью домой, частью в Главную Милицию за оружием.

Чтобы собрать материал, я поспешила к ближайшему заводу «Руссуд», узнать, в чем дело.

Навстречу попались знакомые рабочие, которые ничего не знали, бросили работу и передавали слухи, что к городу подступают большевики. На заводе был митинг, где какие-то неизвестные, особенно некто в черкесске, призывали к восстанию, но местные эс-эры и С. З. Мандельштам уговаривали рабочих не начинать.

В возвращение Исполкома или тов. Григорьева с отрядом я не верила, так как они безусловно прежде установили бы с николаевцами связь, и выступление (а в Николаеве на этот счет была уже практика) носило бы совсем другой характер.

В глубь Слободки я не пошла, так как увидела, что оттуда спешат к Адмиральской, базару, Кузнечной и Глазенаповской.

Кроме заводов, было, собственно говоря, 3 центра, где можно было что-нибудь узнать: три партийных клуба; из одного я только-что ушла, второй (эс-эров) был пуст, и я направилась к третьему, клубу большевиков, на углу Херсонской и Глазенаповской улиц.

Меня обгоняли торопливо рабочие, фронтовики, некоторые с винтовками; обыватели же недоумевающе-пугливо выглядывали из ворот; на базаре (Херсонская, Соборная), за лавками прятались, по одному, по два-три человека в солдатских шинелях, вооруженные. Херсонская улица очень широка, по середине ее тогда был насажен бульвар, в котором, начиная от Рождественской улицы по направлению к Семеновской церкви, расположились уже в боевой готовности немцы, окапываясь, возводя прикрития, устанавливая пулеметы, орудия. Лица их были так сосредоточенно-суровы, что я, наконец, осознала, насколько положение серьезно. Совершенно машинально я задала немецкому солдату вопрос, можно ли пройти на другую сторону, (к клубу), он взглянул на меня очень удивленно и ответил, что сейчас начнется бой. К клубу, конечно, пройти нельзя было. Его большое двухэтажное здание было молчаливо замкнуто.

Я направилась домой, угол Херсонской и Фалеевской ул. (кварталом выше клуба коммунистов). Я указываю на это место потому, что нашему дому пришлось быть свидетелем самой кровавой части разыгравшейся трагедии.

Было между 3-мя и 4-мя час. по-полудни, когда я входила в свой двор. Тепло, солнечно, совсем не похоже на близость смерти. А она уже взгромодилась на соседнюю с нами крышу в виде германского пулемета, который вдруг оглушительно затрещал и начал поливать наш двор и Фалеевскую улицу. Пронесся первый вопль-стон случайно раненых обывателей.

Всех из подворотен вымело.

Но мне несколько раз приходилось выходить открывать ворота, так как я ждала своего маленького сына, и при этом я впустила какого-то перепуганного до смерти гражданина, застигнутого перестрелкой при возвращении домой и потом 2-х людей в солдатских шинелях. Один, очевидно, расстреляв все патроны, швырнул винтовку, а другой юркнул с винтовкой.

Я думала, что это кто-нибудь из членов Совета, но оказались незнакомые.

Сначала они молчали.

Потом сказали, что стреляли в немцев, и когда их со всех сторон стали обстреливать, они начали пробираться вдоль стен, свернули на нашу улицу и, уже почти потеряв надежду спастись, потому что все ворота были на запоре, попали в наш двор.

Они ничего не могли ответить, кто руководит повстанцами и как они потеряли с другими связь.

Я думала, что они скрывают это, как военную тайну, а они просто ничего не знали и сражались по собственной инициативе. Это был какой-то пришлый элемент, так как никого из наших товарищей они не знали.

Третий мой гость, к ужасу моему, оказался один из крупных купцов, владелец большой лавки на базаре. Он стонал нестерпимо, волновался о товарах, почему-то рассказал, сколько у него тайно припрятано запасов дома, волнуясь, что без него их не уберегут, и перешел к основательной чистке и проклятиям по адресу Совета и большевиков. Он не знал, в чьей он квартире, и я ему вынуждена была это сказать. Это так ошеломило его, что он сейчас же простился и, к нашему общему веселью, отправился домой, несмотря на опасность. Конечно, его и пуля не взяла; он благополучно добрался до своих погребов.

Пулеметы трещали нестерпимо. На наш двор опасно было высунуться, но два повстанца ухитрились пробираться в двухэтажный сарай и оттуда из слухового окна высматривать движения немцев по Фалеевской и Херсонской.

Я телефонировала в редакцию; там—никого; в милицию—мне оттуда ответил немец очень сухо, чтоб я прекратила разговор; в Одесскую часть милиции, где т. Бурмистров ответил, что немцы суетятся вокруг, милиционеры разошлись, начальник Главной Милиции, застигнутый в гостях, отрезан в другой части города, а его помощника, т. Белочая, немцы арестовали, инкриминируя ему попустительство в разборе оружия из складов.

Броневик, оставшийся после ухода Совета, был использован фронтовиками, которые его мигом вооружили и пустили в ход.

Кроме того, на Слободке напали на немецкую батарею и отбили у немцев орудия.

Все эти сведения я тогда же точно записала, так как аккуратно вела журнал событий.

Больше ни с кем связаться не удалось, так как многих этот переполох застал вне дома, куда они не могли пробраться.

Меня мучила неизвестность. До сих пор все события, разворачивавшиеся в Николаеве, как бы они ни усложнились, были всегда ясны, так как был центр—Совет, где переплетались все нити. Теперь же все носило какой-то таинственный характер: никто не знал точно, что происходит, чего можно ожидать. Позвонив в 8 час. вечера в Городское Самоуправление, я, к удивлению, услышала голос пом. нач. милиции Белочая, который сообщил мне, что его арестовали, посадили в здание Гор. Сам-ния и поставили немецкую стражу. Вдруг произошел какой-то переполох, будто в немцев стреляли из подвала, и они ушли, оставив арестованного. Тут же в здании перевязочный пункт Красного Креста во главе с д-ром Плотицыным, который выражает опасения, что начнутся репрессии из-за выстрелов и не знает, куда эвакуировать раненых. Я просила возможно чаще информировать меня, так как в Гор. Сам-ние, благодаря перевязочному пункту, проникали люди извне. Мы говорили довольно свободно, не считаясь с немцами: им было не до того.

Из клуба с-д. объединенных мне ответили, что там организован перевязочный пункт, развернутый потом в лазарет. Там осталось на ночь много членов организации, несколько посторонних товарищей и коммунист Щ-в: с наступлением темноты ходить было все рискованнее. Пытавшаяся пробраться домой молодая девушка, член организации, тов. Бойко была убита.

Пришедшие к нам повстанцы все порывались уйти, но наш угол буквально засыпали пули. Немыслимо было пройти к клубу коммунистов.

Из Гор. Сам-ния поступали сведения, что германцы в тревоге, очень нервничают, пожалуй, им не сдобровать.

Как потом мне передавал спартаковец Р., бывший участником этой борьбы, положение немецких войск в ту ночь было критическое, так как сразу потери их были очень велики. Что творилось за Николаевом по ту сторону Херсона, они не знали и могли ожидать оттуда всяких сюрпризов. Радио-станция была занята повстанцами.

Повстанцы слишком разбили свои силы, разбросав их на огромное расстояние по периферии. Они заняли дугу от радио-станции, по р. Ингулу, (кирпичн. завод), трем кладбищам (старообрядческому, русскому, еврейскому) элеватору и набережной Буга (коммерческий порт). Эта линия была, протяжением ок. 12 верст. В городе же, где немцы сосредоточили свои силы в центре, сражались отдельные группы: штаб фронтовиков—Католическ, ул. и базар, ученики политехнич. школы—Кузнечная и прилегающий район. рабочие—площадь перед заводом Руссуд, ныне площадь Коммунаров.

Ночью (11—12 час.) началась пальба из орудий: минометов и гаубиц. Наш домик дрожал, точно в лихорадке: орудие было от нас в 120 саженях, у Семеновской церкви. Я бросила писать, но еще разговаривала по телефону.

Узнала, что минометы и гаубицы установлены по Глазенаповской ул., Наваринской, Артиллерийской, у вокзала, что обстреливают склады Ком-

мерческого порта, площадь перед флотским полуэкипажем (флотск. полуэкипаж обстреливали повстанцы из немецкого миномета), Городское Самоуправление. Вокзал переходил из рук в руки. Но я не знала, что они в упор расстреливают клуб коммунистов и два соседних ему здания: а) по Херсонск. ул., заброшенную паровую мельницу, где засело довольно много фронтовиков, и б) по Глазенаповской, склад с.-хоз. машин б. Эльворти. Я все ждала ответной канонады со стороны Водопоя, но, повидимому, оттуда никто не наступал, и упавшие днем снаряды были окружены какой-то таинственностью.

После полуночи телефонные разговоры прекратились, так как снарядами были повреждены провода. Вследствие этого же погасло и электричество.

У нас не было света, и мы освещали комнату папиросами. Впрочем, мои два гостя проводили большую часть времени на дворе, хотя там царила зловещая жуть: ночь была темная, безлунная.

Огонь стал ураганным.

Николаев, всю войну работавший на оборону, за станками, сравнительно спокойно переживший эту эпоху, в одну ночь приобщился смертельному страху, который достаточно пережить только раз, чтобы, испытав его, все равно что умереть.

Все население города испытывало в эту ночь страшное нервное напряжение: ничего не понимая, ожидая всего. Женщины и дети забились в подвалы. В буржуазной части города квартиры не подвергались опасности, так как там аккуратно обстреливались определенные здания: у немцев не было причин делать промахи. Но обыватели программы не знали и с истериками, стонами, успокоительными каплями, внимательными мужьями, отцами семейства укрылись под сводами своих хозяйственно построенных погребов.

Не то было в Слободке. Там почти все мужчины были вне дома. Женщины, на смерть перепуганные обстрелом, не знали, куда деться.

Немцы били с жестокою размеренностью шрапнелью прямо по рабочим кварталам. Шрапнель пробивала крыши халуп. Искали защиты в примитивно устроенных погребах, где рисковали погибнуть под обломками непрочной постройки.

Такая катастрофа случилась на 3-й Военной: погреб обрушился и похоронил всех находившихся в нем.

В 3 часа ночи от снарядов загорелись здания клуба коммунистов и заброшенной мельницы.

Костер пылал гигантский.

Стало светло, как днём.

Все, жившие в нашем дворе, высунули головы.

Старухи стали выть о светопреставлении.

Мы не знали, как далеко распространится пожар, но никто не думал о спасении квартиры, вещей.

Все сразу, даже для обывателей потеряло ценность; так заглянула в лицо неизбежность.

Но ветра не было, и ограничилось 2-мя домами.

Наши незнакомцы опять пробрались к слуховому окну.

У горевших зданий происходила какая-то жуткая возня. На кроваво-огненном фоне показывались, гонимые дымом и огнем люди, очевидно пытавшиеся пробить себе дорогу. Корчась, они падали, сраженные десятками пуль. Никто не мог перешагнуть этой грани, начертанной самою смертью.

Хотя это было недалеко от нас, не слышно было никаких криков.

Был не просто пожар, на котором кричат о помощи. Горел величественный факел из людей, вдохновенных идей, что ведет бойцов чрез смерть в бессмертие.

Воистину искры этого огня упали в мировой костер и тлеют там и вспыхнут в свое время, потому что ни одно движение в мире, а тем более такое яркое, не пропадает даром.

Все, кто был в этих зданиях (фронтовики, несколько коммунистов и сочувствующих, рабочие, подростки) погибли.

Пальба становилась реже, точно орудия насытились заревом.

К утру канонада стихла. Орудие, стоявшее у Семеновской церкви, продвинули к вокзалу. По Фалеевской улице стреляли вдоль и поперек, но после ужаса ночи все казалось ни по чем.

Женщины из нашего двора ходили разыскивать воду, так как водопровод перестал ночью функционировать: случайный снаряд попал в водонапорную башню.

Ведро и белый платок был достаточной гарантией для пропуска женщин; от пуль, конечно, никто не гарантировал.

К нам во двор пробрался тов. Белочай. Он просидел ночь в Гор. Самоуправлении с несколькими товарищами. Здание обстреливали. Пока попадали в крышу, они сидели спокойно. Но когда снаряд влетел в кабинет Городского Головы, где все они были, и чудом застрял в стене не разорвавшись, все ушли, думая что зданию придется плохо. Но немцы каждому воздавали «Кесарево кесареви» и Городское Самоуправление только припугнули, а с лица земли стерли клуб коммунистов.

О том, что происходит утром в городе, т. Б. не знал. Он только был озабочен судьбою В. П. Костенко, против которого немцы были настроены очень враждебно, считая его предателем, уверяя, что он знал о готовящемся восстании и намеренно усыплял бдительность немцев. Он был утром в субботу арестован.

Слухи о подходящих к городу большевиках в субботу прекратились. Но зато на Слободке и в привокзальной части города шла мобилизация мужского населения. Мобилизацию проводили рабочие.

Ученики политехнического училища, с частью педагогического персонала, милиционеры, рабочая молодежь—принимали деятельное участие в борьбе, которая продолжалась по инерции.

Сначала бой велся примитивно: отдельные части, группы не были между собою связаны. Потом установилась некоторая плановость, организовались штабы, обменивались сведениями.

Но борьба в субботу стала принимать оборонительный характер для Николаевцев.

У немцев было преимущество: дорога на Одессу была открыта, Варваровский мост и прилегающая к нему часть города в их руках, а из Одессы они вызвали уже подкрепление, которое немедленно было выслано на автомобилях.

Рабочие же обеспечили себе путь на Херсон-Апостолово, но оттуда никто притти не мог.

Под знаком какой отваги проходила эта борьба—может иллюстрировать следующий эпизод, рассказанный мне очевидцем и участником коммунистом Щ-вым.

Ночь застигла т. Щ-ва в клубе с. д. об'единенных. Утром в субботу он отправился в Слободку. По Потемкинской ул., по Инженерной он видел довольно много трупов немецких солдат. В районе площади Коммунаров шло наступление повстанцев на флотский полуэкипаж и завод «Руссуд». Завод расположен по обеим сторонам Ингула и обнесен каменной стеной.

Повстанцы шли с Алексеевской улицы по 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Слободским. Но это было совершенно безнадежное дело, так как их была горсть, только с винтовками, а немцы заняли выгодные позиции по другую сторону площади в прочном здании флотского полуэкипажа и за стеною завода. В заводе где-то они замаскировали пулемет, которым тщательно обстреливали все точки площади.

Тов. Щ-в соединился с группой рабочих в 15 человек, которая поставила себе задачей открыть и подбить пулемет. Они стали заходить справа, со стороны Полковой церкви в промежутке между участком городской больницы и детским городским приютом. Этот путь лежал параллельно стене «Руссуда», обращенной к площади, в нескольких саженях от нее.

Шли осторожно. Пулемет продолжал свою исправную работу, но откуда он стрелял, они не могли понять. Потеряв терпение, решили обратиться на себя его исключительное благосклонное внимание. Тогда один товарищ демонстративно встал во весь рост и пошел к «Руссуду». На него посыпалась струя из пулемета, и в конце концов т. Щ—в и его группа решили, что пулемет скрыт на крае, который они начали усердно обстреливать. Через некоторое время пулемет умолк, очевидно был подбит. Больше его не было слышно. Группа продолжала наступление, тесня немцев, расположившихся по эту сторону стены значительно превосходивших численно, к воротам.

Их обстреливали отовсюду, но они продолжали свое дело, пока не загнали немцев потерпевших потери в «Руссуд». Взять приступом завод они, конечно, не могли, но вся эта операция характеризует удивительное бесстрашие и настойчивость николаевских рабочих.

К вечеру субботы (23 марта) стали прибывать подкрепления из Одессы, отряды мадьяр. От лихорадочности немцы перешли к холодной плановности.

К 10 час. веч. они выбили повстанцев из базара и начали его жечь. Огромная площадь пылала всю ночь, освещая место погасшего электричества город. Занимали лавку за лавкой, участок за участком и сжигали. Тем же способом продвигались по Глазенаповской ул. к вокзалу. Из многих дворов там в них стреляли, и эти дворы были обречены.

Участок города, приблизительно около 2-х квадратных верст представлял из себя ряд пылающих очагов. Никто, конечно, не думал их гасить.

Слободку продолжали обстреливать, в особенности громили район—7-й Слободской, Конопатной, III Военной; там тоже вспыхивали пожары.

Утром 24 марта, в воскресенье прибыл новый эшелон мадьяр из Одессы, и началась полная катастрофа.

Немцы по Глазенаповской продвинулись к вокзалу, обошли повстанцев и появились у кладбища.

В течение какого-нибудь часа выбили повстанцев с кладбища и начали сжимать их с двух сторон, тесня от кладбища и наступая по Херсонской, Петемкинской, со стороны «Руссуда» и Военного рынка. Группы повстанцев стали таять. Часть была перебита, оставались гнезда в 4—3 человека, которые вынуждены были расходиться, кто домой, кто ища более подходящего убежища. Дворы для всех были открыты, во дворах повстанцы находили даже приготовленную для них пищу. В центре города же все было на запоре и к каждому проходящему относились подозрительно-враждебно.

Пулеметная и ружейная стрельба не прекращалась ни днем, ни ночью. Начались тщательные обыски занятых кварталов.

Район вокруг клуба коммунистов был буквально обшарен, и все мужчины, которые в соседние дворы попали случайно, без разговоров были расстреляны. Мещане, живущие в тех кварталах, очень отрицательно относились к прятавшимся у них и большею частью их выдавали как большевиков, спасая тем свою шкуру и добро.

За стеной нашего дома, где в какой-то гостиннице помещалась немецкая воинская часть, шли непрерывные расстрелы.

Хозяйка нашего дома, немка-колонистка, сначала сочувствовавшая немцам, была обескуражена этим жестоким террором и не противилась тому, что у нас скрывались 2 повстанца. Ее больше волновало мое присутствие, так как наша квартира давно была бельмом на глазу всех соседей и уже начали намекать на то, что здесь живут большевики.

Выкуренные пожаром, повстанцы выходили из засад и попадали к немцам в лапы.

Женщины нашего двора, движимые любопытством, которое было сильнее страха смерти, пробирались 23 и 24 марта к базару и были свидетелями самых отвратительных сцен, как выволакивали откуда-то людей и расправлялись с ними.

Здание клуба коммунистов зияло черными дырами. В нем было до сорока обгоревших трупов, и в здании мельницы до 60-ти.

Занявши, наконец, все уголки города, немцы начали жестокую расправу.

Измученное страхом за себя и сражавшихся, население Слободки стали сгонять на кладбище; мужчин расстреливали, женщин и детей прикладами гнали в церковь.

В тоже время ручными гранатами зажигали казавшиеся подозрительными дома.

Мать рабочего Петра Макарова, живущая по III Военной улице у кладбища рассказывала мне, что она осталась дома, когда всех уводили.

К ней вскочил молодой германский солдат, которого она стала умолять не сжигать несчастной холупы ее детей. Немец твердил одно «большевик, большевик». Потом вдруг попросил пить. Она дала ему холодного чаю с сахаром и пригласила сесть. Он стал смотреть на нее, измученную горем (сын где-то тоже сражался), и лицо его постепенно стало грустным. Он махнул рукой и зажегши спичку поднес ее к занавеске и тотчас же убежал. Конечно, она занавеску мигом потушила, спасши свой убогий скарб.

Другим так не посчастливилось и, возвратившись с кладбища, дома нашли пепелища, и в мертвецкой городской больницы своих близких.

25 марта был издан строжайший приказ сносить холодное и огнестрельное оружие на перекрестки. За единый найденный в квартире патрон расстреливали, а дома сжигали. Был случай, что дети нашли у стены дома обойму и взяли ее играть, а отца за это расстреляли, не слушая никаких доводов.

Предупреждая события, моя хозяйка поспешно привела ко мне немецкого лейтенанта и 2-х солдат «добровольно» сдавать имевшееся у нас в изрядном количестве (2 револьвера, винтовка и др. оружие). Все это было в комнате на виду, так как у нас не было никакой мебели, а вещи лежали просто на полу и окнах. Они с удивлением смотрели на меня одну с таким количеством оружия и все спрашивали «большевик, большевик». Я делала вид, что не понимаю, а хозяйка что-то им объяснила, вроде того, что я вдова и оружие осталось от мужа. Тогда они стали очень любезны и оставили мне холодное оружие.

Большевики им мерещились всюду. Всякий сходил за большевика, на кого указывали, кто казался подозрительным. Были такие, что на этом сыграли, сведя личные счета.

Мои знакомые товарищи были счастливее меня: они успели спрятать оружие и ничего не сдавали.

Вообще на перекрестки улиц сносили сравнительно мало и большую часть испорченное.

Населению приказано было вывесить белые флаги и ходить с белыми повязками на руках.

Все это было в достаточной мере противно, и многие, рискуя из-за этих мелочей, все же их обошли.

26 марта я пробралась на Свободку.

«Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать».

Сидели пришибленные, большею частью женщины.

Стоял сплошной стон: плакали о погибших, волновались о невернувшихся; у кого все остались живы, скулили о потерянных вещах.

Молодые рабочие, моряки, фронтовики, не смотря на весь ужас усмирения, испытывали удовлетворение, что пришельцы по крайней мере дорого заплатили за господство над Николаевом.

Действительно, их потери были очень велики.

По словам спартаковца Р-га, убитыми они потеряли более 500 человек.

Даже не верилось: когда успели их железных, закованных в броню и дисциплину, столько перебить?

По данным комиссии, выяснявшей убытки пострадавших (председатель т. М. Макотинский), всех жертв восстания было более 2000 человек; следовательно, повстанцев погибло около 1500 человек николаевцев, не считая пришедшего элемента, фронтовиков, которых погребли немцы.

За усмирением последовали репрессии.

В городе введено было осадное положение.

Хождение по городу разрешалось только до сумерек, с наступлением темноты все попадавшие на улице расстреливались.

Очевидцем такого расстрела запоздавших прохожих был т. Б., засидевшийся у нас до 11 ч. веч. Впереди него шли 2 прохожих, патруль их окликнул, приставил к стенке, расстрелял, ничего не спрашивая. Трупы их лежали до утра.

Всякие собрания были воспрещены.

Заседания Гор. Самоуправления разрешены были только в присутствии немецкого офицера и переводчика, на что фракция с.-д. объединенных заявила сейчас же протест.

Гор. Гол. Костенко был устранен, и вместо него был назначен немецким командованием Ф. Гиль, член Управы. Потребовали также переизбрания членов Управы и сокращения числа ее членов с 7 до 3-х, что тоже было опротестовано фракцией с.-д.

В редакции газеты введен был режим. Выпускался какой-то бюллетень на немецком и русск. языках.

Бдительность была строгая. На улицах, площадях, бульварах проволочные заграждения и пулеметы.

На с.-д. объединенных стали коситься, так как нашлись уже объяснители, которые довели до сведения, что эти хоть и не называются большевики, но все равно что большевики. Независимое поведение организации тоже не нравилось. Члены организации почти жили в клубе (их было не много). Днем и ночью можно было там застать за самоотверженной работой или горячим обсуждением положения дела т.т. Даргольцев М. Г. и Ц. И. М. Г. Макотинского, Исаева, С. З. Мандельштам, А. П. Шапиро (Мариинский) и др., а также заходили рабочие и уцелевшие коммунисты. Немцы никак не могли придаться к этим сборищам, так как там был лазарет, действительно оказавший большую помощь.

С обывателями немцы стали обращаться высокомерно-требовательно. Пошли контрибуции, конфискации, придирки комендатуры.

Все приходилось сносить, сжав зубы и ожидать худшего, пока город был в железных тисках.

Немцы считали, что они город завоевали и обращались с населением как победители.

Прислужники нашлись в достаточном количестве. Комендатура кишела добровольными доносчиками, «биографами» присутствующих в городе и отсутствующих. Немцы, надо отдать справедливость, пользовались их услугами с большой брезгливостью, понимая, что открылось широкое поле для личной мести.

Это восстание было «безумством храбрых». История партии даст ему оценку, вынесши оправдательный или обвинительный приговор, но пролетариат Николаева доказал, что его коллектив в самых невероятных условиях взлетает одним взлетом, вдохновляется единым вдохновением. Разрозненные, нес'организованные они были связаны друг с другом незримыми нитями.

Еще несколько огненных страниц вписало это восстание в богатую быстрой сменой событий историю Украины.

Погибшим за свободу в этой неслыханно-неравной борьбе слава!

Харьков. 1922 г.

АНФИСА РЯППО.

Первые бои луганских рабочих (1918 года).

Дело было в марте 1918 года. Харьков переживал тревожные дни. Было ясно уже всем, что перевес на стороне врага, и предстоят решительные бои за самое существование Советской власти на Украине.

Киев был уже в руках противника, мы оставили Бахмач и быстро отходили к востоку. Никакой регулярной связи с фронтом не было, приходили отдельные известия, сбивчивые и противоречивые.

Я работал в то время над организацией новых судов в качестве харьковского комиссара юстиции.

Видя острую нужду в людях, я предложил свои услуги Чрезвычайному Донецкому Штабу, заседавшему тогда в Харькове под председательством тов. Рухимовича.

В этот момент на защиту Харькова прибыл из Донбасса отряд луганских рабочих под командой тов. Ворошилова.

Вместе с ним мы немедленно двинулись в киевском направлении, получив боевое задание—отбить у немцев назад ст. Бахмач.

В Ворожбе мы нашли полдюжины самостоятельных отрядов, сидевших по эшелонам.

Оказалось, что противник занял уже Конотоп, что общего командования у нас нет, а положение на фронте никому доподлинно не известно.

Пришлось созвать партизанских вождей на военный совет. Мы подсчитали свои силы, организовали Партизанский Штаб Ворожбянского Района и решили штурмовать Конотоп.

Подъехав эшелонами верст на пять к Конотопу, мы оставили пехоту во главе с Луганским полком на ближайшем раз'езде, сгрузили на землю две своих шестидюймовых пушки, передвигая их ручным способом, а сами, подобно былинным вождям, на передней площадке самодельного бронепоезда выехали вперед—произвести глубокую разведку и вступить с немцами в бой.

Навстречу нам вышел из Конотопа германский бронепоезд,—и сражение началось.

В те героические времена ни одного спеца у нас не было.

Матрос—тов. Львов—управлял пулеметами, начальник артиллерии—старший фейерверкер—сам наводил свою трехдюймовку; из штабного начальства, тут же впрочем заседавшего с винтовками в руках, старшим по чину оказался я, ибо достиг высокого звания ефрейтора.

Ни оперативного плана, ни письменных распоряжений, ни телефонов не было и в помине,—все заменяла несравненная импровизация и революционная отвага пролетарской массы.

Но для победы над регулярными германскими войсками, которые привела на Украину Центральная Рада, одного героизма оказалось мало.

Правда, нам удалось подбить паровоз неприятельского бронепоезда.

Но скоро немецкие снаряды вывели из строя наше орудие и завалили площадку убитыми и ранеными товарищами.

Был момент, когда я был уверен, что Ворошилова нет уже в живых. Как раз между нами разорвался снаряд, плеснув в лицо кровью и мозгами. Я протер глаза: Ворошилов остался невредим, снаряд оторвал голову нашему бесстрашному пулеметчику—тов. Латуну.

Потеряв половину команды, мы начали отходить к раз'езду.

Началась паника. Немцы зажгли вагоны со снарядами, прицепленные к броневнику. В довершение беды, наши отступающие бронепоезда наскочили друг на друга и потерпели крушение.

Пожар и взрывы дополнили картину нашего поражения.

Но в этом самом поражении уже явственно сказалась несравненная доблесть луганских рабочих и их славного вождя—залог наших грядущих побед.

После минутного замешательства, луганцы быстро оправились. Кругом все бежало без оглядки до самой Ворожбы, не слушая никаких приказов.

Какой-то подпрапорщик, которому перед боем партизаны вручили верховное командование, после тщетных попыток остановить убежавших, сел на землю и истерически зарыдал.

Тогда Ворошилов принял командование. И луганцы не бежали.

Жалко стало им отдавать немцам свое детище—бронепоезд, сделанный собственными руками. Когда не удалось вытащить пострадавший при крушении бронированный паровоз, луганцы снимали с разбитых бронеплощадок пулеметы, тщательно погрузили в вагоны свои шестидюймовки, подобрали раненых и убитых, и в полном порядке, с аррьергардными боями, начали великий отход на восток—горсточка доблестных бойцов, впоследствии защитников красного Царицына, составивших ядро славной 10 армии.

И. МЕЖЛАУК.

Октябрьская революция на Полтавщине.

Когда разразилась Февральская революция, партийная организация в гор. Полтаве представляла собой конгломерат разнообразнейших элементов от небольшой группы старых большевиков до самых правых оборонцев включительно. Такое сожительство, чудовищное формально и по существу, исключало всякую возможность твердого проведения определенной политической линии. И тем не менее факт остается фактом, такая организация существовала и выдвинула из своей среды партийный орган, названный «Полтавским Губкомитетом Р. С. Д. Р. П.»—Меньшевиков всех оттенков было в организации во много раз больше большевиков,—будем ли мы исходить в этом подсчете с точки зрения численного превосходства сознательных старых с.-д., или же будем учитывать всю массу членов организации по ее настроениям и симпатиям—результат окажется тот-же. Во всяком случае зрелище было довольно умирительное, но большевики не теряли надежды и уверенности, что и ход Российской Революции и украинская обстановка выметут из организации закоренелых социал-соглашателей и убедят остальную массу членов организации в правильности тактики и программы большевиков. Из всех старых и старейших большевиков никто не был против вхождения в эту организацию и не считал возможным немедленно отделиться от с.-д. мещанства путем создания своей большевистской организации. Только одна большевичка, тов. Вагранская (Робсман), работавшая в Московской организации, кажется, с 1915 года, долгое время не соглашалась войти в это «болото», как она выражалась, но в конце концов и она очутилась в этой идиллической компании.

Правда, принадлежность к одной и той же организации не мешала нам, большевикам, проводить всюду и везде свою, большевистскую, линию. И естественно, что очень скоро взаимное доверие среди руководителей организации стало сменяться подозрительностью к большевикам со стороны меньшевиков.

Если не ошибаюсь, первым поводом к зарождению недоверия была моя статья в «Полтавских Известиях» посвященная 5-й годовщине «Правды». Статья эта была написана мною по постановлению Редакционной Коллегии, где огромное большинство составляли меньшевики, поручившие мне, старому большевику, написать статью о большевистской «Правде», не поставив никаких рамок для нее и не дав никаких директив. Подсказывать им—не было расчета. Долго носились они с этой статьей, укоризненно покачивая головами.

Еще ранее, готовясь к празднованию 1-го мая, Комитет постановил издать листок и выделил Редакционную Комиссию, куда вошли я, тов.

Шахрай и меньшевик Сахаров. Листовка была написана мною. Сахарову она не понравилась: она раскалывала «революционно-демократический» фронт и омрачала предстоящий «национальный, народный и т. д. праздник». Тем не менее решено было листовку издать без каких бы то ни было редакционных изменений, но Сахарову было поручено написать листовку № 2 на ту же тему. Листовка оказалась никчемной водицей, ничего не разъясняющей, но тем не менее пришлось и ее напечатать.

Немало было споров и о знамени к первому мая. Мы настаивали на лозунге: «Да здравствует III-й Интернационал», и «Долой войну». Большевики были за второй Интернационал. Они не могли не согласиться с нами, что второй Интернационал фактически отдал богу, т. е. буржуазии, душу, но быть за третий Интернационал, который хотят создать большевики, не приличествовало им в качестве меньшевиков, хотя необходимость такого органа они отрицать не могли. В конечном счете на знамени красовался «Интернационал», но без всякого порядкового номера. Но порядковый номер наших уступок и уступочек все возрастал.

Чем далее, внутренняя жизнь организации становилась напряженнее, линия большевиков все более выпрямлялась, речи их становились увереннее и резче, конфликты внутри организации перестали пугать даже нерешительных.

Занятая большевиками позиция в национальном вопросе в совершенно конкретной обстановке Полтавщины не могла не нанести удара меньшевикам, которые никак не решались открыто протестовать против «сепаратистских» тенденций Украины, поддерживаемых большевиками; мешанскому воображению меньшевиков рисовались в перспективе еврейские погромы и прочие ужасы, вытекающие из практического осуществления самой простой демократической программы в национальном вопросе. «Шовинизм», «национализм» и прочие страхи—вот все, что они усмотрели в могучем украинском национальном движении, освобождавшем Украину от царистских, буржуазно-помещичьих цепей, но не устранявшем пока что буржуазно-капиталистических отношений внутри освобождающейся страны.

Нельзя сказать, чтобы наше положение, положение большевиков, в вопросе национальном было блестяще, поскольку мы были связаны с украинскими рабочими и селянами. Просто и естественно было положение наших организаций в пролетарских центрах России, которым наша программа диктовала определенную линию в этом вопросе, требуя права для каждой нации на самоопределение вплоть до выделения в самостоятельное государство, и вместе с тем они имели возможность в русской рабочей массе агитировать за самый тесный союз всех наций, населявших бывшую царскую Россию.

На Полтавщине, в сердце Украины, где все русское было абсолютно дискредитировано царско-помещичьим режимом и одно название «российский», «российская», «российское» вызывало по-нейшее недоверие, поддерживавшееся всем поведением Временного Правительства, положение нашей организации, носившей название Р. С. Д. Р. П. (большевиков), было довольно шекотливое. Линия российских большевиков в национальном вопросе была

для нас в голой форме неприемлема. Общие политико-экономические большевистские лозунги воспринимались легко всеми трудящимися массами, но агитировать за теснейший союз Украины с Россией при наличии буржуазно-капиталистических отношений и тут и там, означало бы все-же в представлении масс агитацию прот и в автономии и прот и в самостоятельности Украины, агитацию за продолжение колониальной политики России на Украине. Эта украинская кон'юнктура диктовала нам ориентацию на Центральную Раду в том смысле, что мы, не отрицая необходимости существования украинского правительственного центра, требовали от нее революционных актов, критикуя ее нерешительность и половинчатость. Изданный Центральной Радой первый Универсал встретил со стороны партийного комитета полное одобрение, как акт безусловно революционный, и в выпущенной по этому случаю листовке мы требовали большего чем автономия. Интересно отметить, что на заседании партийного комитета, где подавляющее большинство принадлежало меньшевикам, предложенная мною резолюция по вопросу о провозглашенной Центральной Радой автономии Украины в результате прений была принята 18-ю голосами при одном воздержавшемся. Эта же резолюция была принята затем и Полтавским Советом. Правда, вернувшийся из Петрограда тов. Дробнис указал нам, что в Петрограде отнеслись к нашей резолюции не совсем одобрительно. Это не совсем одобрительное отношение к нашей линии со стороны ЦК ничего не раз'ясняло. Запрошенный нами ЦК по вопросу об отношении партии к национальному вопросу на Украине прислал нам письмо за подписью тов. Стасовой, в котором говорилось тоже, что и в резолюции 1917 года, всем нам великолепно известной еще из времен нелегалщины. Но на конкретный вопрос об Украине мы так таки никакого ответа не получили, что в дальнейшем послужило причиной полнейшего разброда в национальном вопросе в применении к конкретной обстановке на Украине.

Наше «щире відношення до інтересів України» вызвало со стороны У. С. Д. стремление к об'единению с нами. Название нашей организации должно быть изменено в сторону его украинизации—с этим соглашались все, но одни предлагали к У. С. Д. прибавить одно только слово «большевиков», другие, вместо «Украинская», назвать «Всеукраинская», третьи предлагали назваться «С. Д. Р. П. (б) Украины». Но дело было не в одном названии, нас интересовало, признают ли У. С. Д. нашу программу и тактику. С этой целью на расширенное заседание Комитета У. С. Д. были командированы партийным комитетом наши представители в следующем составе: я, тов. Вагранская, тов. Лившиц Борис, тов. Вагранский, Оксана Шахрай и еще кто-то. Со стороны У. С. Д. докладчиком был тов. Криворотченко Тарас, с нашей стороны—я. Развернувшиеся прения были чрезвычайно интересны. Ими была вскрыта с особой рельефностью сущность У. С. Д. и ее позиция в национальном вопросе. Но вместе с тем обнаружилось, что и среди нас единомышля в национальном вопросе нет. Межрайонец тов. Лившиц развил меньшевистскую точку зрения в противоположность речи тов. Вагранского. После долгих дебатов мы убедились, что нам с У. С. Д.

не по дороге. А между тем в самом начале революции были основания предполагать, что У. С. Д. пойдут по большевистскому пути. Помню, в марте на Губ. Продовольственно-Кооперативном съезде Полтавщины лидер У. С. Д. Б. Н. Мартос сказал следующее: «по какому-то странному недоразумению, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов допустил образование рядом с властью рабочих и солдат, правительственного органа буржуазии, передав ему фактическую власть в стране. Это глубокая ошибка, чреватая большими осложнениями». Но долго занимать эту позицию он оказался не в силах—мелко-буржуазная националистическая стихия увлекла его в стан петлюровцев, где впоследствии он был председателем кабинета министров.

Мартос был далеко не единственным представителем мелко-буржуазных шатаний: от социалистической революции *quand même* до контр-революции включительно. Амплитуда довольно почтенная.

Покойный Ляхович К. И., зять В. Г. Короленко, прибывший в Полтаву, кажется, в мае месяце из эмиграции, сделал доклад в нашем партийном комитете о текущем моменте. Он находил, что существующее двоевластие в стране дальше нетерпимо, и что ход событий предрекает переход власти к Советам. Этот анализ не помешал ему впоследствии превратиться в яркого врага диктатуры пролетариата.

Июльские события быстро вскрыли неустойчивость этого лидера полтавских меньшевиков. На заседании Совета он выступил с истерической речью по поводу петроградских событий и вопил о гибели революции, о готовящейся гражданской войне. Ему вторили бундовцы. Речи тов. тов. Дробниса, Козюры, Вагранской и других положили тогда начало решительному организационному размежеванию с меньшевиками. Полтавский Совет почти единогласно принял резолюцию, требовавшую, чтобы ВЦИК Советов немедленно взял власть в свои руки. Для меньшевиков было уже ясно, что их песенка спета.

* * *

Надлежит отметить поведение нашей организации, насчитывавшей до 300 членов партии, в отношении выборов в Городскую Думу. Этому событию меньшевики придавали огромное значение. Демократическая Дума—это их идеал и конечная цель. От выборов в Думу зависело укрепление демократического строя, демократия должна победить—и тогда... дело в шляпе. Все пойдет мирно и гладко, начнется новая эра, золотой век, парламентская борьба в парламенте, парламентская борьба в Думе. Чего еще желать? Куда идти дальше?

Блок с другими «социалистическими» партиями необходим—это объединит демократию и т. д. Но «не так складось, як ждалось». Большевики решительно отвергли всякий блок с «социалистическими» партиями, хотя формально велись переговоры, устраивались заседания и прочее. Ни тов. Дробнис, ни я, ни тов. Шахрай, ни тов. Вагранская, ни тов. Свистун не склонны были к таким об'ятиям с «социалистическими партиями». Да и как могли мы иметь такую склонность, когда некоторые из нас полагали, что вся эта комедия совершенно излишня и отвлекает внимание рабочей массы

в сторону демократизма, парламентаризма, в то время, как на очереди стоит вопрос о власти советов, о диктатуре пролетариата и только об этом и может идти речь.

Так или иначе, но в результате наша организация при выборах в думу выступила с самостоятельным списком. Объединенные «социалистические» партии провели в думу 22 гласных, а наша организация самостоятельно провела 15 человек. Из 7 членов Управы большевиков было 3 (Шахрай, Козюра и я, а впоследствии вошел в состав Управы тов. Орловский И.). Фактически Управа была большевистская. Как-то так случилось, что вся хозяйственная часть городского самоуправления очутилась в руках большевиков, что оказалось чрезвычайно полезным в Октябрьские дни. Дума стала ареной для словесных политических сражений между партиями. Но контр-революционная кадетская братия с Имшенецким во главе не могла примириться с тем, что Управа большевистская. Она искала поводов к дискредитированию социалистов вообще, а большевиков в особенности.

Первой жертвой кадетской провокации, облеченной в благороднейшие формы, был городской голова У. С. Д. Тарас Криворотченко. Его обвинили в дезертирстве. К. И. Ляхович был оскорблен этим «фактом» в самых лучших и благороднейших своих чувствах и с пеной у рта выступал обвинителем в заседании полтавского Исполкома. Лучшего слуги из среды «социалистов» кадеты найти не могли бы. Они великолепно использовали его в своих интересах, сами оставаясь в стороне. В результате т. Криворотченко из состава Управы и Думы вышел. «Революционная демократия» одержала победу.

Второй жертвой должен был стать я. Но тут у них сорвалось, а устранить меня из Думы им было чрезвычайно важно. Дело в том, что в течение 10-ти лет до февральской революции я, вернувшись из эмиграции, в которой пробыл около 4 лет, жил нелегально в разных местах России под чужою, конечно, фамилией. А между тем членом Управы состоял также старый народоволец левый С. Р. мой родной брат, доктор Робсман. Кадетская правовая душа не могла переварить такого «вопиющего беззакония» и за подписью И. И. (Иуда Искариот—Имшенецкий тож) появилась в кадетском местном органе статья, где в истерическом тоне говорилось о том, что «трудно поверить, разум отказывается понимать» и т. д., но «уверяют, что членами Управы состоят два родных брата». Но никакого запроса в Думе им не удалось сделать, т. к. доктор Робсман вышел из состава Управы раньше, чем они могли что либо предпринять в этом отношении. Факт же «сокрытия» мною «настоящей» моей фамилии они считали «законным» и об этом вопроса не поднимали: это был бы уж большой «черезчур». Для некоторых это должно послужить назиданием.

* * *

Кажется, в июне месяце возникла забастовка среди рабочих типографий. Председателем правления союза рабочих печатного дела был тов. Бейман, в то время еще не принадлежавший к нашей партии и считавший себя

ближе к анархистам. В эту забастовку вмешалась и наша организация; представителем нашей организации партийным комитетом был назначен я. Насколько помнится мне, забастовка была ликвидирована с выигрышем для рабочих. Кажется, в это время в нашей организации был уже и тов. Алексеев Никита, наборщик, старый большевик. Помню, он состоял в Комиссии (паритетной что-ли она называлась), которая должна была ликвидировать конфликт между рабочими типографий и владельцами. Возможно, что это было во время упомянутой уже забастовки. Я хочу отметить только один момент в этом конфликте. Владельцы указывали, что требования рабочих чрезмерны и разорят типографии, что сокращение штата неизбежно. Мы категорически настаивали на полном удовлетворении всех требований рабочих, причем мною было указано, что даже разорение одного владельца типографии необходимо предпочесть выбрасыванию на улицу целого ряда рабочих: тут пострадает один, живущий за счет рабочих, а в другом случае пострадают десятки рабочих, которые вовсе не заинтересованы, чтобы владелец оставался постоянным владельцем типографии—они сами справятся с типографией. Какое впечатление произвело это заявление на владельцев, говорить не приходится: они были ошеломлены и с пеной у рта кричали, что «это демагогия». Присутствовавшая при этом группа рабочих решительно и с увлечением поддержала меня—эта мысль им так понравилась, точно она предвосхищала их думы и настроения. Союз рабочих печатного дела неуклонно становился большевистским.

Некоторое время спустя, я был избран председателем Правления этого профсоюза. Тут-же отметим и роль профсоюза рабочих печатного дела в пору выборов в учредительное собрание. К этому времени наша большевистская организация вымела из своих рядов всех меньшевиков и выставила свой самостоятельный список при выборах в учредительное собрание. Первым в списке был т. Троцкий, который телеграфно сообщил нам о своем согласии быть внесенным в список по Полтавской губернии, поданный нами список в Губ. Комиссию по выборам не желали утверждать на том-де основании, что фамилия тов. Троцкого иная (опять фамилия, беда да и только). Меньшевики, в частности Сахаров, кроме того, обвиняли нас в «антисемитизме», так как мы-де не желаем проставить «настоящей» фамилии Троцкого, а последний подписался в телеграмме только Троцким. Логика чисто меньшевистская. «Не ваше дело, господа, кто под этой фамилией нами имеется в виду. Мы назвали вам имя и отчество этого человека, указали и точный адрес его. Не вы пострадаете, а мы, если это лицо вымышленное. Благоволите утвердить список без всяких придинок. В противном случае выборы в учредительное собрание от Полтавской губернии не состоятся. От имени союза рабочих печатного дела заявляю, что ни один листок, имеющий отношение к выборам, не будет ни набран, ни выпущен, ни в одной из типографий губернии». Это мое заявление оказало свое влияние, и больше разговоров уже не было по поводу нашего списка. Это было, конечно, «насилием», и силе они уступили.

* * *

Наступили знаменитые корниловские дни. Буржуазия ликовала, но на мешанскую «революционную демократию» корниловщина оказала свое действие. Все подтянулись в надежде, что этот «инцидент» будет ликвидирован объединенной демократией на «демократическом совещании», имевшем целью объединить «революционную демократию», создать «предпарламент», покончить с начавшейся в июле гражданской войной и корниловщиною... Какими средствами? оставить все по старому...

Но этому старому отрепью уже было не под силу закрывать оскаленные зубы контр-революции. Стало ясно, что только решительная победа революции, переход власти не к маргариновым «предпарламентам», а к действительно революционным органам пролетариата и селянства, к советам, положит конец кровавой игре Корниловых, Калединых, кадетов и прочих господ под покровительством «любимца» революции, Керенского, танцовавшего под их дудку.

Полтавский Исполком немедленно выделил революционный комитет, ему подотчетный и подчиненный: в комитет вошел, между прочими, и тов. Иоффе А. (Деборин), старый большевик, которого в 1904—1905 г.г. в Берне мы называли «особенно твердокаменным», но в 1917 г. он очутился в стане «интернационалистов» и в этом звании оставался и в 1918 году. В Исполкоме, где к меньшевикам стали относиться весьма недружелюбно и с большим недоверием, при обсуждении грозящей опасности со стороны корниловщины т. Иоффе горячо и решительно заявил: «Когда речь идет о защите революции от посягательства на нее со стороны буржуазии в лице корниловской контр-революции, все истинные революционеры должны действовать единым спаянным фронтом». И тем не менее в Октябрьскую революцию из этого фронта он выскочил.

Началась горячка мобилизации сил с той и другой стороны для решительного боя. Снова революционное движение стало расти, и чем далее, все усиленнее.

Исполком решил устроить демонстрацию антикорниловщины, меньшевики были против. Особенно старался меньшевик Сахаров. Ему мерещились кровавые столкновения. Он боялся крови, как и всего красного—черта, свойственная известной породе животных. В этой демонстрации должны были принять участие и войсковые части, составлявшие Полтавский гарнизон, среди которого за участие в демонстрации вела агитацию в частности и особенно тов. Вагранская. Явными и открытыми сторонниками Корнилова были юнкера Военного училища. Но начальник гарнизона издал приказ, в силу которого участие гарнизона в демонстрации воспрещалось. На заседании Исполкома, куда был вызван начальник гарнизона, этот приказ был подвергнут жесточайшей критике. Тов. Вагранская прочла проект приказа, отменяющий первый приказ нач. гарнизона, и последний вынужден был подписать его. «От тобі й начальник залогі», говорили солдаты, присутствовавшие на заседании: «баба навчає його як писати накази». Демонстрация состоялась с участием гарнизона и была чрезвычайно многолюдна.

Демократическое совещание и съезды в связи с выступлением Корнилова развеяли туман, окутавший все социалистические партии, в том числе и украинские, под влиянием злосчастного наступления 18 июля, разгрома армии, восстановления смертной казни и т. д. Известия из России о предстоящем 2-м съезде Советов, об усилении процесса организации действительно революционной демократии, о пере выборах Советов, об усилении большевиков и расширении их влияния, о всеобщности лозунга: «Вся власть Советам»,—оказали влияние и на жизнь Украины и оживили ее.

Если после Московского Совещания «Робітнича Газета» писала: «Коли у революційній демократії України до московської Народи зоставалось якась надія поразумітися з російською демократією для спільної єдиної роботи без взаємних погроз і реального для того підрахунку сил, лише на підставі справедливості і революційних ідеалів, і робилися сильні в тім напрямі поразуміння спроби,—віднині гостра грань безперечно лягає між ними»,—то после демократического совещания и У. С. Д. и У. С. Р. заговорили уже языком, недвусмысленно намекавшим на необходимость «самостийнической» революционной борьбы без надежды на добропорядочность российской «революционной демократии» с Керенским во главе. В Центральной Раде У. С. Д. Порш заявил: «Нам трудно тепер ждати будь чого не тільки від Уряду, але від російської демократії», а У. С. Р. Шаповал дополнил: «Демократична Народа дала нам добру науку, і тепер ми знаємо, чого можна сподіватися від російської демократії, і що нам дадуть Установчі Збори». «Нам потрібна свобода, і ми будемо боротися за неї. Нічого боятися громадянської війни». Линия украинских социалистических партий определилась. Но Центральная Рада и... Советы... Как их примирить?

А между тем Советы все больше и больше превращались в действительный оплот революции, а все им противопоставлявшееся неизбежно становилось контр-революционным. Наиболее революционные элементы этих двух партий не могли не поддерживать большевиков, ибо в противном случае они должны были бы выступать против Советов. А на местах, кроме Советов, никаких других органов революции не было... Советы должны были взять власть в свои руки.

А Полтавский Совет не церемонился. Он фактически был у власти и диктовал свою волю. На эту тему много болтали в Думе, но никто не обращал внимания на ее болтовню. Управа же действовала в общем заодно с Советом.

* * *

Корниловщина оказала свое действие и на дальнейшую судьбу нашей партийной организации. Подъем революционного движения и настроения рабочих повлек за собою двоякий процесс: революционные элементы партийной организации рвались вперед, к расширению и углублению революции, мещанско-меньшевистские—стали совершенно отходить в сторону. В воздухе запахло порохом и на поле революционной борьбы этим мещанским элементам не было места—парламентская борьба заменялась борьбой с оружием

в руках. Партийная организация призывала рабочих к самовооружению, Исполком принимал меры к приобретению и раздаче оружия. Комната, где заседал Революционный Комитет, была завалена разного рода оружием. Революционный Комитет заседал непрерывно. Расходились мы утром, чтобы затем через несколько часов снова собраться.

В конце августа или начале сентября симбиозу большевиков с меньшевиками был положен конец. На многолюдном партийном собрании под председательством тов. Шахрая В. М. и т. Ауссема В. Х. вопрос о дальнейшей совместной с меньшевиками работе был поставлен ребром. Выступления К. И. Ляховича не оказали никакого влияния. Собрание высказалось за самостоятельное существование большевистской организации, и ничтожная группка закоренелых меньшевиков покинула наше собрание. Был избран комитет, в который вошли т. т. Шахрай, Ауссем, Свистун, Алексеев, Дробнис, я и другие. Председателем Комитета избран был я.

Было решено приступить к изданию партийного органа. В редакционную коллегию вошли: я, т. т. Шахрай и Ауссем. Редактором был назначен я. Мы стали издавать газету «Молот», по размерам не уступавшую столичным газетам. Одним из главных работников в газете был тов. Шахрай. Газета имела громадный успех. И сейчас еще некоторые товарищи, вспоминая ее, находят, что газета не имела себе равных.

Мы заговорили в газете своим, большевистским, языком. Лозунг: «Вся власть Советам!», в различных вариациях и в конкретно-популярной форме выяснялся и разъяснялся на каждой странице газеты. Кадеты и меньшевики вопили. Кровожадные бандиты—постоянный эпитет большевиков в устах кадетов и меньшевиков. «Вся власть Советам»? зачем же Вы сидите в Управе? Обращались кадеты к нам, большевикам. Погодите, друзья, отвечали мы. Дело не в названии. Не торопите и не торопитесь. Каждому овощу свое время.

Между тем, организационная и агитационная работа нашей партийной организации все расширялась. Районный партийный комитет, ведший работу среди железнодорожников, все более и более завоевывал массы железнодорожников. Основная работа в этом районе лежала на т. т. Вагранском и Пилипенко Б. Впоследствии железнодорожники выделили отряд до 200 чел., который трагически погиб в борьбе с немцами и Красновым. Человек около 9 сохранилось из этого отряда, и мы встретились с ними весной 1918 г. в Москве.

* * *

Октябрьские дни.

К моменту октябрьской революции в России Центральная Рада на Украине приобрела значительную силу. Собравшийся 20 октября в Киеве 3-ий войсковой съезд снова (в который раз!) стал обсуждать вопрос о взаимоотношениях между Центральной Радой и Временным Правительством. Съезд остался недоволен почти четырехмесячной деятельностью или бездеятельностью Генерального Секретариата. Приглашение Генерального Секре-

тариата Временным Правительством в Петроград было с'ездом решительно отклонено. Правда, делегация все же поехала в Петроград, но не доехала—переворот в Петрограде сделал их поездку излишней.

«С кем итти?», встал вопрос на войсковом с'езде, когда пришла весть о переходе власти к Советам и о походе Керенского на Петроград: «С Лениным или с Керенским?»—«С Лениным!, с Лениным!» Но значительное большинство полагало, что путь Украины особенный, что ни с Лениным, ни с Керенским итти не нужно. Образованный усилиями Центральной Рады в Киеве революционный комитет, куда вошли представители всех групп и организаций—от большевиков до казаков включительно—вскоре пережил кризис. Казаки решительно протестовали против вхождения в комитет большевиков и принимали меры к обезоруживанию революционных воинских частей. И когда Центральная Рада, под влиянием казачества, меньшевиков, бундовцев и российских С.-Р., приняла резолюцию, осуждающую захват власти большевиками в России, большевики вышли из состава Комитета и образовали свой при Киевском Совете. Военный штаб окружил Совет, и большевики вынуждены были сдаться. В конце концов власть на Украине перешла в руки Центральной Рады, и 7 ноября III Универсалом была провозглашена Украинская Народная Республика в федеративной связи с Россией.

* * *

Получив известия о перевороте в Петрограде, Полтавский Совет выделил Ревком. В распоряжении последнего было чрезвычайно мало военной силы, а между тем Виленское Военное училище, насчитывавшее несколько сотен юнкеров, представляло значительную угрозу, и столкновения были неизбежны. Обезоружить юнкеров не было возможности, а они готовились к бою. Наш отряд заметил подводы, везшие патроны ночью мимо здания Совета и сопровождаемые несколькими юнкерами. Не долго думая, отряд забрал подводы и выгрузил патроны в помещении Совета. Юнкера прислали делегацию с протестом и требованием немедленно вернуть патроны. Они чувствовали свою силу и настаивали на своем требовании. После долгих дебатов и переговоров патроны были возвращены юнкерам. Чтобы обезопасить себя от внезапных выступлений юнкеров, на тайном совещании в котором, участвовали т. т. Козюра, Шахрай, Криворотченко и я, было решено немедленно вызвать большевистский саперный батальон, стоявший в Миргороде, не сносясь ни с какими военными и иными центрами. Товарищ Козюра должен был выполнить это задание. Через несколько дней батальон, насчитывавший 1¹/₂—2 тысячи саперов, прибыл в Полтаву. Пользуясь своим положением членов управы, мы с Шахраем обеспечили батальон всем необходимым. Наличие батальона укротила контр-революционный пыл юнкеров, но обезвредить их окончательно не считалось возможным и своевременным.

Ревком власти в свои руки не брал, не организовывал никаких отделов, но усиливал охрану революции от контр-революционных покушений. Производились аресты и обыски, охранялся и поддерживался порядок в городе. Но в общем положение было неопределенное.

* * *

Провозглашенная 3-им Универсалом Центральной Рады Украинская Народная Республика была в общем встречена довольно сочувственно, а в некоторых слоях рабочих и крестьян с большим энтузиазмом. Устроенный в связи с этим актом Центральной Рады митинг привлек огромное количество народу.

«Смотри, Центральна Рада!»,—воскликнул выступивший на митинге тов. Козюра,—«Смотри, щоб ти не стала центральною зрадою робітництву та селянству».

А Советы все же претендовали на власть. Центральная Рада в украинском центре, а на местах... Земство? Городские Думы? Но Советы существуют, упразднить их нельзя, и враждебное отношение Центральной Рады к Советам, которые трактовались ею, как органы революционного контроля, какими они считались при временном коалиционном Правительстве, в то время, как в других частях России они стали властью и не могли не быть ею,—должно было раньше или позже вызвать борьбу за власть между ними и Центральной радой.

Но как вести борьбу с Центральной Радой, усилившейся представительством Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов, но вопреки надеждам Советов совершенно не желавшей опираться на Советы и передававшей власть городским думам и Земствам и в то же время разоружавшей воинские части, бывшие на стороне Советов, как могли вести с ней борьбу никаким органом не объединенные Советы? И тут-то, наконец, возникла мысль о созыве Всеукраинского С'езда Советов и создании Центрального Советского органа.

Время шло, а ясности в положении вещей не прибавлялось. В думе занимались словоблудием по поводу захвата власти большевиками, по поводу 3-го Универсала, роспуска дум в некоторых городах России и т. д. Как ни старались кадеты и меньшевики, а дума все же отклонила их резолюции, осуждавшие большевиков, ибо они были и против большевиков и против Центральной Рады. Украинские партии поддержали большевиков.

Собирался С'езд Советов в Киеве, одновременно с'ехали и на партийную конференцию, которая должна была вырешить ближайшие задачи партии на Украине. Был конец ноября—наиболее тяжелое по своей запутанности время. Национальный вопрос не находил своего решения ни в одной формулировке. Во время конференции появилась прокламация, исходящая от нескольких большевиков и трактовавшая необходимость создания украинской партии большевиков, которая ставила бы себе целью защиту интересов украинских рабочих и беднейшего селянства, ибо украинские С. Д. и С. Р. снюхались с буржуазией и помещиками, а Российские большевики хоть и хорошая партия, но она «великорусская». Поэтому необходимо организовать партию С. Д. большевиков Украины. Разговоры остались только разговорами, да и нельзя было в то время вносить какие бы то ни было разногласия в партию—слишком много врагов окружало рабочий класс.

Как известно, Съезд Советов закончился расколом, и около 150 делегатов переехали в Харьков, где, присоединившись к происходившему там Съезду Советов Донбасса и Криворожья, провозгласили себя правомочным представителем советов рабочих, сельских и солдатских депутатов всей Украины. Выделенный ЦИК Украины заседал в Харькове, но его влияния нигде не чувствовалось. Полтава продолжала жить своею жизнью, не в силах будучи изменить положение вещей.

Контр-революция вывела Полтаву из положения неопределенности. Некий полковник Ревуцкий занялся провокацией. Среди русских авиационного парка, стоявшего в Полтаве, он распространял слухи, что 4-й полк, состав которого был по преимуществу украинский, собирается разоружить авиационный парк, в 4-м полку он вел агитацию против авиационного парка, якобы имеющего намерение разоружить 4-й полк. Эта провокация, чуть не приведшая к кровавой схватке, своевременно была раскрыта т. Маркусом и т. Каской, председателем комитета авиационного парка. Тов. Каска пользовался неограниченным влиянием и авторитетом в парке. Это был революционер по рождению, честнейший и преданнейший революции человек. Мужественный и беззаветно смелый, глубоко переживавший каждый шаг революции, вдумчивый и серьезный, он, правый эсер в начале революции, постоянно шаг за шагом, анализируя ход революции, с раскрытой душой, всем нутром своим принял октябрьскую революцию и впоследствии героически, бесстрашно погиб в борьбе с немцами под Таганрогом, командуя отрядом. Это была светлая личность, и история должна отметить этого редкого человека и великого революционера.

Когда провокация была обнаружена, Ревуцкий был арестован и предстал перед судом солдатской секции Совета. Обвинителями выступили т.т. Каска, Свистун, Вагранская, Дробнис и Козюра. Ревуцкий, защищаясь, доказывал, что «большевизм» чужд украинским массам. Солдатская секция была настроена весьма недружелюбно к этому полковнику, и его судьба была бы решена, если бы не вмешательство группы большевиков, считавших пока несвоевременным применять к контр-революционерам высшую меру наказания. Ревуцкий взмолился к этой группе, чтобы его сопроводить до места его заключения под арест. По дороге т. Маркус порывался отправить его *ad patres*, но его удержали от этого шага.

Этот же полковник Ревуцкий вызвал из Киева богдановцев, очевидно, с намерением покончить с Советом. Около 20 декабря (с. ст.) в Полтаву прибыл полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский Совет встретил его с красными знаменами. Богдановцы освободили Ревуцкого из-под ареста и начали хозяйничать по своему и демонстративно выражали свою враждебность к Совету. В Европейской гостинице один из полтавских анархистов, некто Дунайский, оскорбленный глумлениями собравшихся офицеров над революционерами, убил командира богдановцев Ластовченка. Этот анархист никакого отношения к Совету не имел и никакого участия в его работе не принимал. Но враждебно настроенное офицерство и юнкера Виленского Военного училища сочли этот акт делом рук Совета и в ту же ночь разгромили Совет пулеметами, а члены Исполкома были аресто-

ваны и через несколько дней были освобождены. Но вести прежнюю работу Совет уже не мог. Моральный удар был велик, и Исполком перешел на полулегальное положение, продолжая все же издавать свою газету. А богдановцы продолжали бесчинствовать, и только тупоголовые У.С.Д., для которых переход власти к Советам означал переход власти «до рук москалів, ляхів та жидів», никак не могли уяснить себе очевидную контр-революционность этого сброда и свою собственную и продолжали свое содружество с образованным богдановцами штабом «революции». На рождественские праздники они устроили грандиозное пьянство, приведшее в ужас самих У.С.Д. Члены Думы У.С.Д. собирались телеграфировать Центральной Раде об отзыве этих банд, но не решались, очевидно сознавая, что Центральная Рада уже успела потерять свой прежний авторитет, благодаря своим добрым отношениям к Каледину и великолепному земельному законопроекту, оставлявшему до 40 десятин земли в единоличном пользовании. Нужны были иные меры, нужен был тот доктор, о котором говорил на 8-й Сессии Центральной Рады селянин Боб, чтобы положение вещей в корне изменилось.

«Мені сказали на селі: іди Боб у Центральну Раду і виглядай там гарного доктора. Хай фамілія його починається тільки на букву «Р»... Це означає просто революціонер. Бо на шиї у мужика велика болячка, вона давить його до землі... І все селянин дивиться у землю... Хай доктор на букву «Р» розріже цю болячку, видавить гній та присоле... соціалізацією».

Боб не нашел в Центральной Раде такого доктора. Этот доктор двигался из Харькова, и, когда богдановцы узнали о его продвижении в Полтаву, они дали тягу. Полтава освободилась от банды.

* * *

Переход власти к Полтавскому Совету.

Доктор на букву «Р» приближался к Полтаве. Вечером 6/19 января 1918 года значительный отряд красногвардейцев с преобладающим числом петроградских рабочих с белыми перевязями на левой руке под командой Муравьева бесшумно занял Полтаву. Его прибытию предшествовали слухи об удивительной революционной дисциплине, царящей в рядах красногвардейцев, и необычайной суровости отношения к мародерам и грабителям. Эта суровость приветствовалась, т. к. в Полтаве хулиганы работали во всю, и разведения и грабежи были обычным явлением. На следующий же день пример революционного порядка был показан: семь человек грабителей-мародеров были «расстреляны» ¹⁾, и их фамилии опубликованы.

Богдановцы, прослышав о скором прибытии большевистских отрядов, причем день прибытия их определялся заранее 6/19 января, внезапно

¹⁾ Расстрел был фиктивный, но был необходим в целях создания резкого перепада в настроении обывателей: фактически никто не был расстрелян, фамилии расстрелянных придуманы.

покинули Полтаву. Панический ужас охватил юнкеров Виленского военного училища; как только красногвардейцы очутились на территории Полтавы, юнкера бросились в бегство, мужественно снимая налету все, что говорило об их юнкерском звании, и храбро перепрыгивая через стены и изгороди, встречавшиеся по пути их энергичного продвижения вперед от красногвардейских отрядов.

На следующий день был созван Совет, пополненный представителями от красногвардейских частей. На заседание прибыл Муравьев. Интересна его речь и впечатление, произведенное ею на представителей социал-согласительских партий.

Положив руку на висевший сбоку маузер, Муравьев, без обычного обращения—«товарищи»,—так начал свою речь: «Гражданская война началась. Гражданская война продолжается. От Балтийского до Черного моря через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон мы пройдем огнем и мечем, всюду устанавливая Советскую власть. Огнем и мечем будем мы уничтожать все, что осмелится встать на нашем пути. Никому из врагов наших не будет пощады» и т. д. Манера говорить и решительность тона произвели сильнейшее впечатление. Конкретность гражданской войны, не знающей пощады противнику и всем косвенно препятствующим победе пролетарской революции, обескуражила «оппозицию».

Всегда резкий и решительный в своих выступлениях, меньшевик К. И. Ляхович на сей раз потерял дар слова и был буквально пришиблен. Он что-то мямлил непонятное, подбирая слова, не смея сказать то, что он думал.

Помню выступление одного крестьянина. Он взошел на эстраду с палкой в руках, снял шапку, постоял немного задумавшись и сказал: «Це все гарно, товариші! Але ми повинні їм сказати: будуйте Раднянську владу, та дивіться, щоб оті білі перевязки, що у вас на лівій руці, не почервоніли від крові».

Была принята резолюция большевиков. Дополнение к ней, предложенное левыми укр. С.Р. и сводившееся к тому, что отряды красногвардейцев должны быть в подчинении Совету, было отвергнуто.

Вскоре между Исполкомом и Муравьевым начались недоразумения. Дело в том, что состав Исполкома ко времени занятия Полтавы большевистскими отрядами был смешанный: туда входили большевики и укр. и росс. с.-р., при чем последние были в большинстве, и председателем был укр. левый с.-р. Заливчий, убитый впоследствии немцами. В результате весь Исполком *in corpore* был арестован, т. к. большевики не сочли возможным остаться на свободе, когда остальные члены Исполкома арестовываются. Недоразумения были ликвидированы. Члены Исполкома отпущены на свободу. Арест произвел удручающее впечатление на всех и вызвал бурю негодования в массах.

Вскоре Совет был переизбран. Председателем Совета был избран т. Алексеев Н. Были образованы соответствующие отделы Исполкома, во главе которых стояли большевики (труда т. Свистун, медицины—Белявская, Ревтриб—Белявский, финансов—Стасюк, Губпродкомиссар—Яковлев и т. д.). Губернским Комиссаром по финансовым делам Полтавщины был назначен я. Земельный отдел был в руках с.-ров.

Не могу не остановиться на своей работе, как комиссара по финансовым делам. В финансах я понимал столько, сколько в египетских иероглифах или китайской грамоте. А нужно было стать финансистом. Явившись в Гос. Банк с мандатом за подписью Народного Секретаря, я просил Управляющего Банком ознакомить меня с банковскими операциями и взаимоотношениями Госбанка с частными банками. Он охотно согласился, при чем поставил меня в известность, что «до сих пор» ежедневно в 12 ч. дня все управляющие частными банками собирались в Госбанке для решения важнейших вопросов по различным банковским операциям. Его интересовало «как будет теперь». Я ответил, что этого порядка я менять не намерен и считаю его целесообразным. Я решил учиться, надеясь, что учение обойдется Республике недорого. А иного выхода не было. Дня четыре я поучился. На пятый день был издан мною приказ, смутивший банковских дельцов. Он вводил значительные новшества в деятельность банков. Через несколько дней управляющие банков обратились ко мне с просьбой созвать совещание из специалистов—представителей всех банков для пересмотра приказа. Я согласился. Обсуждался приказ по пунктам, и все соглашались, что он должен остаться в силе без всяких изменений. Только 13-й пункт им очень хотелось изменить: Реввоентрибунал их очень смущал, но... ничего не поделаешь—время суровое было.—Национализация банков! Как вы будете ее проводить? Ведь тут нужна особая осторожность! Сделайте нам доклад. Так говорили мне члены Союза банковских служащих. Благодарю покорно! сделай доклад по вопросу о порядках на Марсе. Пожалуй, о последнем легче было бы мне рассказать хотя бы по книге Богданова «Красная Звезда», да и проверить меня было бы трудненько. Но их интересовала не национализация, а их собственная судьба при упразднении частных банков. Об их судьбе было обещано позаботиться. На этом закончились разговоры о докладе, а на практике национализация подготовлялась. В день эвакуации Госбанка была получена из Петрограда инструкция, которая перечисляла все мероприятия, мною уже проведенные.

* * *

Через несколько дней отряды Муравьева двинулись на Киев. В Полтаве осталась небольшая группа красногвардейцев, менее дисциплинированных во главе с тов. Белинковичем. Группа все время претендовала на власть и не хотела находиться в подчинении Исполкома. Недоразумения и трения имели место чуть ли не ежедневно.

Началась борьба с буржуазией. Налоги, контрибуции и т. д. Кадетская интеллигенция не стала осторожна, а в лице местной адвокатуры с С. Г. Семенченко (быв. городским головой) во главе предложила Совету свои услуги. Конечно, тут не было ни капли искренности, надо было только как-нибудь пережить «тяжелое время». Впоследствии им пришлось отчитываться перед гетманскими властями за «поддержку», оказанную ими большевикам. У.-С.-Д. ушли, попрятались по своим берлогам, да и вообще в Советах их участие было равно нулю. Укр. С. Р. принимали участие в работах Совета, но были против «муравьевщины» и протестовали против

«оккупации» Украины российскими войсками. Левые рос. с.-р. в общем работали дружно с большевиками, а правые с.-р. всеми силами старались вредить Советскому строительству. Созванный в Феврале Губернский С'езд Советов выделил Губисполком, где превалировали у. с.-р. и куда вошли также и правые с.-р. Существовавший рядом Горисполком совершенно обезличивал эсеровский Губисполком, которому делать было нечего.

К концу с'езда стало известно о продвижении на Украину немцев, призванных Центральной Радой, покинувшей Украину под напором красногвардейцев и внутренних восстаний в Киеве. С'езд принял и единогласно утвердил написанное и оглашенное мною воззвание ко всем рабочим и селянам Украины, призывавшее всех выступить против немцев и гайдамаков Центральной Рады.

С большей или меньшей уверенностью Совет работал в течение первого месяца. Весть о наступлении немцев произвела тягчайшее впечатление. Но решимость бороться до конца никого не оставляла.

ЦИК Украины покинул Киев и переехал в Полтаву. Разногласия внутри ЦИК делали его бесполезным и никому не нужным. Никаким уважением он не пользовался и вызывал всеобщее раздражение. Некоторые из полтавских большевиков предлагали вообще принять по отношению к нему меры репрессивного характера. Настроение было нервное, и первые ласточки эвакуации заставляли думать о близости конца. Ни советом, ни делом ЦИК не мог помочь никому. Это был живой труп. Он делал высокую политику и выпустил воззвание с призывом объединиться всем республикам для борьбы с немцами. Вскоре ЦИК переехал в Екатеринослав, где должен был собраться Всеукраинский С'езд Советов. На этом с'езде Украина была провозглашена независимой рабоче-крестьянской республикой, но это не спасло положения.

22 марта (н. с.) Полтава начала эвакуироваться. В первую очередь был эвакуирован Госбанк. 29 марта эвакуация Полтавы была закончена. Последний эшелон увез с собою и членов Исполкома. Большинство У. С. Р. осталось на Украине и в Россию не поехало. Ячейка большевиков оставлена была на Полтавщине. Ей предстояла тяжелая работа в условиях гетманщины.

Эвакуации предшествовала меньшевистская агитация против большевиков. Они требовали, чтобы ничего из Полтавы не вывозилось. Распространяли слухи о том, что большевики собираются взорвать ж. д. мастерские. Все это вносило хаос в рабочую массу и осложняло положение. Особенно старался в этом деле К. И. Ляхович. А большевики оказались сверх меры гуманными себе же во вред.

Злоба к немцам и особенно к Центральной Раде росла. Центральную Раду иначе не называли, как Центральной Зрадой. Массы отошли от нее. Но отход от нее выразился не массовой борьбой против нее, не массовым переходом на сторону ЦИК Советов, а безразличным отношением к Центральной Раде, безучастием к ее судьбе. Большинство же стояло в стороне, утомленные и в выжидательной позе.

Этот процесс отхода масс от Центральной Рады так изобразил один из ее министров в конце апреля:

«Ще в грудні, ще на скликанному київськими більшовиками до Києва З'їзді Сівітів з великим піднесенням слухав він, народ промови своїх міністрів. Ще тоді відчував під собою уряд твердий і, здавалося, непохитний ґрунт всенароднього ентузіязму.

І от несподівано, раптово, катастрофічно почало все мінятись. Народ, який клявся померти за свій уряд, перестав йому вірити. Він, цей темний народ, не міг зрозуміти, що уряд знесилено тим страшним тягарем, який міг би повалити і випробовану вже організовану владу. Народ чекав чуда, і чудо не прийшло. І от він почав прислухатися до голосу з півночі... Той голос лунав все ближче і ближче, як пошесть росходиласть більшовицька ідея і народ, що не діждався чуда від свого уряду, став ждати його з півночі від більшовиків».

Центральная Рада очутилась одинокою и народом покинутой. Она сочла это недоразумением и пригласила немцев образумить этот темный неблагодарный народ. И немцы сделали свое дело: для такой цели они признали более подходящим гетмана Скоропадского.

* * *

Первый этап Октябрьской революции на Полтавщине и на всей Украине закончился поражением революции. Полтавские большевики в большинстве «эмигрировали» в Саратов. Там они имели время поразмыслить над процессом революции на Украине более сосредоточенно. Они внимательно следили за жизнью гетманской Украины и с нетерпением ждали неизбежного конца гетманщины. Не все оказались в состоянии выждать. Многие покинули Саратов и вернулись на Украину для нелегальной работы. Этому предшествовали усилия очутившихся в Москве украинских большевиков выработать своего рода программу объединения оставшихся на Украине большевиков в одну украинскую организацию. Тут единогласия не было. Исходные точки отправления были глубоко различны, а психологические предпосылки играли тут тоже не малую роль. «Саратовские» украинские большевики, приезжавшие в Москву для обмена мыслями с товарищами, стояли на совсем иной точке зрения. Кто был прав, история скажет еще. А современникам трудно судить.

Первым этапом Октябрьской революции я ограничиваю область своих воспоминаний.

СЕРГЕЙ МАЗЛАХ.

19 $\frac{25}{IV}$ 22 г.
г. Харьков

Октябрьская революция в Черниговщине.

Памяти конотопских пролетариев, павших в борьбе за диктатуру пролетариата, посвящаю.

К концу 1917 года Черниговщину можно было только условно считать единым административным организмом, ибо сфера влияния и власти (если можно говорить о власти) как Губернской Земской Управы, так Губернского Комиссара Временного Правительства замыкалась в самом Чернигове. Отсутствие экономического и политического тяготения губернии к Чернигову сказалось также и на отсутствии об'единенной партийной и профессиональной жизни в губернском масштабе. Другого довлеющего на всю губернию центра также не было, ибо южные уезды и район Десны тяготели к Киеву, как уезды чисто крестьянские с ремесленно-купечески-чиновничьим составом городского населения, северные же уезды составляли район с менее однородным по национальному происхождению крестьянством, с деревней сильнее экономически связанной со своими уездными центрами (за отсутствием в этом районе большого торгового-промышленного центра), с наличием нескольких значительных (в масштабе губернском) пролетарских пунктов, как: Конотоп, Шостка, отчасти Кролевец, районы сахарных заводов,—в известной мере более влиявших на деревню, в силу большей экономической взаимозависимости, чем то имело место в южной части Черниговской губернии, где уездные города были отставлены на задний план Киевом, к которому непосредственно тяготело село.

Это естественно создавшееся социально-экономическое различие между южным и северным районом Черниговской губернии, усугубленное фактическим отсутствием губернского административно-политического центра, создали и различное течение пред Октябрьских и Октябрьских дней в этих, в общем и целом, двух резко друг от друга отличавшихся районах. Южные уезды (Остерский, Черниговский, Борзенский, Козелецкий, Нежинский) были захлеснуты волной национализма, столь характерного для правобережной недифференцированной украинской деревни, периода до немецкой оккупации. Это националистически-шовинистическое движение не только не встречало отпора в городах (отсутствие пролетариата), а всемерно поддерживалось городским чиновничеством, учительством и духовенством. Правда, активностью, ни деревня, ни мелко-буржуазное население городков не отличалось, что резко сказалось, как в пассивном сопротивлении войскам Цикуки и Красной Гвардии при борьбе с Петлюрой за Киев, так и в отсутствии вооруженных выступлений при нашем отступлении под напором немцев.

Деревню представляла так называемая «Селяньська Спілка», руководимая кулацкой верхушкой деревни и мелко-буржуазным элементом городских населенных пунктов под флагом Украинской Партии Социал-Революционеров. Резко отличная обстановка к моменту Октябрьских дней и столь же отличное, в лучшую сторону, участие в Октябрьской Революции создалось в северных уездах губернии. Большая дифференциация села, значительная неоднородность его национального состава, наличие пролетариата, влиявшего в значительной степени на настроение села и, в свою очередь, хотя и раздробленного различием политических группировок в своей среде, находившегося под влиянием пролетариата центральной России и Харькова (железнодорожные линии—Москва-Брянск-Конотоп, Курск-Конотоп-Бахмач, Харьков-Ворожба-Конотоп) и активно реагировавшего на борьбу пролетариата за свержение буржуазной диктатуры и установление пролетарской диктатуры, и в своей значительной большей части принимавшего участие в этой борьбе. Эти уезды дышали одной грудью со всей Россией и пролетарской Украиной и являлись участками Великого Октябрьского фронта.

Незадолго до корниловщины я прибыл в Конотоп из Киева. Конотоп—типичный уездный городок правобережья, однако, благодаря наличию больших железнодорожных мастерских и депо и большой узловой станции, а также снарядному заводу в самом городе, представлял собою наиболее солидный в Черниговской губернии пункт с пролетарским населением. Кроме того, в городе были размещены эвакуированные с фронта после «победоносного июльского шествия» два артиллерийских дивизиона и 7-ая химическая рота. Однако, в политическом отношении город был мертв. Восемь тысячный конотопский железнодорожный пролетариат жил своей жизнью, и бытовой, и политической, представляя собою отдельный мирок, отгородившийся и от города и от уезда, несмотря на то, что по своей численности и по наличию большого кадра активных партийцев, правда, различных партий «от Н.-С. до большевиков», включая сюда анархистов разных толков,—должен был быть (чем он и стал позже) руководителем политической жизни не только Конотопского уезда, но и всего района. Разбавленный большим кадром «самооборонявшегося пролетариата» из окрестных сел, он в своей большей части жил, однако, активной политической жизнью. Мастерские и депо были ареной деятельности: 1) численно большой спаянной организации—большевиков, имевшей во главе многих рабочих, подпольных членов партии, как Новиков П. (потом погиб в отряде конотопской Красной Гвардии), Овсянников А., Якубовский (погибший на фронте в 1919 году), Дубовик, Неровня и др., 2) чисто рабочий состав с-эр'овской организации, значительной по количеству, с большим уклоном влево, также насчитывавшей в своих рядах многих членов рабочих, с подпольным и тюремно-каторжным стажем, как Панасицкий П., Татаринов, Прищепа, Сенькевич, Станкевич, Клименко и др. (эта с-эр'овская организация оправдала свой чисто пролетарский состав, как в период Октябрьской революции, так и после, когда в 1918 году целиком, за исключением нескольких одиночек, влилась в состав Р. К. П. 3) небольшой анархистской

группы разных толков, во главе с тов. Вакуленко (погиб в начале 1918 года с отрядом конотопских рабочих, в борьбе с гайдамаками, возле ст. Бобринская) и Бибиком, группки имевшей большое влияние среди молодежи. Группа эта, в дальнейшем, причинила нам не мало беды своей бесшабашной демагогией, став ярким выразителем настроений... «самооборонявшегося пролетариата», 4) там же была небольшая группка меньшевиков, никакого влияния на массы не имевшая, 5) численно небольшая группа У. С.-Д., опиравшаяся, главным образом, на полу-крестьянский элемент мастерских и депо. Паровозные и кондукторские бригады были, за небольшим исключением опорой У. С.-Д. или, вернее, националистически-шовинистических настроений, коими в значительной степени были заражены конторы, телеграф и прочие чиновничьи службы. Предоставленный, в политическом отношении, самому себе город пребывал в состоянии спячки. Формально, там значились комитеты различных партий всех толков, начиная от К.-Д. и кончая меньшевиками с соответственно смешанному по национальности составу городского населения, многочисленными партийно-национальными образованиями. Но эти все партии и группы, поскольку они не выходили за пределы города, опекали мещанство, небольшой кадр ремесленников, среди которых царствовал «Бунд», и рабочих Снарядного завода (небольшого завода, построенного Киевским Военно-Промышленным Комитетом в 1915 году), таких же полумещан-полукрестьян, за изъятием небольшого кадра квалифицированных рабочих. Существовал и Совет Солдатских Депутатов или, вернее, Исполком; сам Совет не собирался, а Исполком никакой связи с довольно-значительным гарнизоном не имел, да и сам он, Исполком, избранный в начале революции, не гонялся за этим, имея во главе себя председателем писаря воинского начальника, который, председатель, на выборах в городскую думу шел по списку.... украинских федералистов. Исполком вел свою канцелярию, а воинские части были сами по себе. Оба артиллерийских дивизиона, на 80% скомплектованные из сибирских крестьян, пережив июльское наступление на Юго-Западном фронте, жили демобилизационными настроениями и лишь по инерции в них соблюдалась кое-какая дисциплина. Настроение же комитетских верхушек и комсостава было «свирепое антибольшевистское». Помню, что уже позднее, когда после очистки Исполкома, мы начали подбирать гарнизон к своим рукам, в одном из дивизионов, на коридоре, на 2-м этаже делал доклад тов. Кулик, приехавший из Киева, по текущему моменту. После его доклада долго обсуждался вопрос.... избить ли его на месте или выбросить из окна, и лишь с большим трудом мне, уже тогда председателю Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, удалось убедить присутствовавших, что такие методы «внепарламентского» воздействия возбраняются «даже» по отношению к большевикам.

7-ая Химическая рота, тоже прибывшая с Юго-Западного фронта, разместилась на окраине города около вокзала. По своему составу (наличие квалифицированных рабочих, студенчества) она была левых настроений, держала связь с железнодорожными организациями и, хотя внутри себя не имела официальных парт'ячеек, но небольшими группами входила и в организацию большевиков, и в организацию эс-эров. Были там и сторон-

ники ориентации на Центральную Раду, но в небольшом числе и маловлиятельные. Эта рота в Октябрьские дни и позже оказала нам значительную поддержку. Кроме этих частей, в городе было несколько хозяйственных и караульных команд, в силу своей малочисленности не имевших самостоятельного значения.

В силу вышеуказанных причин (обособленность железнодорожников от города) общегородского Совета Рабочих Депутатов не было. Было подобие Совета на станции, который скорее носил характер профессиональной организации. Впрочем совет этот при мне собирался всего три раза: во время корниловщины, незадолго до Октябрьских дней и в третий раз был собран Исполком для организации Военно-Революционного Комитета уже в Октябрьские дни.

Несмотря на отсутствие общегородского совета Исполком Совета Рабочих и Солдатских Депутатов существовал. Ни аппарата, ни работающего Президиума он не имел, а был составлен, еще вероятно в Февральские дни, (следов точных отыскать не удалось) по принципу представительства «социалистических» партий «от Н.-С. до большевиков» плюс представители Президиума Совета Солдатских Депутатов. В силу большого количества национально-партийных образований физиономия Исполкома была солидно-оппортунистическая, что и выявлялось всякий раз, когда он собирался. Лишь незадолго до Октябрьских дней, благодаря тому, что удалось обновить Исполком Совета Солдатских Депутатов, усилить вмешательство железнодорожного мира в общегородскую официальную жизнь, и отчасти благодаря тому, что меньшевики разных формаций головой ушли в работу городской думы, в которой главенствующей фракцией были У. С. Д.,—физиономию этого Исполкома удалось продвинуть значительно влево. Сделанные Исполкомом, уже в мою бытность его председателем, попытки создать подлинный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не удалось осуществить, и лишь в феврале месяце 1918 года (стар. стиля) таковой был созван.

Значительно обособлено жил уезд. И большевики, и эс-эры имели связи с деревней, но эти связи были несистематические. Организованных ячеек до Октябрьских дней ни те, ни другие в селах не имели (говорю о большевиках и эс-эрах потому, что в вопросах тактики конотопская организация эс-эров сплошь рабочая за изъятием двух-трех интеллигентов, исповедывала тактику и политику большевиков, что сказалось в официальном разрыве с Ц.К.П.С.-Р. в сентябре 1917 года и присоединении к Петроградской группе «Земля и Воля», Спиридоновской,—в голосовании в Учр. Собрание по постановлению общего собрания за список большевиков, и отказ голосовать за губернский список П.С.-Р., возглавлявшийся «бабушкой», а главное своим действительно-активным участием в борьбе за Советскую Власть и Октябрьские дни. Кстати, пишущий эти строки был членом конотопской организации П. С.-Р. и вместе с тем председателем обоих Военно-Революционных Комитетов. Но об этом дальше). «Селяньська Спілка», руководимая У. П. С.-Р., однако левого направления, возглавлялась тов. Лашкевичем, тогда членом Ц. К. У. П. С.-Р. ныне членом К. П. (Б) У. Левизна и «Спілки» определялась не столько левевшими постепенно настроениями лидеров ее,

«сколько мною вначале указанными причинами. С развитием событий уже в Октябрьские дни «Спілка» рассыпалась, и многие из ее рядов активно боролись в общих рядах против Центральной Рады за Советскую Власть.

Такова была обстановка в Конотопе ко времени моего туда приезда. Эту политическую раздробленность и спячку слабо всколыхнули и Корниловские дни. В Конотопе, как и повсюду, был организован «общественный Комитет спасения» и, как повсюду, носил на себе печать половинчатости и соглашательства. Правда, попытка меньшевиков «включить» в него... воинского начальника и 2-х представителей Торгово-Промышленного Союза (!) была отвергнута на созванном совещании представителей всех партий Президиума Совета Солдатских Депутатов и Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Это было первым ударом по соглашательским руководителям. Но в силу той-же раздробленности политической жизни города, Комитет и его работа глубокого следа не оставили. Возмущение подлой политикой Временного Правительства росло в казармах и среди рабочих (железнодорожная забастовка чрезвычайно помогла этому процессу), — однако, не объединенное никакой единой революционной организацией.

Но после первого удара, работа по оформлению революционно-пролетарского движения пошла успешнее. По инициативе нескольких товарищей, опираясь на 7-ую Химическую роту, удалось переизбрать Исполком Совета Солдатских Депутатов и поставить во главе него активно и лево настроенных товарищей, хотя и формально беспартийных в большинстве. Но зацежка была создана. Одновременно с этим железнодорожная забастовка и стачка на снарядном заводе вывели из состояния обособленности станционные партийные комитеты большевиков и эс-серов, которых очнуться заставило резко саботажное отношение Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (ранее я уже указывал, что это по существу было межпартийное бюро), который все сделал для того, чтобы сорвать и ту и другую стачку. По соглашению большевиков и эс-эров, опираясь на переизбранный Исполком Совета Солдатских Депутатов, удалось переизбрать, изменив систему представительства, Исполком Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Большинство в нем получили большевики и эс-эры. Из лиц, входивших в состав его, помню следующих товарищей: Табаков (эс-эр, председатель), Овсянников А. (больш. тов. председателя), Новиков П. (больш.), Татаринов (эс-эр), Ланевский (солдат безпарт.) и др. ¹⁾ Исполкому был дан наказ поставить и провести создание Общегородского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Это было вначале октября 1917 года (ст. стиля), но выполнить этой задачи не удалось (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов был созван в начале февраля 1918 года Военно-Революционным Комитетом). Работа Исполкомов в основном сводилась к укреплению «вязей» в воинских частях, связыванию станции с городом и подготовкой надежных ядер, на которых можно было бы опереться.

Месторасположение Конотопа на главной магистрали М.-К.-В. железной дороги способствовало хорошему информированию о назревавших событиях.

¹⁾ Всего было семь членов. Фамилии остальных, одного эс-эра и одного У. С. Д. и одного меньшевика, точно восстановить в памяти не могу.

Пролетарский Конотоп был под идейным влиянием больше Москвы, нежели Киева, несмотря на то, что формально, большевистская организация была непосредственно связана с Киевским Областным Комитетом. Объяснялось это еще и тем, что профессиональный и хозяйственный центр конотопских рабочих был Курск, Москва. Что касается эс-эровской организации, то ни формальной, ни идейной связи с Киевом она не имела. (Областной Комитет П. С. Р. в Киеве был ярко правый). В январе 1918 года была попытка связаться с харьковским эс-эровским Областным Комитетом, как левым, но эта попытка не увенчалась успехом по причинам неустойчивости харьковчан и их, в верхушке, отрицательного отношения, как к Цикуке, так и действиям Штаба Антонова-Овсенко. Таким образом конотопская организация эс-эров жила изолированно и это, а главное ее социальный состав, создали условия тяготения к большевистской организации, что к Октябрьским дням оформилось в полном приятии лозунга диктатуры пролетариата и борьбы за власть Советов, как задачи дня. Это тяготение в Октябрьские дни перешло в тесный пролетарский союз, скрепленный совместной борьбой, единством тактики и единством лозунгов. Организационно этот Союз выявлялся в совместных заседаниях комитетов и совместных общих собраниях, на которых вырабатывались планы борьбы и обсуждались важнейшие вопросы. Я остановился на этом обстоятельстве столь подробно для того, чтобы более к нему не возвращаться. В дальнейшем, в полном соответствии с фактическим ходом борьбы, говоря «мы», я буду иметь в виду работу большевистской и эс-эровской конотопских организаций этого периода.

Крепче всех с Киевом была связана организация У.С.Д., активистски-шовинистически настроенная,—в дальнейшем верный оплот Центральной Рады и Петлюровщины, и «Спілка», более лево настроенная, в дальнейшем распавшаяся и своими лучшими элементами принявшая участие в борьбе за власть Советов.

В предоктябрьский период пролетарский Конотоп лихорадочно оформлял свое отношение к событиям. Живо обсуждался тогда боевой вопрос: «Быть созванному или нет 2-му Всероссийскому Съезду Советов». Лозунг «Вся власть Советам» все чаще раздавался на собраниях. Но собрать большинство пролетарского Конотопа вокруг этих лозунгов к первым дням Октябрьской революции не удалось, сказывалось тяжелое наследие обособленности и замкнутости железнодорожного пролетариата. Немного подвинулись дела в дивизионах. В каждом из них удалось сколотить небольшие группки сочувствовавших, большинство продолжало жить расползченчески-демобилизационными настроениями,—лучше всего дело обстояло в 7-й Химической роте, где сочувствие лозунгам Октября имело за собой большинство, хотя внутри роты начало оформляться течение сторонников Центральной Рады, представляемое небольшой по численности группой. Целиком на нашей стороне находились также две хозяйственные караульные команды, хотя и небольшие численно. Проснулся также в лучшую сторону Снарядный завод, на практике стачки убедившийся за кем ему следовать.

Но не объединяемое единым, авторитетным, крепко связанным с массами революционным Советом, движение много теряло в своей силе.

При первых сведениях о событиях в Петрограде мы решили приступить к действиям. Беглый подсчет вооруженных сил, на которых мы могли бы целиком опереться, показал, что они были слишком незначительны (рабочих вооруженных почти не было, оставался лишь гарнизон), но зато и вооруженного сопротивления мы не предвидели. Большевики разных мастей и национальностей меньше всего были склонны заниматься вооруженной борьбой, да и никакого влияния в гарнизоне не имели. Они с головой ушли в работу «представительных учреждений», а самые «солидные» из них, У.С.-Д., были сбиты, на время, с толку событиями в Киеве, где организованный 23 октября ¹⁾ Всеукраинский Воен-Ревком установил блок с Центральной Радой в борьбе против восставших 26 ноября юнкеров и казаков, и они, У.С.-Д., были склонны занять выжидательную позицию. Что же касается комиссара Временного Правительства, меньшевика-адвоката, — о его существовании знали только «посвященные».

Обстановка была учтена правильно.

Первого ноября Исполком Совета Рабочих и Солдатских Депутатов созвал расширенное совещание из станционного Совета Рабочих Депутатов (мы там имели к тому времени большинство), Исполком Совета Солдатских Депутатов, представителей «социалистических» партий и представителей от воинских частей. Открыв заседание, я от имени Исполкома заявил, что перед собравшимися стоит задача избрания Военно-Революционного Комитета, который должен, в кратчайший срок созвать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, коему и передать всю полноту власти.

Во время последовавших прений, выступавшие представители отдельных воинских (за исключением одного дивизиона) частей заявили, что будут поддерживать и подчиняться Воен-Ревкому. Украинские Социал-Демократы, как я уже выше указывал, заняли выжидательную позицию, заявив, что не возражают против организации Ревкома при обязательном условии подчинения его Киеву.

Мы не возражали против «закрепления» Конотопа за Украину, но внесли пункт, гласивший, что Ревком подчиняется Всеукраинскому Военно-Революционному Комитету. Украинские С.Д. эту поправку приняли, и на этой платформе произошли выборы Воен-Ревкома, по принципу представительства от партий, а также одного от «Спілки» и одного от гарнизона. В состав Ревкома были избраны ²⁾: Табаков (эс-эр), Дубовик (большевик), Здрастуй (У.С.-Д.). От «Спілки» вошел Лашкевич. На гарнизонном собрании, созванном на завтра Военно-Революционным Комитетом, представителями от воинских частей (всего более 200 человек) был поставлен вопрос об избрании представителя в Ревком. Когда мы объявили там-же на собрании совещание сочувствовавших большевикам и эс-эрам, таковые оказались в большинстве, и, намеченный совещанием солдат 7-й Химической роты,

¹⁾ Эта дата, как и все последующие — в старом стиле, для большей точности воспоминаний.

²⁾ Фамилии еще трех представителей по одному от указанных организаций, за отсутствием у меня каких-бы то ни было документов, точно не вспомню. Кажется входили еще т. т. Матирный (эс-эр), и Якубовский (большевик).

Мануильский М. (брат Д. З. Мануильского), об'явивший себя большевиком, был утвержден членом Ревкома большинством собрания. Таким образом мы получили в Ревкоме твердое большинство. Председателем был избран я, секретарем Мануильский и 2-го ноября (ст. ст.) Ревком начал жить.

Основной задачей своей мы считали создание правомочного Совета и создание органов пролетарской диктатуры в уезде, одновременно с чем начали формирование надежной вооруженной силы, ибо воинские части, хотя в некоторой части, готовы нас были поддерживать во всеоружии, а в большей части соблюдали «дружественный нейтралитет», но в своем большинстве сформированные из великороссов, при тех демобилизационных настроениях, которыми почти безраздельно были заняты их помыслы—они были опорой временной. С вооружением рабочих дело обстояло чрезвычайно плохо. Даже наши организации были вооружены лишь процентов на 5—10. Гарнизон у нас в этом смысле по роду оружия оказался не подходящим.

Для обывателей переворот произошел незаметно.

Разместились мы в помещении кабинета Уездного Комиссара Временного Правительства, который тихо канул... в свою квартиру, довольный тем, что о нем забыли. Мы решили его не арестовывать.

Первым к нам заявился начальник уездной тюрьмы. Тюрьма переполнена, судебные инстанции бездействуют, много пересыльных уголовных, оставленных в наследие еще от дореволюционной поры, много подследственных, средств никаких и т. д. Тут же поручили т. Лашкевичу приступить к разбору в качестве последней инстанции дел, числившихся за арестованными и по возможности разгрузить тюрьму, выпустив в первую очередь пересыльных военно-пленных, которых «Российская Коалиционная демократия» гноила по обычным тюремным этапам.

В тот же день поставили комиссара на городской телеграф, и для ограждения себя от неожиданности со стороны Киева, где к этому времени произошел разрыв между Центральной Радой и Всеукраинским Революционным Комитетом и власть в Киеве находилась в руках Центральной Рады, опиравшейся на украинизированные войска, стянутые с Юго-Западного фронта,—поручили группе товарищей во главе с т. Панасицким поставить контрольный аппарат на железной дороге. Оба эти мероприятия оказались далеко не лишними. Мы начали связываться со всем «миром» и одновременно, сообщая на север о своем существовании и запрашивая, каково положение в других уездах, перехватывали все телеграммы, которые как из рога изобилия сыпались из Ставки и от «Комитета спасения родины и революции».

Наш же рабочий контроль, как мы его называли, за неимением других объектов приложения, на станции энергично взялся за контроль с юга проходивших поездов и грузов, следовавших в ту и другую сторону. Вскоре им были задержаны два ящика новеньких «Кольтов» с патронами, следовавших по адресу Юнкерского Чугуевского училища. Эти 80 Кольтов пошли для вооружения наших организаций. Кстати, нужно отметить, что боевую работу мы проводили внутри Ревкома «заговорщицки», не информируя о ней,

ни У. С.-Д., ни представителя «Спілки»; последнему мы, правда, персонально доверяли больше. Эта тактика для дальнейшего хода борьбы оказалась чрезвычайно полезительной.

Первые дни работали мы, заседаая с небольшими перерывами круглые сутки, располагаясь на краткий ночлег тут-же в кабинете на столах и стульях, имея в головах по пачке «свода законов» и других каких-то «уложений». Эти ночные дежурства всем составом Ревкома были вызваны помимо того обстоятельства, что двое из его членов: т. т. Дубовик и Здрастуй были членами Управы Городской думы, и посему могли работать только вечером и ночью—еще и стихийно происшедшим пьяным разгромом неподалеку от Конотопа.

На ст. Бахмач эшелонами, стихийно двигавшейся с фронта армией демобилизованных, подверглись разрому находившиеся на станц. винные склады. Вскоре там начался пожар. При первых сведениях об этом (пьяный разгром начался 2-го ноября), мы немедленно мобилизовали отряд солдат и под командой нескольких рабочих отправили туда для ликвидации. Но наши отряды, а мы их туда послали несколько, быстро приходили в негодность, перепиваясь, и лишь посланные нами рабочие героическим напряжением и спешной разгрузкой Бахмачского узла локализовали пожар и ликвидировали полный разгром. Но нам угрожала опасность быть захлеснутыми морем спирта и водки, которое доставили в Конотоп и перепившиеся отряды, посланные нами, и проходившие эшелоны демобилизованных.

10 дней длился этот пьяный бунт, как в Бахмаче, так и в самой Конотопе, и лишь крутыми мерами и сознательностью 7-ой Химической роты, которая несла охрану в городе (милицию мы расформировали), удалось его ликвидировать.

Тем временем, попытки наши установить связь с другими уездами не приводили ни к чему. На наши воззвания и запросы по телеграфу мы ответа не получали. Сделаться же центром для всего окружавшего нас района мы, покуда не закрепили основательно Конотоп, не предпринимали никаких иных шагов.

Мы существовали изолированно от остальной части губернии.

Вскоре, в связи с диктатурой Центральной Рады и ее Генерального Секретариата в Киеве, представители У. С.-Д. повели в Ревкоме политику скрытого саботажа, правда, не решаясь разорвать официально с нами, поскольку они не чувствовали достаточно солидной опоры, ни в гарнизоне, ни среди железнодорожников. Городскую думу мы не трогали, поскольку она, внешне, замкнулась в рамках хозяйственной работы. Подпольную работу, которая велась вокруг нас, мы чувствовали и знали, но уничтожить ее, а для этого нужно было разогнать думу и переарестовать всех лидеров местной У. С. Д. организации, для этого, повторяю, у нас еще достаточных сил не было. Организация своей вооруженной силы подвигалась медленно, так же как медленно подвигалось дело завоевания на активное действие, а в худшем случае на сочувствие—большинства рабочих железнодорожников.

Между тем работники городского телеграфа, следуя директивам Ц. К. своего союза, обратились в Киев по телеграфу в Центральную Раду с про-

тестом против Ревкома и с просьбой «заставить» нас снять комиссара. Об этом обращении мы узнали на завтра, когда какой-то представитель Генер. Секрет. затребовал нас к прямому проводу. Отправившись в помещение телеграфа и узнав, что у аппарата в Киеве находится какой-то, как он себя назвал «ад'ютант войскового секретариата», я передал ему, что Ревком комиссара не снимет,—ибо предательская политика Центральной Рады, пропускающей казацкие части с фронта на Дон, требует неусыпного наблюдения со стороны органа пролетарской диктатуры, каковым является Конотопский Военно-Революционный Комитет. На этом я оборвал разговор и о происшедшем сделал доклад в Ревкоме. Ревком на случай возможных еще разговоров с Киевом уполномочил меня заняться этим делом.

Работники телеграфа на моей беседе с Киевом не успокоились и продолжали бомбардировать о нашем «беззаконии» Центральную Раду, и через два дня нас опять вызвал к проводу Киев. На сей раз у аппарата находился Генеральный Секретарь почты и телеграфа, правый эс-эр Зарубин. Последний, от имени Центральной Рады, потребовал немедленно снять комиссара, поставив ультимативно вопрос, подчиняемся ли мы Центральной Раде и Генеральному Секретариату¹⁾. На это я, как и «ад'ютанту» ответил, что комиссара мы не снимем, по тем же соображениям, указаны мною в первом разговоре. Далее я заявил, что власти Центральной Рады мы не признаем, считая ее политику предательством дела пролетариата, и, что, считая себя частью Украины, впредь до организации Всеукраинской Советской Власти, (этот разговор происходил в середине ноября по стар. стилю, до Первого Всеукраинского Съезда Советов и до организации Ц. И. К. Украины и Народного Секретариата), подчиняемся лишь Совету Народных Комиссаров. На этом разговор был прерван телеграфистом, передававшим мои слова в Конотопе, бросившим аппарат с заявлением, что ругань он передавать не намерен. Так как по сути дела я успел все сказать, правду сказать, не стесняясь в выражениях, я не стал принуждать его продолжать передачу, и на том я закончил свой второй и последний разговор с Центральной Радой.

Для нас стало ясным, что дальнейшие «разговоры» последуют в ближайшее время языком оружия. К этому времени представители У. С. Д. совершенно прекратили работу в Ревкоме, и кроме нас в нем работал еще Лашкевич, кстати сказать, присутствовавший при моем разговоре с Зарубиным и не возражавший против нашей позиции, то ли потому, что он не был на участие в разговоре уполномочен, то ли потому, что целиком соглашался с нами; вернее было первое, ход событий в дальнейшем показал, что в позиции «спілчан» было колебание между нами и Центральной Радой в зависимости от складывавшейся обстановки, но покуда что «Спілка» в лице Лашкевича участвовала в работе Ревкома.

Мы начали лихорадочно готовиться к предстоявшей борьбе, но понимание тяжести нашего положения, обусловленной нашей изолированностью (Советская Власть была во всей губернии лишь в Конотопе) толкало нас, не

¹⁾ Разговор мой, как с «ад'ютантом», так и с Зарубиным передаю не дословно, ввиду отсутствия у меня ленты разговоров. Ленты погибли во время восстания, будучи похищены наряду с другими, относящимися к этому периоду документами.

менее быстро готовиться к подполью. Выяснение настроения гарнизона с очевидностью говорило за то, что ежели создадутся условия возможности демобилизации и отправки на родину, подавляющее большинство гарнизона отдаст предпочтение этому, перед вооруженной борьбой с Центральной Радой.

В конце ноября месяца после того, как первая волна демобилизуемых с фронта проследовала через Киев, Центральная Рада, в этот период укрепив свои украинизированные части, двинула их на закрепление своей власти к северу от Киева.

30-го ноября (ст. стиля) Конотоп был захвачен внезапным ударом двух отлично вооруженных «курений». Вооруженного сопротивления не произошло, слишком незначительны были наши силы, кроме отдельных эпизодов. Арестовано было несколько товарищей, которые, однако, после протеста наших представителей, членов городской думы, были выпущены. В два дня была произведена насильственная «эвакуация» (сопротивление оказала только 7 химическая рота) всех великороссов, а это составляло 85% артиллерийских дивизионов и подавляющее большинство 7-ой химроты.

Так пал 1-й Военно-Революционный Комитет Конотопа, пал в силу общей обстановки, сложившейся тогда на Правобережьи, пал почти без вооруженной борьбы, ибо был продуктом борьбы и воли лишь сознательного авангарда конотопского пролетариата, еще не втянувшего в борьбу широкие массы пролетариев, еще не возглавившего деревню.

Мы перешли в подполье, чтобы начать борьбу, подготовив опору в широких рабочих массах.

Начался второй период Октябрьской Революции в Конотопе.

Дней за 6 до падения Конотопа, я с согласия членов Ревкома выехал в Петроград на I-й съезд Л. С.—Р., откуда вернулся 2 декабря, т. е. через несколько дней после захвата города войсками Центральной Рады. Как я уже указывал выше «свержение» было бескровным. Ограничившись высылкой всех «казачков», передав всю полноту власти городской управе, «курени», оставив надежную и достаточно солидную вооруженную силу в Конотопе, двинулись дальше на захват уездных центров к северу от Конотопа. Меньшевики и бундовцы, не говоря уже о У. С.—Д., чувствовали себя опять в своей тарелке. Не хуже их начали чувствовать себя сплчане, в руках которых было уездное земство.

Мы плотно засели в железнодорожном рабочем поселке, расположенном вокруг мастерских по ту сторону полотна, сосредоточив там свою штаб-квартиру.

Изолированность железнодорожников начала приносить положительные плоды. В рабочие кварталы «власть» не пыталась пока что проникать. Это давало нам возможность почти легально собираться в «Смольном» (так мы называли помещение комитета и клуба большевиков в Алексеевском парке, в центре рабочего поселка). 4-го декабря на совместном совещании Комитетов мы организовали Военно-Революционный Комитет, второй по счету, в следующем составе: Табаков, Панасицкий, Чепелев от эс-эров,

Новиков, Якубовский, Дубовик от большевиков. Этому Ревкому было поручено повести работу по подготовке переворота и руководства агитационной работы среди железнодорожников. Для предупреждения всяких неожиданностей, мы чаще всего собирались на квартирах рабочих.

Тяжело сказывалось отсутствие своей типографии, в силу чего о своем существовании, как и о задачах рабочего класса, приходилось информировать и освещать перед широкими рабочими массами, путем непосредственного общения у станков во время работы и на общих собраниях рабочих мастерских и депо, которые происходили довольно часто.

Кроме нас активно вели работу анархисты.

Как я уже указывал раньше они имели большое влияние на молодежь, и по сему больше преуспевали в формировании вооруженной силы. Ими была организована еще в период первого Ревкома рабочая дружина, которая постепенно расширялась. Мы отдали распоряжение своей партийной молодежи вступить в эту дружину, поставив себе задачу захватить дружину в свои руки. Вакуленко, Бибик и остальные лидеры анархистов понимали наши намерения, но формально не имея права отказать в приеме в дружину желавших рабочих, держали их в ежовых рукавицах.

Преследуя на первое время одну общую цель, вооруженное свержение агентов Центральной Рады, мы жили с анархистами мирно, договорившись взаимно не агитировать друг против друга. Однажды к нам на заседание Ревкома явился т. Бибик с предложением ввода одного из них в состав Ревкома, с мотивировкой, что, поскольку это не орган власти, они в нем участие примут. Однако, предвидя неизбежную с ними в дальнейшем борьбу, мы это предложение отклонили.

Нужно тут отметить, что Конотопские анархисты, не исключая лидеров, на счет теории безвластья занимали путанную позицию. Один из их лидеров т. Гнидин вошел даже в состав Правления М. К. В. железной дороги вскоре после Октябрьских дней.

Как я уже указывал выше, мы старались широко использовать общие собрания рабочих мастерских и депо. Уже на третий день по моем прибытии из Петрограда я попал на такое собрание, происходившее в сборном цеху (огромное помещение, вмещавшее до 6—7 т. человек, там обычно происходили собрания рабочих). Собрание происходило по поводу неаккуратной выплаты жалованья и усилившейся дороговизны. Когда я попал на собрание, речь держал городской голова, У. С. Д. Назаренко, который заявлял, что им получена телеграмма из Центральной Рады, что для рабочих железнодорожников следует пять вагонов хлеба. Восторга, однако, это заявление не вызвало, посыпались ядовитые вопросы, кто будет распределять? и т. д. Воспользовавшись этим, мы начали атаку против Центральной Рады и ее приспешников. Выступление наше было заострено на противопоставление Советской Власти Центральной Раде. Попытка Назаренко протащить резолюцию приветствия Центральной Раде не увенчалась успехом. Рабочие постановили, по нашему предложению, голосование производить по цехам, так было дело вернее, ибо мы боялись, что голосами «підліпенщини» (так рабочие окрестили деревенщину), резолюция Назаренко пройдет. Нам

также помогало и то обстоятельство, что правление дороги находилось «за кордоном» в Курске, что влекло за собой неаккуратность в выплате рабочим заработка.

Союз Советской Украины и Советской России—вот лозунг, который начал приобретать широкую популярность среди широких рабочих масс.

Чаще всего собрания устраивались по поводу наступивших продовольственных затруднений, и каждое такое собрание мы использовали очень широко. Ни меньшевики, ни У. С. Д. на этих собраниях, часто неожиданно собиравшихся во время рабочего дня, в лице своих лидеров почти не появлялись, что влекло за собой утерю их влияния даже на «деревенщину». Заостряя вопрос на каждом собрании, мы будили сознание массы и приближали к ней идею Советской Власти.

Из смутного идеала отдаленного будущего диктатура пролетариата становилась лозунгом дня для большинства рабочих.

Одновременно с агитационной работой мы вели организационно-боевую. Начали налаживать связи с деревней, где параллельно Спілке начали расти организации вооруженной молодой деревни, состоявшей из демобилизованных солдат. Так, мы были связаны во второй половине декабря с отрядами в селе Малый Самбор, Голенка, Великий Самбор, Детиовка. Эти отряды, приславшие ходоков «к рабочим», называли себя «большеви́ками» и, связавшись с нами, получали инструкции на предмет подготовки вооруженного выступления. Одновременно с этим мы стремились завязать связи с ближайшими уездами. Первое время нам это удавалось туго, потом дело пошло лучше. К концу декабря Конотоп сделался центром притяжения северо-восточного района Черниговщины и, одновременно, стал в поле усиленного наблюдения со стороны Центральной Рады.

В середине декабря я выехал в Харьков за инструкциями в Цикуку. Проследовав без особых приключений «границу» (таковая была на ст. Люботин), я прибыл в Харьков через несколько дней после формирования Народного Секретариата, который помещался тогда по Сумской улице (ныне помещение редакции «Вісті»). Сделал доклад о ходе работы в Конотопе Народному Секретариату и высказал наше мнение, что Конотоп может и должен стать центром губернской работы. Возражений это предложение не встретило. Далее в штабе Антонова, куда я отправился с Примаковым, мы обменялись с Антоновым и Муравьевым взаимными информацией. Там же я узнал, что главной базой Петлюры (тогда Генерального Секретаря військових справ) становится Нежин, где Петлюра сосредотачивает свои полевые резервы из отборных, наиболее надежных частей. Народным Секретариатом я был назначен уполномоченным Цикуки по организации Советской власти на Черниговщине. Вооруженный соответствующим мандатом, восьмьюстами рублями (пишу прописью из боязни, что этот исторический факт может быть искажен прибавлением пары нулей, а цифра любопытная, теперь бы этакий бюджет!) на организацию, как было указано, Советской Власти, и, наконец, браунингом «жандармского образца»—я выехал из Харькова и, опять благополучно проследовав через «кордон», прибыл в Конотоп 26 декабря.

Как я уже указывал выше, Конотоп становился сосредоточием районной и, по сути дела, губернской революционной работы. Независимо от нашей доброй воли часть партийных «партизанов» разбрелась по ближайшим уездам и ставила там работы. Сделав доклад о поездке в Харьков в Ревкоме, я указал на ту роль, которую приобретает Нежин. Решили обратить на него особое внимание. Вскоре случай помог нам связаться с ним.

Числа 28 декабря ранним утром к станции Конотоп подошел небольшой эшелон с двумя платформами в конце, на которых были установлены две трехдюймовки. Это был эшелон куреня «імени батька Тараса Шевченка», как это нам стало известно позже, отборнейшая Украинская часть, который, произведя соответствующие маневры, установил свои платформы с орудиями прямо против мастерских.

Узнав об этом, рабочие по гудку немедленно бросили работу и собрались в сборном цеху, выслав делегацию к прибывшим с требованиями об'яснить наводку орудий на мастерские. Явилось несколько солдат из эшелона, и один из них попросил слова для выступления. Но ему не дали начать.

Раздавались со всех сторон крики с требованием сперва разоружиться. Председательствовавший, от имени рабочих, заявил, что собрание требует немедленно снять замки с орудий в присутствии своих представителей и только тогда вступить в об'яснения, когда замки будут сданы этим представителям. Прибывшие на собрание дали на это свое согласие, после чего начался митинг. Один из прибывших казаков (потом выяснилось, что это сотенный командир того же куреня, Тлустенко, переодетый простым казаком) заявил, что прибывший эшелон имеет своей задачей борьбу с бандитами, которые, по данным им сведениям, захватили Конотопские мастерские, также город Кролевец (система Петлюровской провокации расцветшая потом столь пышным цветом, стала еще тогда главным методом воспитания своих солдат), но они, прибывшие, находятся в недоумении, так как видят перед собою железнодорожную рабочую массу. Он просил раз'яснить ему сущность происходящего, ибо чувствует, что, как он выразился, «козаків обдурюють». По поручению общего собрания я выступил с раз'яснениями сущности происходящих событий, указав, что украинских козаков превращают в слепое орудие буржуазной диктатуры, что Центральная Рада стала оплотом Российской контр-революции (союз с Доном) и, что их высылают на усмирение украинских рабочих и крестьян, восстающих за Советскую Власть. Выступивший в конце митинга тот же тов. Тлустенко заявил, что они были обмануты, что ни одна рука не подыметься против рабочих и для того, чтобы какнибудь не быть вновь спровоцированными, попросил избрать от общего собрания нескольких делегатов, которые бы вместе с ними отправились в Кролевец, куда им было дано задание двинуться из Конотопа. Общее собрание выделило нескольких товарищей, в том числе и меня, и к вечеру мы отбыли отдельным паровозом и вагоном. В Кролевец эшелон, за исключением нескольких казаков, вместе с нами отправившихся, не пошел, а остался в Конотопе. По дороге в беседе с казаками и их командиром Тлустенко, я получил подтверждение сведениям, какие мне были даны в Харькове.

Штаб Петлюры тогда стоял в Крутах, Нежин был первой тыловой базой, где находилось около 12—15 тыс. войск разного оружия. Гарнизон питался сведениями из официальных источников, но инстинктивно чувствовал, что их, казаков, обманывают. Тут же я условился с ними, что в ближайшие дни приеду в Нежин, а они берутся к моему приезду подготовить свой курень. Прибыли мы в Кролевец в тот же день поздно вечером. На вокзале нас встретили Комиссар Центральной Рады и председатель уездного земства. В полутемном помещении вокзала местная власть не могла хорошо разглядеть прибывших, кстати часть рабочих делегатов были тоже в шинелях, а потому мы все были приняты за казаков. Под перекрестным огнем наших вопросов мы у «власти» выяснили следующее: в Кролевце уже третий день заседает явочным порядком созванный Крестьянский Съезд, на котором, в день нашего прибытия, была принята резолюция о переходе власти в руки Советов, и, как заявил нам повитовый Комиссар Центральной Рады, типично выраженный кулак, собравшиеся крестьяне толкуют «об одном»: «Вся власть нам і вся земля нам». «Ну хіба це ж можна»,? вопрошающе обратился он к нам (передаю его доподлинные выражения, как о настроении крестьян, так и его об этом мнение, ибо и его фигура и его информация крепко врезалась в мою память).

На совещании, которое мы устроили тут-же в вокзале, без местных властей, Тлустенко заявил, что для них все ясно, оставаться дольше они не намерены здесь, а немедленно возвращаются в свой эшелон и с ним в Нежин для дачи отчета всему куреню о своей поездке. Еще раз условившись с ними относительно моего приезда, мы расстались. Несмотря на позднее время заседание Съезда еще продолжалось, и, когда мы вошли туда, председательствовавший на собрании Конотопский рабочий (фамилию его восстановить в памяти не удалось) ставил на голосование резолюцию «с вынесением позора всей демократии». Шел спор как понимать «всей»—только лишь украинской или же «во Всероссийском масштабе». Решили, что нужно понимать во Всероссийском масштабе, так и проголосовали. На этом Съезд кончил свою работу, приняв ряд резолюций «о власти и о земле», резолюций приведенных одним из делегатов 2-го Всер. Съезда Крестьянских депутатов, присутствовавшим и на данном Съезде.

Тут-же мы выяснили, что к Кролевцу двигаются красногвардейские отряды, и что ими уже занят Глухов. Мы решили двинуться дальше селами по направлению на Глухов. На утро мы выехали на 2-х крестьянских розвальнях (нас было человек 7) по Глуховскому направлению. По дорогам мы останавливались в каждом селе, устраивая митинг на сельском сходе. Крестьяне принимали нас восторженно, и со всех сторон на собрании неслись заявления о готовности выступить за Советскую Власть. Так мы проехали 3 села. В последнем из них нам удалось получить точную информацию из уст двух только что прибывших ходоков, посланных крестьянами в Глухов за информацией.

Город был захвачен отрядом Красной Гвардии, который готовится к наступлению на Кролевец. Выяснив все что нужно было, мы двинулись обратно в Кролевец, куда прибыли поздно ночью и, передав указанное нами Кролевчанам, двинулись ночью же своим паровозом на Конотоп.

31 декабря мы разорвали последние нити, связывавшие нас с «демократией», решив устроить демонстративный выход наших представителей из состава членов городской думы. Зацепившись за проект налогового обложения, проектировавшийся думой, мы, против системы «своей фабрикации» прогрессивно подходящего налога, выдвинули проект освобождения от налога рабочих и конфискации всех нетрудовых доходов сверх определенной суммы доходов.

Подготовив соответствующую декларацию, мы вручили ее для оглашения тов. Вороне, уже седому железнодорожному служащему, который и огласил ее на вечернем заседании думы, после провала нашего проекта налогов. С возгласом «Да здравствует Советская Власть», наши представители покинули заседание в сопровождении компактной группы рабочих, присутствовавших там.

Ночью в тот-же день мы получили сведения о том, что, в связи со взятием Ворожбы Красногвардейцами и их продвижением к Конотопу, Петлюровцы намерены по тревожному гудку созвать завтра рабочих. На заседании Ревкома мы сначала было, боясь провокации со стороны Петлюровцев (к тому времени гарнизон Конотопа был усилен пехотным полком) и возможного вооруженного разгона митинга—решили попортить гудок; но потом постановили не только не препятствовать созыву митинга, но выступить с резолюцией приветствия наступающей Красной Гвардии.

Рано утром над городом Конотопом разнесся протяжный тревожный гудок, столь необычно раздавшийся (это было 1 января 1918 г.). Начали собираться не только железнодорожные рабочие, жившие в поселке и в городе, но и из окрестных сел. Собралось небывалое количество народу тысяч до семи. Все помещение было густо усеяно рабочей массой.

Когда митинг открылся, выступил представитель петлюровского штаба с заявлением, что Ворожба занята большевиками, что Конотопу и вообще всей «Свободной Украине» грозит быть захваченными «насильниками большевиками» и т. д...

Неоднократно его речь прерывалась возгласами негодования рабочей массы.

После нескольких наших выступлений была предложена на голосование наша резолюция приветствия наступающих, как братьев по классу, с указанием на помощь, которую Конотопский пролетариат должен оказать наступающей Красной Гвардии и, наконец, в резолюции же было предложено ультимативно петлюровским войскам очистить добровольно железнодорожный путь для беспрепятственного продвижения красногвардейских частей.

Эта резолюция была столь дружно проголосована, что у присутствовавших У.С.Д. не хватило смелости поднять руки против, несмотря на наличие на собрании значительного числа гайдамаков.

Это был момент полного перелома в настроениях рабочей массы, которая высказывалась и голосовала за вооруженное выступление.

Рабочая масса Конотопа в своем подавляющем большинстве была за нами.

На завтра был созван митинг вторично по требованию петлюровских властей. Выступивший на нем тот-же представитель штаба, заявил, что он отправляется говорить о перемирии с наступающими частями, согласно обоюдно выраженному желанию, и просит общее собрание выделить из своей среды нескольких представителей для участия в «мирных переговорах».

Задняя мысль петлюровцев была такова: фактом участия рабочих в петлюровской делегации получить перемирие на более выгодных для себя условиях. Мы эту штуку сообразили и потому, когда были выдвинуты кандидатуры некоторых из нас, мы согласились, заявив, однако, что первым делом передадим наступающим частям резолюцию новогоднего общего собрания. С этим наказом я и еще несколько товарищей отправилась вместе с петлюровцами. Встреча произошла в помещении железнодорожного поста неподалеку от Ворожбы. Хотя петлюровцы зорко следили за тем, чтобы мы не оставались наедине с «неприятелем», мне все же удалось коротко перетолковать с комиссаром отряда и сообщить ему, как о настроениях Конотопа и тех мест, с которыми мы имели связь, так и о наших намерениях. Передав им о настроении петлюровских частей, мы условились о дальнейшей связи и о доставке одного-двух пулеметов с командой к нам, для усиления наших сил. Это был отряд Красной Гвардии из Замоскворецких рабочих. Комиссаром отряда был т. Знаменский. На основании нашей информации т. Знаменский согласился на установление перемирия на одну неделю, понимая, что разложение петлюровских частей чем дальше, тем будет усиливаться больше.

Через два дня посланные нами товарищи доставили из отряда на подводе пулемет и двух рабочих в качестве прислуги у пулемета. Пулемет мы установили в тендерной, выходявшей окнами против здания вокзала.

5-го января я выехал с удостоверением железнодорожника в кармане в Нежин. Ночью в Крутах нашего «Максимку» долго задерживали по причине поголовного обыска, производившегося гайдамаками. Мой внешний вид (в рабочей куртке с деревянным сундучком в руках) не навлек на себя подозрений. Утром 6-го января я прибыл в Нежин и немедленно направился в расположение III-й сотни «Шевченківського Куреня». На узком совещании, устроенном вскоре после моего приезда, выяснилось, что настроение гарнизона колеблется в сторону благожелательного отношения к наступающим, что гарнизон, как боевая сила для Петлюры, начинает разваливаться, но что заострять «сегодня» вопрос на вооруженной борьбе против Петлюры за Советскую Власть не рекомендуется, поскольку гарнизон состоит из частей, долго и основательно обрабатывавшихся Центральной Радой и потому постепенно изживающих националистический угар. Что касается III-й сотни, то она вся распропагандирована и готова хоть сегодня выступить против Петлюры. В этом я убедился на митинге, созванном в тот-же день в помещении сотни, когда закончив свой доклад возгласом: «Да здравствует Советская Украина и Советская Россия», я услышал дружный ответ: «Геть Центральну Раду», «хай живе Радянська Влада». Там же на совещании мы решили созвать завтра с утра митинг для всего «Шевченківського Куреня». Однако, вопреки нашим предположениям, размер митинга разросся до гро-

мадных размеров. Весть о прибытии «делегата от рабочих» скоро стала достоянием всего города. Конные раз'езды «Шевченковців», проезжая по узким Нежинским улицам, во всеуслышанье об'являли о созывающемся на завтра в помещении «Куреня» гарнизоном митинга, на котором выступит с докладом «делегат от рабочих». Я сам был свидетелем этой своеобразной системы извещений. Не говорилось, какой делегат и от каких рабочих, но одно слово «рабочий» останавливало празднично настроенную толпу и заставляло ее слушать. Впрочем слово «рабочий» заставило задуматься и кой-кого из начальства. Ночью в тот-же день из города внезапно «отбыл» комендант города и изрядное число офицеров из сформированного Петлюрой офицерского артиллерийского дивизиона (оказалось, что таковая «ударная часть» Петлюрой тайне формировалась. Корниловские лавры ему тогда уже мерещились). Об этом бегстве мы узнали уже на самом митинге от одного из выступавших товарищей. Так как связей никаких до этого у нас с Нежиным не было, я не мог связаться с местной большевистской организацией (местным эс-эрам я имел полное основание не доверять), да и трудно было рассчитывать на существование таковой. Это потом подтвердилось.

7-го утром митинг открылся пением «Заповіта», сначала в помещении III-й роты, но его сейчас же пришлось перенести на открытый воздух на двор у казармы куреня. Море разноцветных головных уборов окружало импровизированную трибуну, веранду. Открыл митинг кратким вступительным словом тов. Глушенко, председательствовавший до конца собрания. Доклад — обвинительный акт против Центральной Рады, слушали напряженно, изредка прерывая его возгласами негодования. Памятуя о совещании, я пытался было быть посдержаннее, но уже вскоре не выдержал, уж больно жадно слушали, и я чувствовал как быстро пелена шовинистического дурмана расплзлась перед глазами этой многочисленной крестьянской массы, памятовавшей муки империалистической бойни и прелести помещичьей деревни.

После моего доклада начались горячие выступления «из народа». Атмосфера накалялась. Я видел, что эта многотысячная масса, как орудие борьбы против пролетарской диктатуры, не существует, что немного осталось и это будут верные бойцы за Советскую Власть. К концу митинга была единодушно принята резолюция, заключающая в себе наряду с признанием Советской России, как братской республики, борющейся против общего буржуазно-помещичьего врага, и клятвой не выступать против войск Народного Секретариата, также и требование к Центральной Раде прекратить борьбу... и установить на Украине Советскую Власть.

Сегодня они еще целиком не осознали, что Советская Украина явится результатом вооруженной борьбы их самих в союзе с Советской Россией вопреки желанием Центральной Рады и против нее.

Немедленно после митинга мы устроили вторичное совещание в той-же III-й сотне, но уже в присутствии 3-х товарищей коммунистов, которые присутствовали на митинге и с которыми меня свел тов. Майборода-старший (младший был Конотопским рабочим большевиком; при моем от'езде из Конотопа он указывал на брата, но точного адреса мне не дал). От этих товарищей я узнал, что организация в Нежине не существует, но что есть

5—6 чел., примыкающих к большевикам. На этом совещании мы создали бюро из 3-х человек, подобие Военревкома, которому поручили вести дальнейшую работу, условившись, что восстание, ежели таковое удастся к тому времени поднять, произвести к моменту приближения наших частей к ст. Круты, которая становилась опорным пунктом Петлюры в обороне Киева с севера. Одновременно с этим мы решили, что я должен использовать всякие возможности для того, чтобы после овладения Конотопом, немедленно пробраться в Нежин для руководства восстанием.

Прямо из совещания я отправился на вокзал. Мне повезло, так как удалось немедленно отбыть к северу в проходившем эшелоне демобилизованных с фронта.

После обыска в Крутах мы добрались поздно ночью в тот-же день до Конотопа. На завтра, 8-го января, в заседании Ревкома после моего доклада было решено немедленно выслать двух товарищей (двух на всякий случай) с информацией о нежинских событиях и с предложением, ежели по стратегическим и техническим соображениям таковое осуществить можно: взять раньше Конотоп, дабы дать мне возможность проскочить через Бахмач в Нежин (на Бахмач наступление велось по Либаво-Роменской линии).

Конотоп к этому времени превратился явственно в два враждебные лагеря. Городское мещанство, гайдамачина по одной стороне железнодорожной линии,—мастерские с рабочим поселком по другой. Эта картина дополнялась негласным караулом, который выставлялся у мастерских на ночь рабочей дружиной, ядром будущей Красной Гвардии.

Перед нами стал вопрос о вооруженном выступлении своими силами, не дожидаясь подхода наступавших с севера. Правда, силы у нас были чрезвычайно невелики (80 кольтов, боевая дружина, вооруженная по одной винтовке на троих, и один пулемет с 4-мя лентами), но против нас стояли хотя и значительные по численности петлюровские силы, но в достаточно разложенном состоянии. На совещании комитетов, на котором мы поставили этот вопрос, голоса разбились, и хотя все признавали, что настроение рабочей массы говорит за возможную успешность этого выступления, но большинством был принят план одновременного удара с двух сторон.

Это решение было ошибочным.

9-го января мы еще раз устроили смотр пролетарской солидарности. В 12 часов, по гудку, рабочие бросили работу и собрались в сборном цеху на митинг. Собрание по своей численности, энтузиазму походило на новогоднее. После доклада о «9-м января» и о его значении для пролетарского дела было выброшено знамя, на котором красовалось: «Да здравствует III-й Интернационал», и под этим знаменем с пением революционных песен вся эта многотысячная рабочая масса стройно двинулась из цеха через ворота мастерских вдоль линии к железнодорожной столовой, у которой после краткого митинга разошлась.

Мощный единый пролетарский фронт был налицо, но наша все же еще слабость определялась отсутствием твердой связи с деревней, где перелом уже назрел, но физически, если так можно выразиться, не был еще возглавлен пролетариатом и его авангардом.

10-го января под угрозой наступавших на Конотоп и возможность быть отрезанными от Бахмача, единственного пути отступления, петлюровцы приступили к эвакуации.

На заседании Ревкома было постановлено задержать сформировавшиеся эшелоны до ночи, к какому времени по условному сигналу ожидали подхода Красной Гвардии, одновременно с чем по сигналу (выстрел из бомбомета), мы должны были захватить помещение вокзала. Деповским во исполнение этого было поручено испортить все здоровые паровозы, так чтобы ни один из них раньше чем к ночи не мог быть приведен в исправное состояние. Одновременно с этим мы отправили группу товарищей во главе с Майбородой, неподалеку от выходных стрелок за товарной станцией, произвести разрушение путей посредством пироксилиновых шашек (двух, на половину самодельных, находившихся в нашем распоряжении).

Первая задача была выполнена удачно под руководством тов. Панашицкого, так что, когда к вечеру петлюровцы закончили формирование своих двух эшелонов и кинулись за паровозами, из таковых не оказалось ни одного, который мог бы быть немедленно использован. Дежурные бригады, как паровозные, так и кондукторские, были нами распущены. Несмотря, однако, на то, что добровольно вызвавшиеся несколько машинистов (выше я указывал, что среди последних большим влиянием пользовались У. С. Д.), бились вокруг двух паровозов, спешно приводя их в исправное состояние, еще к середине ночи петлюровцы двинуться не могли из Конотопа.

Все наши вооруженные силы были расположены в тендерной и у ворот забора, выходившего на линию. Мы ждали сигнала, но наступавшие части где то замешкались и сильно опаздывали. Одновременно с этим наша подрывная экспедиция вернулась с уведомлением, что разрушение самодельными шашками пути не удастся. Часам к 4-м ночи мы получили уведомление, что с Бахмачем связь прервана, очевидно станция была оставлена петлюровскими частями. Это обстоятельство послужило толчком к нашему выступлению.

Выпустив одну пулеметную ленту по крыше вокзала, разбившись на две партии, из коих одна бросилась в здание вокзала, для овладения телеграфом и пулеметами, находившимися в верхнем коридоре у телеграфа, другая двинулась к эшелонам. Ни в том, ни в другом месте мы сопротивления не встретили, так как занятие Бахмача внесло в ряды петлюровцев значительную панику. Дело ограничилось короткой револьверной перестрелкой у здания вокзала, да трещал наш пулемет и периодически раздавались выстрелы бомбомета, к тому времени подоспевшего Замоскворецкого отряда, всего было убито несколько человек петлюровцев. Часть командного петлюровского состава разбежалась, часть была арестована. Насколько я помню, жертв с нашей стороны не было, как никто из взятых нами «в плен» не был расстрелян. Взятые в плен солдаты из эшелонов были нами через несколько часов освобождены, при чем часть из них немедленно добровольно примкнула к Замоскворецкому отряду. Так 11-го января Конотоп стал Советским. Воен-Ревком приступил к работе тут же на вокзале в одной из комнат, не переезжая в город до приведения в порядок и «резэвакуации»

имущества и оружия, находившегося в эшелонах, при чем казначейство, тоже находившееся в эшелоне, было перевезено немедленно в один из складов мастерских.

В связи с тем, что Бахмач был уже взят, вторая часть нашей программы действий не была выполнена. Генеральный бой был дан Петлюре у станции Круты, после чего его войска откатились к самому Киеву, нигде не задерживаясь. Нежинский гарнизон в тыл Петлюре не ударил, и весь, почти не выступая, дожидаясь подхода Красных частей, к которым значительная часть гарнизона (в первом ряду был курень «имени батька Тараса Шевченка») примкнула для совместной борьбы за обладание Киевом. Как мы узнали, хотя план наш и дошел куда полагалось, но было уже поздно его осуществить, ибо связь между отдельными отрядами, наступавшими на Киев, была чрезвычайно слабая. Отряды действовали не объединенные общим руководством, и потому не удалось своевременно уведомить отряды, ведущие наступление на Бахмач по Либаво-Роменской дороге.

12-го января мы созвали широкий митинг железнодорожных рабочих, на котором, после отчета—доклада Ревкома, было постановлено утвердить Ревком в том составе, в котором он существовал в подполье.

Ночью в тот-же день мы на грузовике перебрались в город, заняв дом местного помещика под Ревком. Город давно приготовился к восстановлению Советской власти. Местные банки (если можно этим именем назвать несколько отделений разных банков) были аккуратно закрыты и ключи от них самими же служащими доставлены в Ревком, с предупреждением, что кассы пусты и т. д. Мы, покуда что, оставили банки закрытыми. Комиссаром финансов мы назначили тов. Ворону, которому поручили обследовать оставленное нам в наследие казначейство.

Первые две недели мы вели работу хаотически, без всякого плана, хватаясь за то, что казалось нам наиболее важным.

Городская дума, за бегством лидеров У. С. Д., самоупразднилась. Мы решили таковой орган функционированием не возобновлять, а вершить городские дела непосредственно из Ревкома, для чего приспособили тов. Дубовика, бывш. члена городской управы. Уездное земство существовало и вело работу под нашим негласным наблюдением. (После первого земельного Съезда, созванного, кстати сказать, не нами, а Спількой, недели через 3 после восстановления Советской власти, земство перестало существовать, превратившись в Уездный Земельный Комитет.)

В первую же неделю нашего существования мы создали организационное бюро по созыву Совета Рабочих Депутатов под председательством тов. Овсянникова. Одновременно мы решили приступить к разгрузке, так называемой 6-й версты, огромного артсклада, путем формирования маршрутов. Этот артсклад был одной из баз Юг-Запфронта и хотя с 1916 года не пополнялся, но вмещал в себе огромное количество снарядов, колючей проволоки, газовых баллонов и т. п. Параллельно с этим, проходившие через станцию отряды, снаряжались на 6-й версте и в так называемом

барачном городке (нечто в роде санитарного кордона, в нескольких верстах к югу от Конотопа по линии железной дороги), где были довольно значительные запасы обуви, белья, палаток, солдатских мешков и т. д.

Работу нашего Ревкома значительно усложняло то обстоятельство, что, являясь значительным узловым пунктом, ст. Конотоп служила местом временного пребывания одновременно нескольких отрядов. О них нужно было заботиться в первую голову, а подчас эти отряды были довольно требовательны. Приходилось часто ездить на вокзал совещаться с начальниками отрядов и подчас заниматься усовещаниями.

Через неделю после того, как Конотоп стал Советским, испытывая острую потребность в дензнаках за исключением железнодорожников, которые получали аккуратно жалование из рабочего Правления М.-К.-В. желдороги из Курска, для другого трудящегося элемента, в том числе для рабочих снарядного завода, который уже несколько месяцев стоял, источников получения средств не оказалось, так как Народный Секретариат только что прибыл в Киев. Мы наложили на нетрудовой элемент контрибуцию, кажется, тысяч в пятьсот. Собрав наиболее состоятельных обывателей, мы предложили им, под их личную ответственность, в недельный срок таковую сумму собрать; сами же мы назначили ставки платежа для наиболее крупных буржуев, дабы последние не перенесли контрибуцию на плечи городской мелкой буржуазии и мещан. Но дело с контрибуцией подвигалось туго в особенности после того, как прибывший на станцию отряд максималистов (как он сам себя именовал) без нашего ведома тоже наложил контрибуцию на город и произвел аресты, опять таки без нашего ведома, нескольких буржуа в качестве заложников. Это обстоятельство спутало все карты. Пришлось с отрядом столкновываться (отряд был значительный) о порядке использования контрибуции и о порядке ее взимания. Этот отряд нам причинил за время своего пребывания в Конотопе не мало хлопот, как своими чрезмерными требованиями, так и методами реквизиции скота у крестьян в уезде, методами чуть не вызвавшими восстания в двух селах, успокоившихся только потому, что мы, узнав об этих реквизициях лишь тогда, когда нам донесли об этом из волости, заявили, что реквизиция производится с нашего ведома.

Деревня в целом чутко отзывалась на нужды наших частей и голодного Севера, под лозунгами помощи которому мы собирали без труда и нажима обильную помощь. Занятые этой работой, мы несколько отделились от нашей главной базы, железнодорожных рабочих, а тем, что лучшие наши силы были отвлечены ревкомской работой, создалась благоприятная обстановка для агитации против нас, как анархистов, так и Укр.-С.-Д. Застрельщиками этой антиревкомской агитации явились анархисты, которые единственно и могли выступать среди рабочих легально, как «левые». Но всякий раз, когда эта агитация пыталась расшириться до обхвата рабочей толщи, общее собрание рабочих, а таковых было 3—4, выносило резолюции полного доверия Военно-Революционному Комитету, несмотря на то, что персонально т. т. Вакуленко, Гиндин и др. лидеры анархистов пользовались влиянием среди рабочих.

Все же мы чувствовали факт уменьшения нашего безраздельного владения настроениями широкой рабочей массы, а обстановка к тому же требовала отвлечения все больших сил для ревкомской работы в городе, ибо мы подошли вплотную к обхвату своей работой деревни.

Мы ускорили работы по совыву Совета.

В конце января месяца организация У. П. С. Р. через Спілку и Земство сделала попытку закрепить свое влияние в уплывавшей из под их рук деревне, в которой шел процесс овладения землей и формирования новых общественных отношений под руководством «фронтовиков». Был созван широкий С'езд делегатов от волостей и сел (человек около 150—200). При открытии заседания, взяв явочным порядком слово, я от имени Ревкома обратился с приветствием к собравшимся. По тому, как меня слушали и по возгласам, раздававшимся на собрании, видно было, что деревня уже, в своей массе, сформировала свое отношение к происходившему.

Середняк крестьянин (не говоря уже о бедняках, которых на С'езде было изрядное количество) за небольшим исключением шел за нами. Это выразилось в том, что С'езд дружно принял более расширенную программу работ, чем это намечалось Спілкой, которая из политических соображений решила было держать собрание на «деловых вопросах», и таким образом С'езд превратился из «земельного» в С'езд Крестьянских депутатов с политической в первую голову программой работ.

Предложение избрать меня председателем С'езда было дружно принято, и, таким образом, руководство С'ездом перешло в наши руки. Лидеры Спілки, не выступая против нас, повели политику пассивного саботажа работ С'езда, отказавшись принимать участие в обсуждении даже тех вопросов, по которым они созывали С'езд.

Два дня тянулась работа С'езда, проходившего при большом под'еме, хотя насчет знатоков земельного дела,—а вопросы ставились практически,—у нас было туго. Но именно потому, что мы дали возможность выявиться полностью настроениям села, а состав С'езда гарантировал нас от всяких неожиданностей, решения С'езда отвечали целиком революционной целесообразности. С'езд закончился принятием резолюций о немедленной организации Ревкомов (или, как выражалось большинство: «Ревко́») по волостям и селам, о подготовке нового С'езда, который должен быть созван недели через 3 для рассмотрения назревших земельных практических проблем и о подготовке к созыву в недалеком будущем уездного с'езда рабочих и крестьянских депутатов.

После этого с'езда мы в реорганизованный из земства уездный земельный комитет ввели нескольких наших работников.

К началу февраля были закончены выборы в Совет Рабочих Депутатов. Выборы происходили на самых «демократических» началах, по партийным спискам. Выборы происходили, как среди железнодорожников, так и в городе, среди членов профсоюзов, и проходили при свободе агитации. Несмотря на все эти «свободы», а также бешеную агитацию меньшевиков всяких мастей, выборы в Совет дали нам подавляющее большинство. Первыми по числу делегатов шли большевики, за ними почти поровну шли эс-эры и У. С.-Д.

(большевики и эс-эры шли отдельными списками, что, несомненно, ослабило наш успех, ибо широкая рабочая масса привыкла видеть и тех и других, выступающих в тесном союзе, общим нераздельным фронтом). Кроме того, в Совете оказалась небольшая фракция человек в 6 меньшевиков и бундовцев и 4 депутата членов У. П. С. Р. Накануне открытия 1-го заседания Совета, на совещании комитетов в «Смольном», мы решили, что Военно-Революционный Комитет при открытии заседания огласит декларацию, которую предложит Совету принять за основу своей дальнейшей работы. Декларация была составлена на основе «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Там же на собрании мы решили, что те фракции, которые не примут этой декларации, должны быть лишены звания рабочих депутатов и изгнаны из Совета. Одновременно с этим мы постановили в виду тревожных сведений и возможности активных контр-революционных действий петлюровских шпионов и иной сволочи, параллельно с существованием Совета сохранить Военно-Революционный Комитет, сосредоточив в нем всю, так сказать, боевую работу (Ревком становился прообразом будущей Ч. К.).

Работа 1-го заседания Совета Рабочих Депутатов, при значительном стечении рабочей массы, пошла по намеченному пути. Открыв от имени Ревкома заседание, я после краткого доклада огласил декларацию, которую предложил проголосовать Совету в основу его работы. После прочтения декларации по предложению всех остальных фракций мы объявили пятиминутный перерыв, во время которого мы наметили Исполком, решив в него допустить лишь представителей тех фракций, которые целиком и полностью примут декларацию. После перерыва представители фракций выступили с соответствующими заявлениями. Первым выступил тов. Лашкевич, который от имени фракции У. П. С. Р. заявил, что присоединяется к нашей декларации; за ним выступил представитель У. С. Д., заявивший, что они при голосовании будут воздерживаться. Последними выступили меньшевики с длиннющей декларацией, заканчивавшейся здравницей в честь Учредилки. После того, как наша декларация была проголосована и принята подавляющим большинством, я от имени Ревкома внес предложение об изгнании из рядов Совета всех непринявших декларацию. Большинство наших голосов, при протесте остальных фракций (У. С. Д.—в счет не идут, им и хотелось, и боязно было. Вообще по своему гнусному политиканству это был любопытнейший народец), это предложение было принято и учредилкам пришлось тут же вернуть мандаты и удалиться из зала заседания. Это было в начале февраля 1918 г., и мы таким образом на пару месяцев предупредили изгнание учредилковцев из Советов во всероссийском масштабе. Далее были произведены выборы Исполкома, и Совет закрыл свое заседание, предложив Воен-Ревкому не распускаться до ликвидации военного положения.

В первых числах февраля мы получили из Киева сведения, что Центральная Рада подписала договор и что немцы вторглись в пределы Украины. Одновременно с этим мы получили сведения, что немцы продвигаются к Киеву, не встречая значительного сопротивления. Эти сведения заставили нас приналечь на ускорение организационного охвата деревни, организацию Красной Гвардии и одновременно с этим разгрузку 6-й версты. Для выпол-

нения последней задачи мы об'явили мобилизацию всего нетрудового элемента города, которых отправляли на работу партиями по 100 человек, сроком на три дня (казармы там были, а еду мы туда направляли). Под призором наших товарищей работа пошла успешно. Попытка поднять агитацию среди рабочих за ограждение «неприкосновенности личности» получила от самих рабочих такой отпор, что никто более не покушался заняться этой работой.

К этому времени мы уже создали небольшой конный отряд Красной Гвардии, выполнявшей главным образом задачи, которые выполняли в будущем войска В. Ч. К. Формирование отрядов из рабочих мастерских шло не столь успешно. Один из таких отрядов, под руководством тов. Вакуленко, отправился на юг из Конотопа к концу января месяца. Отряд этот, как я уже писал выше, погиб в борьбе с гайдамачиной возле ст. Бобринская; из него уцелело лишь несколько человек, которые прибыли в Бахмут, к нашему уходу. Другой отряд формировался нами, но из-за недостатка оружия дело с его организацией подвигалось медленно. Наряду с этим, к средним числам февраля, мы, узнав о грозящем падении Киева, постановили об'явить мобилизацию нескольких возрастов, рассчитывая, что при том революционном настроении села, которое имелось налицо, а также учитывая, что в сформировываемые части мы сможем влить значительную часть наших товарищей,—мы получим в значительной мере боевые части, которых мы сможем быстро сформировать. Мы, однако, недостаточно учли, что при недостаточной связи уезда мобилизацию быстро провести не удастся, и что следовательно первое время нам придется иметь дело с одним городским мешанством, которое отнюдь не было расположено в нашу пользу и среди которых, к тому-же, петлюровцы, не вычищенные нами в достаточной мере из Конотопа, развивали бешеную агитацию. Не доценили мы также в значительной степени и то обстоятельство, что при отсутствии аппарата контроля, мобилизационных списков и т. п. мобилизация по сути дела будет иметь характер добровольной явки.

Вскоре по разыгравшимся событиям мы поняли, что об'явление мобилизации было ошибкой.

В первый день явки большая толпа подлежащих мобилизации явилась к помещению воинского начальника, шумно требуя раз'яснения. Среди этой толпы было большое количество офицеров из демобилизованных, застрявших в Конотопе. Поручив мобилизационную работу проделать тов. Дуденко матросу, который прибыл к нам с севера для работы во время петлюровского подполья, мы почти никаких предупредительных мер не приняли. Произошло однако то, что Дуденко накануне ночью, никого не предупредив, исчез из управления воинского начальника, обязанности коего он все время выполнял, т. е., попросту удрал. Взбуродоруженные всем этим еще больше, мобилизованные отправились в театр на митинг, откуда прислали депутацию за мной с просьбой явиться. Я с делегацией отправился в театр. Когда я появился на сцене, в театре раздался форменный вой. Туда к тому времени набилась изрядная толпа задетой трудовой повинностью и контрибуцией обывательщины, которые в этой бушующей толпе обнаглели, решив, что настает час расчета с «злодеями-большевиками». Предложив собранию

успокоиться и затихнуть, я затем повел пред ними «речь». Меня вскоре начали прерывать криками: «разоружить его» (я был с винтовкой за плечами), «убить его» и т. д. Положение становилось затруднительным, так как в Ревкоме никого почти не было, и никто не знал об этом собрании, да и помочь то могли немногим (наш конный отряд был в это время в уезде). Разъярившаяся толпа, подстегиваемая появившимися на сцене подозрительными фигурами, все громче кричала, требуя моего разоружения и т. д. Я начал осторожно отступать в глубь сцены, решив отстреливаться до последней возможности.

Выручило меня то обстоятельство, что в это время к Ревкому кто-то из наших вез мимо театра найденный где-то пулемет. В театре раздались возгласы, что большевики с пулеметами окружают театр. Это внесло панику в среду находившихся в театре. Лидеры мигом шмыгнули вон задними дверьми, а оставшаяся толпа немедленно затихла, чем я и воспользовался, и, пройдя через толпу, я вышел из театра. Немедленно в Ревкоме, куда я явился (нас там было 4 человека), решено было выехать на вокзал и один из находившихся там отрядов матросов перебросить в город. Оставив в Ревкоме дежурить тов. Чепелева, мы отправились на вокзал. Уже находясь неподалеку от станции, мы услышали звуки набата.

В городе происходило восстание.

Между тем на вокзале происходила спешная эвакуация в полнейшей панике всех находившихся там отрядов. Эта паника не была связана с происходившим в городе, а наоборот, как выяснилось потом, вызвала «храбрость» мешанства и петлюровщины, и в конечном счете, усилившаяся паника на вокзале за счет происходившего в городе. Не приходилось думать о помощи в подавлении городского мятежа, о помощи этих отрядов. Немедленно мы мобилизовали всю нашу публику, решив охранять под'езды к рабочему поселку. Мы твердо были уверены, что дальше черты непосредственно города «повстанцы» не двинутся. В этом мы не ошиблись. Одновременно с этим мы направили двух гонцов в ближайшие волости для привода 2-х—3-х отрядов, имевшихся там, с которыми мы были связаны еще со времени петлюровского подполья.

От пришедшего позже в наше расположение тов. Чепелева мы узнали, что вскоре после моего ухода из помещения театра, когда выяснилось, что никаких пулеметов нет и что ничего собравшимся не угрожает, петлюровцы начали накачивать собравшихся, и вся эта толпа двинулась в Ревком. Не застав там никого, кроме одного тов. Чепелева, толпа еще более разъярилась и набросилась на него. Его здорово поколотили и разнесли вдребезги всю незамысловатую «канцелярию» Ревкома. Далее нашлись любители позвонить в пожарный колокол, раздался набат, и наэлектризованная толпа бросилась вооружаться чем попало. Движение вскоре было возглавлено деятелями покойной «демократической» думы и таким образом приобрело политический характер.

Ночь прошла спокойно и почти уж на рассвете к нам прибыло два отряда, с которыми, как только рассвело, мы цепями двинулись в город по главной улице. За ночь мешанство остыло. Город был мертв. Постов мы

нигде не встретили. Уже у самого центра города нами был снят караул «повстанцев», 3—4 гимназистиков, которых мы попросту, забрав у них ружья, погнали домой. Ни в думе, ни в других местах, где мы надеялись захватить вожаков, мы никого не нашли. Движение так же стихийно погасло, как и зародилось. Произведя кой-какие аресты, мы на утро объявили город на военном положении.

К вечеру в тот же день на станцию прибыл довольно значительный по величине отряд Шарова.

Настроение среди широких рабочих железнодорожных масс к этому времени сделалось подавленным. Падение Киева и быстрое продвижение немцев, а также события в самом Конотопе и наряду с этим, к сожалению, безобразное поведение некоторых отрядов, проходивших или простаивавших в Конотопе,—все это перед широкими рабочими массами, только «вчера» в своей массе изживших «демократические иллюзии», поднятых стихийным восстанием колоссальной мощи против Центральной Рады во имя Советской Власти, в своей массе еще классово не проанализировавших совершившееся вокруг,—все это, повторяю, вселяло в массу настроения неизбежного поражения движения в целом. Мы попрежнему в широкой рабочей массе находили отклики, но это было сочувствие не активно действующей массы, а массы, не верящей в свои силы, беспомощной, как ей казалось тогда, отворотить неизбежное поражение.

В последних числах февраля, согласно постановлению I-го С'езда открылся II-й крестьянский С'езд, созданный нами по тому же принципу представительства, как и I-й. Этот С'езд самой обстановкой был превращен в манифестацию единства украинского села, его трудовой части, с временно-побеждаемой на Украине пролетарской властью. Горячий отклик вызвало наше обращение к С'езду—к выступлению против наступающей немецкой армии, уже вторгавшейся в пределы Конотопского уезда (Бахмач был накануне падения). Прибывшая на С'езд из Бахмача тов. Бош была встречена бурными овациями, и ее приветственная речь была заслушена стоя и покрыта возгласами: «К оружию!» С'езд протянулся два дня. Необходимо отметить, что общая работа С'езда протекала так, как будто нависшая угроза не может не быть ликвидированной в кратчайший срок, даже если бы нам пришлось оставить Конотоп. В конце С'езда по настоянию большинства делегатов произошли выборы членов в Исполнительный Комитет Совета по одному от каждой волости.

Во время с'езда произошел один эпизод, чуть было не стоивший мне жизни.

В наших местных «Известиях», живших, как и большинство провинциальных газет, перепечатками из столичных, были перепечатаны телеграммы из последних номеров московского «Социал-Демократа». В числе этих телеграмм было и сообщение о взятии немцами Конотопа (так прекрасно обстояло дело с информацией о ходе борьбы с немцами). Понятно изумление командовавшего обороной Конотопа Шарова, когда он прочел эту телеграмму в конотопских-же «Известиях» (наши без разбору ахнули все телеграммы подряд, а я, грешным делом, как и все мы в целом, узнали об этом только тогда, когда меня об этом поставил в известность Шаров).

Во время обеденного перерыва в первый день работ Съезда весь Ревком в полном составе попросили прибыть на станцию в штаб Шарова. Когда мы туда прибыли, нас всех немедленно разоружили, а меня, как председателя Ревкома, попросили в вагон Шарова. Когда я вошел в вагон, навстречу мне поднялся Шаров, изрядно пошатываясь от усталости, или чего то иного, с газетой в одной руке и с кольтом со взведенным курком в другой. Сквозь частую брань и угрозы немедленно на месте покончить со мной и со всеми остальными членами Ревкома, как с контр-революционерами (передаю дословно его выражение), я понял, что причиной его негодования является наша газета, из которой он, наконец, мне и огласил вышеупомянутую телеграмму. Долго старался я его убедить, что тут вкралась скверная ошибка, что ни Ревком, ни редакция никаких контр-революционных замыслов «не преследует» и т. д. Положение мое с каждой минутой становилось все более аховым, так как, чем дальше, тем озлобление Шарова все более усиливалось, а кольт описывал круги у моего лица. Выручила меня из беды тов. Бош Е. Б., которая в это время прибыла в Конотоп и пришла в вагон Шарова, узнав на станции о моем и других товарищей аресте, выяснить причину такового.

Долго пришлось ей уговаривать расхоронившегося Шарова, пока тот отошел. Сошлись на том, что в следующем номере газеты будет от Ревкома сообщение, что телеграмма случайно напечатана и не соответствует действительному положению вещей (так Шаров сформулировал «редакционное опровержение»). Пока что пришлось на это согласиться, после чего и я, и все остальные были освобождены.

Ночью, когда работа Съезда закончилась, мы получили уведомление, что Бахмач взят, что немцы продвинулись от Бахмача верст на 10, и что Конотоп предположено сдать, не давая под ним боя.

Утром 26-го февраля в составе двух эшелонов в количестве до 300 человек рабочих, значительной части делегатов Съезда, нашего конного отряда мы отбыли из Конотопа.

27-го февраля Конотоп был занят немцами.

К 10-му марта мы вновь были неподалеку от Конотопа, сформировавшись в Курске, но уже в составе I-го Конотопского отряда Красной Гвардии, боевой единицей в воровжанском направлении.

Так закончился второй период Октябрьской Революции в Конотопе.

Бахмут.

Апрель 1922 года.

З. ТАБАКОВ.

Румчерод в подготовке Октябрьской революции.

Великая Российская пролетарская революция создала в процессе борьбы своеобразный тип организации, охватывающей широкие рабочие и крестьянские массы и являющейся одновременно и могучим тараном борьбы, и великой положительной творческой формой нового государственного и экономического строительства. Причем эта форма организации и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке неизбежной бывшей Российской империи являлась господствующей, и русские народные массы, спавшие долгое время, выразили во время революции через нее свою волю, в ней же сумели сконцентрировать свою революционную энергию и через нее же проводили ее в жизнь.

На юге таковой организацией был «Румчерод»—Центральный Исполнительный Комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. Деятельность Румчерода, как и всей российской революции, будет в более поздние времена обследована и детально выяснена каким-либо историком, в настоящее же время я хочу поделиться воспоминаниями о деятельности Румчерода, игравшего в революции на юге громадную роль. 10-го мая 1917 г. открылся в Одессе первый Съезд армий Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. На Съезде подавляющее большинство составляли солдаты, затем следовали рабочие, матросы и, наконец, малочисленная группа крестьян. Доминирующую роль играли на Съезде меньшевики, социалисты-революционеры и окрасившееся в бледно-розовый цвет контр-революционное генеральство и офицерство; большевиков, как таковых, почти совершенно не было.

Предварительное совещание Съезда открыл капитан Зарудный, открыл его явно контр-революционной речью, приветствуя «орлов боевых». Президиум Съезда так и составил: Председатель—капитан Зарудный, с самого начала же устранившийся от активного руководства Съездом, когда увидел, что Съезд стал гораздо левее, чем он стоял; социалисты-революционеры—Лорд-Кипанидзе, фактически все время руководивший Съездом, меньшевики—Ланда, Мосеенко и т. Старостин, одесский рабочий. С одной стороны, крайне революционно настроенная солдатская масса, с другой демократически-розовая интеллигенция, разбивающаяся на две части: С.-Р., С.Д. и благородное офицерство. Серая, только-что проснувшаяся масса крестьян—солдат, естественно, сразу подпала под влияние жалкой, ярко окрашенной, все таки дышавшей революцией, фразеологии первой фракции, и инстинктивно чувствовала, встречая недоумевающим протестом, крен направо второй офицерской части. Рабочая группа, во главе которой стоял Н. Н. Мандель-

штам, терялась в солдатской массе, но идейно сыграла огромную роль, фактически оказалась гегемоном, правда, с только начинавшими прозревать глазами, но с глазами правильно предвидевшими дальнейший ход революции и ее сущность. Крестьяне были малочисленны, осью их работы была, конечно, земля, до остального им было мало дела. Матросы, чрезвычайно ярко и сильно революционные, подпали также под влияние интеллигенции с уклоном с одной стороны на словах—налево, а с другой—направо в сторону Зарудного, не сознавая конечно того. Такова была картина первого южного рабоче-крестьянского парламента и вполне соответствовала действительности, стихийно отражая только-что проснувшиеся крестьянско-солдатские, матросские и рабочие массы, их инстинктивные надежды, чаяния и стремления. Словом, С'езд был резервуаром громадной неиспользованной еще революционной энергии и по своему величию этой энергии вполне соответствовал громадному одесскому театру, где он заседал вплоть до 28-го мая. 18 дней необходимо было, чтобы социалистически-настроенная интеллигенция досыта наговорилась и досыта израсходовала в словах свою накопившуюся энергию.

Лейт-мотивом С'езда, естественно, было—«Война до победного конца!», «Поддержка Временного правительства», т. е. коалиции, с пресловутой формулой «постольку-поскольку». Словом, «керенщина», «соглашательство», «социал-патриотизм» и фразы, фразы без конца. Своего апогея, театрального блеска, напоминающего рыцарские времена, внешнего эффекта С'езд достиг в выступлении Керенского, представшего на С'езде в позе не то Наполеона, не то Юлия Цезаря, и сопровождаемого цветами, дамами и женским хором, поющим «Слава!», благо, были оперные силы. Речь Керенского, как все речи Керенского, блестящая, трескучая, фанфаристая, с истерически-драматическим пафосом, касалась, конечно, одного: победа, война до победного конца, соглашение с буржуазией, скрытые угрозы по поводу претензии рабочих взять власть. Керенский и его речь, ясно, должны были произвести и действительно произвели на С'езд громадное впечатление. С'езд, который только переживал зарю революции, начало ее с ее первыми острыми сладкими ощущениями, с ее смутными неясными надеждами, с ее кажущимся единодушием, с ее затушеванными еще классовыми противоречиями, иначе и не мог встретить «социалиста» Керенского. Был-ли представлен на С'езде большевизм, социалистическая революция? Несомненно был. Правда, в незначительных размерах, но был, что также вполне естественно. Таковым было выступление на С'езде от большевиков т. Воронского. «Маленький» т. Воронский имел смелость бросить в революционную, но враждебно настроенную массу лозунги: «Вся власть Советам», «перемирие на всех фронтах», великие лозунги, претворенные в жизнь великой революцией. Каким казался он тогда «маленьким», я даже сказал бы, жалким, когда ему приходилось тогда, среди криков и шума, с отчаянной смелостью бросить свои лозунги в раскаленную атмосферу С'езда.

Помимо т. Воронского, были выступления анархистов тоже с лозунгами социальной революции, но носившими туманный, неопределенный характер и также скоро позабытыми С'ездом. Были выступления и

справа, носившие крайне скрытый, неопределенный характер. Таковым было выступление полковника Верховского, будущего военного министра, с скрытыми угрозами революции и крайним партиям, но все это носило замаскированный характер, ибо тогда еще было не время вскрывать классовые противоречия, развернувшиеся потом в грандиозной революционной борьбе.

Несмотря на то, что большевизм, социалистическая революция, занимали на Съезде слишком незначительное, скромное, едва заметное место, но... Съезд таил в самом себе, в своей массе крестьян и рабочих, такую колоссальную классовую ненависть к помещикам, капиталистам и их приспешникам, политическим партиям и государственному буржуазному строю. С другой стороны—классовое влияние рабочей группы. Соединение этих двух факторов сделали «Румчерод», несмотря на его исключительно меньшевистски-эсеровский характер, в силу объективных условий нашей революции, настоящей революционной организацией.

На Съезде были выработаны организационные формы работы будущего Центрального Исполнительного Комитета, который ярко и полно и первый раз в российской революции в точности представил те же организационные формы будущих большевистских Исполкомов Советов, являющихся одновременно властью законодательною и исполнительною. Организационные формы и положение о Румчероде были выработаны при большом участии т. Мандельштама, с.-д. интернационалиста и далеко не большевика в то время.

Центральный Исполнительный Комитет, Румчерод должен был иметь, и в действительности имел, следующие секции: продовольственную, организационную, культурно-просветительную, военную, земельную, медико-санитарную, транспортную, связи и фин-счетную. Таким образом, все почти отделы будущих большевистских исполкомов были налицо в меньшевистски-эсеровском Румчероде; заведующие секциями составляли исполнительное бюро, во главе же стоял президиум. Таким образом, меньшевистски-эсеровский Съезд и Румчерод, в силу объективных условий нашей революции, должны были свою практическую работу, а не словесную, политическую, построить по типу большевистских будущих Советов, и это должны были сделать в самом начале революции, вся же словесная и политическая шумиха оказалась ни к чему негодной, ветхою, которую смела с своего пути тяжелая революционная необходимость российской действительности. Состав первого Румчерода соответствовал вполне составу Съезда; большинство составляли с.-р., социал-демократы-меньшевики и интернационалисты, была немногочисленная группа беспартийных, затем была образована группа «украинцев», куда вошли с.-д. и с.-р. и даже анархо-синдикалист-черносотенец,—Туз; большевиков было трое и то попавших в Румчерод контрабандой.

Социал-революционеры, во главе которых стояли Брейман, присяжный поверенный и Лордкипанидзе, будущий министр Грузии, по своему обыкновению, не сумели играть доминирующей роли и разделяли власть в Румчероде с социал-демократами, среди которых большую роль играли интернационалисты во главе с т. Мандельштамом; среди с.-р. были левые: Зможный, Лисовский и Авраменко.

Таким образом, все течения российской революции были представлены в первом Румчероде с сильным правым флангом, центром и крайне незначительным левым флангом.

Казалось, что Румчерод с таким составом будет копией всех других меньшевистски-эсеровских советов и комитетов, но объективные условия нашей революции, отдаленность от Питера и требования непосредственной действительности сделали с Румчеродом то, что и со Съездом. Румчерод стал фактической властью, как для Румынского фронта, так и для Одесской области, в которую входили три губернии: Херсонская, Бессарабская и Таврическая, властью, обладавшей громадным авторитетом, с которою считались и Керенский, и генералы, и рабочие, и крестьяне, и ее не могли уничтожить ни Керенский, ни частые поездки с.-р. и меньшевиков в Питер, ни частые наезды лидеров меньшевиков и с.-р. из Питера. Керенский, постепенно принужденный ходом революции раскрывать свои карты, в секретной телеграмме генералу Эбелову предлагал зорко следить за Румчеродом, являющимся «большевистским гнездом». Эту же секретную телеграмму генерал Маркс передал в Румчерод. В этом то именно сказалась ирония истории и нашей революции, когда Керенский эсеровски-меньшевистский Румчерод должен был назвать «большевистским гнездом».

Секции Румчерода проводили колоссальную практическую работу, требуемую фронтом и Одессой, ту работу, какую сейчас несут отделы наших Исполкомов на местах, при чем, естественно, несмотря на присутствие комиссаров Керенского как на фронте, так и в Одесской области, и даже вопреки им, за отсутствием руководящего Центра, Румчерод принужден был фактически действовать помимо Питера и вопреки ему. Румчерод в своей работе делал то, что диктовала жизнь фронта и области, только один Черноморский флот, опять таки в силу тенденции нашей революции, действовал самостоятельно, но и он в решительные для революции минуты шел единым фронтом с Румчеродом.

Большевизм в начале революции в Одессе и в области был слабо развит, и Одесский Комитет слабо влиял на ход событий в Одессе и на солдатские и рабочие массы. И только стихийный прогресс революции, качнувший после корниловских дней всю рабочую и солдатскую массу влево, на широкую дорогу большевизма и социалистической революции, повлиял на одесские массы и сделал их большевистскими,—и Одесскому Комитету, отклонившемуся только в июне от меньшевиков, оставалось только вносить сознательность и организацию в большевистски настроенные массы. Во время корниловщины солидарность, охватившая всех, сделала свое дело в Одессе и на фронте, и никаких болезненных явлений корниловщина не вызвала.

Августовское совещание, на которое были делегированы без всяких директив члены Румчерода, оказало уже растлевающее влияние как на с.-р., так и на меньшевиков, отмежевало ясно лагерь, разбило Румчерод на ясно выраженные группировки с.-р., и большинство меньшевиков заняло ясно определенную правую позицию, центр перестал быть решающим, левая группировка из левых с.-р. и большевиков, число которых увеличилось т. Курским, теперешним Народн. Комиссаром юстиции, окончательным отмежевалась, и

Румчерод, несмотря на усилия Мандельштама, стал уходить еще правее в своей политической линии, продолжая свою работу, но не с тем размахом, как раньше, и занял какую-то в общем неопределенную, выжидательную позицию. Отмежевались к тому времени и украинцы и заняли ярко выраженную украинизаторскую позицию и стали накапливать свои силы как в Одессе, так и на фронте. Большевизм нарастал в Одессе и на фронте, и к октябрьскому перевороту Румчерод представлял неопределенную аморфную силу. При первых известиях о перевороте в Питере он растерялся и не знал, как реагировать. Начались бесконечные пленарные заседания, которые Румчерод вообще любил устраивать и продолжать иногда чуть-ли не двое—трое суток.

И здесь то сказалось противоречие между объективным ходом революции и составом Румчерода.

После долгих прений левой группировке, после отклонения резолюции, приветствовавшей переворот, удалось провести резолюцию, в которой Румчерод, не осуждая и не одобряя переворота, не считает возможным оказать помощь Керенскому войсками Румынского фронта. Правые с.-р. категорически потребовали снятия войск с фронта и отправки их Керенскому на помощь Питеру: это они в состоянии были сделать, тем более что на фронте в их распоряжении имелись организованные ими же охранные роты; правые с.-д. заняли такую же позицию, но центр, во главе с т. Мандельштамом, и при поддержке левой группировки, отклонил это требование тремя голосами, и Румчерод не принял никаких мер помощи Керенскому. На запрос председателя общеармейского комитета всех фронтов т. Перекрестова, члена Румчерода, считавшего Румчерод высшей инстанцией, что делать, посылать войска или нет, было отвечено: войск с фронтов не снимать, к Питеру не посылать и ждать распоряжений Румчерода.

Но после того, как правая группировка увидела ясно, что, несмотря на свое большинство, потеряла свою позицию по такому важному вопросу, пустила в ход партийную дисциплину, но не надеясь и на нее, стала собирать подписи членов Румчерода под другой резолюцией, осуждающей переворот, и, собрав таковые, созвала новое пленарное заседание, на котором, несмотря на ожесточенную борьбу центра, во главе с Мандельштамом, и левой группы, свою резолюцию провела, реабилитировав себя как правоверных с.-р. и меньшевиков.

Но было уже поздно. В Питере победа осталась за рабочим классом, первая резолюция была уже напечатана в органе Румчерода же. Время ушло, и никакого практического применения не могла уже иметь и не имела, помимо того, что после этого Румчерод стал еще больше разлагаться и упускать из рук свое влияние.

После этого Румчерод в политическом смысле перестал существовать, события развивались помимо него, революция на юге и на фронте вступала в свои права, и Румчероду оставалось пассивно смотреть на развивающиеся события, что он и стал делать вплоть до второго съезда, продолжая однако свою практическую работу.

В чем заключалась и к чему сводилась роль левой группировки в первом Румчероде?—Мы старались тянуть Румчерод влево и лишать

его возможности приносить вред революции; делали это путем использования борьбы различных группировок в Румчереде, и это нам удавалось делать.

Но революция развивалась, стали намечаться стихийные революционные выступления рабочих и солдатских масс, стала выступать на сцену все чаще и чаще улица, и чувствовалось в воздухе, что те силы, которые действовали скрыто, должны были вырваться наружу и разрешить свой спор в открытой революционной борьбе с оружием в руках,—словом, приближался Одесский Октябрь, который естественно должен был быть позднее. В начале декабря произошло столкновение красной гвардии с украинцами, сторонниками Центральной Рады, кончившееся в нищю: украинцы оказались сильнее, но власти захватить не могли; Румчерод, имевший в своем распоряжении определенную воинскую часть, занял примиряющую позицию и только своим весом не допустил захвата власти украинцами.

Надо было созвать второй съезд, переизбрать Румчереда. Была создана комиссия, в которую вошел и я, при чем остальные члены комиссии прямо заявили, что работать по созыву съезда не станут, так как съезд будет большевистский, и мне самому пришлось вынести на своих плечах работу по созыву и организации съезда, на котором присутствовало около полутора тысячи человек. Со стороны Румчереда не принималось никаких мер к тому, чтобы съезд состоялся, наоборот, отношение Румчереда и одесских властей было таково, чтобы съезд сорвать, но съезд, вопреки всему, состоялся, и прошел с большим подъемом.

На втором съезде большинство было за большевиками и левыми с.-р., была также довольно сильная украинская группа, правые с.-р. и меньшевики в незначительном меньшинстве. Вообще украинская Рада обладая в то время большой военной силой, могла бы смело разогнать съезд и захватить Одессу, но не решалась открыто выступить, зная великолепно, что фронт за нами, и что одесские рабочие в своей массе стояли за нас. Это дало нам возможность организовать силы революции и дать Раде бой в подходящий для нас момент.

Т. Володарский, приехавший из Питера на съезд, сыграл в этом отношении решающую роль. На узком совещании т. Володарский ясно и определенно поставил перед нами вопрос, почему в Одессе до сих пор не захвачена власть.

Т. Юдовский должен был ответить, что в Одессе нет настоящих большевиков. Но как т. Володарский, так и т. Юдовский не были правы. Объективные условия, как на фронте, так и в Одессе еще не созрели в то время для захвата власти, потому что Одесса гораздо позднее вступила в революцию и условия были совершенно иные, чем на севере.

Мы имели перед собой одесский пролетариат и матросов, только недавно начавших освобождаться от правых иллюзий, и фронт, громадные армии которого еще хорошо не знали, что делать, воевать-ли с немцами, с румынами, с своими генералами, или с украинцами, которые стремились к стихийной демобилизации и которым румыны и генералы не позволяли уходить с фронта.

Но все таки вопрос был поставлен т. Володарским на очередь дня, а также и съездом.

Съезд явно и решительно стал за лозунги октябрьской революции и объявил Румчерод единственной властью на фронте и в Одесской области. Да другой власти уже и не было, была только борьба за власть, еще однако нерешенная и требовавшая своего разрешения.

Вновь избранный Румчерод сразу занял решительную боевую позицию и повел работу в двух направлениях одновременно: продолжая, с одной стороны, практическую работу первого Румчерода, с другой—подготавливая захват власти в Одессе и устранение имеющихся препятствий к этому в лице штаба округа и украинской Рады.

Немедленно и быстро развернулись старые секции Румчерода, наполненные на этот раз совершенно другими силами. И приходится удивляться, с какой громадной силой революция вскрывает и реализует таящиеся в крестьянских и рабочих массах силы: серая солдатская масса, составляющая массу членов Румчерода, сразу приспособилась к новой работе, сразу вошла в курс практической работы. Большевистский Румчерод сразу поднял выпавшую из рук меньшевиков и с.-р. работу, и машина заработала полным ходом.

В Одессе нарастал революционный процесс в широких рабочих и матросских массах; он требовал организации и выхода, и нам оставалось только взять руководство движением в свои руки. Был создан военно-революционный комитет под председательством т. Юдовского, председателя Румчерода. В комитет этот входили как большевики, так и левые с.-р. Военно-революционный комитет повел прежде всего агитацию, при помощи организовавшихся украинских большевиков, среди гайдамаков Украинской Рады, имевшихся в Одессе в количестве десяти тысяч человек, прекрасно к тому же вооруженных, и представлявших вполне обученное регулярное войско. Одновременно был выделен фронтовой отдел в Кишиневе для руководства армиями фронта и для вывода их из под удара румын, начавших ставить уже свои заслоны позади наших армий, не допуская их возвращения в Россию с оружием, захватывая все вооружение и колоссальное имущество Румынского фронта, в чем им усердно помогали украинцы и белые генералы во главе с генералом Щербачевым. Тогда уже было видно, что белые генералы согласны скорее продать иностранцам родное имущество, чем дать его восставшему своему же народу.

На мой вопрос, поставленный мною в Белграде начальнику штаба 6-й армии, какие меры приняты им по выводу 6-й армии из Румынии и спасению ее имущества, он ответил, что распоряжений от генерала Щербачева не получил, и вообще нечего опасаться румын, и это было тогда, когда один из сибирских корпусов вел бой под Галацом с окружившими его румынами за право вывезти свое военное имущество на родину.

В 4-й армии власть была захвачена большевиками, во главе с Кондурашкиным, но также была упущена быстро, после ареста Кондурашкина и его штаба гайдамаками совместно с румынами. Фронтовой большевистский комитет, избранный на конференции большевиков-фронтовиков в Кишиневе

еще раньше во главе с т. Корневым, сделал попытку захватить власть в Яссах, был также арестован и сидел в тюрьме в Яссах. Армии были предоставлены самим себе и стихийно стремились уйти из Румынии. Необходимо было вывести их более или менее безболезненно и спасти имущество фронта, при чем мы стремились удержать их на линии Дуная и Прута. Для всей этой работы и был послан в Кишинев фронт-отдел, которому в скором времени пришлось стать полевым штабом в вооруженной борьбе с румынами в Бессарабии, поведшими наступление по всей линии Прута, в направлении к Кишиневу и Днестру. В Бессарабии, в которой еще в сентябре съезд советов провел резолюцию «вся власть Советам!» пришлось столкнуться с продажным сфатул-цери, державшимся до появления румын выжидающе.

Были даны также директивы фронт-отделу, стягивать войска к Кишиневу и Одессе для того, чтобы иметь военную силу и для борьбы с гайдамаками и украинизированными войсками, стоявшими на стороне Украинской Центральной Рады. Одновременно с этим в Одессе создавалась военная сила для предстоящей борьбы; суда Черноморского флота «Ростислав», «Синоп» и «Алмаз» были на нашей стороне. Крейсер «Память Меркурия» выкинул желто-благитный флаг и стал на сторону Рады.

Одесским рабочим было роздано 20 тысяч винтовок через завкомы, красная гвардия была немногочисленна, но под руководством т. Чижикова ждала только момента.

Одесское население в своей массе, начиная от буржуазии и до рабочих, было проникнуто острой ненавистью к Украинской Раде. Естественно, что момент открытой борьбы приближался, и только президиум Румчерода сдерживал массы, ожидая, когда спелый плод, в силу своей зрелости, должен был упасть в его руки.

Все время с начала работы большевистского Румчерода с 23 декабря по 13 января 1918 г. ушло с одной стороны на подготовку восстания и вывод войск с вооружением из Румынии и в борьбе с ней.

Население Бессарабии заняло определенную позицию к Румчероду, к большевикам, Украинской Раде и Румынии. Южная часть Бессарабии, болгары, приезжали в Румчерод за оружием, что им и давалось.

Молдаване в своем огромном большинстве были также за советскую власть, за большевиков, против сфатул-цери и Румынии, понимая, что землю они могут получить от помещиков только при советской власти; большевистский комитет в Кишиневе, организованный перед выборами в Учредительное Собрание, вел довольно успешную работу среди еврейских масс Кишинева, что же касается русского и украинского населения Бессарабии, то оно всецело было на стороне российской революции. Войска, стоявшие в Бессарабии, произвели громадную работу, вовлекая отсталое население Бессарабии в процес социалистической революции.

Такова была ситуация перед октябрьским одесским переворотом.

13-го января ночью дано было согласие президиума Румчерода Ревкому на захват власти; при чем ни одесский Совет, ни Румчерод, как таковой,

не знали о предстоящих событиях. Того же 13-го января ночью, Чеховской, посланный Украинской Радой, пришел в Румчерод с предложением войти в соглашение с Румчеродом разделить власть.

Ему было сказано, что на другой день можно будет устроить совместное заседание, но и Чеховской и Рада знали, что события надвигаются и никакое соглашение невозможно.

В ночь на 14-го января отряды Ревкома безболезненно заняли все учреждения и арсеналы Одессы: штаб, почту, телефонную станцию и т. д.

Рада оставила тогда же занимаемый ею Английский клуб и перенесла свой штаб поближе к своим куреням. Начальник округа, полковник Поплавко, еще раньше удрал в Киев. При захвате учреждений не было пролито ни капли крови. Таким образом Румчерод стал фактической властью в Одессе.

Но Рада имела в своем распоряжении вооруженные силы и, естественно, без борьбы не хотела упускать власти.

14-го января Радой был представлен Румчероду ультиматум: сдать все учреждения, в противном случае они открывают бой. На другой день им было отвечено, что власти не сдадут, а бой они могут открыть. И бой был открыт ими 15-го января, что подтверждает непреложную истину, что имущие классы добровольно от власти не отказываются, и если кто и начинает проливать кровь, то только они, и они же принуждают рабочих взяться за оружие.

На другой день бой начался осадой штаба броневиками Рады. В распоряжении Ревкома были матросы и судовая артиллерия, на другой стороне были 10 т. гайдамаков, прекрасно вооруженных, с артиллерией и броневиками.

Был открыт огонь из судовой артиллерии, и на эту бомбардировку Одессы опять же принудила Рада. Силы были неравны, но рабочие массы, крайне возбужденные и вооруженные, были на нашей стороне; гайдамаки и Рада не чувствовали правоты своего дела, на нашей же стороне было сознание глубокой правоты, и эти все вместе взятые факторы сделали то, что после трехдневных боёв рабочие массы взяли вверх над вооруженной организованной военной силой, и победа осталась на их стороне. В боях участвовали рабочие, и рабочие решили исход борьбы; одесский пролетариат завоевал свой октябрь, совершил свою революцию и своей кровью завоевал власть. Гайдамаки должны были пойти на капитуляцию, Рада улетучилась из Одессы. Таким образом, в Одессе определенно рабочие массы решили судьбу боя, а не судовая артиллерия и ничтожная военная сила из матросов и солдат, подоспевшего белградского отряда из пятисот человек.

Одесский пролетариат, несмотря на различные свои колебания, до и после этого определенно показал себя достойным и способным начать свою тяжелую в невероятных условиях проходящую революцию.

Много раз затем одесский пролетариат, под влиянием тягчайших условий, колебался от одной партии к другой, видел различные власти, но во время январских боев 1918 г. выявил свое настоящее пролетарское лицо и победил. Победа в январе 1918 г. была исключительно делом одесского пролетариата, а не партии, не различных группировок.

Ясно, что после победы одесских рабочих власть всецело перешла как в Одессе, так и в Одесской области к Румчероду. Бессарабия стала определенно на сторону Румчерода и в борьбе наших армий с румынами всецело боролась рядом с нами и, пядь за пядью отступая под напором румын и гайдамаков, отступила вместе с нашими войсками к Днестру. Целые села, имевшие оружие, давали бой румынам и отступали только тогда, когда румыны артиллерийским огнем сносили их села.

Кишинев, к которому несколько раз подступали румыны и гайдамацкие банды под командой русских генералов, отбивался от них при участии всего населения и, наконец, вместе с фронт-отделом Румчерода и нашими войсками должен был отступить к Днестру в середине января.

При чем 10-ая и 8-ая армии более или менее безболезненно ушли из Румынии, 4-ая и 6-я оставили почти все свое вооружение или в Румынии, или в Бессарабии.

С захватом власти и выходом на линию Днестра начинается новый период в деятельности Румчерода. Был организован Областной Совнарком; секций Румчерода стали комиссариатами Одесской Области. Председателем Румчерода и Совнаркома был т. Юдовский, члены Румчерода перешли в соответствующие комиссариаты, которые, собственно говоря, продолжали работу секции Румчерода,—проще говоря, Румчерод стал областным Исполкомом с обычной структурой и обычной же работой; это тем более было легко сделать, что структура Румчерода с самого своего основания соответствовала структуре современных Исполкомов. Одесский Совет, и раньше не игравший большой роли, и теперь таковой не играл, хотя и были попытки, правда, неудачные и не приведшие ни к чему хорошему, объединить работу президиумов Одесского Совета и Румчерода.

Одним из первых шагов Румчерода после захвата власти было предупреждение погромов и резни буржуазии. Темные элементы возбуждали в матросах хищнические инстинкты и старались сеять анархию, но Румчероду определенно удалось предотвратить резню буржуазии. Порядок в Одессе был образцовый, чему много помогло осадное положение, когда было уничтожено достаточное число одесских воров и бандитов т. Гурьевым. Фабрики и заводы перешли в фактическое владение рабочих, которые смотрели на них как на свою собственность и продолжали работать. Было обращено внимание на транспорт, на банки и на изъятие ценностей у буржуазии, почту, телеграф, на снабжение Одессы продовольствием. Вообще органическая работа не прерывалась ни на одну минуту и не представляла больших трудностей для Румчерода, а затем и для Совнаркома, т. к. ее вел еще первым Румчерод, от которого она перешла преемственно в секции 2-го Румчерода и, наконец, в соответствующие комиссариаты области.

Почему был образован Одесский Совнарком? А очень просто—Питер был далеко, связи с ним регулярной не было, в Киеве была Рада, в Харькове ЦИК, с которым также не было регулярной связи, и, наконец, Одесса вообще стояла на стороне Великороссии, а не Украины, меньше всего по своему интернациональному составу склонная к украинскому шовинизму. Естественно, что при таких условиях необходимо было организовать областное

правительство; такие областные правительства самым ходом вещей были выдвинуты и в других местах. Самый ход революции этого требовал в то время.

Но главное внимание Румчерода было обращено не на положительную творчески-хозяйственную работу. События надвигались с головокружительной быстротой, некогда было думать о творчестве, надо было защищать революцию чисто военным путем, и главные усилия Румчерода, да и Совнаркома были направлены на организацию военной защиты и на внешнюю политику, тесно связанную с первой задачей. Такова уже судьба нашей революции, что она ни шагу не может ступить, чтобы не натолкнуться на внешнюю политику.

Этими двумя вопросами и занимался Румчерод февраль и март 1918 г., и когда т. Юдовский остался лишь председателем Румчерода, а председателем Совнаркома был назначен т. Старостин, Румчерод отграничил себя от Совнаркома, передав ему всю практическую работу и оставив себе лишь общее руководство, военную и внешнюю политику.

И в этих двух вопросах приходилось действовать в полном контакте и с Совнаркомом и Верховной комиссией по русско-румынским делам, работавшей под председательством тов. Раковского, куда входили представители Румчерода. Здесь придется сказать, что работа Румчерода в этих двух направлениях сводилась к организации армии, защищавшей Днестр от румын и к ведению переговоров с представителями западно-европейских государств и с Румынией.

В смысле обороны Днестра было сделано следующее: открыта добровольная запись в Красную Армию, отряды которой, правда, необученные и недостаточно дисциплинированные, отправлялись на Днестр; организовывались отряды в самой Одессе, перебрасывались отряды из Севастополя. В Тирасполе был организован полевой штаб из фронт-отдела Румчерода; в Одессе штаб Округа. Приехал, наконец, Муравьев защищать Днестр с своими армиями, как он говорил, с которыми он брал Киев. Муравьев много шуму поднял в Одессе, играя роль Наполеона, спасителя Питера от Керенского, грозил снести Одессу, не оставив камня на камне, играл на низких инстинктах матросской массы и, наконец, уехал на Днестр организовывать наступление на румын. В общем и целом он вполне считался с Румчеродом, выполнял его распоряжения и не шел против него, но в конце концов с своими армиями ничего не сделал, ибо его армии были лишь на бумаге, и Одессы не спас от немецкого наступления. Румчеродом все таки была организована некоторая военная сила, правда, не особенно высокого качества, но которая действительно обороняла Днестр от румын а затем и от немцев, и которой румыны побаивались. Эта же армия давала возможность вести активную внешнюю политику, которой руководил т. Раковский, который также, к чести его надо сказать, вполне согласовывал свои действия с действиями Румчерода.

Начались сношения с заграничными представителями из-за ареста румынских подданных и конфискации румынского имущества, находящегося в Одессе. Когда проявилась агрессивная политика Румынии по отношению

к нашим армиям, в захвате колоссального имущества Румынского фронта и, наконец, в военной оккупации Бессарабии, мы принуждены были объявить войну Румынии, арестовать румынского консула, многочисленных представителей румынской буржуазии, проживающей в Одессе, объявить конфискованными румынские склады, находящиеся в Одессе и, наконец, обратиться с протестом ко всем западно-европейским государствам по поводу наглого поведения Румынии.

Консулы западно-европейских государств, во главе с итальянским консулом, явились в Румчерод с просьбой освободить румынских подданных, которые содержались на «Алмазе». Им было заявлено, что мы находимся в состоянии войны с Румынией, захватившей Бессарабию, арестовавшей в Яссах и на фронте многих наших товарищей, зверски убившей т. Рошаля, и поэтому мы принуждены были арестовать румынских подданных, при чем их пришлось успокоить насчет полной безопасности, хотя и находящихся на «Алмазе», румын, было дано право снабжать их продовольствием. И действительно матросы вполне корректно относились к румынам, и из них никто не пострадал. Были попытки внести примирение в отношения между нами и Румынией—была отправлена в Яссы депутация с Терзиевым и Брашеваном, затем оказавшимися шпионами румынского правительства, но эта депутация, получившая аудиенцию у Братиано, ничего не добилась и являлась определенным ходом со стороны румынского правительства, желающего выиграть лишь время, сильно боявшегося нашего наступления и восстания в Бессарабии в связи с ним, да и у себя дома. Несколько раз объявлялось перемирие, приезжали в Румчерод румынские офицеры, которые при помощи тех же представителей Запада и при участии французского капитана, фамилию его не помню, вырабатывали различные предложения и условия, но все эти действия их сводились лишь к одному—выиграть время и отдалить момент нашего наступления.

В результате всех этих переговоров был заключен мирный договор, по которому Румыния обязалась очистить Бессарабию в течение трех месяцев, по мере эвакуации своего имущества.

Затем началось наступление немцев на Петроград, получилась телеграмма т. Троцкого с формулой: не воюем, но и мира не заключаем, затем телеграмма т. Ленина: не выполнять приказа т. Троцкого и заключить мир. Одесса чувствовала, что решается ее судьба, что против немцев не устоять, что придется сдавать Одессу и принять меры к эвакуации громадного имущества, имеющегося в Одессе. Были направлены отряды в направлении Жмеринка—Бирзулы, но ясно было, что устоять против немцев невозможно. Организован был штаб, который должен был окружить Одессу колючей проволокой и укреплениями, но штаб по своему составу был сомнителен и, конечно, никакой защиты не организовал. 6-го марта я выехал из Одессы на пароходе в Севастополь для поездки в Москву на Всероссийский Съезд Советов и также за деньгами для Одессы. В Севастополе застал т. Спиру, левого с.-р., руководителя Черноморского флота; т. Спиру ругал Одессу, Румчерод за предполагаемую им сдачу Одессы, угрожая, что разнесет судовой артиллерией Одессу, а не сдаст ее добровольно немцам; говорил, что

он организует защиту Перекопа, запретя в Крыму и немцев туда не пустит. Все эти слова не помешали ему сдать Крым и Севастополь, и естественно, ибо против немцев того времени мы не могли устоять и в общероссийском масштабе. Одесса должна была пасть, и никакой Румчерод ее спасти не мог; так и было. 13-го марта немцы заняли Одессу, и Румчерод должен был эвакуироваться, не эвакуировав Одессы и оставив там громадное количество различного имущества.

Румчерод, пространствовавший некоторое время, объявил себя распущенным, выделив из себя небольшую группу, которая, собственно говоря, ничего не делала, наконец, была вызвана в Москву т. Свердловым, куда и был привезен архив Румчерода.

ХРИСТЕВ.

Парторганизация и октябрьский переворот в Елисаветграде.

Для характеристики возникновения елисаветградской* организации Р. С. Д. Р. П. (б-ов) необходимо указать на развитие елисаветградской организации Р. С. Д. Р. П. (Об'единенной), из которой впоследствии возникла организация б-ов.

В 1917 году после февральской революции в городе Елисаветграде приблизительно числа 5—10 марта начал легально организовываться комитет Р. С. Д. Р. П. (Об'единенной), который, нужно сказать, как и все остальные политические организации, как-то: С.-Р., К. Д., сионистов и анархистов пользовались довольно большим авторитетом среди рабочей массы.

Вначале учесть те силы, которыми располагала Об'единенная организация Р. С. Д. Р. П. не было возможным, при чем в периоде организации уже выявилось течение, представляемое некоторыми т.т. более левого направления. Этими товарищами, видевшими то буржуазно-демократическое направление в работе Р. С. Д. Р. П. (Об'единенной), которое проводилось ими в рабочей массе, и было положено основание группы большевиков. Этими товарищами были: Добровольский, Дашевская, Трук, Карповский, Соловьева, Коневская и Волкац.

Об'единенная организация быстро разрослась, приток членов был колоссальный. Правда Об'единенная организация имела опытных лидеров. Одним из более выдающихся по нашему масштабу был председатель Об'единенной организации тов. Гамсинский. Собственно говоря, в апреле месяце в Об'единенной организации выявилось три направления. Подавляющее большинство, руководимое т. Гамсинским, составляли оборонцы, небольшая группа интернационалистов, этих, поистине, путающихся в ногах революции недорослей, и упомянутая выше группа большевиков, насчитывающая в своих рядах 7 человек, сплоченное и крепкое ядро, которое с первого же дня существования, начало завоевывать симпатии более передовых рабочих и солдат. Правда, в первое время эти рабочие и солдаты не примыкали к нашей группе официально, но очень часто поддерживали ее. Бывали случаи, когда некоторые товарищи из группы большевиков колебались, при решении тех или иных вопросов, но виноваты в этом были объективные причины, в которых приходилось работать, как-то: отсутствие связи с каким либо руководящим центром большевистского движения, отсутствие литературы, а также соответствующего опытного руководителя, так как почти вся группа большевиков, за исключением тов. Добромильского, были рабочие от станка и солдаты. Мне вспоминается один характерный факт такого колебания, во время обсуждения вопроса о наступлении на русско-германском фронте, которое так рьяно проповедывалось оборонцами. Мною была предложена резолюция о немедленном прекращении наступления и брато-

убийственной войны, которая велась во имя империализма и недостаточно-разжиревшей буржуазии, при голосовании за которую часть группы б-ков воздержалась. Впоследствии выяснилось, что многих товарищей остановила от голосования за эту резолюцию резкость изложения. Но зато при обсуждении вопроса о «Займе Свободы» группе б-ков удалось привлечь на свою сторону порядочное количество голосов меньшевиков, понятно, из рабочей среды, которые тогда вполне определенно указали нецелесообразность и ненужность займа свободы, который всей своею тяжестью ложился на плечи пролетариата.

В периоде организации нашей группы мы пользовались большими симпатиями со стороны Федерации анархистов и, как это ни странно, и со стороны социалистов-христиан и евангелистов, которые, указывая на нашу группу, говорили, что мы добиваемся истины для блага поработанного народа, хотя они прекрасно знали, что мы, как материалисты, отрицаем существование религии.

В июне месяце 1917 года наша группа б-ков начала разрастаться, к нам начали примыкать меньшевики, с.-р., максималисты и террористы, которые начали раскусывать ту политику, которую проводила в жизнь их организация, в общем она уже насчитывала 25—30 товарищей. В сравнении с общей массой членов объединенной организации это было ничтожное меньшинство (около 6—7%), хотя было в свою очередь гораздо многочисленнее меньшевиков (интернационалистов). В конце мая или в начале июня, точно не помню, приехал из Питера тов. Закс (Гладнев), который был связан с Ц. К. нашей партии. Ясно, что с того момента началась более интенсивная работа нашей группы. Самое большое внимание было обращено на совет Р. К. и С. Д. Представители нашей группы были в Совете, но эти товарищи прошли еще по старому списку меньшевиков и эс-эров, и, впоследствии примкнув к нашей группе, тем самым являлись уже нашими представителями в Совете. Пославшая их масса при последующих пере выборах вотировала и снова посылала в Совет. Таким образом группа б-ков все больше и больше развивалась, завоевывала симпатии и пользовалась авторитетом, ибо с того момента, когда мы почувствовали под собой почву в смысле связи, которую собой осуществлял тов. Закс, нами началась вестись более широкая агитация вне стен организации, ибо вначале мы занимались только дискуссиями по вечерам в клубе, где собирались меньшевики всех толков, эс-эры, анархисты,—словом, все, кто интересовался революционным движением; должен отметить, что меньшевикам приходилось очень туго во время дискуссий: группа б-ков чуть ли не с самого начала приняла самое активное участие в организации фабрзавкомов, а также и в работах по выборам в Совет. Преимущественно работа проводилась среди войсковых частей Елисаветграда, лазаретов и, отчасти, рабочих. 14 июня 1917 года была спровоцирована 454 пехотная дружина, которая выступила против безобразничавших на вокзале юнкеров Александровского Юнкерского училища, находящегося в городе Елисаветграде. Была маленькая вооруженная стычка, которую приписали нам. Я помню, что тогда мне пришлось с тов. Заксом отправиться туда для того, чтобы помешать этой стычке, но мы пришли тогда, когда борьба была в самом разгаре и

понятно ничего сделать не могли. Были жертвы со стороны солдат 454 дружины, а также и со стороны проходившей публики. Жертвы, которые понесли солдаты, объясняются тем, что они были дезорганизованы и по сравнению с юнкерами скверно вооружены. Упрек, брошенный нам со стороны меньшевиков, что якобы мы устроили это выступление, был ни на чем не обоснован, ибо здесь была просто чья-то злостная провокация, но, как говорится, «у страха глаза велики», и меньшевики, имевшие основание нас бояться, приписали нам такие вещи, о которых мы, понятно, не имели представления. Это обвинение заставило нас призадуматься над теми формами агитационной борьбы, которую мы должны были вести в будущем с меньшевиками. Меньшевики-же, с своей стороны начинают нас урезывать и стеснять. Приехавшему в то время тов. Заводовскому—большевику—предлагается вне стен организации не выступать, о чем с него берут честное слово, так что приехавшие к нам из центра б-вики сразу обезвреживались с точки зрения меньшевистской. В июле месяце в Елисаветграде были получены известия о июльских событиях. Это известие было ударом грома с ясного неба, тем паче, что мы не знали, как реагировать на это выступление, а у меньшевиков и прочей братии, что называется, от радости слюнки потекли. Против нас была поведена определенная кампания травли. В то время, когда мы были уверены, что это нечто стихийное и б-вики меньше всего виноваты в этом выступлении, наша группа постановила, впредь до выяснения этого события, от агитации воздержаться, правда, не все члены последовали этому постановлению, так как поневоле приходилось отвечать на нападки меньшевиков. Несмотря на то, что в первый момент мы растерялись, мы очень быстро оправались и продолжали вести работу дальше; в это же время нам удалось связаться с Областкомом Р. С. Д. Р. П. б-ков в Харькове, если не ошибаюсь с тов. Бош.

В августе месяце у некоторых т-щей начала возникать мысль о расколе: эту мысль впервые пришлось мне на одном из совещании группы формулировать. Должен отметить, что представитель центра тов. Закс, высказался против раскола, руководствуясь тем, что у нас мало, так сказать, квалифицированных сил, для самостоятельной работы (ниже мы увидим, что в момент раскола мы большими силами не располагали). В группе было до сорока товарищей; в нашу среду вошли три или четыре интеллигента, которые особой активности, к сожалению, не проявили. Самые активные элементы группы состояли преимущественно из рабочих и тов. Закса: В это время вошел в группу рабочий завода «Эльворти», бывший эс-эр—максималист т. Гуляницкий, в высшей степени сознательный и преданный делу революции товарищ, пользовавшийся популярностью и авторитетом среди рабочих, и, как мы увидим ниже, сыграл большую роль в перевороте. В сентябре приехал в Елисаветград тов. Зорин, прекрасный оратор, мѣссовик, который в самый незначительный срок приобрел себе такую популярность и авторитет, что рабочие, которые не разделяли программу Р. С. Д. Р. П б-ков, очень часто после выступления тов. Зорина выступали, как настоящие б-вики. Приезд тов. Зорина несомненно помог росту нашей группы. Низадолго до приезда тов. Зорина в Елисаветград

прибыла 9-я авто-рота; понятно, что меньшевики старались ее завоевать, но так как в этой роте было несколько человек б-ков, которые успели связаться с группой, они сообщили нам о том, что меньшевики готовятся устроить митинг, мы отправили своих представителей, преимущественно рабочих и, несмотря на то, что меньшевики послали отборных представителей своей идеологии, нам удалось их очень быстро разбить, меньшевики были освистаны и им предложено было в авто-роту больше не показываться. Мы же, учитывая ту массу, которая преимущественно была в авто-роте, а там были квалифицированные рабочие металлисты, повели самую интенсивную политработу среди них. В скором времени, несмотря на то, что количество б-ков по билетам не на много повысилось, но зато большинство роты мыслило по большевистски, это давало нам на общих собраниях этой роты большинство.

В выборах Всероссийского Учредительного Собрания мы участия не принимали.

В выборах Учредительного Собрания Украины группа принимала активное участие. Во многом нам тогда помогла 9-я авто-рота тем, что предоставила в наше распоряжение передвижные средства (список б-ков по Херсонской губ. проходил под № 9). Мне помнится один характерный факт, который ясно обрисовывает работу меньшевиков, эс-эров и компании. Когда нам пришлось ездить с агитацией к Учредительному Собранию по деревням, мы столкнулись с таким курьезом: под'езжаем к деревне, недавно там был сход и происходила подача записок. Меньшевики, эс-эры трогательно объединились с кадетами, и вся эта тройца внушала крестьянам, что список № 9 выставили буржуи, а список № 5, 4 и кажется б—это, как крестьяне говорили, освободители (а это было № 5 к.-д., 4-й эс-эры и 6 меньшевики), а мы, большевики, мол, есть буржуи, так большевик это значит—большие люди, жирные люди, богатеи и т. д. Хороший метод борьбы придумала вся эта контр-революционная свора, но помимо этого метода существовал еще один. Крестьянам не давали записки с другими номерами списков, за исключением указанных мною номеров и пустых, на которых можно было бы проставить номер списка, за который крестьянин хотел бы голосовать, так что волей-неволей крестьянину пришлось голосовать за тот список, который нравился старосте и тем представителям партии эс-эров, меньшевиков и кадетов, которые сидели у урны. Когда же мы разъяснили крестьянам, что такое большевики, то крестьяне заволновались и хотели разбить урны, которые были уже запечатаны. Насколько возможно было, мы удерживали их, но без разбитой урны вероятно дело не обошлось, так как об этом впоследствии дошли к нам, правда, непроверенные слухи. Да, плохо пришлось бы соглашателям, если бы они тогда были при урнах.

Руководителем во всей нашей агитации к Украинскому Учредительному Собранию был тов. Закс (Гладнев), в которой нам также помог Областком Р. С. Д. Р. П. б-ков, агитаторами являлась вся наша группа в целом. Каждый член группы агитировал постольку, поскольку он был в состоянии. Постепенно начала налаживаться связь с деревней, правда наша связь распространялась не на весь уезд, но это потому, что у группы не было достаточного

количества денежных средств, все же остальные организации, имея средства имели лучшую связь с деревней, чем мы. Однажды, во исполнение постановления группы, мне нужно было отправиться на митинг в деревню в расстоянии 25 верст от города, неся туда и литературу. Когда я хотел поехать подводой и попросил крестьянина подвезти меня,—он, заинтересовавшись пачкой литературы, спросил меня, из какой партии я буду, и когда услышал ответ, что большевик, он с такой яростью стегнул лошадей, что передо мной замелькал задок саней. Когда же после приезда в эту деревню (название не помню) мне удалось потолковать с крестьянами, которые относились так предубежденно к б-кам, выяснилось, что им такую чушь нагородили про б-ков, что нас считали нечистой силой, дьяволами, словом, чем хотите, только не людьми (хорошо воспитывали крестьян эс-эры).

Объединенная организация в лице своего комитета начала нас все больше и больше прижимать. Не разрешали нам выступать на митингах оппонентами, самостоятельно проводить митинги и т. д., так что вопрос о расколе стал самым насущным вопросом нашей партийной работы и приблизительно в конце августа был поставлен на обсуждение. Много было споров с представителем центра, но группа почти единогласно постановила выйти из рядов Р. С. Д. Р. П. (объединенных) и создать свою организацию. Раскол встряхнул всех наших товарищей, все как-то почувствовали себя свободнее. Группой была поведена самая широкая агитация в массах, начали распространять литературу, устраивались лекции, а лекции читал т. Закс, он же в это время являлся председателем комитета. Всей работой в смысле организации, руководства и направления руководил тов. Закс, и Елисаветградская организация б-ков обязана своей мощи только ему. Секретарем комитета одно время был один товарищ—фамилии его не помню—интеллигент, который очень скоро, как Тюртюмов в одной своей брошюре довольно удачно выразился: «В 1905 г. интеллигенция испугавшись чрезмерных требований пролетариата, бросилась в объятия реакции»,—повторил эту историю, только с той разницей, что он бросился в любвиобильные объятия меньшевистской организации. Впоследствии секретарство пришлось взять тов. Волкачу. Членами Комитета были т.т. Гуляницкий, Чернышев, Дашевская. Так как отдельного помещения мы найти не могли, нам поневоле пришлось поселиться под одной крышей с объединенной организацией. В конце октября или же в начале ноября (точно не помню) меньшевики интернационалисты собрались, если не ошибаюсь 11 человек, и постановили после долгих колебаний присоединиться к нам. Между прочим характерна процедура присоединения. Собралось, как я указал, одиннадцать человек, 6 были за присоединение к нам, 3 против и 2 воздержались, так что большинством в один голос постановление было принято. Мы понятно постановили немедленно их принять и предложили им со дня перехода бросить свою политику сидения на двух стульях и беспрекословно проводить точку зрения большевизма и не разлагать нашу среду. Сначала кажется дико наше постановление, но дело в том, что к нам вливалась группа интеллигентов, хотя и колбелющихся. Мы боялись, что они, войдя к нам в организацию, начнут проводить свою

политику. Правда, мы не дали бы себя разложить, но борьба с ними могла бы отвлечь наши силы от работы среди масс. Эта боязнь отчасти оправдалась, когда один из вошедших в нашу группу, некто Гессин, заявляя себя ищущим истины, на одном из митингов начал определенно ратовать за меньшевиков.

В начале октября тов. Закс выехал в Николаев. Фактически о перевороте, который готовился в Питере, мы не знали до 28—29 октября. Делегаты Елисаветградского Совета были на Съезде Советов в Питере, в это время работа закипела во всю, в Совете мы имели уже довольно значительную фракцию, но не большинство, потому что в Совете было много националистов,—это С. Д. Украины и С. Р., с которыми блокировались меньшевики, оборонцы, бундовцы и т. д. (очень важно отметить, что пресса также находилась в руках меньшевиков). Несмотря на то, что мы имели меньшинство, очень часто голоса двоились, т.-е. за нас голосовало столько же, сколько и против, а иногда имели большинство, и были случаи, когда шири украинцы со всей своей желто-блакитной челядью, как мы назвали этот блок, оставляли зал заседания в бессильной злобе, что понятно приносило большую пользу, так как не мешало производить деловую работу. Приехавший на съезд тов. Журбинский, левый эс-эр, присоединился к нам; он пользовался большим авторитетом среди рабочих. С левыми эс-эрами мы перед переворотом в Елисаветграде блокировались. В ноябре и декабре т. Журбинский был председателем Исполкома, также с нами объединились вместе с эс-эрами Дашнакцутьюны, бывшая в Елисаветграде организация, которая входила в организацию левых эс-эров. Несмотря на кажущиеся большое объединение, наши силы по сравнению с мелко-буржуазной кликой были очень малы. С момента получения сведений о перевороте, мы почувствовали под собой твердую почву и начали думать о перевороте в Елисаветграде. Члены партии старались где только возможно достать оружие, симпатии рабочих и крестьян окружных деревень были на нашей стороне, самыми ярыми нашими приверженцами были так называемые солдатки, т.-е. жены бывших на войне солдат, а также вдовы, которые были организованы в союз, также и союз безработных. Союз металлистов в своей гуще оставался безучастным и в первое время после переворота наблюдалась даже некоторая враждебность, но это объясняется тем, что предприниматели сумели поставить рабочих в такие обманчивые экономические условия, что они были за много лет развращены и в недостаточной степени революционны. Самому перевороту предшествовала простая случайность, которая ускорила его. Каким то образом на ст. Елисаветград очутился не то эшелон, не то часть эшелона с оружием. Ночью вагоны открыли и начали расхищать оружие. Утром об этом узнали рабочие завода «Эльворти», который находился вблизи ст. Елисаветград. Рабочие также начали вооружаться, понятно, что часть оружия попала к нам, и так как юнкерское кавалерийское училище было пусто, ввиду того, что юнкеров отпустили в отпуск, мы поспешили занять его. Там же было еще оружие и лошади. Красная Гвардия, или вернее члены партии, были вооружены, пехота, значит, еще до захвата помещения юнкерского училища была, а там уже мы начали организовывать кавалерию, куда вошли Дашнакцутьюны и многие наши товарищи. Какого числа не

помню, вечером мы пошли в здание дворянского собрания, где, по полученным нами сведениям, собралась, так называемая военная рада из представителей украинского гарнизона на совещание по вопросу о нашем разоружении. Немедленно нами была послана часть красногвардейцев, человек этак 13—14, на станцию ж. д., которую мы и заняли, а часть пошла и арестовала раду и вместе с нею захватила в полном составе лектора и аудиторию лекции, которая была в том же здании. Эту операцию произвело человек 15—20 красногвардейцев. Птички были пойманы в гнездышке и что называется их привели с гнездышком. На следующий день 4 товарища от рабочих, красногвардейцы и я отправились разоружать одну украинскую роту 1-го куреня, находившегося в Пушкинском училище. Пошли мы без оружия, думая их сагитировать, но когда мы с ними поговорили, то выяснилось, что к нам присоединяться у них ни малейшей охоты нет, но оружие они нам предложили взять. Нами были привезены подводы, и две из них уже были погружены оружием, когда явился один из офицеров и начал их упрекать в сдаче оружия, что, мол, они честь самостийной Украины отдали, предали дедов, идею и т. д. москалям, разбойникам, большевикам. Мы же в свою очередь неправильно поступили, так как, взяв по винтовке, зарядили их, что гайдамаки не заметили, но когда мы хотели улизнуть с погруженными винтовками, нас окружили и мы поневоле должны были сдаться, винтовки у нас позабирали, а нас отпустили. Мы, что называется, остались с носом. На обратном пути в Штаб Красной Гвардии мы пришли к заключению, что миндальничать не стоит и придется вооруженной силой их разоружить. Через день, кажется 12 или 14 февраля, под командой тов. Гуляницкого по поручению Ревкома, куда приехали два представителя Румчерода из Одессы для связи, выступило человек 30—40 красногвардейцев и после краткого боя на перекрестке Большой Перспективной улицы и Дворцовой (было больше шуму чем дела, так как ширы украинцы оказались храбрыми на словах, а не на деле), они были захвачены нами. В бою участвовала Красная Гвардия, состав ее был: рабочие, солдаты, автомобилисты 9-ой автороты. Был ранен один тов. Гутварев, рабочий завода Эльворти, один товарищ был убит случайно выстрелом в Штабе, где они были в резерве. На станцию приехал 657 Прутский полк из Румынии. Полк был большевистский. Председателем полкового комитета был тов. Раев. При помощи этого полка был нами расставлен караул по занятой части города, а также в учреждениях.

Утром на следующий день выяснилось, что все украинцы за исключением конной сотни (Гонты), которые при перевороте соблюдали нейтралитет, разбежались по деревням, и так противника у нас больше, казалось, не было, так как организация Р. С. Д. Р. П. насчитывала едва 50—60 человек. Интересный случай произошел с нами после переворота. Мы заняли все пороховые склады и погреба, в одном из них стояла без смены охрана из 3-х красногвардейцев 2 суток, без пищи, зимой, и, когда мне пришлось поехать их снять с этого поста, так как из-за недостатка красногвардейцев некому было охранять город и учреждения, караул был снят и мы осмотрели погреб, который охранялся, то оказалось: что это был когда-то пороховой погреб, где по нашим сведениям должен был храниться пиро-

ксилин, но в нем оказалось 3 или 4 поломанных ящика и больше ничего. В этот период началось движение демобилизовавшихся солдат с Румынского и Юго-Западного фронтов. Великороссы уезжали в Великороссию, а украинцы раз'езжались по домам. Мы получили в Ревкоме сведения, что движутся эшелоны с украинцами, донским и оренбургским казачеством. По прибытии эшелона на станцию нами готовилась встреча. Несколько товарищей входили в гушу солдат, разыскивали среди них большевиков, если таковые были, то узнавали куда они двигаются, что представляет собой данная часть, вооружение ее, политические тенденции, а если большевиков не было, то просто старались коменданта эшелона изолировать в отдельную комнату, где он подробно допрашивался. Разоружение первого эшелона провели следующим образом. Под командой тов. Гуляницкого человек 14—15 нас отправилось на вокзал, и в попытках большинство из нас захватили поломанные винтовки, а то и без затворов, явились на вокзал: стоит эшелон украинцев—какая то часть, пулеметная и кавалерийская; предлагаем сдать оружие,—они отказываются. Тов. Гуляницкий приказывает нам таким образом стать, чтобы оцепить весь эшелон, так что на каждого брата приходилось по три вагона, и заявляет коменданту эшелона, что на станции у нас 1000 человек и в городе еще несколько тысяч,—мы же в свою очередь распустили такие же слухи, а так как дело было вечером и мы все время собирались возле тов. Гуляницкого, а потом расходились вдоль эшелона (это проделывалось почти пять минут), создалось впечатление, что нас действительно много. Эшелон оружие сдал, винтовки, пулеметы и т. д. Таким же образом разоружили оренбургских казаков. Большевистски же настроенные части мы пропускали, которые в свою очередь, по слухам дошедшим к нам на ст. Знаменка, фильтровались броневиками из Питера, поскольку это верно—не знаю.

Через пару дней на станции дежурило 30 человек хорошо вооруженных, которым пришлось во весь дух оттуда удирать. Дело произошло следующим образом: оставшийся лидер украинских С. Д. в городе, офицер Акапатов, известный мордобой, преподаватель в юнкерском училище, сообщил очевидно через начальника станции на станцию Помощную, что в 40 верстах от Елисаветграда, находящимся там С. Д. украинцам о том, что мы украинцев разоружаем, но количество наших сил не сообщил, что и спасло нашу власть от разорения. На станции Помощной сгруппировалось около 6 эшелонов украинцев разного рода оружия и сразу двинулись на Елисаветград, так как эшелоны в одиночку боялись двигаться. Мы об этом не подозревали (откровенно говоря и не могли с ними ничего поделаться), сидели в караульном помещении (там, где когда-то сидели жандармы) спокойно и, как говорится, в ус себе не дули, а в это время начальник станции принял все эшелоны на Елисаветград товарную. Там был наш пост, который украинцы разоружили. Один из разоруженных товарищей прибежал к нам об этом сказать, а за его плечами торчал добрый десяток ружейных стволов, навешенных, правда, на потолок. Делать было нечего, кто куда и начали удирать, а двое из нас начали их увещевать и что называется разводили философию. В это время остальные через окна и в город помчались в Штаб, чтобы сообщить об этом. Украинцы в город побоялись пойти и кончилось тем, что

конфликт был улажен, разоружить их не удалось, и вдобавок для того, чтобы не вызвать эксцессов, Ревкому пришлось дать заложников. С украинцами поехал тов. Рыбальченко, который впоследствии рассказывал, что эти гайдамаки где то под Кременчугом разбили отряд большевиков, а в Кременчуге ему удалось через окно бежать из вагона, где он был заперт. В то же время был послан для связи и получения оружия в г. Николаев тов. Заславский, но он вернулся обратно незадолго до отступления из Елисаветграда.

После всех вышеописанных мною событий было приступлено к советскому и военному строительству.

Начну с военного строительства. Так как вся наша реальная сила была в Красной Гвардии, ясно, что в первую очередь было обращено на нее внимание. Так как за период полулегального и легального существования в течение одного месяца к нам в Красную Гвардию, наряду с передовой частью рабочих, вошел элемент нежелательный, поэтому пришлось при помощи отряда не то Беленковича, не то Палупанова разоружить всю Красную Гвардию, прочистить и освежить состав ее; негодный элемент, который состоял из несознательного люмпен-пролетариата, был уволен, а остальные же снова вооружены. Вторая мера была более правильной, организация гвардии вместо десятков и десятских придавала ей вид ротный; третьей мерой было разоружение буржуазии. Были забраны оружие, книжки на разрешение ношения оружия из милиции (быв. полиции), и по корешкам этих ордеров производилось изъятие оружия, наконец, помимо Штаба Красной Гвардии был организован Военный Отдел Ревкома, начальником которого был тов. Гуляницкий, он же начальник Красной Гвардии. Советское строительство началось с захвата банка, заведывал им тов. Шиндель от левых эс-эров. Управление Милиции начало организовываться, но кто его организовал, не помню. Должен отметить, что до переворота. Милиция, как таковая, не существовала, это была старая полиция, почти весь старый состав за исключением начальства, но новое начальство с февральского переворота по своим убеждениям недалеко отошло от старого: городские одели красные повязки, а начальники районов милиции—белые кадеты—закрасились розовым цветом за исключением Начальника уездной милиции т. Крачковского, социалиста-революционера центровика, впоследствии перешедшего к нам. В отношении остальных учреждений, за исключением Биржи Труда, насколько мне помнится, ни одно не успело развернуться, так как времени не было на их развертывание: Советская власть всего просуществовала от 1½ до двух месяцев.

В конце февраля 1918 года в Ревкоме было получено известие о том, что немцы были уже чуть ли не в Помощной. После этого известия в виде телеграммы, начали распространяться слухи о том, что немцы уже в Знаменке, и это говорило за то, что мы уже окружены, да и кроме того, что немцы наступают на станцию Бобринскую. Ревкомом было постановлено отправить отряд Красной Гвардии на фронт. В это время мы узнаем, что Елисаветградская федерация анархистов на фронт выступить не намерена и что она думает захватить власть в свои руки. В начале мы стали в тупик, и было отчего; анархисты—безвластники, как мы их называли, и вдруг—задумали захватить власть в свои руки. Но нами были сделаны все приготовления на

случай, если их нужно будет силой разоружить. Мы поехали к ним для объяснения, поехали т.т. Гуляницкий, Чернышев, Поволоцкий и я. Как оказалось впоследствии, нам наврали про них и им наврали про нас, и это недоразумение было улажено, хотя вначале они довольно долго ерепенились, не желая выступить на фронт, но в конце концов, вместе со всей Красной Гвардией они выступили, объединились в один отряд. Слухи о том, что мы окружены, стали все упорнее и упорнее, в виду чего на заседании Ревкома было постановлено: выехать всем, эвакуировав ценности, не то в 4 часа, не то в 2 часа дня на следующий день, — числа не помню. Но на следующий день в 9 час. утра все уехали, подразумевая под словом все Ревком и Красную, Гвардию. Как только город был оставлен, сейчас же из нор начали выползать меньшевики, правые эс-эры, кадеты, офицерство, и возник характерный для всех городов Украины «Комитет общественной безопасности», который мы тогда называли комитетом рабочей опасности, и, как ни странно, через несколько дней столкнулись будущие приятели — это Маруся Никифорова (анархистка) с Комитетом общественной безопасности.

Маруся хотела занять город, но на митинге, который она устроила на заводе Эльворти, она была кем-то ранена. После этого ранения загорелся бой сначала на улицах города, а впоследствии за городом, где она и была разбита; правда, силы, выставленные городом, раз в сорок превосходили ее силы, так как обманутые рабочие завода Эльворти, которым была обещана выплата жалованья, пошли в бой в большом количестве, а также вся буржуазия и разная партийная дрянь, плетущаяся в хвосте буржуазии, — всего тысяч 18, если не больше, — руководимая офицерами и 2 генералами. Несмотря на это, Маруся и отряд Беленковича были разбиты только на тринадцатый или четырнадцатый день; бои были у Петропавловской церкви, это в сторону Знаменки. В это время со стороны Помощной подошел броневой поезд Полупанова, спокойно заняв город. Пленные и арестованные большевики были немедленно освобождены, а вся свора белогвардейцев так же быстро исчезла, как и появилась. Полупановым был предъявлен ультиматум городу о немедленной сдаче всего оружия, но понятно, что всего оружия забрать не удалось, так как по приблизительному подсчету в городе находилось до 100 пулеметов, 8 орудий и до 40.000 винтовок, — забрать удалось до 30 пулеметов, немного винтовок, массу снарядов, а орудия оказались без замков, но они кажется также были забраны. К окончанию погрузки немцы уже подходили к Елисаветграду, — тогда был уже окончательно оставлен город.

С. ВОЛКАЦ.

Воспоминания о революционной борьбе в Елисаветграде в 1917—19 г.г.

Октябрьская революция застала нашу 165 дивизию на румынском фронте. Дивизия считалась большевистской; октябрьский переворот был встречен с торжеством. Дивизия уже в это время заключила с немцами перемирие. Я в это время был членом полкового революционного комитета 657 Прутского полка.

В первых числах декабря 1917 г. в нашей дивизии были получены сведения об аресте ревкомов 9 и 4 армий, а также и нашей 8 армии, немедленно были созданы все ревкомы полков всего корпуса в м. Новоселицы, где было решено двинуть для освобождения армейского комитета 8 армии, который был арестован гайдамаками и казачьими частями, на Могилев-Подольск 2 полка. 24 декабря 1917 г. армейский комитет был освобожден от петлюровцев. После этого наши полки двинулись в Одессу для ликвидации гайдамаков. На пути в Одессу нашему Прутскому полку совместно с Черновицким были даны другие задания: двинуться на гор. Бендеры против румын, занявших город 24 января 1918 г. Румыны были после трех-дневного боя выбиты из города, но потом, в виду сильного нажима и потери связи с армией, все войска в том числе и Прутский полк принуждены были отойти, после чего полк был отправлен в Харьков. По пути следования в Елисаветграде ревком города попросил полк содействовать в разгоне 300 гайдамаков, властвовавших в городе. Данная задача 30 января была блестяще выполнена. В Елисаветграде полк пробыл 10 дней и направился по водворении порядка по своему маршруту в Харьков. В это время 5 февраля 18 г. я, по рекомендации члена ревкома полка, вступил в Елисаветградскую организацию Р. С. Д. Р. П. большевиков. С полком я уже, вследствие болезни, дальше не двигался, а остался в Елисаветграде.

По выздоровлении от болезни в марте 18 г. я поступил на службу в милицию, чтобы скрыть себя от взоров немцев, где находился в пулеметной команде. В пулеметной команде я познакомился и особенно близко сошелся с одним милиционером т. Соколовым, у нас с ним зародилась мысль стащить в милиции пулемет и спрятать его в укромное местечко до поры до времени. Этот план мы легко осуществили во время дежурства на винном заводе: темной ночью нами была поднята стрельба с целью затеять панику; в эту ночь мы убежали, захватив немецкий пулемет «Максим» и 8 ящиков патрон, которые были спрятаны в с. Лелековка около Елисаветграда, откуда происходил т. Соколов.

Имея паспортные книжки на другие фамилии, мы легко скрывались по селам в Балашевке и Екатериновке. В это время начались повальные обыски немцами сел, скрывать пулемет в селе Делековке было дальше невозможно, и пулемет был перетащен ко мне на квартиру в гор. Елисаветград, сам я также думал податься в Елисаветград, так как жить скрытым было трудно, подпольной организации я еще не нащупал. Крестьянство в селах начало производить восстания. Поднялось село Тринадцатое, предполагалось, что восстания против немцев захватят весь Елисаветградский уезд. Восстание в с. Тринадцатом со страшной жестокостью было немцами подавлено в последних числах апреля. Все это время разбившись по одиночке с тов. Соколовым, вели усиленную агитацию в рабочих районах города и среди крестьянства, сходявшись в определенное место через три-четыре дня. Настроение было все время возбужденное приподнятое; с каждым раздавшимся выстрелом думается, не начинастся ли? Активной борьбы против немцев мы ожидали ежеминутно. Оружие имелось в большом количестве у каждого рабочего и крестьянина, недоставало лишь организатора, который мог бы взяться руководить восстанием. У самих этого опыта не имелось. Соколов был случайно при обстреле немецкого автомобиля задержан по подозрению, но после допроса и обыска—у него ничего подозрительного не нашли—отпустили, дав ему несколько шомполов. У меня на квартире было произведено два обыска, но ничего не нашли, так как пулемет был скрыт чрезвычайно тщательно под новой плитой, специально для этого сделанной. Сам я дома не жил, но иногда ночью посещал родных.

В одно такое посещение дяди, предместье, где находился дом дяди, было оцеплено немцами, всех мужчин собрали к речке на площадь, кругом на пригорках были поставлены пулеметы. В числе захваченных был и я, меня некоторые кулаки знали, и я думал, что меня обязательно выдадут. Но, к счастью, мои опасения не сбылись. Когда площадь была наполнена всеми жителями (мужчинами) предместья, пулеметы стали стрелять по верху голов, поднялась паника, несколько человек упало в обморок. Немецким поручиком предложено было в полчаса снести все оружие, в противном случае при посредстве особой машинки произведут повальный обыск и при обнаружении оружия хата со всеми обитателями будет сожжена. Крестьяне были на полчаса отпущены и со всех концов понесли оружие. Мой дядя, имевший две винтовки, одну свою и одну мою, хотел тоже отнести, но я свою не дал, сказав, что у них никакой машинки нет, это просто ловушка, если же винтовка будет обнаружена, я всю ответственность беру на себя. Дядя понес, а я остался ждать, что дальше будет. Винтовок и наганов нанесли немцам большое количество; сложив это все на повозки, они уехали, не произведя никаких обысков. После этого жить в Елисаветграде стало невозможно: меня, как организатора земельного комитета предместья гор. Елисаветграда, уже разыскивали, и я, чтобы не попасться, уехал в первых числах мая в гор. Екатеринослав, где скрывался в окрестностях в течение 2 месяцев.

По получении из Елисаветграда письма от т. Соколова, в котором он сообщал, чтобы я приехал обратно, так как предвидится массовое восстание, где я буду также необходим, я немедленно же выехал.

По приезде в гор. Екатеринослав я связался с членом подпольной организации Авдеенко, который знал меня по заводу «Кличка». Я от Авдеенко получал разные задания, которые главным образом сводились к разноске ночью по заводам газет и прокламаций, главным образом анархистов группы «Набат», которые прибывали к нам из Одессы. В более тесный круг подпольной организации меня еще не вводили, опасались в виду моей молодости. Членов партии; кроме Авдеенко, я из подпольников никого не знал. Осенью 18 г. через Елисаветград началось движение пленных из Германии. В Елисаветграде заболевающих сбрасывали в больницы, и вскоре последние были переполнены до невероятности. Надзора и ухода за больными абсолютно никакого не было, подчас мертвые пленные находились подолгу среди живых. Профсоюз вмешался в это дело, и нас в количестве 10 чел. направили в качестве санитаров по больницам направить дело ухода за больными. Одновременно я получил от т. Авдеенко вести агитрабoту среди пленных, я распространял среди них прокламации, беседовал—и все горело желанием помочь делу революции. Вместе с тем, от того же Авдеенко, я получил задания организовать из рабочих, которых я лично знаю, десяток с тем, чтобы каждый из них знал только меня, а друг друга не знали. Десяток предназначался для влития в отряд на случай действий против петлюровцев, которые взяли власть по свержении гетмана Скоропадского. В лазарете я вместе с одним матросом Овчинниковым, работавшим также среди пленных, серьезно поскандалил с заведывающим лазаретом офицером, из-за происходящих неправильностей в лазарете, где производилась систематическая урезка пайка больных в пользу медицинского персонала. Пленные, по нашим директивам, устроили крупный скандал на кухне, администрация скоро узнала, что организаторами скандала были мы, и нас выбросили из лазарета. В первых числах декабря был опубликован приказ директории о мобилизации 15 лет, я также, согласно приказа, подлежал мобилизации. Мобилизация проходила очень успешно, целые массы мобилизуемых запрудили гор. Елисаветград, часть из них явилась с оружием. По заданиям Авдеенки, к этому времени я завербовал еще трех членов, и еще из гор. Токмака приехал мой товарищ Паргамонов—коммунист. Авдеенки в Елисаветграде в это время не было, он выехал в Одессу. И мы должны были руководствоваться своими соображениями. Успешность мобилизации нас страшно заинтересовала, и мы собрались вместе обсудить план дальнейших действий. После обсуждения было вынесено постановление о командировании двух человек из нашей группы (инициативной—как мы себя тогда называли) на сборный пункт, с целью выяснить настроение мобилизуемых и причины массовой явки на мобилизацию, а также узнать, добровольно ли они являются или их гонят. Данное задание было дано мне и Паргамонову. Было выяснено, что часть мобилизуемых, явившихся с оружием, были организаторами петлюровцев, преимущественно офицерами или учителями, остальная же масса была настроена

таким образом, чтобы получить оружие, а потом уже расправиться с петлюровцами, которые помогали немцам сжигать села в карательных экспедициях. Мною был задан на сборном пункте одному офицеру вопрос: «Как смотрят Англия и Франция на создание нами своей армии». Офицер сказал: «Англия и Франция относится к этому очень сочувственно и разрешают организовать армию для защиты украинской народной республики и сохранения внутреннего порядка». На другой вопрос: «Почему союзники забирают из Германии лучшие пушки и лучшее воинское снаряжение», он мне ничего ответить не смог. Через три дня наша «инициативная» группа вновь собралась, мною и Паргамоновым был сделан доклад о результатах данного нам поручения. На этом совещании было постановлено, для разоблачения мобилизации собрать митинг всех мобилизуемых на 15 декабря в городском цирке. Раньше в газетах было опубликовано, что всякие собрания и митинги могут свободно собираться, при условии, если на них не будет говориться против директории. Этой заметкой мы воспользовались и решили ночью развесить объявления и опубликовать в газетах о предстоящем митинге за подписью «инициативная группа». Порядок дня на митинге был намечен следующий: итти ли служить директории, или нет; если итти, то с кем будут воевать и будут ли обеспечены семьи мобилизуемых. К 10 часам 15 декабря 18 года со всех сторон мобилизованные стали стекаться в цирк на митинг. Мною и Паргамоновым по заполнении цирка был открыт митинг, оглашена была повестка и было предложено выбрать председателя митинга. Первое слово беру я, говорю о целях, побудивших созвать данный митинг, касаясь вопроса, для какой цели создается армия и против кого она будет использована. Этот вопрос предлагаю обсудить, сам своего мнения не высказываю, т. к. не знаю настроения собравшихся. За мной выступил целый ряд мобилизованных, которые высказали, что армия создается вероятно для борьбы с большевиками, но что они на это не пойдут, с Советской властью воевать не будут, если даже и будут мобилизованы. Затем выступил петлюровец, который высказался, что данный митинг созван какой-то кучкой, назвавшей себя инициативной группой, которая не знает, что ей надо, и постаралась скрыться в толпе; целью митинга является, повидимому, желание разжечь толпу против директории. Оратор был освистан и на этом кончил свою речь. Я выступил вслед за петлюровцем и, видя, что он был освистан, смело сказал, что митинг созван с целью выяснить положение с мобилизацией и что митинг созван не безответственной кучкой, а группой, представляющей интересы всей массы мобилизованных. За мной выступил тов. Могилевский, которого я до сего времени не знал, это был член комитета подпольной организации. Он обрушился на всю авантюру директории, указав, что кучка людей, назвавших себя директорией, хочет создать армию при посредстве Антанты и вести ее на борьбу с Советской Россией. Директорию он назвал спекулянтской революцией, которая раз уже продала Украину немцам. В своей часовой речи, он подробно обрисовал международное и внутреннее положение России и Украины и доказал всю гнусность политики директории. Аудитория встретила речь Могилевского с необыкновенным вниманием и энтузиазмом,

речь была покрыта криками «ура» и «да здравствует Советская власть». Закончив речь, т. Могилевский призывал не итти в армию до создания Советов. После него хотел с речью выступить один петлюровец, но аудитория свистом и шумом так и не дала ему говорить. Выступавшие меньшевики и эсеры, как Воронин и др., видя настроение масс, также выступали с речами о срыве мобилизации.

После своей речи ко мне подошел тов. Могилевский и спросил, кто я, я сказал: член партии и имею связь с Авдеенко. Он сказал: не Коломиец ли вы. Я ответил утвердительно. С этого времени я имел с ним связь все время. На 12 часов дня в этом же цирке было назначено общее собрание металлистов гор. Елисаветграда. Придя в цирк, они хотели, чтобы мы им освободили помещение, но когда узнали, как проходит митинг, видя возбужденность масс, оставили свое собрание и присоединились к нам. Цирк был до невозможности переполнен, в нем было 8—10 тысяч человек. К четырем часам дня была вынесена резолюция, составленная соединенной комиссией, нашей группой, Могилевского и Воронина. В резолюции говорилось: на мобилизацию не итти, до создания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Резолюция была принята с громадным воодушевлением и криками «ура». Митинг разошелся. На другой день 16 декабря резолюция, принятая на митинге, была опубликована в Елисаветградской газете «Рабочая Жизнь». В результате опубликования редактор был арестован, редакция закрыта, арестованы были некоторые члены союза металлистов.

По категорическому настоянию рабочих всего города, редакция была открыта и рабочие освобождены. В этот же день, днем вновь состоялся митинг в цирке, на котором от мобилизованных было избрано 12 делегатов в Совет, который, согласно вынесенного накануне постановления, предлагалось создать.

17 декабря, с целью отвлечения мобилизованных от сборного пункта, был устроен митинг, который прошел также успешно.

18 декабря должен был вновь состояться митинг в цирке, откуда предполагалось пойти с красными знаменами к казармам, где помещался петлюровский полк из мобилизованных. У нас имелось предположение, что полк при подходе с красными знаменами перейдет на нашу сторону. Но случилось другое. Как только начали собираться к цирку на митинг, петлюровцы цепями начали наступать по направлению к цирку, поднялась паника, и все разбежались, думая, что цепи двинутся для захвата присутствующих на митинге. На самом же деле оказалось, что цепи петлюровцев движутся на станцию для разоружения немцев, находящихся в эшелонах и требовавших отправления на ст. Знаменка, тогда как им давали путь на Одессу. Желания немцев основывались на том, что на Знаменке находились крупные силы немцев, и они хотели соединиться, чтобы итти в Германию, не сдавая оружия. Завязался бой. Немцы упорно сопротивлялись, отбиваясь артиллерией и пулеметами. Петлюровцы подошли к станции, вместе с ними двигалась толпа мобилизованных, желавших расплатиться с немцами и отобрать у них оружие. Подойдя к станции, мобилизованные с криками целыми массами кинулись и взяли станцию. Эшелоны немцев отошли по направлению к Одессе. Но, пройдя две версты, путь им был разобран и

эшелоны остановились. При взятии станции у петлюровцев получилось какое то замешательство, ввиду открытия стрельбы у них в тылу. Этим замешательством мобилизованные воспользовались и, увидя, что эшелоны немцев остановились, бросились на них, и в один момент немцы были обезоружены и раздеты до гола. Все пулеметы и оружие были до прихода петлюровцев рабочими села Балашевки и мобилизованными растащены и спрятаны, и петлюровцам остались одни голые немцы.

Совет Рабочих Депутатов, состоящий в большинстве из меньшевиков, побоялся создать полноправный Совет Раб., Солд. и Крест. Депутатов и выбранные на митинг от мобилизованных депутаты в Совет, были распущены, некоторые из них были посланы в петлюровский полк. Все мобилизованные, часть из них уже успевших вооружиться, ушли домой, ожидая призыва Совета. Мобилизация была сорвана. Петлюровцам только удалось мобилизовать один полк, и к ним примкнул один баталион галичан. В этот день 18 декабря произошло важное событие в Елисаветграде: в городской думе, где помещался Совет Рабочих Депутатов, по настоянию рабочих рядом с петлюровским флагом, был выброшен красный флаг, это уже доказывало, что влияние петлюровщины стало ослабевать. Красный флаг развевался до полного свержения петлюровцев.

С этого времени, среди петлюровского полка и галичан, началась систематическая агитационная работа по подготовке захвата власти и перехода указанных частей на нашу сторону. Этой работой руководила подпольная пятерка, проводившая свою работу полулегально. Я продолжал организовывать, согласно данного задания свой десяток. 15 января у меня было 15 человек.

Падения петлюровской власти все ждали с часу на час, т. к. имелись сведения, что со стороны Харькова петлюровцы теснятся красными войсками. Эти сведения нами распространялись посредством прокламаций и устной агитации.

Настроение в рабочих районах и у крестьянства было выжидательное, в прочность петлюровцев никто не верил.

К 1 февраля 19 г. подготовительная работа по завербовке петлюровского полка и баталиона галичан была закончена, от них имелись представители в нашей подпольной организации, которые заявляли, что они готовы перейти на нашу сторону и арестовать сопротивляющихся. Наши работники, работавшие у галичан и петлюровцев, также подтверждали правильность информации представителей от галичан и петлюровцев.

4 февраля днем подпольная организация дала задания всем старшим подпольным десяткам к 12 час. ночи прибыть в полной боевой готовности к союзу металлистов. Я пришел с шестью человеками, вооруженными винтовками и бомбами, и влился в общий отряд. С 12 час. ночи, в ночь с 4 на 5 февраля, начался переход части петлюровского полка и части галичан на нашу сторону, к ним присоединились артиллеристы с 4 орудиями и одним эскадронном кавалерии. Посредством их и сводного отряда из «десятков» были произведены аресты всех петлюровских должностных лиц, и власть перешла, официально, в руки революционного комитета, в состав которого вошли члены подпольной организации, как-то: т. Могилевский, меньшевик Воронин

и левый эсер Виноградов. Часть несдавшихся петлюровцев засела в московских казармах, не желая переходить на сторону революционного комитета. С ними велись переговоры, но они были сорваны, благодаря провокации петлюровского комсостава. Провокация выражалась в том, что петлюровские офицеры говорили своим солдатам: «Кому вы будете сдаваться, посмотрите из кого составлены подпольный отряд и ревком: из одних евреев». Агитация подействовала, и петлюровцы заявили: «Мы вам сдаваться не будем». К вечеру 5 февраля обстановка начала меняться не в нашу пользу. Перешедшие на нашу сторону петлюровцы и галичане изменили и начали разрушать наш отряд; ими были арестованы некоторые члены ревкома. Остались верными нам артиллеристы с 4 орудиями и кавалерийский эскадрон, которые вместе с нашим сводным отрядом отошли ночью на 6 февраля в крепость. 6 февраля утром, власть перешла попрежнему к петлюровцам. К крепости начала стекаться масса рабочих, нами был устроен митинг, на котором было указано революционным комитетом о необходимости выбить петлюровцев вооруженной силой из города. Временем для общего и окончательного наступления было назначено 7 февраля в 3 часа дня. Сигналом должны были служить два залпа из артиллерии, находившейся в крепости, по станции. Всем старшим «десятков» и организованным рабочим были указаны районы их действий. Петлюровцы 6 февраля производили поголовное пьянство и готовили на 7 февраля устроить еврейский погром.

Мой отряд, в количестве 15 человек 7 февраля к 10 часам, сосредоточился в моей квартире, был откопан пулемет из под плиты, взяты бомбы, и отряд, вооружившись, пошел в два часа дня к заводу Булгарда для получения дальнейших распоряжений. Не дойдя до завода, мы услышали условный знак—два пушечных залпа по станции. На заводе, когда мы к нему подошли, толпилась масса вооруженных рабочих. Рабочие, получив на заводе три пулемета, двинулись в наступление по Успенской, Нижне-Донской и Верхне-Донской улицам, я же со своим отрядом получил назначение двигаться на линию ж. д. к Петропавловской церкви, разобрать ж. д. путь и постепенно продвигаться к станции. Я со своим отрядом охранял правый фланг главных действующих отрядов. В городе кипело. Слышалась непрерывная стрельба из винтовок и пулеметов. Наша артиллерия громила станцию и московские казармы, где засели петлюровцы, упорно обороняясь. К вечеру я прошел к московским казармам и соединился с остальными отрядами, и начался штурм казарм, который продолжался до 11 часов вечера. В нашей стороне были убитые и раненые, которые с каждым часом все увеличивались. В 11 час. ночи с моей стороны были посланы парламентарии к петлюровцам с предложением сдаться. После переговоров, длившихся час, петлюровцы в количестве 400 человек сдались, а главари во время переговоров улизнули. Во 2-м часу ночи весь город и станция очищены от петлюровцев, бежавших в панике, и 8 февраля власть перешла в руки ревкома. Часть Ревкома, арестованная петлюровцами, во время боя бежала и присоединилась к нам. С 8 февраля начинается организация аппарата управления, в первую очередь все отряды, действовавшие против петлюровцев, были слиты в один отряд, наименованный Рабоче-Крестьянским отрядом.

Я назначен был в отряде взводным командиром. Через две недели в Елисаветград прибыл повстанческий полк, организованный из партизан Вознесенского уезда, куда и влился наш отряд. Было приступлено к организации Чрезвычайной комиссии, куда я был командирован партией для организации нашего взвода и принимал горячее участие в искоренении остатков контрреволюции.

В Чрезвычайной комиссии я находился до первых чисел мая месяца. Возвращавшиеся из Одессы войска Григорьева сосредоточились в Елисаветграде и пред'явили ультиматум о немедленном расформировании ЧК. Здание ЧК было окружено григорьевцами, мы решили сопротивляться и решили лучше умереть, но, вследствие приказа председателя Уисполкома не оказывать сопротивления, мы незаметно черным ходом вышли из ЧК и разошлись в разные стороны. Через три дня мы влились в продармейский отряд, так как григорьевцы гарнизона вначале разоружать не думали, но через несколько дней они приступили к полному разоружению гарнизона. Тогда мы, в количестве 30 человек, из числа служивших в ЧК, собрались с двумя пулеметами «Люйса» во главе с Упродкомиссаром т. Перно и Предисполкома и направились в местечко Бобринец. Там к нам еще влилось 46 человек и направились обратно на Елисаветград, который был к этому времени очищен от григорьевцев, но, подойдя к Елисаветграду, мы были обстреляны григорьевцами, занявшими опять город, и с боем пришлось отступить на Вознесенск, где встретились с председателем Елисаветградской ЧК, с которым наш отряд направился в гор. Одессу, где влились в особый отдел пятой дивизии, переименованной через некоторое время в 45-ю. Отряд наш состоял из 25 человек, где я попрежнему был взводным командиром.

Таким образом окончилась моя подпольная и гражданская революционная деятельность в гор. Елисаветграде.

КОЛОМИЕЦ.

О революционных событиях в Волынской губ. (м. Березна) 1917—19 г.

После февральской революции в марте месяце были организованы сельские исполнительные комитеты, а также волостной исполнительный комитет, избранный депутатами от всех сел и деревень. Для крестьянства лето 17 г. было временем особенного революционного порыва. Оно впервые, после долгих лет закабаления и власти чиновников и помещиков, почувствовало свободу. С первых же дней оно сейчас же взялось за порубку леса, отбирание сенокоса и пахотных земель у помещиков. Эта работа проводилась без всякого плана. Волостная власть, имея в своем составе значительную часть эсеров и меньшевиков, которые то и дело часто совещались с бывшими чиновниками и управляющими помещичьих имений, а также получали руководство высшей власти, не могла удовлетворять большие аппетиты крестьян на землю, имения и богатства помещиков. Таким образом, крестьяне, вопреки всяким запрещениям, делали свое дело с революционным порывом. Этот период был также периодом борьбы партий, хотя в Березненской волости никаких партийных организаций не было, но из уезда и из других мест, также из армии приезжали представители различных партий и, на общих собраниях и митингах выступая, старались каждый доказать правоту своей партии. Перед выборами в Учредительное Собрание усилилась агитация эсеров. Агитации большевиков почти не было по причинам: 1) тогда уже согласно приказа Керенского были сильные репрессии и гонения на большевиков, 2) отсутствовали силы на местах. Победа эсеров на выборах была очевидна еще и потому, что кроме открытой и широкой агитации была проделана ими техническая работа, т. е. избирательные комиссии состояли из их сторонников, которые при раздаче материалов к выборам давали указания в виде распоряжений для выборщиков голосовать за список украинских эсеров. Несмотря на это, все-таки список партии большевиков тоже получил часть голосов.

Октябрьская революция и петлюровщина.

Октябрьская революция получила свое отражение через несколько дней спустя. Но еще в первых числах ноября 17 года (новый стиль) в местечко Березно неожиданно прибыло со станции Сарны два полка казаков, которые имели задания, будто от уездной власти, подавить восстание в Березненской волости. Восстания же как раз не было, но, как потом выяснилось, они были двинуты согласно одной телеграммы одного товарища—большевика т. Адамалуцика, жителя местечка Березно, приехавшего из Москвы

еще в октябре, Таким образом два полка были оттянуты от линии жел. дор. и лишены возможности отправиться в Киев или другие центральные города в помощь правительству Керенского. Октябрьская революция на Украине, и главным образом на правобережной части ее, в первое время, т. е. с ноября 17 г. и весь 18 год была хорошо использована украинскими самостоятельными, авантюристами и монархистами. В день 7 ноября украинская Центральная Рада своим универсалом объявила семь губерний Украины независимыми и себя центральной властью, заключила соглашение с немцами и дала возможность им оккупировать Украину. На местах создались земские управы. Вопрос о волостном земстве получил тогда свое разрешение. За правилами на время стали эсеры и часть самостийников. Большая же часть крестьянства, со времени объявления Украины независимой Народной Республикой, стала недоверчиво относиться к власти. Оно видело, что к власти допускается очень мало рабочих и крестьян, что немцы пришли обирать Украину и что Украина, будучи отделена от России, существовать не может. Помню, как бурно проходили волостные съезды и с какой яростью крестьяне готовились к уездным съездам. Особенно отличались деревни Яриновка, Яблонное, Витковичи и несколько близ лежащих хуторов. На съезды они посылали делегатов из беднейших крестьян. Последние в уезде связывались с организацией большевиков, привозили литературу и вели агитацию против властей. В последних числах апреля месяца повсеместно проходили волостные и уездные земельные съезды. На Березинский волостной земельный съезд прибыл председатель уездной земельной управы, член партий украинских левых эсеров Черновский. К концу съезда его арестовали немцы, уездный съезд, кажется, уже не состоялся, и все представители крестьян поехали в Киев на Всеукраинский Съезд.

Гетманщина.

Часть крестьян делегатов в Киев не попала: их задержали по дороге, и они возвратились обратно. Та часть, которая попала в Киев, была в числе съезда арестованной и наблюдала, как съезд хлеборобов, т. е. помещиков, с помощью немецких штыков разогнали петлюровскую Центральную Раду и посадили гетмана всея Украины Скоропадского. Наступает период реакции и революционного затишья. Крестьяне стали подвергаться ограблениям и избиениям за отбирание помещичьих земель и имущества. На них была наложена контрибуция, и при невозможности уплатить деньгами забирался последний скот или они сами. Были также моменты, когда арестовывали и избивали крестьян за порубку в помещичьем лесу воза дров. В конце августа 18 г. я уехал в Киев. В начале 18 года мы организовали из рабочих ремесленников еврейскую объединенную социалистическую партию (С. С. и Е. С.), которая почти не имела связи с ЦК партии, и руководства его в жизнь не проводились, а работали мы по указке молодого революционного инстинкта. Работа, главным образом, выражалась в марксистском самовоспитании. Мне хотелось вырваться из провинции в центральный город поучиться. Там я пополнил свои знания и получил некоторый опыт в дальнейшей работе. Помню, в последние дни октября месяца уже

резко стал намечаться раскол партии Е. С. и С. С. На дискуссиях я оставался ярким сторонником левого крыла, во главе которого стоял т. Новаковский. 6 ноября, когда гетманом была объявлена мобилизация от 20 до 30-ти летнего возраста, я из Киева бежал и 20 ноября прибыл обратно в Березно.

Опять петлюровщина и наша работа.

Власть гетмана была свергнута. Был организован волостной комитет. Первое время представители петлюровщины пользовались некоторой популярностью, так как коммунистов не было, и декларация петлюровского правительства на бумаге обещала очень многое. Впоследствии крестьянство разочаровалось всеми обещаниями. В это же время (это было в январе месяце) в местечке Добровиц, находящемся на Сарненском ж. д. узле, на реке Горинь, рабочие и беднейшие крестьяне восстали против петлюровского правительства, объявили свою волю независимой от власти петлюровцев и основали «Добровицкую коммуну». Около двух недель «коммуна» боролась против войск директории, но впоследствии была побеждена. Петлюровцы разгромили местечко и некоторые села. В местечке Березно тоже наступил момент возможной работы. Еще с декабря я стал собирать организацию бывшей объединенной еврейской Социалистической Рабочей партии, но тогда рабочие туго шли, так как были напуганы реакцией гетманщины и запрещением собраний петлюровскими властями, а теперь стали посещать собрания все в большем и большем количестве. В январе после нескольких дискуссионных вечеров, мне и моему единомышленнику Кельриху удалось расколоть окончательно организацию. Из 120 человек за признание тактики и правильности программы большевиков голосовало 108, противники остались с 3 голосами и середина 9 голосов. Таким образом еврейская рабочая масса была за нами и поставлена на правильный путь, и мы решили втянуть крестьянскую беднейшую молодежь. Через несколько собраний нам удалось втянуть в нашу организацию человек 30 крестьян. За сим мы обратили внимание на волисполком. Ликвидировать его в целом было невозможно и опасно, и мы послали пока туда своих представителей. К концу января месяца на ст. Сарны стали наступать красные части со стороны Киева (Киев был занят большевиками). Местная власть не знала, что делать, и сложила было свои полномочия. В это время стали развиваться открытые грабежи и воровство. Зажиточная часть населения, мелкие торговцы и спекулянты, боясь разграбления своих богатств, стали организовывать защиту. Наша задача тогда заключалась в том, чтобы доказать им ничтожность их вооружения, и потому мы, в порядке партийной дисциплины, запретили членам своей организации вступать в самооборону, возглавляемую тогда чиновниками местечка. Это нам удалось. Планы торговцев и чиновников рухнули. Созданная дружина самообороны была ни боеспособна, ни крепка. Мы же в это время (в первых числах февраля 19 г.) стали готовиться к захвату власти и созданию ревкома, вернее намечать кандидатуру. Наконец ст. Сарны, стоящая в 40 верстах от м. Березно, была занята Красными войсками. Директория находилась на колесах и все время продвигалась, то в Каменец-Подольск, то в г. Ровно.

Образование Ревкома.

13 февраля прибыл в м. Березно один эскадрон кавалерии. В этот же день я сговорился с военкомом эскадрона, устроили собрание рабочих и крестьян и избрали ревком, в состав которого вошло 5 человек. С первого же дня мы выгнали из экономии управляющего, стали снабжать проходящие войсковые части продовольствием и фуражем, а также отправлять таковые в Сарны. Приходилось работать и днем и ночью. Власть свою ревком объявил временной на всю волость. В это же время мы приступили к организации сельских ревкомов. Несмотря на то, что у нас как раз находился фронт (ожесточенные бои все время, в течение двух недель проходили на ст. Костополь в 25 верстах, Яблонное в 12 верстах), но твердость и уверенность в своей работе и надежда на будущее была среди всех членов ревкома. Ни капли робости не было. 25/II был созван волостной съезд ревкомов, который, выслушав доклад ревкомов, одобрил его деятельность и выразил ему полное доверие в дальнейшей работе. Через два дня 25/II утром, красные части стали отступать. В нас было так много уверенности, что когда красные части уже отступили, ревком еще работал. И перестал он работать только тогда, когда в местечко прибыла разведка петлюровцев. Мне и т. Рудко удалось бежать из местечка и переночевать в одном хуторе. На следующий день переехали в м. Людвиноль, где мне и пришлось скрываться 3¹/₂ месяца, т.-е. до мая 19 г. у своих родных. Несколько раз приезжали меня разыскивать петлюровцы, но каждый раз мне удавалось скрыться. Другие члены ревкома не бежали, и они были арестованы. Председатель т. Писарец чувствовал, что его расстреляют и пытался бежать. В гор. Ровно из тюрьмы ему удалось бежать, остальные просидели в тюрьме в пытках до конца апреля, потом их освободили. Я несколько раз пытался перебежать через фронт Новоградволыньск и Олевск на сторону красных, но не удавалось, так как у меня больших связей не было и отсутствовали какие бы то ни было средства. Положение было очень трудное, т.-к. вблизи не было коммунистических организаций, и в г. Ровно, т.-е. в 70 верстах, находилась директория. Правда, я знал, что в г. Ровно существует подпольный ревком, но все мои попытки связаться кончились неудачей. В мае месяце я прибыл обратно в Березно и принял участие в организации нового ревкома, но сам туда уже не вошел в его состав. 11 августа под напором поляков и петлюровцев мы отступили из гор. Ровно.

М. ГЕНДЛЕР.

ОТДЕЛ II

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Рачковский.

В конце апреля 1879 года в Петербургской Вольной Типографии, где я работал и проживал, заканчивался печатанием последний номер подпольной газеты «Земля и Воля». На летние месяцы работа у нас прекращалась; сознательных рабочих тогда было очень мало, а интеллигенция и студенчество—главный контингент наших читателей того времени—разъезжались летом по дачам, деревням и провинциальным городам, куда мы не могли, по слабости своей организации, доставлять им издаваемую нами газету.

Нервное напряжение, с которым пришлось работать в знаменательную зиму 1878—1879 г.г., требовало отдыха, тем более, что в феврале 1879 г. на мои следы напали агенты тайной полиции, искавшие меня в районе типографской квартиры, и я, в ожидании их успокоения, был вынужден почти безвыходно жить при типографском станке. Желая несколько встряхнуться после долгого сидения в типографии, я просил товарищей дать мне командировку в провинцию. Командировка была дана. С разными поручениями я должен был проехать в Киев и Одессу, где находился Александр Михайлов, следивший там за Юрковским и его работой по проведению подкопа под Херсонское казначейство. Из Одессы я должен был проехать в Тамбов и Саратов, где рассчитывал встретиться со многими из своих приятелей. Понятно, с каким нетерпением я ожидал своих летних вакансий.

С 1874 года мне пришлось перейти на нелегальное положение и пользоваться паспортами нашей «небесной канцелярии», поставленной во второй половине 70 годов образцово. По такому же документу я проживал и в Петербургской Вольной Типографии, но для поездки в провинцию мне обещали изготовить новый паспорт. Это было необходимо. Данная мне командировка, как и все наши поездки, соединялась с риском попасть в тюрьму; если бы я был арестован с паспортом, прописанным в типографии, я навел бы полицию на след нашего печатного станка и лиц, охранявших его.

Как только был отпечатан последний лист последнего номера «Земли и Воли», я немедленно выехал из квартиры типографии, т. е. просто ушел из нее, поручив нашей хозяйке заявить дворнику о моем выезде.

Уходя из типографии, я рассчитывал немедленно получить от товарищей новый паспорт, деньги и выехать из Петербурга по назначению. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Паспортная канцелярия наша, заключающаяся в двух об'емистых портфелях, благодаря некоторым арестам, застряла на конспиративной квартире, известной только арестованным, и для выручки ее требовалось время. Таким образом я на неопределенный срок очутился между небом и землей. Воз-

вращаться на старую квартиру, из которой меня уже выписали, было неудобно по конспиративным соображениям, а потому решили, что я буду пока жить перелетной птичкой, ночуя в разных местах. В числе квартир, где можно было найти временный приют, мне указали квартиру начинающего писателя Морозова. Это был однофамилец нашего Морозова, попавшего потом в Шлиссельбург. Он сотрудничал в газете «Неделя» и доставлял литературный материал из иностранных газет в редакцию «Земля и Воля». В одну из ночевок у этого молодого писателя мы с ним разболтались, я объяснил ему причину, заставляющую вести меня кочевую жизнь и сообщил в общих чертах о предстоящей мне поездке.

— И вы не боитесь ехать в провинцию с поддельным документом?— спросил он.

Как ни уверял я его, что наши документы ничем не отличаются от действительных, он мне не поверил и продолжал убеждать, что к риску, с которым соединена моя поездка, неразумно присоединять еще риск, связанный с проживанием по фальшивому документу.

— Тем более неразумно,—добавил он,—что у знакомых всегда можно найти паспорт, в данный момент им не требующийся.

На этом наш разговор о паспортах прекратился, и я скоро забыл о нем, не придав ему никакого значения.

Но денька через два, когда я вновь пришел на ночевку к Морозову, он встретил меня с радостным лицом и объявил, что дело относительно паспорта им улажено. Документ на жительство он добыл у своего товарища по университету, приятеля и кума Рачковского. Этот Рачковский, как объяснил мне Морозов, окончив университет, уехал в Архангельскую губернию и занял там место и. д. судебного следователя. Ссыльно-политический элемент, всегда обильный в этой губернии, находил у Рачковского самый радужный прием. Это не нравилось местному начальнику. Рачковский к тому же и в своей служебной практике вел себя вызывающе-либерально, становясь всегда на сторону угнетенного брата. Жандармы написали донесение, Рачковский был уволен от занимаемой им должности и причислен к министерству. Политические ссыльные устроили ему торжественные проводы. В Петербург он явился с рекомендательными письмами от них, завел обширное знакомство в социалистических сферах, и можно было надеяться, как уверял меня Морозов, что из него выработается выдающийся революционный деятель. Рачковский, переехавши в Петербург, прописался здесь по какому-то имевшемуся у него паспорту, но как причисленный к министерству, он во всякое время мог взять отпуск и для предполагаемого путешествия получить временный служебный паспорт. Вот этим то паспортом он и предлагал мне воспользоваться для моей поездки.

Свидание мое с этим будущим «революционным деятелем» должно было состояться на другой день, в квартире Морозова, в 12 часов дня. Когда в назначенное время я подходил к квартире молодого писателя, мне бросились в глаза два подозрительных субъекта, стоявшие на противоположной стороне улицы. Глаз у меня был опытный, я заподозрил их в наблюдательных функциях.

Рачковский, человек выше среднего роста, плотный, с темной шевелюрой волос, такого же цвета густыми усами и бритой бородой, уже ждал меня вместе с Морозовым. Он извинился, что не успел еще достать обещанный паспорт, но обнадежил, что документ возьмет из канцелярии сегодня же или завтра утром и немедленно доставить его Морозову или по адресу, который я укажу ему. Для более полной гарантии моей личности во время путешествия он предлагал мне воспользоваться его форменной судейской фуражкой и вицмундиром. Дадите, говорит, в гостинице лакею почистить вицмундир,—это произведет на него хорошее впечатление. Разговорились. Рачковский подробно рассказал о всех преследованиях, которым он подвергался со стороны администрации, о своих приятелях, политических ссыльных в Архангельской губернии, и решительно заявил, что он больше служить не будет и думает заняться литературным трудом. Я уже сотрудничаю в одной из газет, сказал он. Он назвал газету, заголовка которой теперь не припомню, но вспоминаю, что газета эта в то время влачила жалкое существование и носила весьма неопределенную физиономию. Газету эту он советовал нашей организации взять при его содействии в свои руки и превратить ее в легальный орган партии.

— Такой орган необходим для партии,—настаивал он,—и представил бы для нея массу практических удобств. Весь литературный материал—напр., корреспонденции, статьи из заграницы и из провинции—мог бы быть адресован в редакцию легального органа и здесь сортироваться. Все, подходящее к цензурным условиям данного времени, печаталось бы в легальном издании, остальное—в «Земле и Воле». Когда уже достаточно подробно мы обсудили этот проект, я спросил Морозова о нашем общем знакомом известном моряке, эмигранте и изобретателе Луцком, сидевшем в то время в доме предварительного заключения. Морозов ответил, что на днях встретил жену Луцкого, и она сообщила ему, что для освобождения мужа прокуратура требует внесения залога в 2000 рублей или надежного поручителя. Рачковский немедленно предложил свои услуги.

— Лично я не имею капиталов и поручителем быть не могу,—сказал он,—но у меня есть приятель, князь.... Очень хороший человек, его следует приблизить к партии: это поручительство будет служить для него первым пробным камнем.

Он назвал фамилию князя, теперь не припомню ее. Впоследствии мы пропечатали этого князя, как шпиона-provokatora, в одном из первых номеров Народной Воли.

Прощаясь с Рачковским, я условился с ним, что паспорт и форменную фуражку—от вицмундира я отказался—он принесет мне на другой день в квартиру Морозова.

Как только захлопнулась за мной парадная дверь, я вновь увидел двух подозрительных суб'ектов, уже замеченных мною раньше. Один из них стоял на одном конце квартала, другой на противоположном. Куда бы я ни повернул, направо или налево, я должен был пройти мимо одного из них. Это обстоятельство заставило меня быть осторожным. Я пошел по прилегающим пустынным улицам и убедился, что за мной следят. К счастью, мне

встретился извозчик, одиноко трусивший на своем одре среди глухой улицы; я сел на него и уехал от преследующих. Только основательно убедившись, что за мной никто уже больше не следит, я направился на конспиративную квартиру. Здесь, к великой моей радости, ожидали меня: паспорт нашей небесной канцелярии, деньги и записка товарища, просившего меня ехать немедленно, так как отъезд мой и так совершенно неожиданно был задержан на полторы недели, что могло невыгодно отразиться на провинциальных делах.

Получивши паспорт, я чувствовал, как бы крылья выросли на моих плечах. Паспорт, предложенный мне Рачковским, имел для меня значение лишь настолько, насколько он мог ускорить мой отъезд, теперь же я не чувствовал в нем никакой нужды. Явилось и такое соображение: чего бы ради я без всякой надобности стал рисковать за счет Рачковского, этого может быть в скором будущем выдающегося деятеля русской революции?! К тому же паспорт Рачковского приходилось добывать с квартиры, за которой, как я в этом убедился, устроен надзор. Да и застать его можно было только на следующий день, а мне время было дорого и очень уж хотелось возможно скорее покинуть наскучивший мне Петербург. Я посмотрел на расписание, до отхода поезда оставалось всего два часа. Захватив с собой самое необходимое, маленький узелочек с одной парой белья, я с усмешкой вспомнил о предложенном мне вицмундире и, наскоро пообедав в кухмистерской, поспешил на вокзал.

В Петербург я возвратился в конце мая и, идя с вокзала, встретил на Литейном проспекте покойного товарища Александра Квятковского ¹⁾. Идя с ним, я рассказывал ему о своей поездке, об общих знакомых и проч., как вдруг Квятковский, очевидно, внезапно вспомнив нечто значительное, остановился и спросил меня, не предлагал ли мне кто-либо перед моим отъездом чиновничий паспорт, форменную фуражку и вицмундир. Квятковский очень встревожился, когда я ответил утвердительно, и забросал меня вопросами: кто, когда, где? и с большим вниманием выслушал мой рассказ об условиях, при которых я познакомился с Рачковским.

Квятковскому поручено было в это время ведение таинственных сношений с нашим товарищем Клеточкиным, которому удалось в конце 1878 года пробраться в секретари III-го Отделения. Клеточкин сообщал нам самые подробные сведения о деятельности этого учреждения и между прочим о всех агентах-провокаторах, поступавших туда на службу. Вскоре после моего отъезда Клеточкину сообщил Начальник III-го Отделения о поступлении к ним нового агента-провокатора, подающего большие надежды. Агенту этому шеф жандармов и начальник грозного в то время отделения придавали такое большое значение, что даже Клеточкину они не решились сообщить фамилию нового прозелита. Агентом этим оказался Рачковский. Клеточкин познакомился с ним. Он не пытался, конечно, спросить фамилию таинственного агента, это было бы нескромно с его стороны, но по делам

¹⁾ Квятковский впоследствии судился вместе со мной по процессу 16-ти, приговорен к смерти и казнен.

службы, связанных с необходимостью установления за мной слежки во время моей поездки, тот рассказал ему о предложенных им мне паспорте, форменной фуражке и виц-мундире.

— Я предложил ему форменную фуражку,—сказал Рачковский, чтобы за ним легче было следить.

Разговор этот Клеточкин не замедлил, конечно, передать Квятковскому. Товарищи долго и напрасно ломали голову над разрешением заданой им загадки. Ключ к разрешению ее, за моим отсутствием, мог дать им только Морозов, но последний стоял довольно далеко от организации и был отрезан, так как перед отъездом я сообщил товарищам об установленном надзоре за его квартирой.

Через несколько дней после моего приезда Клеточкин сообщил и фамилию Рачковского, которую наконец таки ему решили доверить. До этого фамилию Рачковского знали только шеф жандармов и начальник III-го Отделения. Теперь к этим двум лицам прибавился еще Клеточкин. Больше никто из служащих в III-м Отделении о Рачковском ничего определенного не знал. В виду этого Клеточкин, опасаясь быть скомпрометтированным, просил нас относительно Рачковского быть очень осторожными и все сведения, переданные о нем, хранить в самом строгом секрете.

Получив такое предостережение и опасаясь болтливости Морозова, который с этой стороны было мало известен, товарищи долго не решались предупредить его о коварном приятеле, но, наконец, решили приподнять завесу с его ослепленных глаз.

Когда сообщили Морозову, что его приятель состоит на службе в III-м Отделении, он возмущился до глубины души. Он не мог допустить, чтобы его приятель, товарищ по университету, выгнанный за либерализм с казенной службы, мог унизиться до провокаторства.

— Это возмутительное обвинение,—сказал он.—После этого я не могу быть уверенным, что завтра же вы и на меня не взведете такую же гнусную клевету.

Стараясь убедить Морозова в его излишнем доверии к Рачковскому, один из товарищей имел неосторожность сказать ему, что в III-м Отделении знают о предложенных мне Рачковским паспорте, форменной фуражке и вицмундире. Но и этот довод не убедил Морозова, и он продолжал возмущаться. Посвятить Морозова во все подробности наших таинственных сношений, в III-м Отделении, в которые детально не было посвящено даже большинство членов партии, товарищи не имели права, а потому один из них сказал ему:—Ну, прекрасно. Каждый из нас может остаться при своем убеждении относительно личности Рачковского. Но вы должны нам дать слово, что весь разговор этот о вашем приятеле останется между нами, что вы о нем никому, а тем более Рачковскому, не скажете, сохраните все в самом строгом секрете.

Требуемое слово было дано.

Не знаю, что побудило Морозова изменить этому слову, но он его не сдержал. Встретившись с Рачковским, в невинность которого он так глубоко верил, Морозов с негодованием сообщил ему о взведенной на него

гнушной клевете. Но когда он, желая, может быть, выяснить причину возникшего подозрения, упомянул, что в III-м Отделении знают о сделанном Рачковским предложении, последний так растянулся, так побледнел, что даже в кристальной душе Морозова возникло первое зерно сомнения.

Взволнованный Рачковский прибежал в III-е Отделение и бурно выразил свое негодование. Каким образом революционеры, скрывавшиеся где-то в подпольях, могли узнать о его сообщениях тайной канцелярии. О донесениях его знали только шеф жандармов, Начальник и секретарь III-го отделения. Кто же из этих трех лиц мог предать его или проболтаться о нем?

От Клеточкина было получено тревожное письмо; подозрение—правда, еще слабое—падало на него. Требовалось принять энергичные меры к его обелению. Я вспомнил о князе, рекомендованном Рачковским в поручители за освобождаемого Луцкого. По справкам фамилия и адрес этого князя оказались в имевшемся у организации списке третьестепенных провокаторов. Сообщили об этом Клеточкину и общими усилиями составлен был план действий. Одной из заведомых провокаторш ¹⁾, стремившейся по поручению III-го Отделения, узнать причину, вызвавшую подозрение против Рачковского, рассказали через третьих лиц, что последний стремился ввести в организацию какого-то князя, известного провокатора. Обстоятельство это, мол, и вызвало подозрение. Желая проверить, насколько это подозрение основательно, Рачковскому сказали, что о предложенных им мне паспорте, фуражке и вицмундире известно в III-м Отделении. Хотели посмотреть, какое впечатление произведет на него это сообщение. Испуг Рачковского и все дальнейшее поведение его несколько укрепило зародившееся подозрение, но что и до сих пор, мол, подозрение это висит еще в воздухе, так как достаточных оснований для него нет.

Объяснение это в III-м Отделении было принято за чистую монету и возбудило надежду на возможность исправления досадного промаха новичка провокатора. Решено было сделать все возможное для восстановления в социалистических сферах репутации Рачковского. В этих видах у Морозова и Рачковского одновременно был произведен обыск, и оба они, как соучастники тайного сообщества, стремящегося к ниспровержению существующего порядка, были арестованы и посажены в дом предварительного заключения. Сидя в одиночном заключении, Рачковский не прерывал сношений с внешним миром и всячески старался восстановить свое доброе имя, к нему часто приходил редактор вышеупомянутой газеты, и Рачковский продолжал свою литературную деятельность. В чем заключалась эта деятельность, что он писал—не знаю, так как газету, которую он предлагал мне обратить в легальный орган партии, не видел.

В конце лета 1879 года партия «Земля и Воля» распалась на две приблизительно равные части: Народная Воля и Черный передел. С осени Петербургская Вольная Типография, в которой я продолжал работать

¹⁾ Провокаторша эта вращалась среди социалистов, ходила для пропаганды в народ со своим кружком и всячески стремилась проникнуть в недра революционных сфер. Клеточкин просил ее не трогать, она поддерживала его репутацию перед жандармами.

приступила к изданию новой газеты под названием «Народная Воля». В первом же, кажется, номере этой газеты по просьбе Клеточкина был ошельмован князь, как шпион-provokator, а в одном из последних номеров был таким же образом ошельмован и Рачковский.

Только после этого ошельмования Рачковский, просидевший в тюрьме месяца четыре, был, наконец, освобожден. По выходе из тюрьмы Рачковский делал попытки к восстановлению своей репутации, но усилия его не увенчались успехом. Некоторые из близких к нему социалистов обвиняли нас в ошибочном и легкомысленном обвинении его в шпионстве, требовали пред'явления оснований, послуживших к обвинению, но, конечно, эти основания им не могли быть пред'явлены. Мало-по-малу публика успокоилась и поверила нам.

Нервы Рачковского расшатались, обнаружили признаки мании преследования. Ему всюду грезилась революционеры, следующие по его пятам, стремящиеся покуситься на его жизнь. О мнимых кознях революционеров Рачковский доносил III-му Отделению, но тщательное шпионское исследование показало жандармам, что они имеют дело с маниаком.

Мысль о наказании Рачковского и даже об уничтожении этого вредного provokatora не была, конечно, чужда боевой организации Народной Воли. Морозов, по настоянию Квятковского, привел как-то Рачковского в булочную-кофейню Исаева, чтобы показать ему этого ловкого provokatora. Но смотрины эти оказались весьма неудачными. Не предупредив меня об этих смотринах, Квятковский назначил мне свидание совсем по другому делу в той же булочной, за час раньше условленного времени прихода туда Морозова-Рачковского. Разговаривая с Квятковским, я обратил внимание на странный вид окружавшей нас публики, из которой некоторые субъекты явно пытались подслушать нас. Когда я ушел, то заметил, что за мной следует гороховое пальто. Ничего не зная и не понимая, я решился вернуться в булочную Исаева, чтобы предупредить Квятковского о грозящей ему опасности. Но в дверях этой булочной я столкнулся с Морозовым и Рачковским, пригласившими меня пить с ними кофе. Представьте себе мое странное и глупое положение. Квятковский сидел в стороне, скоро он вышел. Рачковский проводил его долгим, насмешливым взглядом. Я болтал с Морозовым и Рачковским о разных пустяках. Рачковский не заговорил со мной о сделанном им мне предложении по снаряжению меня в путь-дорогу и о всех связанных с этим столь важных для него событиях, очевидно, мысль его в этот момент была направлена совсем в другую сторону.

От шпионов мы, конечно, скрылись, но в результате этих неудачных смотрин около десятка третьеоделенских агентов познакомились и с Квятковским и со мной, что было весьма неприятно и опасно. За эти смотрины Квятковский получил нагоняй от Клеточкина и нашего строжайшего профессора по предмету конспирации Александра Михайлова. После этого первого и столь неудачного приступа к сведению счетов с Рачковским, потерявшим теперь свое опасное значение, о нем совсем забыли. Осенью 1879 года народовольцам было не до него, а потому все его опасения за свою жизнь были напрасны.

В октябре того же года я встретил Рачковского в Гостинном дворе, куда ходил покупать бумагу для типографии, Рачковский при встрече закрыл свое лицо рукой. Пройдя шагов двадцать, я обернулся, в тот же момент обернулся и Рачковский. Мы смерили друг друга глазами. Рачковский юркнул в ближайшую дверь магазина. Это было последнее наше свидание. А перед арестом своим, происшедшим в январе 1880 года,—совершенно независимо от рассказанных мной событий,—я получил и последнее известие об этом ловком провокаторе. Рачковский, как донес Клеточкин, был назначен агентом-провокатором в Галицию.

По возвращении из Сибири в 1895 году я узнал, что Рачковский назначен начальником русского сыскного отделения в Париже, заменившего там тоже моего старого знакомого—генерала Стрельникова, убитого,—если память мне не изменяет,—эмигрантом Подлевским, которому Стрельников предлагал вступить в число служащих своего отделения. В 1867 году Стрельников был губернатором в Пензе, отец мой—управляющим акцизными сборами, а я учеником местной гимназии. Будучи губернатором, Стрельников и в то время обнаружил свою любовь к сыску. Он переряжался в простонародный костюм, ходил по окрестностям города и арестовывал местных мещан, играющих в лесу, прилегающем к городу, в орлянку. Тоже своего рода призвание, природная склонность. Таким призванием, такой природной склонностью, очевидно, обладал и Рачковский. План разгрома революционеров, надо полагать, им создан был еще на университетской скамье.

НИКОДАЙ БУХ.

„Биография“ тов. Н. В. Крыленко.

(По «данным» Канцелярии Харьковского Губернатора. Дело с секр. переп. по описи Архива Революции № 602).

21 марта 1914 года за № 6870 Петербургский Градоначальник пишет Харьковскому Губернатору: «По рассмотрении Особым Совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о Государственной Охране, обстоятельств дела о сыне чиновника Николае Васильеве Крыленкове, привлеченном по обвинению в принадлежности к С.-Петербуржскому Комитету Социал-демократической Партии, Г. Министр Внутренних Дел постановил подчинить Крыленкова гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, кроме столиц и столичных губерний на два года, считая срок с 25 февраля сего года.

По объявлении настоящего постановления Крыленков избрал местом жительства гор. Харьков, куда и выбыл с проходным свидетельством за № 6589, выданным подведомственным мне (Петербуржским) Охранным Отделением.

Об изложенном, согласно отношения Департамента Полиции от 3-го сего марта за № 97541 сообщаю Вашему Превосходительству для сведения и распоряжений.

Приложение: список с указанием материального положения Крыленкова и его фотографическая карточка».

О благополучном прибытии 20-го марта 14 г. тов. Крыленко, (именуемого в бумагах в начале Крыленков, а впоследствии в скобках дополн.—Крыленко—он же) Харьковский полицеймейстер доносит Губернатору, сообщая, что Крыленков поселился по Сумской улице в д. № 6. и что гласный надзор над ним учрежден.

Губернатор ставит об этом в известность Департамент Полиции и Харьковское Жандармское Управление.

В начале мая того же года у начальства встречается затруднение с поднадзорным. Харьковский уездный воинский начальник 2 мая делает запрос начальнику Харьковского Жанд. Управления: «Состоящий в запасе армейской пехоты и на учете по Харьковскому уезду прапорщик запаса Николай Васильевич Крыленков донес мне, что он, согласно постановления Особого Совещания при М. В. Д. от 25 февраля сего года, выслан из Петербурга на два года с подчинением надзору полиции.

Прошу срочно сообщить мне, не встречается ли препятствий по преступлениям и проступкам политического характера для призыва его в учебный сбор и отправления в часть войск».

На этой бумажке Начальник Жан. Управ. наложил резолюцию: «Гласно-поднадзорные находятся в ведении местной администрации, а потому настоящий запрос препроводить на рассмотрение Харьковского Губернатора, о чем уведомить воинского н-ка». Препровождая этот запрос Губернатору. 5/V 14 г., Начальник Жандармского Управления отводит целых две страницы «жизнеописанию» тов. Крыленко.

«Имею честь уведомить, что об упомянутом в нем (запросе) прапорщике запаса Николае Васильеве Крыленкове, в делах вверенного мне Управления имеются сведения: как видно из сношения Нач. С-П-Бского Охранного отделения от 4 минувшего апреля за № 76666, он являлся одним из главных руководителей забастовок в 1910 и 1911 г.г., выступал на митингах в качестве оратора, распространял нелегальную литературу, принимал деятельное участие в предвыборной компании в 4 Государственную Думу. В настоящее время состоит (?! М. И.) сведущим лицом при Думской Социал-демократической фракции и принимает деятельное участие в организации и работе Петербургского комитета, входя в него, как член исполнительной комиссии. Имея отношения к транспортировке заграничной Социал-демократической литературы, подыскал какого то студента для привоза из Кракова преступных воззваний под заглавием: «9 января» и № 32 газеты «Социал-демократ». По своим убеждениям Крыленков является ярким последователем нарождающегося в России нового движения, известного под названием «Революционного Синдикализма». Как убежденный и опытный социалист-агитатор, Крыленков избрал себе профессией педагогическую деятельность, как наиболее удобную для безнаказанного пропагандирования социалистических взглядов и убеждений учащейся молодежи. Проживая в городе Люблине, врашался среди людей, враждебно настроенных против России. 12 декабря 1913 г. Крыленков был подвергнут в гор. С-Петербурге обыску, вследствие вышеназванных сведений, коим у него отобрано: в большом количестве №№ газет и журналов «Печатное дело», «Пролетарская правда», «Новая рабочая газета» и другие брошюры по социально-политическим вопросам, на которые наложен арест судебными установлениями, рукопись корректурная «К истории фабричной инспекции в России», крайне тенденциозного направления, и другие рукописные заметки по рабочему движению и относящиеся к российской социал-демократической рабочей партии, почему он того же числа был арестован и привлечен к переписке в порядке охраны, по рассмотрении которой особым совещанием» и т. д.

В связи с этим следует отметить обнаружившуюся путаницу в толковании положения о поднадзорных. Губернатор накладывает резолюцию: «запросить г. Эйландта». Эйландту (Непр. Члену по воинским пов. Присут.) пишется письмо, смысл которого сводится к вопросу: как поступить с Крыленковым в отношении призыва в войска. В ответ на это составляется бумага, в которой указывается, что, согласно пункту 4 ст. 169 Устава о Воин. Пов. из числа участ. в вынужении жеребья лиц, подвергаются освидетельствованию в годности к воинской службе и назначаются на службу в войска, состоящие под гласным полицейским надзором—по истечении срока

назначенного надзора. Относительно же недопущения к учебным сборам прапорщиков запаса, состоящих под гласным полицейским надзором, соответствующих указаний в законе не имеется. Документ этот подписывается секретарем и непременным членом (Эйландтом), но подписи за Вице-Губернатора нет, и вся бумага перечеркнута, а от руки сделана надпись: «прапорщик запаса Крыленков состоит под гласным надзором полиции и в политическом отношении неблагонадежен, и п. 4 ст. 169 Уст. о Воин. Пов. не допускает лиц, состоящих под гласным надзором полиции, к призыву на службу в войска».

10 мая Воин. Нач. вновь просит указаний, как ему поступить с прапорщиком Крыленко, который 15 мая должен быть призван в войска.

Чем-бы разрешился этот вопрос—неизвестно (из бумаг не видно), но тов. Крылецо помог выйти из затруднения. 8 июля 14 г. Харьковский Полицеймейстер доносит Губернатору: «В дополнение сообщения от 20 марта с.г. за № 2823 (сообщения, что Крыленков поселился по Сумской ул. № 6 и что за ним учрежден надзор. М. И.) уведомляю, что состоящий под гласным надзором полиции сын чиновника Николай Васильевич Крыленко, который, согласно распоряжения Нач. Харьк. Губ. Жанд. Упр., подлежит задержанию и заключению в Харьковскую Губернскую тюрьму, из д. № 6 по Сумской ул. скрылся неизвестно куда, и меры к розыску его по городу Харькову приняты».

Губернатор ставит об этом в известность Департамент Полиции.

С этого момента более года авторы «биографий» тов. Крыленко о нем ничего не говорили, если не считать того, что упоминалось о нем в разных бумагах и донесениях об арестованных одновременно Каган, Розенштейне, Савельеве, Размирович. И лишь 28 ноября 1915 г. Московский Градоначальник возобновляет о нем записи: Он пишет Харьковскому Губернатору:

«Разыскиваемый циркуляром Департ. Полиции от 28 августа 1914 г. Николай Васильевич Крыленков (Крыленко), в связи с арестом на собрании членов вновь организовавшегося временного Московского Соц.-демократического Комитета, арестован 5 сего ноября в Москве, где проживал по паспорту на имя крестьянина Бессарабской губернии, Хотинского уезда, Новоселицкой вол. и села Василия Степанова Сидорова.

В виду того, что Крыленков, как прапорщик запаса, согласно прим. 1 к ст. 221 Уст. Угол. Судопроизводства, подлежит преданию военному суду за неявку по призыву на действительную службу, Начальником подведомственного мне Отделения по охранению общественной безопасности и порядка, запрошен Департамент Полиции, надлежит-ли Крыленкова передать в распоряжение военных властей, или переписку о нем направить в Особое Совещание».

Но здесь снова мемуары властей о тов. Крыленко прерываются. Очевидно, выяснение поставленного вопроса шло по другой линии, и губернатор об этом не ставился в известность.

Заговорили о нем опять в мае месяце 1915 г., когда он снова оказался в Харькове, в связи с поданным им Харьковскому Губернатору прошением.

В этом прошении тов. Крыленко просит Губернатора разрешить его «родственнице» Елене Федоровне Размирович (арестованной 17 декабря 15 г. в Москве М.И.), высылаемой по постановлению Мин-ра Внутр. Дел в Иркутскую губернию на пять лет, следовать туда за свой счет, т.к. следовать обычным этапным порядком для нее может быть губельно, ибо она находится в состоянии беременности. К прошению приложены копии свидетельств: врача Харьковской Губернской тюрьмы Дракина и врача пересыльной тюрьмы Преображенского. Губернатор наложил на прошение резолюцию: «1) Врачебному отделению произвести поверку, 2) выяснить через тюремную инспекцию, каким образом медицинские свидетельства попали прапорщику Крыленко, 3) через Губ. Жанд. Упр. выяснить личность прапорщика Крыленко и его отношение к полит. арест. Размирович. 4-в».

В указанных направлениях и пошло выяснение вопросов. Врачебное Отделение составляет комиссию для проверки состояния здоровья Е. Ф. Размирович, которая и подтверждает сказанное о ней тов. Крыленко и упомянутыми врачами. Нач. Харьк. Губ. Жанд. Упр. препровождает Губернатору «справку из дел Харьк. Губ. Жанд. Упр. о сыне титулярного советника, окончившем Петроградский Университет, прапорщике запаса Николае Васильевиче Крыленкове (Крыленко), родивш. 2 мая 1885 г.». справка эта представляет наиболее «полный», из всех имеющихся в делах, «биографический» очерк, перечень его революционной деятельности, попавшей в поле зрения жандармерии и прочих учреждений, специальностью коих являлась «охрана общественной безопасности и спокойствия», и кои об опекаемых ими индивидах знали иногда «больше», чем сами они о себе.

«По сообщению Н-ка Петроградского Охранного Отделения от 13 июля 1915 г. за № 14578, Крыленков в 1906 г. подлежал аресту, в виду принадлежности к петроградской организации Российской Социал-демократической рабочей партии, но, как скрывшийся до обыска, арестован не был. 5 июня 1907 г. он был задержан полицией Охтенского участка на заводе Крейтон за агитацию среди рабочих и при задержании назвался Екатеринбургским мещанином Владимиром Николаевичем Постниковым, по документу которого и проживал в Петрограде. При обыске у него обнаружен лист бумаги, на коем надписано: «удостоверяем нуждаемость члена с.-д. группы Н. Борисов». Произведенным при Петроградском Губ. Жанд. Упр. дознанием по делу объединенного комитета Р.С.Д.Р.П. не было добыто в отношении Крыленкова достаточных данных, и потому он был признан по суду оправданным и из-под стражи освобожден. 13 сентября 1907 г. Крыленков, в числе других лиц, возбудивших сомнение в политической благонадежности, в момент прибытия в столицу был арестован на Финляндском вокзале при возвращении из Финляндии. Переписка о нем при том-же Жанд. Управлении была прекращена, а по ходатайству Петроградского Охранного Отделения Петроградским Градоначальником, на основании п. 4 ст. 16 Полож. о Госуд. Охране, ему было воспрещено жительство в Петрограде впредь до распоряжения. По имеющимся у заведывающего политическим розыском в Люблинской губернии сведениям, Крыленков состоял в 1908 г. в боевой дружине Люблинского отдела и вращался в Люблине среди людей, враждебно настроенных против

России. В декабре 1908 г. Петроградским Градоначальником ему было разрешено жительство в Петрограде до 1 июня 1909 г. для держания экзаменов в университете. В декабре же 1908 г. Крыленков послал письмо в Саратов, в котором упоминает о своей революционной деятельности в Могилевской организации. В 1910 году Крыленков, разочаровавшись в Соц.-демократической партии, написал книгу с редкой критикой всей тактики Социал-демократов и примкнул к группе синдикалистов, но, избежав ареста при ликвидации этой группы, снова перешел к с.-д. большевикам. Из записки Департамента Полиции от 3 декабря 1910 г. за № 109790 на имя Н-ка Петроград. Охранного Отделения видно, что «Абрам—учитель» (литературный псевдоним Крыленкова) в период 1906—07 гг. играл роль серьезного партийного агитатора и, помимо переправы литературы и партийных лиц за границу, два раза лично отвозил транспорты в Петроград».

Далее сообщается то же, что и в донесении Харьк. Губ. Жанд. Упр. от 5-го 14 г. Губернатору в связи с вопросом о призыве его в войска. Но в обстоятельства, предшествовавшие аресту, внесены некоторые новые подробности.

«В декабре 1913 г. Крыленков состоял под наружным наблюдением, каковым было отмечено неоднократное посещение им квартиры Социал-демократической Думской Фракции большевиков, редакции газеты «За Правду» и Елены Федоровны Размирович. Кроме того он посетил присяжного поверенного Николая Дмитриевича Соколова, члена Госуд. Думы Бодаева, окончившего Петроградский Университет Михаила Александровича Скворцова, о котором имеются сведения в Департ. Полиции, как о передаточном адресате переписки большевиков и др.». Затем следует то же, что было сказано в первом донесении Губернатору включительно до постановления о «подчинении» его гласному надзору полиции на два года.

«По объявлении Крыленкову настоящего постановления, он избрал местом жительства Харьков».

Проживая в Харькове с 20 марта 1914 г., Крыленков посылал в рабочие газеты статьи за подписью «А. Брам», освещая в них рабочий вопрос в духе Социал-демократии. Член Госуд. Думы Муранов указывал на него харьковским большевикам, как на крупную величину среди центральных работников.

По сообщению Департамента Полиции от 9 июня 1914 г. Крыленков должен был войти в состав «Организационной Комиссии» по устройству на юге России съезда членов Российской Социал-демократической Рабочей партии Ленинского течения.

20 июня 1914 г. он был подвергнут в гор. Харькове обыску, в связи с ликвидацией лиц, принадлежащих к местной Социал-демократической организации, коим у него обнаружено: 28 листов с отпечатанными на пишущей машинке статьями, видимо, для газеты или доклада, озаглавленными «На злобу дня», «К задачам момента» и «В мире рабочих», за подписью: «А. Брам». В них автором излагаются мысли о необходимости и путях объединения большевистского и меньшевистского течений Социал-демократической партии. 27 июля того-же года Крыленков снова был обыскан по

тому-же делу, и у него обнаружено: № 6 за 1914 г. журнала «Работница», № 22 за 1913 г. газеты «За Правду», № 22 за 1914 г. газеты «Наша рабочая газета», № 68 за 1914 год «Северной рабочей газеты», на которые арест утвержден Судебными установлениями.

По этому делу он был привлечен при Харьковском Губ. Жанд. Управлении к переписке в пор. пол. о Гос. охране, но до допроса в качестве обвиняемого скрылся, почему и помещен в розыскной циркуляр Департ. Полиции.

Как видно из сношения Москов. Охранного Отделения от 31 декабря 1915 г., Крыленков был задержан в гор. Москве 5 ноября 1915 г. и, как подлежащий призыву и неявившийся на действ. военную службу, согласно указания Департ. Полиции от 22 декабря того-же года, препровожден в распоряжение Харьковского уездного Воинск. Н-ка.

Крыленков в Москве проживал на нелегальном положении под именем и паспорту кр-на Бессарабской губ., Хотинского уезда, Новоселицкой вол. и села Василия Степанова Сидорова вместе с Социал-демократкой Еленой Федоровной Размирович—нелегальной Татьяной Цорн, куда оба они прибыли в конце сентября 15 г. из-за границы.

Какие выводы из этого сделал Губернатор—неизвестно. Последняя страница и точка в «биографии» тов. Крыленко принадлежит Департ. Полиции, который сообщает 15 июля 1916 г. Харьк. Губернатору:

«В виду поступившего от Н-ка Харьков. Губ. Жанд. Управления сообщения о приеме на военную службу состоявшего под гласным надзором полиции в гор. Харькове сына чиновника, прапорщика запаса Николая Васильевича Крыленкова (Крыленко), Министр Внутр. Дел признал возможным переписку о названном лице в порядке, указанном ст. 34 положения о Госуд. охране, прекратить, с освобождением Крыленкова от дальнейшего отбывания гласного надзора полиции».

На этом заканчивается коллективная работа по «жизнеописанию» тов. Крыленко царскими охранниками, которые немного более полгода спустя были тов. Крыленко «отведены»—революцией упразднены.

А желание поработать у них было. Последняя бумага в этом «деле» помечена 2 марта 1917 г. Это препроводительная бумага Нач. Жанд. Упр. Губернатору с «тючком» вещественных доказательств по делу Елены Размирович.

Провокация „социалистической“ Юстиции.

Нижеприводимый факт из деятельности Министерства Юстиции Временного Правительства 1917 года не может не быть отмечен на страницах истории Коммунистической Партии, как один из позорнейших провокационных приемов, практиковавшихся в 17 году Временным Правительством Керенского по отношению к большевикам.

Беспреданно теряя идейное влияние на широкие рабочие массы, все более и более уклонявшиеся от меньшевистско-эсеровской линии влево—к большевикам, Временное Правительство стало прибегать к самому постыдному, самому мерзкому методу борьбы с политическими противниками—к провокации, негодными средствами покусаясь на дискредитирование в глазах широких трудящихся масс—вождей пролетарской революции.

Неудовольствовавшись клеветой на тов. Ленина и прочих большевиков „подкупленных германским империализмом“, Временное Правительство прибегло к другому более верному „документальному“ доказательству „продажности большевистских вождей“—к фабрикации „документальных“ данных о причастности некоторых вождей большевизма к... царскому охранному отделению.

Работая с момента февральского переворота до декабря месяца 1917 года в Следственной Комиссии Николаевского Совета, я получил возможность убедиться в такой провокационной деятельности одного из „чистейших“ Министерств Временного Правительства—Министерства Юстиции.

Возглавлявшая мною фактически Следственная Комиссия по делам Николаевского Охранного Отделения и Жандармского Управления, занятая разработкой и систематизацией материалов Охранки и расшифровыванием провокаторов, вошла в соприкосновение с прокурорским надзором, коему Министерством Юстиции предоставлялось право обозревать дела Охранки и привлекать провокаторов к судебной ответственности.

Летом 1917 года, точно не помню—в июне или в июле месяце—в Следственную Комиссию при Николаевском Совете явился тов. прокурора (кажется, 4-го участка) Херсонского Окружного Суда—Борис Дмитриевич Горбатов (официальный член партии „К.-Д.“) и попросил удалить из помещения Комиссии всех посторонних лиц для сообщения мне, в секретном порядке, предписания Министра Юстиции.

Оставшись со мной наедине, тов. прокурора Горбатов извлек из своего портфеля предписание Министра Юстиции Временного Правительства (если не ошибаюсь,—„социалиста“ Прис. Пов. Малянтовича) о наведении проку-

рорским надзором справки в архиве Николаевского Охранного Отделения по поводу состояния в качестве секретных сотрудников Охранного Отделения (или Департамента Полиции) тов. Троцкого и Луначарского.

К предписанию был приложен, как основание, «документ» Департамента Полиции из дела „о секретных сотрудниках, не заслуживающих доверия“.

В указанном документе, адресованном в циркулярном порядке всем Жандармским Управлениям и Охранным Отделениям, значилось следующее:

«В виду того, что состоявшие секретными сотрудниками (кажется Петербургского М. М.) Охранного Отделения осведомителями по партии С.-Д. Лев Давыдович Бронштейн (он же Троцкий) и Анатолий Васильевич Луначарский (он же Воинов), оказались незаслуживающими доверия, они исключаются из списков секретных сотрудников Департамента Полиции. Предлагается всем Охранным Отделениям, в случае предложения указанными лицами своих услуг по секретному осведомлению о деятельности революционных организаций, таковые предложения отвергнуть, как исходящие от лиц, не оправдавших доверие (даже М. М.) Департамента Полиции».

Далее, по трафарету, как указывалось о всех незаслуживающих доверия секретных сотрудниках Охранки,—шло (для вещей показательности и доказательности) подробное описание примет «неоправдавших доверия:—звание, происхождение, семейное положение, рост, цвет волос, особые приметы (близорукость) и т. д... Троцкого и Луначарского.»

Признаюсь, что в первый момент, несмотря на то, что об указанных «сексотах» Охранки я имел не только приблизительное представление с 1904 года, я был чрезвычайно смущен подлинностью документа, но тут-же моментально вспомнив о практиковавшемся в Охранках методе дискредитации в глазах подпольных организаций виднейших представителей партии указанным выше путем, я, совершенно спокойно, извлек тут-же из архива Охранки Дело «о секретных сотрудниках, незаслуживающих доверия» и, в присутствии прокурора Горбатова, перелистав все прошитое, пронумерованное дело,—подобного пред'явленному мне Горбатовым циркуляра Департамента Полиции не нашел.

Предложение мое о провокационной политике Охранки по отношению к т. т. Троцкому и Луначарскому не оправдалось: циркуляра такого в деле не было, значит его не было вообще.

Необходимо здесь отметить, что подобные циркуляры Департамента Полиции рассылались обычно всем Жандармским Управлениям и Охранным Отделениям.

Когда на это обстоятельство было мне указано прокурору Горбатову, последний обратил мое внимание на препроводительное к «документу» отношение Министерства Юстиции, в котором указывалось место обнаружения вышеуказанного циркуляра Департамента Полиции. Оказалось, что, по указанию Министра Юстиции Малянтовича, «документ» этот был «случайно найден кем-то на ст. Нижний Новгород (или Новгород—точно не помню) и переслан в Министерство Юстиции.

Пространные к комментарию к настоящему документу о «документе» совершенно, полагаю, излишни. Ясно: Министр Юстиции, по чрезвычайно строго ведшемуся во всех Охранках делу «о секретных сотрудниках незаслуживающих доверия», мог бы, если не в Петербурге, где Охранка частично была разгромлена и сожжена, то по архивам ближайших городов, наконец, железнодорожных Жандармских Управлений, навести справку об указанных двух «сексотях», не адресуя свой запрос именно прокурору г. Николаева, в котором начал свою революционную деятельность г. Троцкий, г. Николаева, в котором, кроме армии и флота насчитывалось в 17 г. не менее 30000 промышленного пролетариата.

Если принять во внимание вышеуказанные обстоятельства, то становится, разумеется, совершенно ясным, почему именно в Николаев был адресован указанный «запрос» Министра Юстиции Временного Правительства—«социалиста» Малянтовича.

Самый факт до того ярок и красочен, до того ясно характеризует бесновавшихся в бессильной злобе своей против большевиков социал-министров буржуазного правительства 17 года, не останавливавшихся ни перед какой провокацией, шулерством и фабрикацией подложных документов против «предателей-большевиков»,—что дальнейшие комментарии данного факта можно считать совершенно излишними.

г. Харьков,
10 апреля 1922 г.

М. МАКОТИНСКИЙ.

ОТДЕЛ III

ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

Памяти Г. И. Чудновского.

С покойным Григорием Исааковичем Чудновским я встретился впервые в Петрограде в 1917 г., после его возвращения вместе с т. Троцким и Бухариным из Америки в Россию. Это было лишь личное знакомство, ибо знал я заочно т. Чудновского задолго до революции 1917 г., открывшей везд многочисленной политической эмиграции в Россию. С самого начала империалистической войны, после катастрофы II-го Интернационала т. Чудновский был одним из тех, кто не потерял ясной головы в кровавом урагане войны. А не растеряться в эту минуту крушения социалистических идеалов, массового падения целых партий, самого ужасающего банкротства Германской Соц.-Демократии, во главе с Каутским, под идейным влиянием которой выросло не одно поколение русских социал-демократов большевиков—было большой заслугой и свидетельствовало о политической зрелости покойного. С первого взгляда казалось, что все старые группировки перепутаны. Во Франции крайний антимилитарист Густав Эрве, в Германии крайний левый социал-демократ, нынешний редактор Стиннесовского органа «Немецкой всеобщей газеты» Пауль Ленч заняли крайнюю националистическую позицию. И угар национализма, господствовавший в Европе, был таков, что даже такие люди, как Карл Либкнехт, не решились, чтобы не нарушить партийной дисциплины, четвертого августа 1914 г. голосовать против кредитов на открытом заседании рейхстага, а ограничились лишь протестом на предварительном совещании фракции. Быть против войны в этот период казалось разнузданной шовинистической черни либо предательством, либо слабоумным чудачеством. Достаточно напомнить, что когда впоследствии, 2-го декабря 1914 года, среди дикого воя и стога всего Германского рейхстага герой, сын героя отца, Карл Либкнехт поднял руку против кредитов, вся социал-демократическая печать с «Форвертсом» во главе пытались изобразить этот жест, как стремление Либкнехта пооригинальничать, обратить на себя всеобщее внимание. До большего цинизма никогда еще ни до этого момента, ни после не спускалась, казалось, социал-шовинистическая печать. А между тем, не боясь обвинений в подкупе в безответственности, русские товарищи за границей с самого начала войны заняли к ней резко-враждебную позицию. «Социал-Демократ», издававшийся в Швейцарии т.т. Лениным и Зиновьевым, парижский «Голос», переименованный впоследствии после закрытия «Голоса» французской полицией в газету «Наше Слово», руководимую т. Троцким, явятся для будущего историка III-го Интернационала основными фрагментами, из которого выковывалась новая революционная идеология международного пролетариата. Сотрудником «Нашего Слова» и был покойный Григорий Исаакович в дни войны. Осенью 1916 г. т. Чудновский переезжает, по приглашению редакции «Нового мира», издававшегося в Нью-Йорке, в Америку, где и работает вместе

с т. т. Троцким, Бухариным, Володарским, придав до того слишком расплывчатой по своему характеру газете политическую физиономию боевого революционного органа.

При первых известиях о русской революции он бросается в кругосветное плаванье вместе с Л. Д. Троцким, по пути арестовывается англичанами и их заковывают представители «культурной» британской нации в кандалы, пока, наконец, после долгих мытарств, их не принимает гостеприимная русская земля.

Питер в мае 1917 г., Питер «коалиционного» кабинета с политическими нулями вроде Скобелева в роли министров, Питер, кишачий уличными митингами и дискуссиями между «большевиками» и «революционной демократией», Питер, пресса которого пускает в ход против пролетарской партии отравленное жало инсинуации и клеветы,—этот Питер становится в мае 1917 г. огромной мельницей, перемалывающей старые предрассудки и отсталого рабочего и крестьянина-дворника и подручного бакалейной лавки и гвардейского солдата. В гущу этого боя, подготовляющего великий октябрьский переворот, и бросается пламенный агитатор т. Чудновский. Чудновского вы можете встретить повсюду и на солдатском митинге в «Красном Селе», и на Путиловском заводе, и на улице, и на предвыборном собрании в районную Городскую Думу. И здесь, в этой схватке с эсеровской тыловой сволочью, он, преданный революционер, готовый в любую минуту положить свою жизнь за торжество дела трудящихся, слышит утробное рычание:

— Вы, большевики, не хотите итти на фронт. Вы—трусы, вы—дезертиры. Я помню, тот день, когда он взволнованный, красный пришел с заседания, кажется, Невской районной Думы после горячей перепалки с эсерами, меньшевиками и кадетами. На лице его было неподдельное возмущение.

— Вы подумайте, только,—говорил он гневно группе своих друзей,—эти негодяи хотят уверить массы, что мы боимся свиста пуль и смерти. Я завтра же, хотя и освобожден, как гласный Думы от мобилизации, вступаю добровольцем в воинскую часть, в первую маршевую роту, отправляемую этими лицемерами на фронт. Я покажу массам, что и под грохот орудий мы умеем делать наше революционное дело.

Мы не придали, помню, тогда большого значения словам Григория Исааковича, приписав их нервному напряжению, в состоянии которого он находился в последние дни. Но каково было наше изумление, когда через два дня в «Правде» мы прочли историческое по своей искренности и силе письмо Чудновского, в котором он заявлял, что в ответ на все обвинения большевиков в поощрении дезертирства и трусости он лично идет с первой маршевой ротой на фронт, но приглашает также последовать его примеру всех своих противников.

Конечно, ни Гоц, ни Чернов, а тем более бард 18 июня—Либер—примеру Чудновского не последовали.

Чудновский был услан правительством Керенского на самый реакционный Юго-Западный фронт.

В Питере вновь Чудновский появился в качестве делегата Юго-Западного фронта накануне Октябрьского переворота, в момент самой лихорадочной его подготовки. Он приехал в простой солдатской шинели с оторванным сзади хлястиком, в рыжих фронтовых обрызганных грязью сапогах, загорелый, пропитанный насквозь солдатским потом и грязом окопной вшей. Он окунувшийся в гущу самой подлинной серой солдатской массы, не успевший освободиться еще от патриотического шарлатанства керенщины, был несомненным представителем «низов», выразителем стихийного настроения Юго-Западного фронта. Но эти солдатские настроения и помешали ему оценить объективно зрелость масс для свершения переворота.

— Массы еще не созрели,—говорил он,—надо дать им окончательно изжить все иллюзии в отношении режима Керенского.

Покойный Григорий Исаакович не отрицал того, что мы идем гигантскими шагами к захвату власти, но он вместе с очень ответственными товарищами показал тогда, что на пути изживания иллюзий массам придется пережить краткую полосу банкротства Учредительного Собрания. Но это была, так сказать, «теория», совершенно не соответствующая революционному темпераменту Чудновского.

Когда разыгрались решающие октябрьские события, как то само собой вышло, что на челе всех непосредственных военных операций оказались т. т. Овсенко-Антонов, которого хорошо знают украинские трудящиеся массы, и т. Чудновский.

Третий Съезд Советов собрался в тот момент, когда, как известно, крейсер «Аврора» обстреливал «Зимний дворец», где засело так называемое временное правительство, а Чудновский вместе с рабочими, матросами и верными нам частями атаковал дворец с площади. С набережной доносился гул орудийной стрельбы, сухой отчетливый треск пулеметов, напоминавший Съезду Советов о необходимости разрешить возможно быстрым темпом вопрос о власти. И чем дальше затягивалась борьба, тем поспешнее «заячьи души» правой части Съезда бежали из актового зала Смольного. Ушли эсеры, ушли меньшевики, что то несурзное прохрипел от имени меньшевиков-интернационалистов Мартов и покинул зал заседаний. И в довершение всего «левые» из левых социалисты-революционеры во главе с Камковым заявили, что они де после ухода «части Съезда» могут остаться лишь с информационными целями. Наступила, казалось, для пролетариата трагедия одиночества. И если бы в эту минуту дрогнули части, наступавшие на Зимний, дело революции понесло бы огромный урон. Но наступавшие на дворец люди меньше всего склонны были поддаваться упадочным настроениям правой части съезда. Чудновский шел во главе этих частей, он ворвался вместе с ними в числе первых в здание дворца, носясь как демон по царским чертогам, обезоруживая юнкеров и отыскивая спрятавшихся в задние комнаты дворца министров. И здесь опять нравственный облик Чудновского вырисовывается со всей яркостью. Когда толпы атаковавших отыскивали помещение, где сидели бледные, растерянные министры, гнев рабочей и сол-

датской массы был таков, что она готова была растерзать на части Пальчинского, Терещенко и др. И только заступничество Чудновского спасло побежденных министров от верной смерти.

Впоследствии т. Чудновский с большим юмором рассказывал о сцене сдачи министров Керенского на волю победителей. Особенно юмористической, но его повествованию, рисовалась фигура Пальчинского, руководившего обороной Зимнего дворца. Для «истории» г. Пальчинский призывал юнкеров и министров «умереть, но не сдаться», но господа министры меньше всего хотели умирать, в прозаическом обиходе самого процесса сдачи обезоруживаемый Чудновским г. Пальчинский, сдавая револьвер, незаметно жал ему руку в благодарность за дарованную жизнь.

Октябрьская трагедия не кончилась взятием Зимнего дворца. Керенский попытался поднять на Красный Петроград царских казаков и ген. Краснова. Дальше этого позора «революционной демократии» идти было некуда. Но рабочим, матросам и революционным солдатам эта попытка обезумевшего авантюриста стоила чрезвычайно дорого. На другой день после Октябрьской революции создан первый фронт против власти Советов. И на этом первом фронте мы видим опять Чудновского. Он угас в эти октябрьские дни, не агитировал, он дрался, командовал, вел части в бой, увлекая их личным примером. Григорий Исаакович, военный стаж которого исчерпывался тремя месяцами военной службы в маршевой роте, проявил себя как неустрашимый командир, заражающий своим революционным подъемом массу. У Царского Села он об'езжает на автомобиле линию боя с покойной ныне Слуцкой. На одном участке фронта он сходит с автомобиля, чтобы принять личное участие в бою и в то же мгновение пролетевший снаряд сносит голову сидящей на расстоянии одного аршина от Чудновского Вере Слуцкой.

Два дня и две ночи, не смыкая глаз, Чудновский проводит на передовых позициях. Он ранен в руку с раздроблением кости, но он не оставляет поля боя, до тех пор пока, обессиленный кровоизлиянием, не теряет сознания и не уносится на руках матросами.

Из под Гатчины, из под Царского Чудновский вернулся, как победитель. История приписывает руководство боями у Гатчины и Царского Муравьеву. Пусть опросят всех очевидцев и участников боев в эти дни, когда меньше всего значило штабное руководство, где в стихии борьбы революции с контр-революцией важнее всего было непосредственное участие в бою, инициатива на месте и все скажут вам, что огромнейшая доля в одержании победы у Царского принадлежит т. Чудновскому. Если бы т. Чудновский жил, мы имели бы в его лице одного из наших лучших военачальников. Увы! смерть слишком рано вырвала его из наших рядов.

После Октябрьского переворота т. Чудновский делегируется партией на съезд Юго-Западного фронта. Здесь с ныне здравствующим в Сибири т. Лашевичем он проводит огромную работу по популяризации завоеваний

Октябрьской революции среди солдатской массы, разоблачает перед лицом ее жалкую предательскую роль сторонников «революционной демократии». Его выступления на Съезде пользуются колоссальным успехом среди участников Съезда. Его качают, ему верят как вождю, которого выдвинула его боевая деятельность и могучий революционный темперамент. Вскоре после этого начинается кровавая борьба между советскими войсками и войсками Центральной Рады. Т. Чудновского украинские шовинисты захватывают и бросают в крепость «Косой Капонир» на Печерске. Здесь он каждую минуту ждет расстрела, но победа наших войск освобождает его. После этого начинается полоса борьбы самой жестокой, самой упорной за торжество Советской власти. Центральная Рада и правительство Голубовича заключают Брест-Литовский договор и призывают войска Вильгельма на подавление «большевизма».

Пядь за пядью борется Чудновский за каждый город, отступая со своими партизанами, уже деморализованными в достаточной степени гражданской войной. С трудом удается удержать дисциплину среди частей, предпочитающих эшелонный метод войны. Но Чудновский беспощаден. Он строг к себе, но и строг к другим. Грабежи и насилия он карает твердой рукой и среди массы отступающих не находится ни одного голоса ропота или протеста. В бою около Полтавы он задерживает с горстью храбрецов прекрасно обмундированную и снабженную, хорошо дисциплинированную немецкую армию. Он теряет позицию, ранен в обе ноги и, окруженный со всех сторон петлюровцами предпочитает застрелиться, но не сдаться врагу.

Где могила Чудновского никто не знает, или, вернее сказать, знают все. Его могила—распятая германским империализмом и осатаневшей петлюровщиной Украина, ее политые кровью—многострадальные села и поля, ее города, где каждый камень вопиет о мести за невинно-убиенных. И когда теперь мы присутствуем при торжестве Советской власти на Украине, рабоче-крестьянская Украина не забудет никогда своего героя, положившего душу свою за ее освобождение.

Д. МАҢУИЛЬСКИЙ.

ОТДЕЛ IV

ВОКРУГ ИСПАРТА

Циркуляры и письма.

Всем Губкомам КПУ.

Уважаемые товарищи,

Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и коммунистической партии (большевиков) Украины перешла в ведение ЦККПУ, как особый отдел.

Придавая сугубо серьезное значение собиранию, хранению и обработке материалов по истории Октябрьской революции (которая отнюдь не исчерпывается датой 25 октября—8 ноября) и коммунистической партии большевиков Украины, вообще всестороннему изучению этих крупных явлений социального порядка, ЦККПУ вменяет в обязанность всем Губкомам немедленно приступить к организации губернских бюро Истпарта, выделив для этого необходимые силы на следующих основаниях:

- 1) Бюро Истпарта является отделом местного комитета.
- 2) Для ближайшего руководства работой и оживления дела учреждаются местные коллегии из числа испытанных товарищей, желающих и могущих оказывать постоянную поддержку работе Истпарта.
- 3) В состав коллегии должен входить один из членов Губкома.
- 4) Члены коллегии никакого содержания за работу в ней не получают, если не занимают штатного места в бюро.
- 5) Члены коллегии утверждаются Губкомам с уведомлением Истпарта ЦК.
- 6) Местное бюро работает под руководством Истпарта и сносится с ним непосредственно.

На местное бюро Истпарта возлагается обязанность собирания и хранения материалов по истории Октябрьской революции и коммунистической партии Украины в данном районе, а также изучения, систематизирования и обработки этих материалов в тесном контакте с Истпартом и по его указаниям и заданиям.

В частности бюро выполняет следующее:

- 1) Разыскивание, приведение в известность местных жандармских и прочих губернских и уездных архивов, наблюдение за их полной сохранностью и составление описи. Для этой цели необходимо установить тесную связь с Губархивами, по возможности войти в состав этих учреждений и принять непосредственное участие в их работе.

- 2) Разыскивание, собирание и систематизирование в хронологическом порядке материалов (легальных и нелегальных, печатных, рукописных и гектографированных) по истории местного рабочего движения, крестьянских восстаний, местных парторганизаций и Октябрьского переворота в данной местности, составление подробной библиографии этих материалов.

3) Собрание и обработка материалов по характеристике настроения—быта рабочих и крестьян, которые служили ближайшей причиной революционному движению в тот или иной час.

Примечание: Собранные материалы могут быть переданы в местные Губархивы (если есть гарантия сохранности их там), оставлены в бюро или пересланы в центр по соглашению с последними.

4) Приведение в порядок архивов местных и партийных организаций (губернских и уездных), составление их описи, установление правильного и единообразного порядка собрания и хранения материалов о текущей жизни этих организаций, годовых отчетов организаций, протоколов и печатных отчетов о местных съездах и конференциях, протоколов заседаний комитетов, анкетных листов членов партии, материалов о перерегистрации и т. д.

5) Разыскивание (по анкетам и иными путями) и регистрация старых партийных работников, настойчивое приглашение их к поставлению материалов, записывание в случае надобности мемуаров с их слов.

Примечание: Этот последний способ особенно рекомендуется применять к старым партийным рабочим. При заполнении мемуаров самим автором, членами бюро мемуары должны быть просмотрены и, в случае существенных пробелов, дополнены путем опросов авторов.

6) Собрание материалов о жизни и партийной деятельности умерших членов местных организаций и участников местного рабочего движения путем розыска и опросов их родственников и знакомых, приобретение или воспроизведение их фотографий, записок, переписки и т. п.

7) Выполнение срочных заданий Истпарта.

За Секретаря ЦККПУ КОССИОР.

Секретарь Истпарта М. ИВАНОВ.

Циркулярно.

Всем губернским бюро Истпарта.

Для информации и обслуживания задач Истпарта предлагается принять к руководству следующую инструкцию:

1) Все бюро должны дать о себе сведения в Истпарт путем заполнения анкеты, помещенной ниже.

2) Бюро присылает в Истпарт ежемесячно краткие отчеты о своей деятельности с приложением копий протоколов своих заседаний.

3) Наряду с отчетами от каждого бюро желательно получение нижеследующих сведений или материалов:

а) Какие литературные и архивные материалы имеются у бюро на предмет использования их в издательской деятельности бюро или Истпарта.

б) Какие литературно-издательские задания бюро выполнены, выполняются или в качестве задуманных подлежат выполнению.

в) Какими полиграфическими ресурсами бюро располагает.

г) Какие литературные силы (с перечислением их персонально) могут быть использованы для литературно-издательской цели бюро или Истпарта в целом.

4) Те или иные рукописи, документы и материалы, признанные по соглашению Истпарта с бюро, как более пригодные для литературно-издательской деятельности Истпарта, присылаются для распоряжения последнего (и обратно, материалы, нужные для работ бюро, направляются Истпартом в бюро).

5) Бюро или отдельные его члены и сотрудники должны взять на себя заботу постоянного снабжения редакции Истпартовского журнала статьями, корреспонденциями и т. п. литературным материалом, освещающим работу бюро.

6) Предметы для музеев и выставок, нужные для Истпартовских начинаний этого рода и мало пригодные для использования на местах, направляются бюро в Истпарт.

7) Для связи с Истпартом рекомендуется пользоваться всякими оказиями, не полагаясь исключительно на почтовые сношения. При чем желательно, чтобы всякий раз, когда то или иное лицо по поручению бюро (или с поручением такового) приезжает в Харьков, обязательно посещало Истпарт для дачи сведений о бюро.

8) Все издания бюро в 2-х экземплярах пересылаются в Истпарт.

Анкета для бюро Истпарта.

1. Название бюро
2. Время возникновения
3. Конструкция и личный состав (с поименным перечислением ответственных сотрудников).
4. Какие материалы имеются в поле зрения бюро (род материалов, по возможности с перечислением отдельных видов по типу, периодам и т. п.)
 - а) по революционному движению и партийной работе до революции 17-го года.
 - б) периода февральской революции (по отдельным моментам—советский период, петлюровщина, гетманновщина, снова советский период).
5. Какие из этих материалов собраны и приведены в порядок.
6. Какая ударная задача предстоит у бюро по собиранию материалов.
7. Что издано или подготовлено к печати бюро:
 - а) по истории партии,
 - б) по истории Октябрьской революции,
 - в) прочие издания.
8. Что предполагается издать.
9. Какая ударная задача литературно-издательской деятельности бюро.
10. Имеются ли у бюро какие либо другие начинания (музеи, выставки, клуб, вечера, воспоминания и т. п.).
11. Обслуживает ли бюро какие нибудь другие учреждения (агитотдел, политпросвет и т. п.) по специальным заданиям и какие именно.
12. Какими материалами, литературными силами и чем вообще бюро могло бы обслуживать непосредственно интересы Истпарта: по издательству, по концентрации ценного архивного материала, по обогащению Истпартовского музея революции и т. д.

13. В чем бюро полагает центр тяжести своей работы на протяжении ближайшего и отдаленного будущего времени.

14. Прочие сведения о работе и условиях работы бюро.

По мере развития работ, аналогичные сведения бюро должны представлять в Истпарт каждый месяц.

Секретарь ЦККПУ Д. ЛЕБЕДЬ.

Секретарь Истпарта М. ИВАНОВ.

Харьков.

12 апреля 1922 г.

Циркулярное письмо.

Всем Губкомам и Губбюро Истпарта.

Несмотря на издание циркуляра Истпарта, напечатанного в „Коммунисте“ от 28 марта и 14 апреля с. г. об организации и задачах Губбюро Истпарта,—на местах в этом направлении сделано мало. До сих пор еще не везде созданы указанные бюро, а кое-где созданные бюро обращены Губкомами в справочные отделы. Местами попрежнему продолжает встречаться явление никем не сдерживаемого уничтожения архивных материалов. Считая абсолютно ненормальным такое положение вещей в области одной из важнейших культурных работ коммунистической партии, имеющей огромное значение не только для нас, современников, но и для идущих на смену нам новых поколений, предлагается всем Губкомам, в порядке строгой партдисциплины, приступить к немедленному созданию бюро, где таковых еще нет и дать им полную возможность выполнить непосредственную работу. В состав бюро и коллегии бюро вводить, кроме старых партийцев, вообще товарищей, интересующихся Истпартовской работой и могущих внести в эту область оживление и инициативу.

Губбюро Истпарта предлагается:

1. Собрать материалы периода первой советской власти.
2. Все собранные и могущие быть собранными материалы, касающиеся подпольных периодов: а) 1917 год—время ЦР, б) 1918 год—время гетмановщины и петлюровщины и в) 1919 г.—деникинщины,—имеющие не только местное значение, а также и те, кои не могут быть на месте использованы, должны быть пересланы в центр.
3. Собрать весь материал, касающийся персонального состава Укомов, Губкомов, Ревкомов всех периодов, после 1917 г., по возможности с фотографическими снимками, как отдельных членов, так и полного состава их, и хотя бы в копиях обязательно направлять в центр.
4. Во всем остальном развертывать работу, руководствуясь указанными циркулярами.
5. О предпринятых шагах в ближайшее же время поставить Истпарт в известность под ответственностью секретарей Губкомов.

№ 260 з1/у 22 г.

Секретарь ЦККПУ ЛЕБЕДЬ.

Секретарь Истпарта М. ИВАНОВ.

Хроника бюро Истпарта.

Екатеринославское бюро.

Формально бюро возникло в январе месяце 1921 года, но функционировать начало с апреля того-же года. За все это время работа была направлена, главным образом, в сторону создания историко-революционного архива, собрание материалов, разборка, разработка их (подготовка их к печати) и организация выставки. Основным фондом для архива послужили остатки архивов быв. жандармского и охранного отделений. Этот фонд увеличивался печатными произведениями за счет поступлений из распределителей Всеиздата, Губнаробраза, библиотеки Губкома и частью приобретением у букинистов (книгами, брошюрами, газетами). Художественный материал (плакаты, фотографич. снимки, карточки и фильмы) выделен из дел жандармского и охранного отделений, а частью приобретен в Москве.

Год работы в этом направлении дал весьма ощутительные результаты. В архиве в настоящее время имеется следующее, приведенное в порядок: печатных произведений 4239 номеров, архивных дел 5352, прокламаций 3193, карточек 1514, плакатов 150, фильм 3.

Из печатных произведений следует отметить редкую книгу (на французском языке) Лефевра, написанную под диктовку марганатической супруги Александра 2-го княгини Юрьевской о последних днях его жизни.

В отделе архивных материалов имеется много интересных дел по ликвидации и выслеживанию революционных организаций всех оттенков, главным образом, Р. С.-Д. Р. П. и С.-Р., дополняемых огромной коллекцией прокламаций всех партий, начиная с 1899 г.

Среди портретов революционных деятелей, начиная с «бунтарей» и кончая большевиками, имеются экземпляры, представляющие библиографическую редкость, как напр., портреты Плеханова, Луначарского, Каляева в молодости.

Из кинематографических лент большой интерес представляет контрреволюционная драма «Голгофа женщины».

Заслуживает быть отмеченной так-же имеющаяся подпольная типография Губкома (1919 г.).

Но несмотря на такое, казалось-бы, обилие материалов, бюро констатирует тот грустный факт, что материала по истории Октябрьской революции и коммунистической партии имеется чрезвычайно мало, что объясняется отчасти молодостью организации, а главным образом ее слишком частыми эвакуациями, во время которых погибло немало ценных материалов. К заполнению этого пробела бюро предпринимает целый ряд мер. На первых порах бюро намерено приступить: 1) к извлечению уже имеющихся в музее материалов, 2) к обозрению всех книгохранилищ и книжных складов Екатеринославского отделения Всеиздата и Губнаробраза, 3) к приобретению

печатного и архивного материала (политических дел быв. адвокатов) на вольном рынке и у частных лиц, 4) к изданию обязательного постановления о сдаче Советскими учреждениями в бюро имеющихся у них газет, журналов, листовок, брошюр, а также рукописных и других материалов по истории КПУ и советского строительства и ком'ячеек данного учреждения, 5) к предложению, обращенному к секретарям Губкома и Укомов, к секретарям и идейным руководителям ком'ячеек о заполнении ими анкет. Кроме того, в целях обеспечения в дальнейшем притоком материалов, бюро намерено предложить Советским и партийным учреждениям доставлять в бюро регулярно копии со всех бумаг, имеющих историческое значение.

Кроме приведения материалов в порядок, ведется и разработка их, которая лежит на обязанности секретаря. В настоящее время имеется до 40 статей, часть которых извлечена из периодических изданий.

Для обозрения историко-революционных материалов при бюро создана постоянная выставка-музей, на которой фигурирует 255 номеров печатных материалов, 154 прокламации, 17 архивных дел и 421 фотогр. карточка.

Если принять во внимание, что штат бюро Истпарта сводится к секретарю, инструктору и библиотекарю, то работу бюро надо признать в высшей степени успешной.

Киевское бюро.

Бюро возникло в январе текущего года. И благодаря целому ряду неблагоприятных обстоятельств, как напр. отсутствие литературных работников, недополучение сотрудниками Губархива жалованья за 9 месяцев, перегруженность работой членов бюро и др., до сих пор не имело возможности развернуть работы. Приведены в порядок материалы архива жандармского управления и часть газетного материала. В поле зрения бюро имеются следующие материалы: архивы охранки и военно-судебной палаты, газетный материал, материалы периода петлюровщины, гетмановщины и т. д., газетный и печатный материал легальных изданий 2-го советского периода (за первый период сов. власти почти материалов нет), архив Губкома (чистка не полностью). Ударной задачей бюро является собирание материалов с 1917 г.

По издательской линии предполагается выпустить сборник статей по истории революции с 1917 года, библиографическ. оценка выставки, сборник некрологов.

Харьковское бюро.

Бюро возникло в феврале текущего года. За отсутствием работников (в бюро имеется только один постоянный сотрудник) работа находится в зачаточном состоянии. На очереди стоит пока лишь разборка архива Губкома, которая по силам производится. Из области благих пока намерений следует отметить постановление об издании списка провокаторов, ряда статей, посвященных октябрьским событиям и памяти погибших товарищей. Для освещения революц. событий решено пользоваться журналом Губкома «Партработник», где отводится особая страница.

Евгений Эдельштейн.

(Воспоминания о его жизни и работе).

Одним из активных работников партии большевиков на Украине, связанных с ней еще в дореволюционном подполье, был убитый в бою с бандитами в 1919 году тов. Евгений Эдельштейн (Филиппов).

Будучи связан с Евгением еще в дореволюционные годы и в последующей работе в течение нескольких лет, я постараюсь здесь дать о нем некоторые, биографического характера, сведения и оттенить наиболее характерные и яркие черты его личности и моменты работы.

Евгений родом из Литвы (г. Тельши, Ковенской губ.), сын врача, из интеллигентной еврейской семьи, с религиозно-национальными традициями. Отец—сионист. О нем Евгений отзывался с большой любовью. Учился Евгений в Риге в гимназии, живя это время у своего дяди по матери—рижского врача, довольно активного местного кадета-общественника.

Евгений отличался большими способностями. В домашней обстановке он изучил (чтением) древне-еврейский язык. В гимназический период он, идя одним из первых учеников, окончил с золотой медалью, принимал активное участие в научно-литературных и пр. (правда, не революционных) кружках, бывших в старой немецкой гимназии.

Осенью 1915 года он переезжает в г. Киев и поступает на медицинский факультет Киевского университета. В Киеве ему удается скоро сблизиться с революционно-настроенной молодежью—студентами, курсистками и пр.

Он начинает принимать активное участие в работе создающихся кружков. Сразу берется за чтение рефератов (помню, по национальным вопросам и др.). Кружок или кружки не были определенного или однородного партийного состава, но имели характер интернационалистический (по вопросу отношения к войне). Там же связывается с некоторыми старыми киевскими рабочими-большевиками (Ида, Маня Иткина и др.), уцелевшими после сентябрьского провала (Ластовского, Ис. Крейсберга). Скоро он берется рьяно за пропагандистскую работу. Он руководит двумя—тремя большевистскими кружками (портными, главным образом), работает также в союзе «иглы» (портных). Скоро восстанавливается в Киеве профсоюз кожевников, в котором сразу устанавливается влияние и руководство большевиков (в то время там работают—Абрамов, Адашев, Сивдов и нек. др.). При союзе создается культпросветкомиссия, в которой, под ее прикрытием, развивает свою работу группа учащейся молодежи (наиболее револ., интер., жаждущих работы),—большинство большевики, были с.-р., с.-д., интернац., но однородной тактики по вопросам момента—отношение к войне и пр.

(входили в нее С. Урин, Ев. Эдельштейн, Н. Тарногородский, Ида Гинсбург, Вера Ревзина и др.). Работа начала развиваться, выходя за рамки союза кожевников (на собраниях, иногда довольно широких—30-60 человек, присутствовали швейники, металлисты и др.,—помню 8-го марта). Союз кожевников сделался центром большевистской работы в пролетарских массах Киева.

Одним из самых активных участников этой работы—был Ев. Эдельштейн. В то-же время Евгений не порывал участия и в студенческой общественно-политической жизни, как академического характера (президиум, совет старост, экономическое общество), так и в различных кружках, вместе с другими товарищами, отстаивая революционные традиции (Ев. Эдельштейн, С. Урин, Н. Тарногородский, А. Жук, Шредер, Ожерельев и др.). В Киеве в это время остались только Мед. фак., Женмед. и Политехникум.

В начале 1916 года с трудом удалось восстановить студенческую социал-демократическую фракцию, привлекая и старых большевиков, в то время несколько отошедших. Во фракцию вошли—С. Урин, Н. Тарногородский, Ев. Эдельштейн, А. Ожерельев, А. Жук, Склянский и два других товарища, фамилии которых забыл. Фракция начала работу к годовщине ленских событий (был выпущен листок) фракция руководила проведением этой годовщины в студенческой среде (сходки и пр.).

По ее инициативе был восстановлен Коалиционный Совет Об'един. Революционного Студенчества г. Киева (было два заседания, был выпущен листок к ленской годовщине). В Коалиционный Совет входили—пред. с.-д. фракции, Н. Тарногородский, Сов. Ст. Мед. фак. Хорава, Женмед.—не помню; Армян-Дашнак—Назарьянц; Груз. соц. фед. Дедебумдзе, оказавшийся провокатором.

Нужно знать, что в Киеве в это время была крайне неудобная обстановка для работы. После сентябрьского провала в Киеве, большевистской организации и комитета не было, связей с центром также не было. Из старых Киевских большевиков остались—Маиоров (скоро уехал), Ида и Маня Идкины и несколько др. Интеллигентско-пропагандистских большевистских сил совсем не было. Старые киевские социал-демократы-ликвидаторы Балабанов, Дреллинг, Наумов и др. и ихняя молодежь—Филипп Вайнцвайнг, Маршаки, Гершевич, Гершкович и нек. друг.—работы в пролетарских массах не вели (если не считать преподавания в рабочей школе). Группировались около «Киевской Мысли», ограничиваясь работой в Красном Кресте, Детской Лиге, устраивая изредка рефераты-доклады в закрытых и недоступных для рабочей массы собраниях—для избранных—по вопросам войны, дороговизны и пр.; участвовали в провед. кооперат. комит. («Жизнь»—март 1916 г.) работали в Бирже Труда, в Военно-Пром. ком. Они имели некоторое влияние в союзе печатников, где сидели в правлении Доротов и Незлобин.

Эта ликвидаторская студенческая молодежь в революционной студенческой работе участия не принимала.

В союзе Иглы, кроме большевиков, вели работу бундовцы, которые имели в Киеве организацию, и нек. ев. соц.-сион.

Союз кожевников был большевистский—или анархо-синдикалистский, как его называли «ликвидаторы».

Были наши связи и у печатников, где работали Полищук (секретарь), Роза Лучанская, Согловский, заглядывал и Тарногородский. Мы, и Евгений в том числе, принимали участие и в проведении кооперативной кампании, отстаивая свою линию, стараясь проникнуть всюду, в рабочую массу.

Беда наша была в том, что у большевиков не было интеллигентско-пропагандистских сил—этим и объясняется, что мне и Евгению Эдельштейну, молодым большевикам, пришлось сразу быть чуть ли не единственными работниками этого рода: в то время, правда, короткое, работали в кружках и пр.

Евгений с неослабляемой энергией взялся за эту работу, не порывая по возможности, и революционной работы в студенческой массе.

В начале апреля Евгений, Н. Тарногородский и еще один товарищ были командированы студенческой организацией с протестом в... с.-д. и труд-фракцию Гос. Думы. Мы воспользовались этой поездкой для восстановления связей с Москвой и Петроградом, получения информации и литературы—это отчасти удалось (получили информации, нек. литературу (Женевский) «Соц.-Дем.», брошюры Ц. К. партии о войне и ряд др.).

По возвращении была устроена большая массовка в Голосеевском лесу. Решили 1-е мая в Киеве в 1916 году отметить—провести агиткампанию, выпустить листовки и пр. Кампания началась по союзам и кружкам. Евгений принял участие в союзе Иглы и пр. Листовка (1 мая и война) была составлена Евгением (главным образом) и мною и принята совещанием представителей фракции кожевников—Сивцов, фракции Иглы—Доро, студ. фракции—Н. Тарногородский. Листовка была подписана «Рабоч. с.-д. группа г. Киева». Решено было через неделю созвать совещание этих трех большевистских групп для официального создания партийной организации и составления Киевского Комитета. Но 28-го апреля в Киеве были произведены массовые аресты, правда, совсем почти не коснувшиеся рабочих (был арестован только Абрамов). Были арестованы Тарногородский (за печатанием листовки), Евгений Эдельштейн, С. Урин, А. Жук и ряд других.

Так Евгений попал в Лукьяновскую тюрьму, где он просидел до февральской революции (3/III—1917 г.).

В тюрьме Евгений быстро освоился. Здесь проявился его характер—отсутствие уныния, жизнерадостность, умение сойтись с людьми и стойкость. Он довольно много читал. Он умел поставить себя правильно и по товарищески по отношению в другим—помогал им, делился по товарищески и пр. Сидел он сначала—вдвоем, втроем и, наконец, впятером. Он с группой четырех товарищей был привлечен по 102 ст. 1 час. за принадлежность к Р.С.Д.Р.П. (большевиков). Получил уже Обвин. Акт и не досидел до суда 2-х недель (Военно-Окружной Суд.).

По выходе из тюрьмы, Евгений сразу окунается в революционную работу, как активнейший большевик—агитатор-пропагандист. Почти весь период до Октябрьской революции он работает в Киеве. В первые дни февральской революции он принимает участие в выборной кампании в Киевский Совет, даже раз'езжает по селам Киевской губернии. Но главную работу проводит

в рабочих массах и Киевском гарнизоне. Особенно популярен он был в солдатских массах. Все время он был членом Киевского комитета партии, руководил также одним из районов—Новостроенским. Большую энергию он проявил в июльские тяжелые дни для большевиков в Киеве и в корниловские дни, когда он без ведома паркома вздумал покончить с Шульгиным, как вдохновителем монархическо-черносотенной клики.

Незадолго до октября он уходит на военную службу в один из полков, стоящих в Чернигове, где вместе в Вит. Примаковым, Нехамкиным и др. продолжает большевистскую работу.

В дни октябрьских боев он временно возвращается в Киев и принимает участие в нашей борьбе. Позже, перед январскими днями 18 г. в Киеве, он, по поручению Киевского комитета партии вместе с несколькими другими товарищами—Яном Гамарине, В. Логиновым (Павел), Ивановым Андреем, отправляется в важный район расположения гвардейских частей (II-ой корпус), для работы и руководства их наступлением из Жмеринки, через Винницу, на помощь рабочим Киева. Вместе с Кексгольм. и Литовским Гвардейскими полками он, один из первых, занимает с боем Винницу. На первом заседании Винницкого Горсовета он избирается председателем.

С именем и работой Евгения Эдельштейна связан первый период настоящей Советской власти на Подолии—в Виннице вернее. За недолгие 1—1½ месяца было начато налаживание хозяйственно-финансовой жизни, раскулачивание буржуазии, организация Красной Гвардии, попытка созвать Губс'езд Советов. С наступлением немцев, Евгений вместе с Винницким отрядом совершает путь до Полтавы по Полтавской и Харьковской губерниям, участвует во всех боях, являясь фактическим руководителем Винницкого отряда.

При оставлении Украины он через Донбасс (Луганск) выезжает в Москву.

С одной из первых групп (А. Снегова), он по поручению Оргбюро К. П. У., в конце апреля—мая 1918 года направляется на подпольную работу на Украину—сначала в Киев, где является одним из лидеров большевистской фракции на с'езде профсоюзов (под фамилией Филиппова). Потом в Екатеринославе, откуда избирается делегатом на 1-й (учред.) с'езд К. П. У. (июль 1918 года). На с'езде он примыкает к группе «левых» (Пятаков, Бубнов и др.).

После с'езда он опять возвращается в Киевскую область—раз'езжает—Киев, Киевская губ., Чернигов,—Нежин—Конотоп (Штаб Крапивянского).

Вследствие провала подольской организации и провокации, он арестовывается австрийцами и увозится на Подолию, где сидит месяца 2 в Жмеринской Военной тюрьме. Незадолго до австрийской революции его удается «выкупить» и отправить при содействии Сов. Консульства в Москву.

В Сов. России он вскоре уходит на работу в Красную Армию—на Юго-восточный фронт. Он работает комиссаром одной из бригад (участ. в районе Кизляра), совершает вместе с нашими частями тяжелейший переход—отступление по Прикаспийским степям, где заболевает сыпняком.

В апреле 1919 года, уже при Советской власти, он вновь появляется на Украине—в Киеве.

К началу мая он, по назначению Ц. К. К. П. У., приезжает для работы в Винницу и сразу входит в водоворот жизни и работы, разделяя с небольшой группой товарищей, всю тяжесть работы и руководства. На первой легальной партийной конференции (3-я Губпартконференция) он избирается в президиум и бюро Губпаркома.

Но недолго в этот раз ему удастся поработать. Скоро начинается бандитское движение на Подолии, и во время жесточайшего натиска банд Шепеля на г. Винницу (23 мая 1919 года), отражая нападение, на позиции при пулемете, Евгений погибает, убитый пулей наповал.

Вот краткий обзор, слишком краткой жизни и работы Евгения Эдельштейна.

Евгений обладал довольно большим запасом общих знаний (истории и пр.), а главное был способен легко ориентироваться даже в новом вопросе. Много ему здесь помогала уверенность—смелость и решимость, иногда он мог ошибаться, но у него это никогда не выливалось в «хлестаковщину».

По своему характеру он был натурой не узко-односторонней, а разносторонне-широкой интересовался вопросами искусства, литературы, древности и пр. и знал их.

Но это не мешало ему с энергией браться за практическую революционную работу.

По натуре он отличался горячностью и увлекался работой. Отличительным и глубоко ценным в нем было марксистско-философский подход к происходящим вокруг процессам и моментам самой работы,—это давало ему возможность уверенно и выдержанно проводить свою работу и давало руководящее направление всем его поступкам в жизни,—уныния в нем никогда не чувствовалось.

Евгений был очень чутким товарищем, умевшим подойти к каждому человеку—это чувствовалось и в тюрьме и в армии.

Особенно он выделялся и был ценен, как пропагандист—это подтверждали и подтверждали работники Киева из его кружков, его ученики из школы, (рабоч. 1915-16 г. г.)—все вышедшие на зло меньшевикам—большевиками и КСМУ.

И в кругу близко знавших его товарищей, и в среде киевских и винницких рабочих, и в солдатской массе 1917 г. и в Красной Армии 1918 г.—1919 г. о Евгении Эдельштейне остались действительно самые лучшие воспоминания, как о руководителе—работнике и близком товарище—революционере.

Условия жизни и работы не дали полностью развиваться его способностям, силам и энергии. Сравнивая личность Евгения со многими товарищами—нашим ответственными и ответственнейшими работниками—ясно и ярко чувствуешь потерю, понесенную нашей партией и пролетарской революцией в лице Евгения Эдельштейна,—действительно марксистски-сознательного и революционно-выдержанного большевика.

ПОЛОЖЕНИЕ

о комиссии при ВУЦИК-е по истории украинской революции и коммунистической партии.

В целях сохранения и изучения материалов, имеющих историко-революционную ценность, а также изучения опыта великой борьбы пролетариата Украины и его коммунистической партии, ВУЦИК постановляет:

1. Образовать при ВУЦИК-е постоянную «Комиссию по Истории Украинской революции и коммунистической партии (Истпарт).

2. Задачи Истпарта: изучение Пролетарской Революции на Украине, беря не только Октябрьско-ноябрьскую революцию и ее переходы, но и весь ход ее подготовившего массового революционного движения, и изучение истории коммунистической партии, как с момента ее возникновения на Украине, так и во всей предшествовавшей истории ее подготовивших революционных организаций в их преемственности и в их соотношениях со всем политическим и экономическим развитием.

3. Все архивные, музейные и пр. материалы, имеющие отношение к истории революции и компартии на Украине, в чем-бы они введены или распоряжении ни находились—поступают в полное и исключительное ведение и распоряжение Истпарта.

4. Все органы и организации, ведающие охраной или использованием архивных и музейных материалов (ВУКОПИС, Архивные комиссии, Комиссия использования архив. материалов и т. п.) в отношении этого исторического материала находятся в подчинении и действуют под руководством Истпарта.

5. Истпарту предоставляется право:

а) организовывать центральные и местные Архивы Революции и др. подобные учреждения;

Примечание: Занимаемые архивами и музеями помещения бронируются за этими учреждениями, изъеются из распоряжения Жилотделов и могут быть обращены для других нужд лишь с особого каждый раз согласия Истпарта.

б) производить во всех учреждениях и органах по своим постановлениям изъятия и выемки из всех дел и самые дела, поскольку Истпарт признает эти дела относящимися к истории революции и Компартии;

в) назначать Заведывающих и Комиссаров во все имеющиеся и организуемые архивы и музеи;

г) отдавать распоряжения по всем архивам и музеям, распределять и перемещать архивно-музейные материалы из одного местного архива или музея в другие и изымать частично или полностью материалы из местных архивов—музеев для центральных;

д) ставить задания по собиранию, разборке и разработке материалов как ВУКОПИС-у и его органам, так и другим учреждениям;

е) брать на учет, объявлять неприкосновенными и производить национализации тех или иных архивных, музейных и т. п. материалов;

ж) приобретать на Украине и за ее пределами у отдельных лиц и частных организаций архивные, музейные и т. п. материалы.

Примечание: 1. Стоимость приобретаемых архивных, музейных и т. п. материалов для таких покупок устанавливается Истпартом;

Примечание: 2. Расходы Истпарта Рабоче-Крестьянской Инспекцией проверяются лишь в порядке последующей ревизии.

з) организовывать свои местные органы, иметь своих полномочных представителей, постоянных или разъездных инструкторов и т. п.;

и) издавать обязательные постановления об охране, собирании, сдаче и т. п. архивных материалов, музейных и пр., имеющих отношение к истории революции и Компартии;

к) издавать журналы, сборники и печатные материалы.

6. Члены Истпарта назначаются Президиумом ВУЦИК-а, который также назначает Председателя, его Заместителя и Секретаря Истпарта, составляющих Бюро Истпарта.

7. Для согласования и объединения работы, Бюро Истпарта входит в состав президиума ВУКОПИС-а.

Принято ВУЦИК'ом 6 апреля 1921 года.

ПО КРАЙНЕЙ СПЕШНОСТИ ПЕЧАТАНИЯ КНИГИ, В НЕЕ
ВКРАЛИСЬ ОПЕЧАТКИ, ГЛАВНЕЙШИЕ ИЗ КОТОРЫХ
ПОМЕЩАЮТСЯ НИЖЕ.

Стран.	Строка	Напечатано	Должно быть
	9 10 св.	явились	явилась
10	22 св.	Вопрос же об окончательном решении вопроса	Окончательно же вопрос
11	4 св.	и требованием	и с требованием
<	7 св.	большинства не было	большинства у нас не было
<	15 св.	патрон	патронов
<	8 св.	стрелять нечем	стрелять было нечем
12	12 св.	встретил очень	встретил меня очень
<	23 св.	патрон	патронов
<	22 св.	вопрос освободить	вопрос об освобождении
<	21 св.	а начали	а тем временем начали
<	13 св.	трескотня, то все	трескотня, все
<	12 св.	крича „кровь,	крича: «Кровь,
13	1 св.	разрывающейся	разорвавшейся
<	7 св.	сообщил в Ревком	предложил Ревкому
<	16 св.	войск,	войска,
<	19 св.	они	она
<	23 св.	приказ о создании	приказ: создать
<	17 св.	сделать целиком	сделать это целиком
<	12 св.	даже был и	даже и
14	4 св.	мы	они
<	5 св.	защищаемся	защищаются
<	8 св.	вопрос стал	стал вопрос
<	15 св.	большевиками, и 25 декабря	большевиками (25 декабря
<	16 св.	увезен (Юрий	увезен, а
<	22 св.	выпустим, снимали	выпустим, мы снимали
<	12 св.	каких-либо	каких-нибудь
15	4 св.	подходящей	подходе
<	5 св.	было не слышно.	не было слышно.
16	13 св.	Австрии	Австралии
<	4 св.	политику	позицию
17	20 св.	успешная	успешней

Стран.	Страна	Напечатано	Должно быть
17	22 сн.	получили	получил
«	20 сн.	проточенный	ожесточенной
18	9 св.	отношению наступавшей	отношению к наступавшей
«	17 св.	коалиции	коалиции
19	9 св.	перед истинными	истинным
«	10 св.	хозяевами	хозяевам
«	16 св.	парадокс	пародию
«	4 сн.	малейшей	видимость
20	9 св.	вести	вести
«	1 сн.	война	волна
21	17 св.	оборончческий	оборонческий
«	19 св.	оборончческим	оборонческим
«	21 св.	В прочем	Впрочем,
24	8 св.	ловунг	опыт
26	16 св.	меньшевиков	большевиков
27	13 св.	признавать брестского мира	признать брестский мир
28	1 св.	является и	является чужой и
«	3 св.	заключить в объятия	заключить немцев в объятия
«	23 сн.	него	нее
«	6 сн.	купленная	купленное
29	3 св.	социал-соглашительских	социал-соглашательских
«	7 св.	решались	решалась
«	10 св.	вызвал	вызвали
«	2 сн.	что	чего
30	10 св.	и даже	даже и
«	11 св.	меньшевиками	меньшевицам
«	16 сн.	правления.	правлений.
35	5 св.	, которые	. Эти горела
«	9 св.	и агитации,	и для агитации
«	10 св.	рабочим о сущности	рабочим сущности
«	14 св.	нами	нас
«	17 сн.	организации,	организации (
«	16 сн.	провалом,	провалом)
«	15 сн.	железнодорожников, полу- чили	железнодорожников мы полу- чили
«	11 сн.	Рабочего	рабочего
36	1 св.	что	чего
«	4 св.	перенести	перезить
«	16 св.	ошибочности	ошибках
«	«	что,	так как,
«	18 св.	и агитационную борьбу неволью притупляли	неволью притупляли агита- ционную борьбу
«	18 сн.	уходящих рабочих	рабочих, уходящих
37	1 св.	За	Вслед за
«	19 св.	совете рабочих—исключи- тельно)	совете, исключительно рабочих)
40	5 св.	Долг	Долго
46	1 сн.	не желательный	нежелательный
47	2 св.	большевики нам заговари- вают	большевики заговаривают
«	6 св.	и, что Украинский	и Украинский
49	12 св.	наэлектризованная	наэлектризованная
50	3 св.	усилится эсеровщина	усилит эсеровщину

Стран.	Страна	Напечатано	Должно быть
50	3 св.	которых	которые
«	13 св.	выслать	с просьбой выслать
51	11 св.	этим же	таким образом
«	9 св.	три-четыре	трех-четырех
«	8 св.	работника	работников
52	17 св.	в этом городе	этот город
«	«	было	имел
«	21 св.	Хоречко	Хоречко
53	5 св.	пресвит	просвиту
«	9 св.	гудел... председательский	гудел председательский
«	7-6 св.	в прилегающих к городу рабочих массах соляных рудников	в рабочих массах прилегающих к городу соляных рудников
55	8 св.	близкий	ближайший
56	10 св.	и казаки	после чего казаки
«	1 св.	и придвинули	, придвинули
57	16 св.	кровь!»	кровь?»
58	10 св.	слышно было	слышен был
«	4 св.	была бы проведена	была проведена
59	5 св.	вадачу	вопрос
«	2 св.	в создавшемся	в положении, создавшемся
«	«	октябрьском	с октябрьским
59	1 св.	перевороте	переворотом
«	«	нему, в	нему. В
60	1 св.	меньшевика Гената на	на Петровском заводе меньше-
«	5 св.	петровском заводе,	вика Гената,
«	«	что	возражают ли
61	6 св.	рабочих перед фактом раз-	перед фактом разрушения ра-
«	«	рушения	бочих
«	20 св.	льнут не то	льнут: не то
«	12 св.	из-под этого	из этого
63	18 св.	солдатские	солдатский
«	18 св.	к архи-умеренно	и архи-умеренно
«	9 св.	результатом	причиной
64	1 св.	члена	членов
72	3 св.	сделала	сделавшая
«	5 св.	той картины,	та картина,
75	22 св.	отдал бы его	отдал его
77	4 св.	успехами	успехам
82	9 св.	гарнизона было	гарнизона мне было
83	1 св.	осуществляла	осуществлял
86	21 св.	Елизаветградскому	Елисаветградскому
91	17 св.	Предложенное Советом пред- ложение:	Предложение Совета:
92	5 св.	черносотенского	черносотенного
«	11 св.	штаба—было	штаба была:
94	9 св.	был бы в состоянии	был в состоянии
«	8 св.	нашли	находили
«	6 св.	Когана	Кагана
103	10 св.	Елизаветградский	Елисаветградский
«	17 св.	по партизански	по партизански
«	2 св.	отчет	ответ
105	11 св.	которое	котором

Стран.	Страна	Напечатано	Должно быть
107	15 св.	не откуда	неоткуда
«	8 св.	улице	улицах
«	4 св.	так же	также
111	18 св.	осторожно четки	осторожно чутки
112	2 св.	довольно игнорируемы	игнорируемы
129	7 св.	ждалось»	ждалось»
131	16 св.	губернии, поданный	губернии. Поданный
184	7-8 св.	как и все остальные политические организации	в отличие от всех остальных политических организаций»
«	9 св.	пользовались	пользовался
«	21 св.	Гамсинский	Гайсинский
«	23 св.	Гамсинским	Гайсинским
185	2 св.	которую	эту резолюцию
«	18 св.	она	наша группа
«	18 св.	посылали в	посылали их в
«	17 св.	развивалась	разрослась
«	15 св.	началась	начала
«	14 св.	вне стен организации	вне организации
«	11 св.	движением; должен	движением. Должен
186	13 св.	о чем	в чем
«	12 св.	Самые активные элементы группы	Самыми активными членами группы
«	11 св.	из рабочих и тов. Закса.	рабочие и тов. Закс
«	7 св.	сыграл	сыгравший
187	8 св.	ту массу,	настроение той массы,
188	16 св.	любвиобильные	любвеобильные
189	13 св.	двоились	разделялись
191	22 св.	которые	они,

Статья «Евгений Эдельштейн» на стр. 242 по заверстке ошибочно помещена в отделе «Хроника бюро Истпарта»; надлежало ее поместить после статьи «Памяти Г. И. Чудновского» в отделе «Герои революции».

